

ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СѢНОДѢ.

№ 41 | ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИБАВЛЕНІЯМИ. | № 41

Высочайшее повелѣніе.

Указъ Святѣйшему Правитель-
ствующему СѢноду.

Рожденіе Ея Высочества Княжны Ирины Александровны повелѣваемъ праздновать въ 3-й день іюля, а Тезоименитство въ 5-й день мая.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ
23 сентября 1895 г.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу СѢнодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго СѢнода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 30-й день сентября 1895 года, на награжденіе каѳедральнаго протоіерея Варшавскаго Свято-Троиц-

каго собора Климента Чеховича и настоятеля Варшавско-Вольской кладбищенской церкви, протоіерея Іоанна Корженевскаго, за 50-лѣтнюю отлично-усердную духовно-учебную и епархіальную ихъ службу, перваго—орденомъ *Св. Анны 1-й степени*, а послѣдняго—наперснымъ крестомъ съ драгоценными украшениями изъ Кабинета Его Императорскаго Величества.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу СѢнодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго СѢнода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 30-й день минувшаго сентября, на сопричисленіе за 50-лѣтнюю службу: протоіерея Богоявленской церкви города Серпухова Василя Розанова, заштатнаго протоіерея Покровской церкви села Великой Загоровки, Борзенскаго уѣзда, Стефана Матвѣенко и священниковъ церквей: села Великаго Врага, Арзамасскаго уѣзда, Василя Богословскаго, села Вечкусова, того же уѣзда, Василя Слободскаго, Ни-

колаевской села Окоемова, Рязанскаго уѣзда, Іакова Орлина и села Закобякина, Любимскаго уѣзда, Іоанна Владимірскаго къ ордену *Св. Владиміра 4-й степени* и священника Архистратиго-Михайловской церкви села Стреличева, Рѣчицкаго уѣзда, Симеона Загорскаго и діакона Покровской церкви мѣстечка Решетиловки, Полтавскаго уѣзда, Михаила Тарасевича къ ордену *Св. Анны 3-й степени*.

Высочайшій приказъ.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, отъ 3 октября 1895 г. за № 58:

Назначаются: экстраординарный профессоръ Московской духовной академіи, докторъ церковнаго права, статскій совѣтникъ Заозерскій—ординарнымъ профессоромъ и доцентъ той же академіи, магистръ богословія, надворный совѣтникъ Шостыинъ—экстраординарнымъ профессоромъ означенной академіи, оба съ 8-го августа; преподаватель Московской духовной семинаріи, магистръ богословія, надворный совѣтникъ Скворцовъ—инспекторомъ той же семинаріи, съ 13 сентября.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: инспекторъ Московской духовной семинаріи, магистръ богословія, статскій совѣтникъ Цвѣтковъ—съ 13 сентября, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности при своемъ.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

І. Отъ 27 сентября—4 октября 1895 года за № 2912, по Высочайшему повелѣнію о празднованіи дня рожденія и тезоименитства Ея Высочества Княжны Ирины Александровны.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 25 минувшаго сентября за № 5688, Именной Высочайшій указъ, состоявшійся въ 23 день того же мѣсяца, о празднованіи дня рожденія Ея Высочества Княжны Ирины Александровны въ 3-й день іюля, а тезоименитства въ 5-й день мая. Приказали: О Высочайшемъ повелѣніи Его Императорскаго Величества праздновать рожденіе Ея Высочества Княжны Ирины Александровны въ 3-й день іюля, а тезоименитство въ 5-й день мая увѣдомить все подвѣдомственные Святѣйшему Синоду мѣста и лица печатными указами, съ провожденіемъ при оныхъ составленнаго въ Святѣйшемъ Синодѣ дополненія къ табели высокотоужественныхъ и викторіальныхъ дней.

ДОПОЛНЕНІЕ А

къ табели высокотоужественныхъ и викторіальныхъ дней, напечатанной по опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ 1895—1896 году.
Іюліа г. Рожденіе Ея Высочества, Княжны Ирины Александровны.

**Мѣсяцъ. Тезоименитство вѣдъ бы-
сочества, Важныя Ир-
ны Александровны.**

**Опредѣленіями Святѣйшаго
Синода:**

II. Отъ 27 сентября—4 октября 1895 года за № 2920, протоіерей Рязанскаго Казанскаго женскаго монастыря Димитрій Правдинъ уволенъ, согласно прошенію, по болѣзни отъ должности члена Рязанской духовной консисторіи, а на эту должность назначенъ настоятель соборной Вознесенской г. Касимова церкви протоіерей Сергій Чучкинъ.

III. Отъ 27 сентября—4 октября 1895 года за № 2921, протоіерей Казанской г. Нижняго Новгорода церкви Александръ Сахаровскій уволенъ, вслѣдствіе просьбы его, отъ должности сверхштатнаго члена Нижегородской духовной консисторіи, а на сію должность назначенъ священникъ Нижегородскаго кафедральнаго собора Михаилъ Добровольскій.

IV. Отъ 27 сентября—4 октября 1895 года за № 2922, состоящій въ числѣ братства ставропигіальнаго Московскаго Новоспасскаго монастыря архимандритъ Геннадій опредѣленъ настоятелемъ Бекреневскаго Николаевскаго общежительнаго монастыря, Донской епархіи.

V. Отъ 4 октября 1895 года за № 2996, преподаватель Владикавказскаго духовнаго училища іеромонахъ Гавріиль перемѣщенъ на должность преподавателя гомилетики, литургики и практическаго руководства для пастырей въ Александровскую миссіонерскую духовную семинарію въ с. Ардонѣ.

VI. Отъ 6 октября 1895 года за № 3046, окончившій въ минувшемъ учебномъ году курсъ ученія въ С.-Петербургской духовной академіи священникъ Владиміръ Поповъ назначенъ учителемъ Саратовскаго духовнаго училища.

VII. Отъ 6 октября 1895 года за № 3045, преподаватель греческаго языка въ Костромскомъ духовномъ училищѣ іеромонахъ Анатолій перемѣщенъ на кафедру латинскаго языка въ Костромскую духовную семинарію.

VIII. Отъ 27 сентября—4 октября 1895 года за № 2913, на должность Черниговскаго епархіальнаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты назначенъ помощникъ инспектора С.-Петербургской духовной семинаріи, кандидатъ богословія, священникъ Антоній Миловидовъ, съ увольненіемъ его отъ занимаемой имъ должности и съ причисленіемъ къ Черниговскому кафедральному собору сверхштата.

XI. Отъ 27 сентября—4 октября 1895 года за № 2916, кандидатъ бого-

словія Александръ Бѣляевъ назначенъ на должность Калужскаго епархіальнаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, съ причисленіемъ его, по рукоположеніи во священника, къ Калужскому каедральному собору сверхъ штата.

—

Х. Отъ 1—8-го сентября 1895 года № 2623, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, безъ грамоты, прихожанамъ Крестовоздвиженской церкви с. Волковецъ, Роменскаго уѣзда, Полтавской епархіи, и псаломщику церкви с. Хорощинка, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, Ивану Василевскому.

Указъ Правительствующаго Сената.

Указъ 2-го Департамента Правительствующаго Сената на имя Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 19 сентября 1895 г. за № 11752, по вопросу о правѣ сельскихъ обществъ открыть у себя, вмѣсто существующей земской школы, школу церковно-приходскую.

Обстоятельства этого дѣла слѣдующія: Николаевское и Кувькинское, Саратовской губерніи, сельскія общества въ 1890 г. составили приговоры, коими постановили: находящіяся въ ихъ селеніяхъ земскія школы закрыть и сборы на содержаніе ихъ и жалованье учителямъ прекратить, помѣщенія же школъ передать въ распоряженіе мѣстнаго священника для церковно-приходской школы, открытія въ нихъ духовно-нравственныхъ собесѣдованій, склада книгъ и пр. Приговоры эти мотивированы были, какъ затруднительностію для крестьянъ, въ виду не-

урожайныхъ лѣтъ, содержать дорогія земскія школы, такъ и—главнымъ образомъ—тѣмъ, что открытая мѣстнымъ священникомъ о. Р. церковно-приходская школа крестьянамъ ничего не стоитъ, да и по характеру обученія болѣе подходитъ къ требованію крестьянъ, чѣмъ земская, ибо въ церковно-приходской школѣ обученіе идетъ успѣшно, обращается преимущественное вниманіе на духовно-нравственную сторону воспитанія и учатъ по такимъ книгамъ, которыя соотвѣтствуютъ исконной наклонности русскаго челоуѣка ко всему церковному.—Приговоры эти Саратовское очередное земское собраніе препроводило на распоряженіе мѣстнаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Последнее, по провѣркѣ приговоровъ на мѣстѣ и по допросѣ должностныхъ лицъ крестьянскихъ обществъ, постановившихъ приговоры, признало оныя незаконными,—на томъ основаніи, что приговоры постановлены по предметамъ, вѣдѣнію сельскихъ сходовъ неподлежащимъ, и что, кромѣ того, они противорѣчатъ постановленію тѣхъ-же обществъ объ ассигнованіи суммъ на содержаніе именно земскихъ школъ. Вслѣдствіе этого, уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе подвергло крестьянъ-участниковъ схода денежному штрафу каждаго, а мѣстныхъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, допустившихъ составленіе незаконныхъ приговоровъ, приговорило къ аресту на 7 дней каждаго.—Это постановленіе уѣзднаго присутствія было утверждено, какъ правильное, и Саратовскимъ губернскимъ присутствіемъ. На такое рѣшеніе губернскаго присутствія сельскіе старосты П. и Г. принесли жалобы въ Правительствующій Сенатъ, ходатайствуя объ отмінѣ наложеннаго на нихъ взысканія. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла при участіи: Министра Народнаго Просвѣщенія, Оберъ-Прокурора Святѣй-

шаго Синода и товарища Министра Внутренних Дѣлъ, Правительствующей Сенатъ нашель, что предметъ онаго составляетъ жалоба бывшихъ сельскихъ старость дер. Кувьки П. и Г. на постановленіе Саратовскаго губернскаго присутствія, коимъ оставлена безъ послѣдствій жалоба просителей на опредѣленіе бывшаго Саратовскаго уѣзнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, объ арестованіи на 7 дней каждаго за составленіе Кувькинскимъ сельскимъ обществомъ приговора о прекращеніи общественнаго сбора на содержаніе начальнаго училища и объ открытіи, вмѣсто таковаго, церковно-приходской школы, причемъ просители въ жалобѣ своей Правительствующему Сенату объясняютъ, что ихъ общество постановило упомянутый выше приговоръ въ виду того, что церковно-приходская школа болѣе соотвѣтствуетъ ихъ нуждамъ и потребностямъ, нежели земское начальное училище. Принимая во вниманіе: 1) что, на основаніи п. 8 ст. 51 Общ. Пол. о крест., вѣдѣнію сельскаго схода, между прочимъ, подлежатъ совѣщанія и ходатайства объ обученіи грамотѣ, изъ чего, несомнѣнно, слѣдуетъ, что Кувькинское сельское общество имѣло законное право обсуждать на сельскомъ сходѣ вопросъ о цѣлесообразности открытіи церковно-приходской школы, вмѣсто земскаго начальнаго училища, и 2) что рѣшеніемъ Правительствующаго Сената 11 января 1891 г. за № 148 разъяснено, что сельское общество, по измѣнившимся обстоятельствамъ, имѣетъ право прекращать назначенный сборъ на содержаніе школъ, въ виду чего Кувькинское сельское общество вправѣ было признать, что церковно-приходская школа болѣе соотвѣтствуетъ ихъ нуждамъ и потребностямъ, и прекратить общественный сборъ на содержаніе начальнаго училища,—Правительствующій Сенатъ находить, что Саратовское губернское присутствіе, подвергнувъ просителей взысканію

за составленіе Кувькинскимъ сельскимъ обществомъ правильнаго, съ формальной стороны, приговора по дѣлу, предоставленному закономъ вѣдѣнію сельскаго схода, поступило неправильно. Имѣя, засимъ, въ виду, что, за признаніемъ состоявшагося по сему дѣлу постановленія неправильнымъ по отношенію къ просителямъ, таковое постановленіе не можетъ быть оставлено въ силѣ и по отношенію къ другимъ должностнымъ лицамъ и крестьянамъ, подвергнутымъ губернскимъ присутствіемъ взысканію за составленіе таковыхъ же приговоровъ, и, въ виду вышеизложенныхъ соображеній, Сенатъ, 21 марта 1895 г., опредѣлилъ: обжалованное сельскими старостами П. и Г. постановленіе Саратовскаго губернскаго присутствія отмѣнить, во всемъ его объемѣ, поручивъ сему присутствію постановить по сему дѣлу новое, не стѣсняясь прежнимъ, постановленіе.

Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

І. Училищнымъ при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтомъ, на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 7—29 ноября 1884 года за № 2435, и согласно представленіямъ епархіальныхъ преосвященныхъ, награждены книгою „**Виблія**“, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемою, за особое усердіе и ревность въ дѣлѣ благоустроенія мѣстныхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, нижеслѣдующія лица: по Литовской епархіи: наблюдатель церковныхъ школъ Щучинскаго благочинническаго округа, Виленской губерніи, Лидскаго уѣзда, священникъ Щучинской церкви Іосифъ Давидовичъ и священникъ Збянской церкви, того же уѣзда, Лидскаго благочинія, Сергій Товаровъ; по Забайкальской епархіи: попечительницы церковно-приходскихъ

школь: Номохоновской—жена потомственнаго почетнаго гражданина Клавдія Лущникова и Чемуртаевской—купеческая жена Варвара Шашмакова; по Могилевской епархіи: священникъ Климовичской соборной церкви Павелъ Георгіевскій и священникъ Оршанской Ильинской церкви Василій Лобовъ и по Полоцкой епархіи: непрѣмный членъ Себежскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія титулярный совѣтникъ Константинъ Шашковскій; попечитель церковно-приходской школы въ селѣ Ситнѣ, Полоцкаго уѣзда, дворянинъ Николай Азанчевскій и непрѣмный членъ Рѣжницкаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Константинъ Емельяновъ.

II. Журнальнымъ опредѣленіемъ Училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣта, отъ 29 сентября—4 октября 1895 года за № 252, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, постановлено: составленную преподавателемъ Московской 4-й гимназіи Александромъ Преображенскимъ книгу, подъ заглавіемъ: „Начальная русская грамматика съ приложеніемъ письменныхъ и устныхъ упражненій. Для городскихъ и сельскихъ народныхъ училищъ“ (Москва, 1893 г. Цѣна 20 коп.)—допустить къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ учебнаго пособія.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

I. Сбора въ пользу прокаженныхъ въ Якутской области состояло въ Хозяйственномъ Управленіи при Святѣйшемъ Синодѣ къ 1 сентября 1895 г. 26,031 р. 10 коп.

Къ тому въ теченіе сентября по 1 октября 1895 г. вновь поступило:

Отъ священника Димитрія Гремячевского	14 р.
» неизвѣстнаго	1 „
» протоіерея Михаила Мальцева	5 „

Итого. . . . . 20 р. к.

Получено % . . . . . 42 „ 75

А всего съ оставшимися къ 1-му сентября 1895 года 26,093 р. 85 к.

II. Хозяйственное Управленіе долгомъ считаетъ извѣстить, что доставлены при письмахъ на имя Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода слѣдующія пожертвованія.

Въ Пантелеимоновскій монастырь:

Отъ крестьянина Подольской губерніи Оомы Неровнаго	3 р.
» крестьянки Новгородской губерніи Параскевы Петровой	15 „
» священника Петра Жилина	15 „
» крестьянина Пермской губерніи Павла Кадошниковъ	20 „
» крестьянки Рязанской губерніи Маріи Абрамовой Назаровой	6 „
» крестьянки Тамбовской губерніи Вассы Мальцевой	1 „
» жены священника Евдокіи Котовой	3 „
» жены священника Маріи Петровой	3 „
» священника Петра Княженскаго	3 „
» солдатки Анастасіи Николаевой	14 „
» крестьянки Орловской губерніи Анны Гвоздевой	6 „
» крестьянки Екатеринославской губерніи Анастасіи Гончаровой	4 „
» крестьянки Полтавской губерніи Софіи Потапенковой	3 „

Отъ крестьянина Владимірской губерніи Ивана Климова . . .	3 р.	Въ келлію святителя Митрофана:	
» священника Александра Александрова Смирнова	61 »	Отъ Алексѣя Евсѣева Шатова . . .	6 р.
» крестьянина Самарской губерніи Емельяна Николаева Бадикова	5 »	Въ обитель Успенія Божіей Матери:	
» Александра Семенова Зимницкаго	3 »	Отъ священника Василя Михайлова, пожертвованные Кронштадтскою мѣщанкою Василисою Тассо	50 »
» крестьянки Саратовской губерніи Феохтисты Зяйкиной	3 »	Въ пустынь святаго Іоанна Предтечи:	
Въ Андреевскій скитъ:		Отъ обывателя села Вышаго, Бахмутскаго уѣзда, Павла Орзула	30 »
Отъ крестьянина Воронежской губерніи Гавріила Радченкова	10 »	Въ Свято-Рождественскую Іоанна Предтечи обитель.	
» вдовы крестьянина Ксеніи Изотовой Колесниковой	8 »	Отъ крестьянина Пермской губерніи Петра Корпакова	10 »
» крестьянки Томской губерніи Соломоніи Карповой	10 »	Въ обитель святителя Николая Чудотворца:	
» крестьянки Тамбовской губерніи Стефаниды Чукуновой	4 »	Отъ Василя Степанова Худякова	10 »
Въ Ильинскій скитъ:		Въ Предтеченскую пустынь Хилендарскаго монастыря:	
Отъ крестьянки Симбирской губерніи, Ирины Михайловой Дмитріевой	3 »	Отъ Анны Прокоповичъ	7 »
» крестьянки Воронежской губерніи Марфы Михайловой Рубцовой	64 »	Въ келлію святаго Ігнатія Богоносца:	
» крестьянки Тамбовской губерніи Фетиніи Баевой	30 »	Отъ крестьянина Витебской губерніи Василя Киритенко	3 »
Въ келлію святаго Іоанна Златоустаго:		Въ пустынь святаго великомученика Артемія:	
Отъ крестьянина Смоленской губерніи Евфимія Никитина	125 »	Отъ крестьянина Тамбовской губерніи Демьяна Егорова Смыкова	5 »
» крестьянъ Подольской губерніи Никиты и Анны Романовскихъ	125 »	Въ одинъ изъ Аеоонскихъ монастырей:	
Въ Свято-Троицкій скитъ:		Отъ крестьянина Ивана Булатова, пожертвованные умершею крестьянкою Акилиною Ошиваловою	3 »
Отъ крестьянки Саратовской губерніи Марфы Тельновой	26 »	» священника Алексѣя Петрова, пожертвованные Гликеріею Дегтяревою	40 »
Въ келлію Преображенія Господня:		» крестьянки Александры Плѣнкиной	4 »
Отъ крестьянина Воронежской губерніи Василя Чередниченко	1 »		

Въ Иерусалимъ ко Гробу
Господню:

Отъ Ананьевскаго мѣщанина Якова Нано	2 р.
» Калины Онисимова Лялина	3 »
» священника Петра Жилина	5 »
» Власа Кассіанова Гуза	10 »
» священника Петра Жилина	15 »
» крестьянки Витебской губерніи Агрипины Дорофеевой	1 »
» священника Иоанна Полякова	5 »
» крестьянки Полтавской губерніи Варвары Нартовой	13 »
» крестьянки Воронежской губерніи Параскевы Поляковой	10 »
» крестьянина Вятской губерніи Василя Васильева Медвѣдова	3 »
» казачки Ирины Григорьевой Несміяновой	17 »
» крестьянина Саратовской губерніи Исаи Глухова	5 »
» крестьянина Кіевской губерніи Леонтія Коваль	3 »

Отъ крестьянки Харьковской губерніи Агрипины Роменской, на имя Иерусалимскаго патріарха Герасима	20 »
» крестьянина Томской губерніи Арсенія Вѣлянина, въ Иерусалимъ—3 р. и въ Аѳонскій Пантелеимоновскій монастырь 3 р.	6 »
» крестьянина Пермской губерніи Михайла Кадошникова, въ Иерусалимъ ко Гробу Господню—10 р. и въ Аѳонскій Пантелеимоновскій монастырь 10 руб.	20 »

Отъ священника Иоанна Біантовскаго, пожертвованные крестьянкою Агрипиною Лагодиною въ разныя обители на Аѳонѣ	60 р.
» священника Георгія Маркова, въ пользу разныхъ учреждений 100 »	
» Любови Александровой Равичевой, въ Иерусалимъ ко Гробу Господню и въ Виелеемъ 100 »	

СПИСОКЪ

книгъ, брошюръ и листовъ, напечатанныхъ въ Синодальныхъ типографіяхъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1895 г., съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода и по распоряженію духовнаго начальства.

а) Московской:

„Служба съ акаѳистомъ святителю Христову Николаю“, церк. печ., въ 32 д. л., съ кино., съ ксилографированнымъ рисункомъ святителя Христова.

„Полунощница“, церк. печ., въ 16 д. л., безъ киновари.

„Сокращенный молитвословъ“, церк. печ., въ 32 д. л.

„Сборникъ повѣствованій изъ Минеи Четья“, гражд. печ., въ 16 д. л.: Страніе святыхъ мученикъ Θεодора Варяга и сына его Иоанна, въ Кіевѣ убиенныхъ, и проч.

б) С.-Петербургской:

„Святое Евангеліе“, на слав. и рус. языкахъ.

П Р И В А В Л Е Н І Я

ВЪ

ЦЕРКОВНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ,

ИЗДАВАЕМЫМЪ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СѢНОДѢ.

№ 41

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

№ 41

О ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ ВЪ АМЕРИКѢ.

По поводу продолжительнаго пребыванія въ Европейской Россіи преосвященнаго Алеутскаго и Аляксинскаго, епископа Николая, отбывшаго изъ С.-Петербурга къ мѣсту своего служенія въ Санъ-Франциско 3 текущаго октября, въ обществѣ и періодической печати оживился интересъ къ дѣламъ православной Американской миссіи. Но сужденія, какія приходится слышать и читать объ этомъ предметѣ, видимо основаны на отрывочныхъ сообщеніяхъ корреспондентовъ, мало осведомленныхъ, или на единичныхъ фактахъ, какіе случайно дѣлаются извѣстными въ печати. Поэтому представляется своевременнымъ дать хотя бы краткій, но основанный на достоверныхъ, официальныхъ источникахъ, очеркъ вѣщнаго состоянія православной Американской миссіи.

Миссія эта образуетъ цѣлую епархію, носящую названіе Алеутской по имени Алеутскихъ острововъ, гдѣ впервые въ Америкѣ сто лѣтъ тому назадъ возсіялъ свѣтъ православной вѣры. Центральное управленіе этой епархіи (архіерейская кафедра, духовное правленіе и кафедральный соборъ) находится въ Санъ-Франциско (въ Калифорніи). Алеутскую епархію составляютъ три благочинническихъ

округа приходскихъ и миссіонерскихъ церквей, Ситхинское, Уналашкинское, названные по имени острововъ тѣхъ же именъ, и Пенсильванское. Впрочемъ, названіе послѣдняго еще не установилось. Обнимая собою церкви восточной половины Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, оно иногда именуется Уильксбаррскимъ, по мѣсту нахожденія благочиннаго, иногда же Нью-Йоркскимъ, по главному городу всѣхъ штатовъ, вошедшему недавно въ составъ сего благочинническаго округа. Распредѣленіе церквей по благочинническимъ округамъ зависитъ отъ усмотрѣнія епархіальнаго архіерея. Въ вѣдѣніи Ситхинскаго благочиннаго въ 1894 г. было пять церквей съ самостоятельными причтами и 29 часовень, при одной изъ которыхъ положено быть также причту. Остановимся на семь округѣ и изложимъ свѣдѣнія о церквахъ, часовняхъ, духовенствѣ, прихожанахъ и приходскихъ учрежденіяхъ.

1) На островѣ *Ситхи* храмъ именуется соборнымъ, въ виду прежняго его значенія для всей епархіи. Онъ посвященъ святому архангелу Михаилу. Нынѣшнее зданіе храма построено иждивеніемъ и усердіемъ Россійско-Американской компаніи въ 1850 году, деревянное.

Въ храмѣ три престола: главный во имя святаго архистратига Михаила, въ правомъ придѣлѣ въ честь усѣкновенія главы святаго Іоанна Предтечи и святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ лѣвомъ—во имя Божіей Матери, честныя Ея иконы Казанскія.

Часовенъ въ Ситхинскомъ приходѣ не имѣется, но есть домовая церковь при бывшемъ архіерейскомъ домѣ. Она построена иждивеніемъ Россійско-Американской же компаніи въ 1843 г., въ одной изъ комнатъ верхняго этажа жилого дома. Въ ней святой престолъ въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Расстояніе Ситхинскаго храма отъ епархіальнаго города 1784 морскія мили.

По Высочайше утвержденнымъ 25-го января 1894 г. штатамъ, при Ситхинскомъ соборѣ положено быть одному священнику (онъ же благочинный), съ содержаніемъ въ 1,800 р. золотомъ (и 350 р. по должности благочиннаго на разъѣзды и канцелярскіе расходы), и двумъ псаломщикамъ, съ содержаніемъ по 600 р. золотомъ каждому. Квартиры для причта готовы. По тѣмъ же штатамъ ассигнуется на наемъ служителей для соборной церкви и зданій бывшаго архіерейскаго дома 320 руб.

Въ настоящее время при Ситхинскомъ соборѣ состоятъ: іеромонахъ Анатолій, кандидатъ С.-Петербургской духовной академіи, назначенный сюда, 6 сентября 1895 года, вмѣсто священника Владиміра Донскаго, служившаго въ епархіи съ 1886 г., и псаломщикъ Александръ Архангельскій, изъ воспитанниковъ Рязанской духовной семинаріи, пріѣхавшій въ епархію въ 1894 году.

По исповѣдной росписи 1893 г. всѣхъ прихожанъ Ситхинской церкви считалось, вмѣстѣ съ инородцами, 775 человекъ (392 мужскаго и 383 женскаго пола). Изъ нихъ въ 1894 г. умерло 40 (25 мужскаго и 15 женскаго пола). Въ томъ же году окрещено младенцевъ отъ православныхъ родителей 34 (по 17 мужскаго и женскаго пола), присоединено изъ пресвитеріанства и католичества 6 (5 мужчинъ и 1 женщина), обращено изъ язычества 14

(8 мужчинъ и 6 женщинъ) мѣстныхъ жителей и 43 индійца (23 муж. и 20 жен.), прибывшихъ изъ проливовъ. Такимъ образомъ по той же росписи за 1894 г. значилось 832 прихожанина, изъ нихъ 162 малолѣтніе. По племенному составу они частью русскіе—11 человекъ обоюго пола, засимъ креолы—211 душъ и наконецъ индійцы калашскаго племени—610.

Въ Ситхинскомъ приходѣ имѣется двуклассная образцовая школа, съ пріютомъ на 10 воспитанниковъ-сиротъ. По упомянутому штату 1894 г., въ сей школѣ состоятъ: учитель, съ содержаніемъ въ 1,500 руб., и помощникъ его—псаломщикъ, съ вознагражденіемъ въ 120 руб. На 10 сиротъ ассигнуется 1,800 р.; на служителей и проч. 560 р. Школа открыта 15 іюля 1893 г., причемъ въ пріютъ принято было 6 дѣтей. Къ 1 января въ ней состояло 23 воспитанника, изъ коихъ 12 жили въ пріютѣ. Программа обученія составлена примѣнительно къ программѣ двуклассной церковно-приходской школы, причемъ проходились слѣдующіе предметы: Законъ Божій (6 ур.), церковно-славянскій языкъ (3 ур.), русскій (6 ур.), арифметика (5 ур.), англійскій языкъ (6 ур.), пѣніе (2 ур.), чистописаніе (2 ур.) и для 3 учениковъ старшей группы, предназначенныхъ къ поступленію въ Благовѣщенское духовное училище, географія (2 ур.) и греческій языкъ. Законоучителемъ и смотрителемъ школы состоитъ приходскій священникъ; учителемъ—Александръ Протопоповъ, 25 лѣтъ, студентъ Московской духовной семинаріи, прибывшій въ епархію въ 1893 г. Помощникъ его—псаломщикъ Архангельскій. Англійскій языкъ преподаетъ Паулина Конъ. Въ спискѣ учениковъ значатся 14 креоловъ и креолокъ, 5 русскихъ, остальные американцы и индійцы. Попытка основать для сихъ послѣднихъ (калашскаго племени) особую школу оказалась неудачною: сперва явилось 20 дѣтей, но скоро 15 изъ нихъ перестали ходить, а вмѣсто нихъ изрѣдка показывались по нѣскольکو новыхъ.

Для объединенія прихожанъ въ тѣсный братскій кружокъ, для возбужденія

усердія къ исполненію христіанскихъ обязанностей и для развитія общей благотворительности, 9 августа 1892 г. при Ситхинской церкви основано *Свято-Николаевское братство*. Дѣятельность братства въ 1894 г. выразилась въ благоустроеніи мѣстнаго православнаго кладбища, въ пожертвованіяхъ на пріютъ (особенно до полученія помощи отъ казны), въ улучшеніи церковной утвари, въ денежной помощи больнымъ и присмотрѣ за ними, хотя и не состоявшими въ братствѣ, и въ погребеніи бѣдныхъ, даже инославныхъ.

2) На островѣ *Кадьякъ* приходская православная церковь вновь построена на средства Святейшаго Синода въ 1875 году. Она деревянная, обшита тесомъ внутри и снаружи и окрашена бѣлою масляною краскою, покрыта же черепицею. Наружный видъ ея ничѣмъ не отличается отъ типичнаго вида нашихъ сельскихъ деревянныхъ церквей въ лѣсныхъ губерніяхъ. Престоловъ въ ней три: главный во славу Воскресенія Христова, правый придѣльный—во имя праведныхъ Θεодора и Елисаветы и лѣвый—во имя святителя Иннокентія, Иркутскаго чудотворца. Древнѣйшими памятниками первыхъ дѣятелей въ пользу православія въ Америкѣ здѣсь сохраняются доселѣ два святыхъ антиминса, освященные преосвященнымъ митрополитомъ С.-Петербуржскимъ и Новгородскимъ Гавріиломъ въ 1792 г., для служенія въ часовняхъ прихода. Три другіе антиминса освящены архіепископомъ Иннокентіемъ Камчатскимъ, Курильскимъ и Алеутскимъ. Расстояние сей церкви отъ епархіальнаго города 1800 морскихъ миль, отъ Ситхинскаго благочиннаго 700. Территорія прихода весьма обширна. Она занимаетъ весь островъ Кадьякъ, нѣсколько другихъ острововъ и захватываетъ часть берега полуострова Аляски. Эта обширность прихода, многочисленность православнаго населенія и, главное, древность его служили и служатъ причиною постройки въ его предѣлахъ многочисленныхъ молитвенныхъ домовъ или часовенъ. Официально ихъ считается 13 и кромѣ того еще

пять, официально не признанныхъ, посѣщеніе коихъ, повидимому, еще не вмѣнено въ обязанность приходскому причту. Перечислимъ эти часовни: 1) на островѣ Лѣсномъ, въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, въ 3 миляхъ отъ церкви, новая изъ тесу, на 60 человекъ, съ приличнымъ иконостасомъ; перестроена въ 1893 г. и содержится на счетъ прихожанъ; 2) въ с. Узкомъ, въ честь Рождества Христова, въ 12 мил. отъ церкви, построена усердіемъ прихожанъ въ 1876 г. изъ бревенъ, малаго размѣра, безъ иконостаса и паперти; 3) въ с. Большомъ Аюгнакѣ, въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы, въ 28 мил. отъ церкви, построена жителями въ 1869 г., довольно помѣстительная, съ иконостасомъ и папертью; 4) въ с. Маломъ Аюгнакѣ, въ честь Успенія Божіей Матери, въ 30 мил. отъ церкви, построена усердіемъ креола Селезнева въ 1870 году; 5) въ с. Карлукскомъ, въ честь Вознесенія Господня, въ 100 мил. отъ церкви, тесовая, съ иконостасомъ, папертью и колокольнею, вмѣстимостью на 150 чел., выстроена, по просьбѣ алеутовъ, мѣстною рыбною компаніею въ 1876 г.; 6) въ селеніи Ахіюкскомъ, во имя Святыя Троицы, въ 150 мил. отъ церкви, изъ бревенъ, привезена съ Кадьяка въ 1890 году; 7) въ с. Ахталекскомъ, во имя святаго апостола Андрея Первозваннаго, въ 188 миляхъ отъ церкви, изъ бревенъ, съ иконостасомъ и папертью, построена мѣстными жителями въ 1881 году; 8) въ с. Кагуякскомъ, во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла, въ 100 мил. отъ церкви, построена жителями въ 1881 г.; 9) въ с. Трехсвятительскомъ, во имя Трехъ Святителей, построена въ 1884 г.; 10) въ с. Килюдинскомъ, во имя святителя Николая Чудотворца, въ 65 мил. отъ церкви, построена въ 1876 году; 11) въ с. Орловскомъ, во имя святителя Иннокентія Иркутскаго, въ 50 мил. отъ церкви, построена въ 1891 г.; 12) на о. Еловомъ, въ честь Срѣтенія Господня, въ 12 мил. отъ церкви, построена Россійско-Американскою компаніею въ 1857 г. и нынѣ пришла въ разрушеніе, такъ что

утварь ея въ 1891 г. перенесена въ находящуюся по близости келлію покойнаго іеромонаха Никиты, возлѣ могилы инока Германа, и 13) въ с. Катмайскомъ (на полуостровѣ Аляскѣ), по имя Святыя Троицы, въ 100 мил. отъ церкви, построена въ 1887 г. Кромѣ сего, три часовни находятся на томъ же полуостровѣ: въ селеніяхъ Дугласкомъ (100 мил. отъ церкви), Кугакѣ (100 мил.) и Врайгелѣ (150 мил.), и двѣ на самомъ островѣ Кадьякѣ въ с. Покровскомъ (120 мил.) и Уганокѣ (75 мил.).

По штату 1894 г. при Кадьякской церкви положено быть 1 священнику (съ содержаніемъ 1800 р.) и 2 псаломщикамъ (по 600 руб. каждому). Священникомъ здѣсь съ 1893 г. состоитъ окончившій курсъ въ Вологодской духовной семинаріи Тихонъ Шаламовъ. На первой вакансіи псаломщика—діаконъ Николай Кашеваровъ, сынъ умершаго священника сей церкви о. Петра, 35 л., получившій должность въ 1875 г., а посвященіе въ 1894 г. Вторымъ псаломщикомъ 21 іюня 1895 г. назначенъ Ясонъ Капанадзе, бывший воспитанникъ Тифлисской духовной семинаріи.

По исповѣдной росписи 1893 г. всѣхъ прихожанъ Кадьякской церкви считалось 1746 человекъ (931 мужскаго и 815 женскаго пола). Изъ этого числа въ 1-й половинѣ 1894 г. умерло 15 человекъ; родилось же отъ православныхъ родителей 21, такъ что къ 1 іюля 1894 г. въ приходѣ состояло 1752 чел. (930 мужскаго и 822 женскаго пола). По составу, населеніе прихода преимущественно алеутское (1075 чел.), за симъ слѣдуютъ креолы (630 чел.), русскіе и др. бѣлые (37) и наконецъ индійцы (калошскаго племени, въ числѣ 10).

При Кадьякской церкви существуетъ церковно-приходская школа, впрочемъ, не получившая еще правильнаго и прочнаго устройства. Члены причта по 2 часа ежедневно занимаются съ дѣтьми (отъ 15 до 30 человекъ) Закономъ Божиимъ, церковно-славянскимъ чтеніемъ, русскимъ языкомъ и пѣніемъ. Главнымъ учителемъ былъ мѣстный уроженецъ діаконъ Каше-

варовъ, по ему доселѣ не удалось устроить надлежащей школы и приходилось заниматься съ дѣтьми по окончаніи ими уроковъ въ американскихъ школахъ.

Церковнаго братства здѣсь еще нѣтъ. Но въ 1893 г. учреждено приходское попечительство, которому предстоитъ много дѣла, по устройству, напр., пріюта и больницы, уже начатыхъ постройкою. Молодому священнику, по изученіи имъ мѣстнаго языка и обычаевъ, придется немало потрудиться надъ устройствомъ церковно-приходской жизни своей подудикой паствы.

3) Въ селеніи *Кеная*, при заливѣ того же имени, Успенская миссіонерская церковь, передѣланная, по благословенію бывшаго преосвященнаго Иннокентія, Россійско-Американскою компаніею въ 1841 г.; зданіе построено изъ бревенъ, въ видѣ обыкновеннаго дома. Колокольню замѣняетъ навѣсъ на двухъ столбахъ; наперть устроена изъ простыхъ досокъ съ дверью на южной сторонѣ. Въ 1894 г. предпринята постройка новаго деревяннаго храма, вмѣстимостью на 60 человекъ, съ однимъ же престоломъ. Антимьянсы въ при церкви два, изъ коихъ одинъ походный. Оба освящены архіепископомъ Иннокентіемъ. Расстояніе церкви отъ епархіальнаго города 2000 морскихъ миль, отъ мѣстнаго благочиннаго 1000 миль.

Часовенъ въ Кенайскомъ приходѣ семь: 1) въ с. Ненильчикскомъ, въ честь Преображенія Господня, въ 30 мил. отъ церкви, построена въ 1884 г., съ алтаремъ, устроеннымъ въ 1893 г.; 2) въ селеніи Сельдевомъ, во имя святителя Николая Чудотворца, въ 75 мил. отъ церкви, построена изъ тесу въ 1891 г. на 100 человекъ; 3) въ с. Александровскомъ, во имя святыхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ, въ 90 миляхъ отъ церкви, построена изъ тесу въ 1872 г., на 100 человекъ, съ алтаремъ и иконостасомъ; 4) въ с. Кусотанѣ, во имя святой равноапостольной княгини Ольги, въ 50 мил. отъ церкви, безъ иконостаса и паперти, на 50 человекъ; 5) въ с. Туюнокѣ, во имя святителя Николая Чудотворца, въ 45 мил. отъ церкви,

изъ бревенъ, на 100 человекъ, построена въ 1882 г., покрыта березовою корою; 6 и 7) въ сс. Сушитнѣ (90 мил. отъ церкви) и Кныкѣ (100 мил.) часовни построены въ 1890 г., на 80 человекъ каждая, обѣ еще не освящены.

При Кенайской церкви по штату положены священникъ (съ содержаніемъ въ 1800 р.) и псаломщикъ (съ содержаніемъ въ 600 р.). Должность священника исправляетъ бывший воспитанникъ Холмской духовной семинаріи Александръ Ярошевичъ, прибывшій въ епархію въ 1888 году и получившій посвященіе въ 1893 г. Часть жалованья священника Ярошевича (552 р.), по его желанію и по распоряженію подлежащей власти, идетъ въ содержаніе священнику другого прихода (Калисновскаго), для котораго штатнаго содержанія не положено. Псаломщикомъ Кенайской церкви состоитъ Алексѣй Ивановъ, мѣстный уроженецъ, сынъ православнаго псаломщика.

Въ 1893 году всѣхъ прихожанъ сей церкви было 962 человекъ (555 муж. и 407 женск. пола). Въ это число входятъ: кенайцы (651 чел.), мѣдновцы (109), креолы (102), алеуты (97) и русскіе (3).

Особенное оживленіе церковно-приходской жизни въ Кенайскомъ приходѣ замѣчается съ 1893 года, съ назначеніемъ сюда священникомъ о. Ярошевича. Вышнимъ показателемъ сего служить открытіе церковно-приходской школы и двухъ братствъ. Въ церковно-приходской школѣ предметами преподаванія служатъ: Законъ Божій, русскій и англійскій языки и пѣніе. Законъ Божій и пѣніе преподаетъ священникъ, оба языка псаломщикъ. Независимо отъ сего, ведутся особыя занятія въ воскресной школѣ. Когда священникъ уѣзжаетъ для проповѣди слова Божія между язычниками въ районъ своего прихода, все дѣло обученія ведется псаломщикомъ. 1 октября 1893 года въ Кенаѣ основано братство въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Цѣль его указана въ томъ, чтобы содѣйствовать мѣстному причту въ матеріальномъ обезпеченіи церкви, школы, бѣдныхъ прихожанъ и въ благоустройствѣ кладбищъ.

Въ началѣ число членовъ братства было небольшое (41), но въ настоящее время оно доходитъ до 132. Каждый изъ членовъ ежемѣсячно вноситъ въ братскую кассу по 25 центовъ. Въ іюлѣ 1894 года въ предѣлахъ того же прихода устроено другое братство, между креолами селенія Ненильчикскаго. Цѣлью этого братства служить объединеніе всѣхъ жителей селенія въ одинъ тѣсный братскій кружокъ, забота о распространеніи грамотности въ селеніи, наблюденіе за благопристойнымъ состояніемъ церкви и кладбища и помощь бѣднѣйшимъ въ селеніи. Члены сего братства (15) вносятъ въ кассу также по 25 ц. ежемѣсячно. 16 ноября 1894 года при утвержденіи устава Ненильчикскаго братства оно наименовано Свято-Троицкимъ. Дѣятельность этихъ братствъ въ 1894 году выразилась: а) въ построеніи новаго Кенайскаго храма, б) въ открытіи школы въ с. Ненильчикѣ, в) въ приготовленіи матеріаловъ для постройки школы въ томъ же селеніи и священническаго дома въ Кныкѣ и г) въ содѣйствіи распространенію трезвости въ народѣ.

4) Въ г. Джуну (на полуостровѣ Аляскѣ) Николаевская церковь построена на средства Православнаго Миссіонерскаго Общества, тесовая, вмѣстимостью на 120 богомольцевъ. Иконостасъ устроенъ на епархіальныя средства въ 1894 году; освящена 12 іюня 1894 года. Разстояніе церкви отъ епархіальнаго города 1619 мор. миль, отъ мѣстнаго благочиннаго 175 м. Часовенъ въ приходѣ нѣтъ.

По штату при сей церкви положено быть 1 священнику (1500 руб. жалованья и 300 руб. квартирныхъ) и псаломщику (700 руб. жалованья и 200 квартирныхъ). Священникомъ съ іюня 1894 года состоитъ Іоаннъ Вортновскій, по происхожденію изъ мѣщанъ Волынской губерніи, учившійся до 2 кл. Холмской духовной семинаріи, въ епархію прибылъ въ 1888 году псаломщикомъ Яковъ Кокранъ, мѣстный уроженецъ. Съ 1894 года, по распоряженію духовной власти (съ согласія причта), священникъ получаетъ

1200 руб. золотомъ, псаломщикъ 390 р.; почему остатокъ штатной суммы отъ содержанія ихъ идетъ въ вознагражденіе другому причту, не получающему казеннаго жалованья.

Составъ сего недавно образованнаго прихода слѣдующій: русскихъ 4 чел., креоловъ 25, грековъ 7, индійцевъ калошскаго племени 83, присоединенныхъ изъ пресвитеріанства и язычества съ іюля 1894 года по 1 января 1895 г.—24, а всего прихожанъ 143.

Въ Джуно численность индійцевъ-язычниковъ далеко превышаетъ численность христіанъ, почему для миссіонерскихъ трудовъ здѣшняго причта открыто широкое поприще. На первыхъ порахъ ими заведена школа, отчасти церковно-приходская, отчасти огласительная. Помѣщеніе для школы—очень маленькая комната въ квартирѣ священника, гдѣ могутъ заниматься одновременно всего 8 человѣкъ. 11 іюля 1894 года сюда пришли первые два мальчика калошскаго племени и нѣсколько оглашенныхъ, но уже къ 1 января 1895 г. комплектъ учениковъ увеличился до 6. Преподаютъ Законъ Божій (священникомъ) и языки русский съ англійскимъ, ариметика, церковное пѣніе (псаломщикомъ).

Ни приходскаго попечительства, ни братства здѣсь еще нѣтъ.

5) *Калисновская* Св. Андреевская церковь построена въ 1889 г. на епархіальныя средства. Зданіе деревянное (тесъ), съ небольшимъ куполомъ, вмѣщаетъ до 150 человѣкъ. До 1894 г. эта церковь была приписана къ Ситхинскому приходу, почему, по штатамъ 1894 г. января 25, къ ней и не положено особаго причта съ казеннымъ содержаніемъ. Самостоятельно она сдѣлана въ іюнѣ 1894 г. Самое зданіе церкви нуждается въ починкѣ и обраскѣ; утвари, ризницы и богослужебныхъ книгъ весьма мало, собственныхъ средствъ нѣтъ никакихъ. Расстояніе церкви отъ епархіальнаго города 1689 морскихъ миль, отъ благочиннаго 75.

Священникомъ состоитъ Іоаннъ Соболевъ, учившійся во Владимірскомъ духовномъ училищѣ, прибывшій въ епархію

въ 1875 г., получившій священный санъ въ 1893 г. и назначенный въ сей приходъ въ 1894 г. съ обязательствомъ прослужить 4 года, 43 лѣтъ отъ роду. Въ содержаніе предоставлено ему жалованье 2-го Ситхинскаго псаломщика съ дополненіемъ изъ суммъ кенайскаго миссіонера. Должность псаломщика при немъ исправляетъ креольскій мальчикъ Василій Ларионовъ (за 234 руб.).

Калисновскій приходъ составляютъ исключительно индійцы-калоши, числомъ 367 человѣкъ (181 муж. и 186 жен.). До 1894 г., за рѣдкими исключениями, православное духовенство бывало здѣсь въ теченіе года на 1—3 мѣсяца, въ остальное время православные индійцы были предоставлены самимъ себѣ. Этимъ обстоятельствомъ довольно продолжительное время пользовался, въ видахъ совращенія, проживавшій здѣсь учитель правительственной школы пресвитеріанецъ-проповѣдникъ Джонсъ. Съ назначеніемъ отдѣльнаго причта для Калисновской церкви настали и для прихожанъ ея лучшія времена. Къ тому же пожаръ публичной школы заставилъ и г. Джонса оставить Калисну. 12 декабря 1894 г. здѣсь открыта и церковная школа. Она помѣщается на чердакѣ священническаго дома. Преподается Законъ Божій священникомъ и англійскій языкъ г-жею Брайманъ; занятія продолжаются отъ 1 до 4 часовъ пополудни: посѣщаютъ школу отъ 27 до 50 человѣкъ, очевидно, что состояніе школы крайне затруднительно, главнымъ образомъ по недостатку денежныхъ средствъ.

6) На островѣ *Нучекъ* есть приходъ или такъ называемый отдѣлъ (миссіонерскій) особаго типа. Здѣсь нѣтъ ни церкви, ни священника, а есть нѣсколько часовенъ и при нихъ штатный псаломщикъ. Главная часовня этого отдѣла называется въ официальныхъ источникахъ и Преображенскою, и Свято - Андреевскою. Она построена еще Россійско-Американскою компаніею, бревенчатая, съ алтаремъ и папертью, вмѣстимостью на 150 богомольцевъ. При ней простой навѣсъ, замѣняющій колокольню. Въ томъ же

отдѣлъ имѣются также бревенчатые часовни, построенныя только въ 1893 г., а именно въ сс. Татитлакѣ, Канихлакѣ и Чанигѣ, вмѣстимостъ ихъ на 30—70 человѣкъ. Разстояніе отдѣла отъ Санъ-Франциско 1900 миль, отъ благочиннаго 425 миль. При отдѣлѣ состоитъ штатнымъ псаломщикомъ, съ жалованьемъ въ 600 руб., американскій уроженецъ сынъ православнаго священника Андрей Кашеваровъ, служившій ранѣе на Ситхѣ и присланный на Нучекъ въ маѣ 1894 года.

Нучекскій приходъ состоитъ изъ чучагъ (алеутскаго племени) и угаленцевъ (калошскаго племени). По составленной псаломщикомъ Кашеваровымъ вѣдомости, всѣхъ прихожанъ считается 452 (222 муж. и 230 жен.). Сюда не включены еще жители селенія Алагнака и православные калоши, проживающіе въ с. Каякѣ. До 1894 г. приходъ состоялъ въ полномъ вѣдѣніи кенайскаго миссіонера, которому всегда было много дѣла и въ своемъ приходѣ; къ тому же сообщеніе съ Нучекомъ крайне затруднительно. Съ назначеніемъ особаго псаломщика, миссіонеру священнику осталось здѣсь совершеніе божественной литургіи и церковныхъ требъ. Въ отсутствіе священника, псаломщикъ въ часовнѣ во всѣ воскресные и праздничные дни читаетъ по молитвослову положенныя молитвы, произноситъ поученія (къ сожалѣнію, пока чрезъ переводчика), а въ понедѣльникъ, среду и пятницу вечеромъ ведетъ вѣбогослужебныя собесѣдованія, на которыхъ взрослые и дѣти изучаютъ со словъ молитвы по-славянски и по-алеутски. Рядомъ съ симъ идетъ обученіе въ церковно-приходской школѣ, открытой въ Нучекѣ 26 сентября 1894 г. Школа помѣщается въ одной изъ комнатъ новаго псаломщическаго дома. Здѣсь учатся одновременно 30 дѣтей. Занятія идутъ съ 9 утра до 12 и съ 1 часа до 5½ ежедневно кромѣ субботы. Уроки распределены такимъ образомъ: Законъ Божій трижды въ недѣлю, русскій языкъ—5 разъ, англійскій—5, ариѳметика 2, церковное пѣніе—ежедневно.

Въ концѣ 1894 г. въ Нучекѣ основано

псаломщикомъ же общество трезвости, въ составъ котораго вошли почти всѣ прихожане Нучекскаго отдѣла и, по отзыву своего предсѣдателя, пока честно держатъ свое обѣщаніе не употреблять напитковъ. Рядомъ съ этимъ псаломщикъ старается приучать народъ къ опрятности, почему въ воскресные и праздничные дни обходитъ всѣ бараборы и лично наблюдаетъ за чистотою въ домахъ.

Въ заключеніе краткаго очерка вѣдѣній условій дѣятельности православныхъ миссіонеровъ Ситхинскаго благочинія, замѣтимъ, что рядомъ съ симъ служителями православія дѣятельно подвизаются различныя протестантскія миссіи. Достоинно особеннаго вниманія, что сіи послѣднія обладаютъ огромными денежными средствами, какія не могутъ идти въ сравненіе со средствами православныхъ миссіи, хотя получаютъ не отъ казны того или другаго правительства. Въ штатѣ инославныхъ миссіи всегда найдутся и докторъ, и аптека, и хорошіе переводчики. Инославные миссіонеры на Аляскѣ открыто заявляютъ своимъ слушателямъ, что отъ православія они не получаютъ никакой матеріальной помощи, да и отъ нихъ, протестантовъ, будутъ всегда гонимы. Такимъ образомъ, для успѣха просвѣтительной дѣятельности православныхъ миссіонеровъ въ сѣверо-западной Америкѣ необходимо придти на помощь имъ самому православному обществу.

А. З.

ПИСЬМА СЪ АЛТАЯ.

(Письмо второе)*.

По выѣздѣ изъ Бійска мы быстро стали приближаться къ горамъ алтайскимъ и ихъ обитателямъ. Уже на второй день, послѣ нѣсколькихъ остановокъ, мы къ вечеру достигли Улалы, отстоящей отъ Бійска на сто верстъ. Улала—это довольно большое селеніе, расположенное среди алтайскихъ горъ. Иностранцы здѣсь

*) Письмо 1-е было помѣщено въ № 37 „Церк. Вѣд.“.

стали селиться еще при основателѣ Алтайской миссіи, приснопамятномъ о. Макаріѣ. Въ настоящее время Улала представляет собою наполовину русское селеніе, да и инородцы улалинскіе настолько обрусѣли, что многіе успѣли уже даже забыть свой родной языкъ, особенно это нужно сказать о молодомъ поколѣніи.

Еще сравнительно въ недавнее время Улала была центральнымъ станомъ Алтайской миссіи, здѣсь же первоначально жилъ первый Бійскій епископъ, нынѣ архіепископъ Казанскій Владиміръ. До послѣдняго времени здѣсь жили помощники начальниковъ Алтайской миссіи. Руководимая первоначально по пути благочестія о. Макаріемъ, Улала и до настоящаго времени, преимущественно предъ другими старыми миссіонерскими селеніями, сохранила свою первоначальную преданность благочестію и ревность къ исполненію добрыхъ христіанскихъ обычаевъ.

На встрѣчу своему архипастырю высыпали изъ Улалы старъ и младъ далеко за селеніе, къ часовнѣ. Здѣсь владыка освятилъ икону святаго пророка Ілии и затѣмъ, со всѣмъ народомъ, съ крестнымъ ходомъ, направился въ селеніе, къ церкви. Народъ все время пѣлъ, попеременно съ духовенствомъ, припѣвы Богоматери и Святыхъ. Послѣ обычной встрѣчи владыка обратился къ переполнившему церковь народу съ одушевленной и теплою рѣчью, въ которой высказалъ имъ свою радость по случаю давно желаннаго свиданія, похвалилъ ихъ преданность своему архипастырю, ихъ любовь къ общецерковному пѣнію и предостерегалъ ихъ отъ нѣкоторыхъ недобрыхъ обычаевъ, которые, какъ владыкѣ стало извѣстнымъ, начали уже проникать къ Улалинцамъ. Мѣстные оо. миссіонеры, въ знакъ выраженія любви къ архипастырю какъ своей, такъ и своей паствы, поднесли владыкѣ икону святителя и чудотворца Николая.

Къ сожалѣнію, владыка не могъ долго оставаться въ Улалѣ, такъ какъ ему нужно было совершать еще въ этотъ

день всеобщее бдѣніе въ Николаевскомъ женскомъ монастырѣ, отстоящемъ отъ Улалы въ 10 верстахъ. Зная это, улалинскіе старожилы и всѣ тѣ, которые преимущественно пользовались нѣкогда паставленіями и любовью преосвященнаго Макарія, непрерывно спѣшили повидаться съ нимъ, услышать еще разъ его ласковое слово и получить благословеніе. Владыка терпѣливо и охотно бесѣдовалъ съ ними, разспрашивалъ о житіѣ-бытѣ, давалъ различные совѣты и наставленія. Побывавъ на короткое время въ училищѣ, дѣтскомъ пріютѣ и у мѣстныхъ священниковъ-миссіонеровъ,—владыка отиравился въ женскій монастырь. Туда же вслѣдъ за нимъ отправились и многіе изъ улалинцевъ: нѣкоторые тотчасъ-же, а другіе на слѣдующій день утромъ, чтобы поспѣть къ литургіи. Всѣ сестры монастыря (всѣхъ до 150), во главѣ съ игуменіей Серафимой, встрѣтили владыку за воротами ограды. Тотчасъ началось бдѣніе, а на слѣдующій день была совершена архіерейскимъ служеніемъ литургія. Послѣ литургіи владыка осматривалъ свѣчной заводъ монастырскій, иконописную и другія заведенія и вездѣ хвалилъ трудолюбіе сестеръ, умѣющихъ собственными руками зарабатывать насущный хлѣбъ не только для себя, но кормить имъ и другихъ. Этотъ монастырь (Николаевскій миссіонерскій) въ послѣднее время начинаетъ быстро возрастать какъ по количеству сестеръ, такъ по обширности новыхъ зданій, воздвигаемыхъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, неподалеку отъ старыхъ зданій, примѣрно въ полуверстѣ. Но красоту монастыря будетъ новая соборная церковь, которая строится почти всецѣло на личные средства высокопреосвященнаго Владиміра (Казанскаго), родители коего похоронены въ этомъ монастырѣ. Церковь уже заложена преосвященнымъ Меодіемъ, епископомъ Бійскимъ, 6-го августа.

Послѣ трапезы, радушно предложенной владыкѣ и другимъ многочисленнымъ гостямъ игуменіей съ сестрами, владыка направился дальше, въ селеніе Александровское, сказавъ на прощаніе

трогательное слово сестрамъ обители. Многія изъ сестеръ, неоднократно согрѣтныя любовью и такъ или иначе облагодѣтельствованныя владыкою, — навзрыдъ плакали, провожая его; особенно глубоко опечалили ихъ слова владыки, что, быть можетъ, они видятся уже въ послѣдній разъ.

Въ Александровкѣ владыка предполагалъ служить обѣдню, но утомился настолько, что не могъ исполнить этого своего желанія: служилъ всенощную священникъ-миссіонеръ, а владыка говорилъ катихизическое поученіе за утреней и литургіей. Далѣе, съ нѣкоторыми остановками, лежалъ путь къ Чемалу—тому мѣсту, гдѣ владыка впервые трудился нѣкогда на положеніи самостоятельнаго миссіонера, и которое поэтому ему особенно памятно и дорого. Священникъ-миссіонеръ Петръ Бенедиктовъ, еще молодой, но ревностный пастырь изъ русскихъ, со всемъ народомъ далеко вышелъ встрѣчать владыку, который такимъ образомъ почти цѣлую версту прошелъ до церкви пѣшкомъ, во главѣ крестнаго хода, при пѣніи священныхъ пѣснопѣвій. Началась торжественная всенощная, за которой, предъ началомъ канона, владыка, по обыкновенію, говорилъ катихизическое поученіе. На слѣдующій день онъ самъ совершалъ литургію. Въ Чемалѣ назначена была „дневка“. Послѣ обѣдни владыка, со всею своею свитой, въ сопровожденіи многихъ и изъ чемальскихъ жителей, отправился посмотреть мѣсто такъ называемой „старой миссіи“, гдѣ прежде, еще въ дни пребыванія здѣсь преосвященнаго, стояли зданія миссіонерскаго стана и церковь. Теперь тамъ находится часовня. Мѣстность эта отличается выдающеюся своеобразною красотой. Различныя думы и воспоминанія изъ давняго прошлаго переполняли душу владыки. Нѣкоторыми изъ нихъ онъ дѣлился со своими спутниками, сопровождавшими владыку и на дикій скалистый островъ, куда можно было добраться только переплывши довольно быстрый рукавъ Катуня. Катунь—довольно большая и весьма быстрая горная рѣка, катящая

свои бѣловато-мутныя, холодныя, пѣнистыя воды съ „Катунскихъ бѣлковъ“ (высокія горы, съ вѣчнымъ снѣгомъ на вершинахъ). Течетъ она съ весьма причудливыми заворотами. Дно ея изрыто въ очень многихъ мѣстахъ неизмѣрими пропастими, которыя часто бываютъ гибельными для легкомысленныхъ или дерзко-отважныхъ пловцовъ. Ни одного лѣта не проходило безъ того, чтобы на разстояніи какихъ нибудь 50—100 верстъ по Катуню не было утопленниковъ. Даже во время пребыванія владыки въ Чемалѣ утонулъ какой-то мѣщанинъ, сапожникъ, подлѣ самаго селенія.

Но еще лучше оказалась вечерняя прогулка въ одно изъ очаровательнѣйшихъ мѣстъ красиваго Чемала, въ сосновую рощу, въ видѣ опушки окаймляющую Катунь съ ея протоками. Здѣсь владыкѣ и всемъ гостямъ былъ предложенъ вечерній чай. Архіерейскіе пѣвчіе исполнили прекрасно нѣсколько пѣснопѣвій духовнаго характера; особенно подходящимъ къ мѣсту и времени былъ псаломъ вечерній, предначинательный: „Благослови, душе моя, Господа“... *На горахъ стануть воды... посреди горъ пройдутъ воды. Дниа дѣла твоя, Господи.* Боже мой! Какъ эти сильныя и правдивыя слова псалмопѣвца, воспѣвающія Твое величіе, кажутся еще болѣе торжественными на Алтаѣ! Здѣсь то и дѣло журчатъ и ревуть многочисленныя ручейки и рѣки, выбивающіеся изъ горныхъ расщелинъ и пробивающіеся среди каменныхъ стѣнъ и утесовъ. Все долго, долго готовы были любоваться природой прекраснаго мѣста и чуднаго вечера. Но пора было подумать о возвращеніи домой, ибо наступала ночь. На слѣдующій день, послѣ ранней литургіи, владыка тронулся въ обратный путь, въ Александровку, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, а оттуда дальше, мимо Улалы, въ Карасукъ. Здѣсь, въ Карасукѣ, владыка самъ совершилъ литургію. Слѣдующее затѣмъ, послѣ литургіи, время прошло у насъ въ большихъ хлопотахъ: пришлось переходить съ удобнаго тѣлѣжнаго пути на гораздо менѣе удобный верховой („на — вершинахъ“, по мѣст-

ному выраженію). Нужно было сообразить: что нужно взять, а что можно оставить изъ вещей, что и какъ увязать и навьючить. Но, благодаря нашимъ хорошимъ и опытнымъ помощникамъ и работникамъ, дѣло устроилось благополучно, и вотъ, около 12 ч. дня, длинная вереница всадниковъ и вьюковъ (всего свыше 50 лошадей) „гусемъ“ потянулась въ дальнѣйшій путь, къ Кебезени и Телецкому озеру...

Г. А.

Извѣстія и замѣтки.

Освященіе церкви, устроенной высокопреосвященнымъ Модестомъ, архіепископомъ Волынскимъ и Житомирскимъ, на мѣстѣ его родины, въ селѣ Зиповицахъ, Подольской епархіи.

Каменная церковь, строившаяся въ селѣ Зиновинцахъ на средства высокопреосвященнаго архіепископа Модеста въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ текущемъ году окончена. Новый Зиновинскій храмъ двухъ - престольный: главный придѣлъ во имя Святыя Троицы, а малый — теплый, на хорахъ, въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Освященіе новоустроенной церкви совершено было въ два дня—26 и 27 августа. Высокопреосвященный храмоздатель прибылъ въ Зиновинцы 23 августа, а 25 прибылъ сюда и преосвященный Димитрій, епископъ Подольскій и Брацлавскій.

26-го августа совершено было освященіе Покровскаго придѣла новоустроенной церкви. Въ этотъ день раннюю литургію въ старой Иоанно-Богословской церкви совершалъ высокопреосвященный Модестъ, а преосвященный Димитрій совершилъ освященіе Покровскаго придѣла и позднюю литургію. Въ 6 часовъ вечера того же дня начался звонъ ко всеобщему бдѣнію. Еще задолго до звона толпы на-

рода наполнили храмъ и погостъ церковный. Здѣсь были прихожане не только села Зиновинець, но и селъ окрестныхъ. Въ половинѣ седьмого часа, при колокольномъ звонѣ и пѣніи, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, среди двухъ живыхъ стѣнъ громадной толпы народа, шествовали владыки „со славою“ въ Троицкій храмъ. По прибытіи въ церковь, тотчасъ же началось всеобщее бдѣніе. На литію вышли оба владыки съ многими священно-служащими. На слѣдующій день совершенно было освященіе и главнаго придѣла въ новоустроенномъ храмѣ. Въ этотъ день въ Зиновинскихъ храмахъ совершены были три литургіи: въ 5 часовъ утра ранняя литургія въ освященномъ наканунѣ Покровскомъ придѣлѣ. Въ 7 часовъ утра совершена была вторая ранняя литургія, въ старой Иоанно-Богословской церкви. Молящихся было весьма большое число, и многіе изъ нихъ исповѣдывались и причастились Святыя Таинъ. Около половины девятаго часа начался красный звонъ съ обѣихъ колоколенъ: это приближались къ Зиновинцамъ изъ сосѣднихъ селъ крестные ходы. Впереди, за крестомъ, шли хоры мальчиковъ и дѣвочекъ, за ними слѣдовали на особыхъ носилкахъ мѣстно-чтимыя иконы, украшенныя вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ и вышитыя полотенцами, по сторонамъ шли хоругвеносцы, шествіе замыкали священники съ группами прихожанъ-богомольцевъ. Но вотъ эти священныя шествія подходятъ къ новому храму; звонъ колокольный затихъ; слышится общее пѣніе: особенно звучны въ немъ дѣтскіе голоса. Въ половинѣ десятаго начался благовѣстъ къ освященію и поздней литургіи. Къ этому времени крестные ходы настолько увеличили народную толпу, что по церковному погосту и прилегающимъ къ нему мѣстамъ нельзя было пройти. Для шествія владыкъ „со славою“ требовалось приготовить путь среди этого множества людей. И теперь, какъ и наканунѣ, архипастыри вышли изъ своихъ покоевъ въ предшествіи хора пѣвчихъ и многочисленнаго духовенства. По облаченіи владыкъ, начался чинъ

освященія храма и въ положенное время совершенъ былъ крестный ходъ въ старую Иоанно-Богословскую церковь за мощами и иконой Божіей Матери, для которой въ новомъ храмѣ устроены прекрасныя кюты на горнемъ мѣстѣ.

Послѣдній крестный ходъ представлялъ величественную картину: всѣ хоругвеносцы, пришедшіе въ Зиновинцы изъ разныхъ мѣстъ, были выстроены въ два ряда, отъ новоустроеннаго храма до старой церкви. Къ хоругвеносцамъ не замедлили присоединиться собравшіеся богомольцы и мѣстные прихожане; составилось такимъ образомъ двѣ живыхъ стѣны съ довольно широкой дорогой для крестнаго хода. Выстроенные двумя рядами хоругвеносцы, на память о своемъ паломничествѣ въ Зиновинцы, были надѣлены иконами и крестиками, а грамотные изъ нихъ листками и брошюрами. Священныхъ изображеній, листовъ и брошюръ роздано было около 5—6 тысячъ. Народъ съ большой охотой и благодарностью принималъ эту „память“ объ освященіи Зиновинской церкви. По прибытіи крестнаго хода обратно въ новый храмъ и по окончаніи чина освященія, совершена была литургія, за которой послѣ причастнаго стиха было произнесено преподавателемъ Одесской духовной семинаріи священникомъ І. Стрѣльбицимъ соотвѣтственное торжеству слово. Послѣ литургіи совершенъ былъ крестный ходъ вокругъ освященнаго храма. По окончаніи богослуженія архипастыри благословили трапезу, предложенную высокопреосвященнымъ храмоздателемъ прихожанамъ села Зиновинецъ и всѣмъ другимъ богомольцамъ, принимавшимъ участіе въ крестныхъ ходахъ. Трапезовали въ обширной церковной оградѣ, гдѣ вокругъ новоустроеннаго храма устроены были въ три ряда досчатые столы.

28-го августа и на слѣдующій день высокопреосвященный Модестъ совершалъ въ новоосвященномъ храмѣ при большомъ стеченіи молящихся литургію, а 29-го августа послѣ литургіи отбылъ въ Почаевскую лавру. По его распоряженію со дня освященія церкви до 3-го

сентября включительно въ обоихъ предѣлахъ новоустроеннаго храма ежедневно совершалась божественная литургія въ 6 часовъ утра въ Покровской церкви и въ 8—въ Троицкой. Живописныя работы внутренней части храма производились пятью живописцами, подъ руководствомъ знатока живописи о. Паисія, іеромонаха Почаевской лавры.

Отъѣздъ преосвященнаго Николая, епископа Алеутскаго и Аляскинскаго, въ Сѣверную Америку.

Во вторникъ, 3 октября, въ 7 ч. вечера по Варшавской желѣзной дорогѣ отбылъ изъ С.-Петербурга къ мѣсту своего служенія преосвященный Николай, епископъ Алеутскій и Аляскинскій. Дѣятельность миссіонера-архипастыря получала такую громкую извѣстность, что проводить его преосвященство собралось множество его друзей и почитателей, среди которыхъ были какъ высокопоставленные сановники, такъ и простые люди. Среди провожавшихъ на вокзалѣ были преосвященный ректоръ духовной академіи, Іоаннъ, епископъ Нарвскій, товарищъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Вл. К. Саблеръ и множество учениковъ преосвященнаго Николая—изъ воспитанниковъ академіи, семинаріи и духовнаго училища (изъ послѣдняго было нѣсколько мальчиковъ-алеутовъ, привезенныхъ преосвященнымъ Николаемъ для воспитанія здѣсь). Владыка, всегда бодрый и благодушный, преподавъ благословеніе собравшимся, любезно бесѣдовалъ со всѣми, какъ будто нисколько не думая о трудности того пути, который предстоялъ его преосвященству. А путь предстоитъ далекій и утомительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и славный, такъ какъ владыка предположилъ ознаменовать свое путешествіе цѣлымъ рядомъ служеній. Такъ, преосвященный Николай предполагаетъ проѣздомъ чрезъ Венгрію совер-

шить служеніе въ Иромѣ близъ Буда-Пешта. Затѣмъ торжественное служеніе предполагается въ Парижѣ, такъ что столица Франціи вновь получитъ возможность видѣть столь рѣдкое для нея торжественное русское архіерейское богослуженіе, не виданное тамъ со времени богослуженія, совершеннаго нѣкогда преосвященнымъ Леонтіемъ, вполнѣдствіи митрополитомъ Московскимъ, посѣщавшимъ Парижъ по случаю освященія новопостроенной тогда русской церкви въ столицѣ Франціи. Наконецъ, преосвященный Николай переправится въ Англію и отслужитъ торжественную литургію въ Лондонѣ, въ русской посольской церкви.

Вмѣстѣ съ преосвященнымъ Николаемъ отправилось въ Америку нѣсколько миссіонеровъ, выразившихъ готовность послужить дѣлу православія. Между этими миссіонерами особенно выдаются: архимандритъ Рафаиль, который, какъ арабскій уроженецъ, назначенъ настоятелемъ церкви въ Нью-Йоркѣ для православныхъ арабовъ (съ нимъ ѣдетъ и арабъ-псаломщикъ Абу-Адалъ), и архимандритъ Θεоклитъ, бывшій законоучитель дѣтей греческаго короля Георга, назначенный настоятелемъ церкви для грековъ въ г. Гальвестонѣ, въ штатѣ Тексасъ, около Нью-Орлеана. Затѣмъ еще отправились съ преосвященнымъ Николаемъ на должности псаломщиковъ молодые люди — воспитанники Одесской семинаріи Петръ Поповъ и Павелъ Гречачевскій и изъ Кіевской семинаріи студентъ Оед. Пазиковский. Къ нимъ еще намѣренъ присоединиться въ непродолжительномъ времени кандидатъ С.-Петербургской духовной академіи о. Дм. Камневъ.

Такимъ образомъ съ преосвященнымъ Николаемъ двинулась въ заатлантическую республику нова дружина дѣятелей на многообѣщающемъ поприщѣ православной миссіи. Всѣ собравшіеся глубокими искренними благожеланіями напутствовали отъѣзжавшаго доблестнаго архипастыря—миссіонера, который въ послѣднихъ своихъ словахъ упрашивалъ всѣхъ добрыхъ сыновъ Церкви — помогать ему въ великомъ дѣлѣ своимъ духовнымъ

или матеріальнымъ содѣйствіемъ („Церк. Вѣстн.“).

Вступленіе преосвященнаго Іоанна, епископа Нарвскаго, въ должность ректора С.-Петербургской духовной академіи.

Новый ректоръ С.-Петербургской духовной академіи, преосвященный Іоаннъ, 24-го сентября, прибылъ въ С.-Петербургъ и на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги былъ привѣтствованъ отъ лица академіи инспекторомъ ея, ординарнымъ профессоромъ Н. В. Покровскимъ (исправлявшимъ въ это промежуточное время должность ректора академіи) и другими членами академической администраціи. На слѣдующій же день преосвященный Іоаннъ вступилъ въ отправление своей должности. Встрѣченный въ вестибюлѣ главнаго зданія г. инспекторомъ, секретаремъ и экономомъ академіи, преосвященный Іоаннъ въ сопровожденіи ихъ обозрѣлъ жилища помѣщенія студентовъ и во время перемѣны въ 10¹/₄ час. утра вошелъ въ актовъ залъ, гдѣ къ тому времени собрались всѣ студенты, встрѣтившіе своего новаго начальника-архипастыря хоровымъ пѣніемъ „Достойно есть“. На архипастырское благословеніе преосвященнаго Іоанна студенты отвѣтствовали пѣніемъ „исполла-эти-деспота“. Ласковымъ взоромъ окинувъ учащуюся молодежь, преосвященный Іоаннъ обратился къ студентамъ съ нѣсколькими словами привѣтствія и назиданія, въ которыхъ, между прочимъ, высказалъ свои чувства въ настоящемъ и свои пожеланія для будущаго. Сказавъ, что онъ является въ академію съ наилучшими представленіями о ея студентахъ, преосвященный ректоръ выражалъ затѣмъ свое благожеланіе о томъ, чтобы это его мнѣніе осталось у него навсегда и въ будущемъ. Миръ и согласіе да царствуютъ между начальствующими и учащимися, потому что въ этомъ заключается наилучшій залогъ преуспѣянія самой ака-

демі. Въ заключеніе преосвященный архипастырь, выразивъ молитвенное пожеланіе, чтобы преподобный Сергій Радонежскій (память котораго праздновалась именно въ тотъ день) и покровитель сѣвернаго царствующаго града святыи благоверный великій князь Александръ Невскій дали всѣмъ членамъ академіи силы къ наилучшему осуществленію своего назначенія, вновь благословилъ студентовъ и, напутствуемый цѣнемъ „исполла-эти-деспота“, прослѣдовалъ въ залъ засѣданій совѣта и правленія.

Въ тотъ же день преосвященный Іоаннъ совершилъ всенощное бдѣніе въ академической церкви, а на другой день (въ праздникъ святаго Іоанна Богослова) и божественную литургію въ сослуженіи съ академическимъ духовенствомъ. Въ среду, 27 сентября, въ залъ совѣта, предъ началомъ засѣданія, состоялось формальное представленіе корпораціи наставниковъ и служащихъ академіи своему новому начальнику. Прибывъ въ залъ совѣта, преосвященный Іоаннъ обратился къ своимъ новымъ сослуживцамъ съ теплымъ привѣтствіемъ, въ которомъ высказалъ свои чувства, волновавшія его въ этотъ моментъ. Въ этомъ привѣтствіи преосвященный Іоаннъ, между прочимъ, высказалъ, что назначеніе его на отвѣтственный постъ ректора было для него неожиданностью, такъ какъ онъ, посвятивъ остатки своей жизни иноческому подвигу, не думалъ, что ему придется вновь стоять на стражѣ научно-воспитательнаго дѣла. Но Промыслъ Божій судилъ иначе. Предъ трудностью предстоящаго служенія смущается его сердце, но онъ надѣется найти для себя опору и подкрѣпленіе въ дружномъ содѣйствіи своихъ новыхъ высокочтимыхъ и заочно уже давно извѣстныхъ ему сослуживцевъ въ достиженіи предназначенной для академіи высокой цѣли. Затѣмъ началось представленіе наставниковъ въ отдѣльности, и преосвященный Іоаннъ, благословляя и любвеобильно лобызая каждого, находилъ ласковое и любезное слово для каждого изъ скромныхъ труженниковъ духовной науки, работающихъ на

на поприщѣ духовнаго просвѣщенія до полного самоотверженія.

Послѣ представленія началось засѣданіе совѣта подъ предсѣдательствомъ новаго ректора, для котораго, какъ бывшаго ректора семинаріи, а раньше и секретаря совѣта Московской академіи, это положеніе не представляло ничего непривычнаго. Вообще преосвященный Іоаннъ вступаетъ на постъ ректора академіи во всеоружіи долговременнаго опыта. Вся его жизнь прошла въ близкомъ соприкосновеніи съ духовно-учебнымъ и воспитательнымъ дѣломъ. Родомъ изъ Вологодской епархіи (род. въ 1839 г.), преосвященный Іоаннъ (въ мірѣ Иванъ Александровичъ Кратировъ) получилъ среднее образованіе въ мѣстной семинаріи, откуда въ качествѣ одного изъ лучшихъ учениковъ поступилъ въ Московскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1864 году. По окончаніи академическаго курса онъ состоялъ нѣкоторое время преподавателемъ церковно-историческихъ наукъ въ родной семинаріи, откуда въ 1866 году перешелъ въ Ярославскую духовную семинарію, гдѣ занималъ и должность помощника инспектора и удостоенъ былъ степени магистра богословія, а затѣмъ въ теченіе 12 лѣтъ былъ секретаремъ совѣта и правленія въ Московской академіи, каковая служба дала ему возможность основательно познакомиться съ юридическимъ и административнымъ строемъ нашихъ академій. По принятіи священнаго сана, преосвященный Іоаннъ назначенъ былъ въ 1883 году ректоромъ Харьковской духовной семинаріи, въ которой служилъ около десяти лѣтъ, высоко держа знамя православной науки въ университетскомъ городѣ—не только въ качествѣ начальника духовно-учебнаго заведенія, но и перваго редактора извѣстнаго философско-богословскаго журнала: „Вѣра и Разумъ“, справедливо пользующагося репутацией одного изъ лучшихъ духовныхъ журналовъ, какъ органа богословско-философской мысли и церковно-исторической науки, привлекающаго на свои страницы работы лучшихъ дѣятелей духовнаго просвѣщенія.

Понесъ семейное несчастье въ потерѣ супруги, преосвященный Іоаннъ порѣшилъ посвятить остатокъ своихъ дней ипоческому подвигу и, по принятии монашества, былъ возведенъ (23 апрѣля 1893 г.) въ санъ епископа Сумскаго, викарія Харьковской епархіи, откуда чрезъ нѣсколько времени переведенъ былъ на кафедру Елисаветградскую, гдѣ и застало его новое назначеніе, вновь призвавшее его на отвѣтственный постъ начальника также духовно-учебнаго заведенія, но уже высшаго, именно духовной академіи („Церк. Вѣстн.“).

Магистерскіе коллоквиумы.

Въ Московской духовной академіи состоялись недавно два магистерскихъ коллоквиума: смотрителя Черкаскаго духовнаго училища К. А. Чемены и помощника инспектора Московской академіи И. Д. Андреева.

Первый коллоквиумъ происходилъ 29-го сентября. Диспутантъ, г. Чемена, защищалъ написанную имъ диссертацию, подъ заглавіемъ: „Происхожденіе и сущность ессейства“ (опытъ историко-критическаго изслѣдованія). Официальными оппонентами были—экстраординарный профессоръ академіи по кафедрѣ библейской исторіи А. П. Смирновъ и доцентъ Священнаго Писанія Ветхаго Завета В. Н. Мышцынъ. Первый оппонентъ указалъ на несоотвѣтствіе названія книги съ тѣмъ, что дается въ самомъ текстѣ ея: авторъ, какъ бы избѣгая положительнаго рѣшенія вопроса, почти во всемъ своемъ сочиненіи обслѣдуетъ критически высказанныя разными учеными мнѣнія относительно сущности и происхожденія ессейства. По мнѣнію оппонента, содержанію книги г. Чемены болѣе соотвѣствовало бы такое заглавіе: „Критическій разборъ теорій по вопросу о происхожденіи и сущности ессейства“. Недостаточность матеріала, существующаго по избранному диспутантомъ вопросу, и—главное—скудность замѣчаній, какія находятся отно-

сительно ессействъ въ трудахъ Филона и Флавія, сильно отразились и на работѣ диспутанта. „Въ своей книгѣ, заключилъ свою рѣчь А. П. Смирновъ, авторъ не пришелъ ни къ какимъ положительнымъ выводамъ и не сказалъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что находится въ источникахъ; но за то въ сочиненіи г. Чемены находится множество указаній на источники, очень цѣнные для изслѣдователя ессейства“. Второй оппонентъ, г. Мышцынъ, отмѣтилъ нѣсколько случаевъ легковѣрнаго отношенія диспутанта къ цитируемымъ авторамъ. Защита г. Чемены признана удовлетворительною, и совѣтъ академіи постановилъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи диспутанта въ искомой имъ степени магистра богословія.

Второй магистерскій коллоквиумъ состоялся 6-го октября. Въ качествѣ диспутанта выступилъ И. Д. Андреевъ, сынъ священника Орловской губерніи. По окончаніи курса въ академіи онъ въ 1893 г. былъ назначенъ преподавателемъ философіи въ Таврическую духовную семинарію, а 4-го сентября 1895 г. поступилъ на должность помощника инспектора въ Московскую духовную академію. Магистерская диссертация г. Андреева носитъ такое заглавіе: „Константинопольскіе патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія“ (хронологія этихъ патріарховъ и очерки жизни и дѣятельности важнѣйшихъ изъ нихъ. Выпуска первый. Сергіевъ Посадъ. 1895 года). Кромѣ диссертации, г. Андреевымъ были написаны еще статьи: „Саулъ у волшебницы Аэндорской“, „Отношеніе педагогической дѣятельности къ пастырской“, „О счастьи“ и нѣсколько статей, напечатанныхъ частію въ „Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, частію въ нѣкоторыхъ журналахъ.—Первый изъ оппонентовъ, ординарный профессоръ по кафедрѣ церковной исторіи А. П. Лебедевъ, началъ съ заявленія, что ему почти нечего возражать—такъ мало недостатковъ въ книгѣ г. Андреева. Образцовая тщательность въ провѣркѣ хронологическихъ данныхъ и отсюда

твердость и обоснованность дѣла автора, превосходное знакомство съ литературою предмета, критическое отношеніе къ источникамъ, осторожность въ выводахъ— вотъ, по мнѣнію оппонента, крупныя и весьма важныя достоинства книги диспутанта. Какъ на недостатки диссертациі профессоръ указалъ на несовѣмъ правильный распорядокъ въ диссертациі источниковъ и пособій и на несовѣмъ вѣрное сужденіе г. Андреева о нѣкоторыхъ историческихъ лицахъ. Другимъ оппонентомъ г. Андреева былъ ординарный профессоръ церковнаго права Н. А. Заверскій. Своимъ возраженіемъ оппонентъ предислалъ рѣчь, въ которой отмѣтилъ выдающіяся ученныя достоинства книги г. Андреева. Въ качествѣ недостатковъ сочиненія оппонентъ отмѣтилъ нѣсколько случаевъ неправильнаго перевода, иногда совершенно искажавшаго смыслъ подлинника, и несовѣмъ правильныя сужденія г. Андреева объ отцахъ Халкидонскаго собора. Но указанные недостатки, по мнѣнію оппонента, нисколько не уменьшаютъ научной цѣнности книги и не мѣшаютъ ей быть капитальнымъ сочиненіемъ, справочной книгой для историковъ и канонистовъ. Въ своихъ отвѣтахъ на возраженія оппонентовъ диспутантъ проявилъ большую находчивость и отличное знакомство съ трактуемымъ предметомъ. По окончаніи защиты совѣтъ академіи постановилъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ удостоеніи г. Андреева степени магистра богословія.

Эзельское Свято-Николаевское братство.

Въ настоящемъ году исполнилось 25-ть лѣтъ существованія Эзельскаго Свято-Николаевскаго эсто-русскаго православнаго братства. Возникшее по мысли небольшого кружка истинно-русскихъ людей съ дѣлюю оказанія нравственной и матеріальной поддержки новоприсоединеннымъ эстамъ и огражденія ихъ отъ вреднаго вліянія инновѣрной среды, братство это вначалѣ не могло проявлять значительной дѣятельности, располагая очень

скудными для того средствами. Но вскорѣ же на сдѣланный братствомъ призывъ къ пожертвованіямъ сочувственно откликнулись многія лица изъ разныхъ мѣстъ Россіи, въ томъ числѣ поборникъ православно-русскаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ Ю. О. Самаринъ и высокопреосвященный Платонъ, впоследствии митрополитъ Кіевскій, незадолго передъ тѣмъ перемѣщенный съ Рижской кафедрѣ на епархію Донскую и Новочеркасскую. Въ 1872 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на ежегодный отпускъ пособія братству въ количествѣ 600 р. на содержаніе братскихъ училищъ, а въ 1887 году братство принято было подъ Августѣйшее покровительство Великаго Князя Владимира Александровича. Съ того же года, во вниманіе къ пользѣ, приносимой братствомъ для православія въ краѣ, Святѣйшій Синодъ сталъ отпускать братству по 250 р. въ годъ. Дѣятельность братства направлялась и направляется на поддержаніе церквей и школъ, на изданіе религіозно-нравственныхъ брошюръ и на дѣла благотворительности. Въ теченіе 25 лѣтъ оно израсходовало на исправленіе церковныхъ зданій 7,366 р., на ремонтъ и покупку школьныхъ домовъ 6,891 р., на содержаніе учителей 10,833 р., на выдачу наградъ имъ—573 р., на напечатаніе религіозныхъ брошюръ на эстскомъ языкѣ 4,967 р. и на пособія бѣднымъ православнымъ—7,117 р. Членовъ братства за 25-ти лѣтній періодъ состояло—почетныхъ 32 и дѣйствительныхъ—359; изъ числа ихъ умерло 22 почетныхъ и 75 дѣйствительныхъ. За 25 лѣтъ поступило 87,039 р.; израсходовано 51,261 р. и имѣется въ остаткѣ 35,777 р.

Противораскольническая миссія въ Полоцкой епархіи.

Въ предѣлахъ епархіи Полоцкой проживаетъ свыше 80,000 раскольниковъ, почти всѣ они—послѣдователи извѣстнаго Θεодосія Васильева, поселившагося въ Невельскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи, въ концѣ XVII вѣка. Для борьбы съ расколомъ въ 1894

году, по мысли преосвященнаго Александра, учрежденъ при Витебскомъ Свято-Владимірскомъ братствѣ противораскольническій комитетъ, предсѣдательство въ коемъ поручено преподавателю по исторіи и обличенію раскола въ мѣстной духовной семинаріи И. Т. Никифоровскому. Членами комитета назначены: епархіальный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ о. Ниль Серебренниковъ и членъ мѣстной духовной консисторіи протоіерей Соколовъ. Въ истекшемъ году мѣропріятія комитета были направлены какъ на изученіе раскола, такъ и на борьбу съ нимъ. Такъ, были сдѣланы сношенія съ цѣлю: а) опредѣлить точно число раскольниковъ по городамъ и селеніямъ и б) узнать при какихъ церквахъ и какія именно имѣются книги противораскольническія... При духовной семинаріи заведена, на отпущенные преосвященнымъ Александромъ 350 руб. сер. изъ миссіонерскихъ сборовъ, центральная противораскольническая бібліотека. Бібліотека эта служитъ главнымъ образомъ для собесѣдованій, устраиваемыхъ въ семинаріи, но изъ нея высылаются книги и по требованію окружныхъ противораскольническихъ миссіонеровъ для ихъ собесѣдованій. За симъ комитетомъ въ истекшемъ году расширена самая миссія противораскольническая и избраны окружные миссіонеры. Утвержденіе послѣднихъ состоялось послѣ рекомендаціи ихъ со стороны мѣстныхъ оо. благочинныхъ и личнаго согласія каждаго изъ избранныхъ взять на себя нелегкій трудъ. Въ теченіе отчетнаго года окружными миссіонерами утверждены 16 священниковъ и 2 учителя церковно-приходскихъ школъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи. Теперь противораскольническая миссія охватываетъ почти всю губернію.

Изъ Гольдпигена.

12-го сентября Прибалтійская учительская семинарія отпраздновала первое 25-лѣтіе своего существованія. Наканунѣ этого дня въ мѣстной церкви въ при-

сутствіи начальниковъ и воспитанниковъ семинаріи протоіереемъ А. Гобипымъ было совершено всенощное бдѣніе, а утромъ въ день торжества — божественная литургія. Въ часъ дня въ украшенномъ флагами и зеленью помѣщеніи семинаріи было совершено благодарственное молебствіе въ присутствіи представителей мѣстнаго общества и окрестныхъ народныхъ учителей. Директоръ семинаріи Э. Страховичъ въ краткомъ очеркѣ ознакомилъ присутствующихъ съ обстоятельствами, при которыхъ семинарія была открыта, съ причинами и послѣдствіями перевода ея въ Гольдпигенъ и, наконецъ, съ настоящимъ состояніемъ семинаріи. Изъ этого очерка видно было, что уже 25 лѣтъ тому назадъ потребность въ русскомъ образованіи была очень велика въ мѣстномъ населеніи: такъ, на первый приемный экзаменъ въ семинарію явилось 138 молодыхъ людей. По первому экзамену было принято 54 человекъ, всего же за 25 лѣтъ поступило въ семинарію 780 человекъ, изъ которыхъ окончили курсъ съ званіемъ учителя 459 человекъ; остальные же, хотя и оставили семинарію до окончанія курса, но тѣмъ не менѣе всѣ занимали или занимаютъ мѣста народныхъ учителей, такъ какъ по правиламъ семинаріи они пользуются правомъ быть учителями.

Въ настоящее время въ семинаріи 127 воспитанниковъ: 8 русскихъ, 108 латышей, 9 эстовъ и 2 литовца; въ томъ числѣ 53 православныхъ, 69 лютеранъ и 5 римско-католическаго вѣроисповѣданія. По окончаніи рѣчи директора всѣми присутствовавшими былъ исполненъ русскій народный гимнъ. Среди множества привѣтственныхъ писемъ были прочтаны телеграммы высокопреосвященнаго Арсенія, архіепископа Рижскаго, и попечителя Рижскаго учебнаго округа Н. А. Лавровскаго, въ которыхъ они выразили пожеланіе семинаріи дальнѣйшаго преуспѣянія „на благо православно-русскаго дѣла въ краѣ семъ“ („Риж. Вѣстн.“).

Изъ Вязниковъ, Владимірской губерніи.

Въ субботу 23-го сентября, съ разрѣшенія высокопреосвященнаго архіепископа Владимірскаго Сергія, Ярополчская, въ г. Вязникахъ, образцовая двухклассная Кирилло-Меодіевская церковно-приходская школа праздновала десятилѣтіе своего существованія. Божественную литургію совершали 5 протоіереевъ, 1 игумень и 4 священника. На всенощной: „Слава въ вышнихъ Богу“, а на литургіи: „Вѣрую“, „Достойно есть“ и „Отче нашъ“ пѣли всѣ дѣти. Остальное пѣніе исполнилъ хоръ пѣвчихъ, составленный изъ мѣстныхъ школьничковъ. По окончаніи литургіи къ наличнымъ священнослужителямъ еще прибавилось 4 и всѣ отправились въ зданіе школы крестнымъ ходомъ. Здѣсь было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе съ присовокупленіемъ тропарей святымъ Кириллу и Меодію и „Спаси, Господи, люди Твоя“, которые были прочтѣны дѣтми. Послѣ молебна крестный ходъ направился кругомъ школъ и мѣстнаго храма.

Какъ за литургіей, такъ и на молебнѣ въ школѣ были всѣ представители города и приглашенные къ участію въ торжествѣ гости. По окончаніи крестнаго хода, отъ попечителя школы г. Дедюхина было предложено учащимся въ школахъ угощеніе. Въ это время въ домѣ общежитія собрались участвовавшіе въ молитвенномъ празднествѣ уѣздныя власти и представители города. Завѣдующій Ярополчскими церковно-приходскими школами протоіерей К. Веселовскій прочиталъ собравшимся гостямъ полученныя по случаю праздника привѣтствія, изъ которыхъ особенно сердечною дышали письменное бывшаго Владимірскаго, а нынѣ Новгородскаго архіепископа Θεогноста и телеграмма бывшаго викарія Владимірскаго, а нынѣ епископа Тамбовскаго Александра. Затѣмъ слѣдовало чтеніе исторической записки, изъ которой видно, что въ періодъ истекшаго десятилѣтія при Ярополчской мужской образцовой школѣ

устроены и открыты: женская одноклассная церковно-приходская школа—въ особомъ зданіи, обширный домъ общежитія и школа грамоты для глухонѣмыхъ. Въ настоящее время обучаются въ школахъ обоюга пола 186 человекъ, а въ продолженіе истекшаго десятилѣтія обучалось 704. На хозяйственное содержаніе общежитія и школьныхъ зданій, а также на жалованье учащимъ въ Ярополчскихъ школахъ ежегодно расходуется до 1930 руб. Постройка всѣхъ школьныхъ зданій и ограды кругомъ сада-огорода въ общей сложности стоила свыше 16 т. р., а всего въ продолженіе истекшаго десятилѣтія израсходовано на Ярополчскія церковно-приходскія школы свыше 32 т. р., включая сюда и содержаніе дѣтей, прирѣзываемыхъ въ общежитіи. Двѣ трети изъ этой суммы составляютъ пожертвованія попечителя школы В. Н. Дедюхина.

Обширный залъ въ верхнемъ этажѣ дома общежитія, вмѣщающій въ себѣ до 300 человекъ, освѣщенный 14 большими окнами, былъ украшенъ зеленью и цвѣтами. Въ среднемъ, такъ называемомъ итальянскомъ окнѣ лицевой стороны зданія, красовался портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, украшенный зеленью, цвѣтами и флагами... Всѣхъ собравшихся на празднество гостей было до 50 человекъ.

Ярополчская въ г. Вязникахъ, образцовая Кирилло-Меодіевская церковно-приходская школа, первая по времени открытія двухклассныхъ школъ во Владимірской епархіи. Постройка зданія для оной производилась на суммы добродетельныхъ дателей съ великими для строителя затрудненіями. Но Господу Богу угодно было, чтобы прежде пустое, заброшенное мѣсто, поросшее релейникомъ и всякой сорной травой, стало разсадникомъ грамотности для мальчиговъ и дѣвочекъ, для бѣдныхъ сиротъ и даже глухонѣмыхъ... И дѣйствительно, на прежнемъ пустынномъ, совершенно заброшенномъ мѣстѣ, но рядомъ съ оградой Троицкаго храма, гдѣ нѣкогда было учрежденіе грѣховное—кабакъ, теперь

красуется три великолѣнныхъ зданія: а) мужская двухклассная школа и школа глухонѣмыхъ — двухэтажный обширный полукаменный домъ, б) таковой же домъ общежитія и в) большой одноэтажный домъ женской одноклассной церковно-приходской школы. Кругомъ всѣхъ этихъ зданій разведенъ садъ-огородъ, обнесенный прекрасною оградой. Всѣ зданія обшиты тесомъ и окрашены вмѣстѣ съ оградой масляными красками.

Протоіерей Константинъ Веселовскій.

Пятидесятилѣтніе юбилей.

24-го сентября въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Кіева совершалось рѣдкое празднество: духовная академія праздновала 50-лѣтній юбилей своего заслуженнаго ординарнаго профессора, Дмитрія Васильевича *Поспѣхова*, университетъ святаго Владиміра праздновалъ такой же юбилей своего законоучителя и также заслуженнаго профессора богословія, Назарія Антоновича *Гаворова*.

Заслуженный ординарный профессоръ Кіевской духовной академіи, д. с. с. Дмитрій Васильевичъ *Поспѣховъ* родился въ 1821 году, сынъ священника Владимірской епархіи. По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи (1845 г.), Дмитрій Васильевичъ былъ назначенъ Святѣйшимъ Синодомъ бакалавромъ философскихъ наукъ. Въ теченіе полустолѣтія онъ преподавалъ философію (главнымъ образомъ психологію) въ родной академіи, быстро возвышаясь на служебномъ поприщѣ.

Какъ старшій помощникъ ректора, онъ неоднократно исполнялъ должность ректора академіи. Согласно избранію профессоромъ, онъ состоялъ редакторомъ академическаго журнала „Труды Кіевской дух. академіи“.

Учено-литературные труды Д. В. Поспѣхова помѣщались почти исключительно въ академическихъ журналахъ — „Воскр. Чтеніи“ и „Трудахъ Кіевск. дух. академіи“. Въ „Воскр. Чтеніи“ (академическаго изданія) Д. В. Поспѣховъ помѣстилъ очень

много небольшихъ, глубоко-назидательныхъ и талантливо написанныхъ статей, напр., „Звѣда Мессіи“, „25-е декабря, какъ день знаменательный и въ жизни другихъ народовъ“ и др. Въ „Трудахъ академіи“ имъ напечатаны: 1) „О книгѣ Премудрости Соломоновой“ (опытъ историко-библіологическаго изслѣдованія) (нѣсколько статей за 1862—63 гг.). 2) „Несторій и Евтихій, ересіархи V вѣка“, соч. Ам. Тьерри, въ дополненномъ и значительно переработанномъ видѣ (рядъ статей въ 1879—80 гг., вышедшихъ въ двухъ книгахъ, изданныхъ отдѣльно). 3) „Конечныя причины“, соч. Поля Жюане, перев. съ французскаго Г. В. Малеванскимъ, подъ редакціею Д. В. Поспѣхова (въ 1877 и 1878 гг., издано особо). 4) „По поводу послѣдняго сочиненія протоіерейя И. М. Скворцова“ (О задачахъ философіи; въ „Труд. Кіев. акад.“ 1863 г.).

Въ „Сборникѣ статей“, изданныхъ Кіевскою академіею по поводу 50-лѣтняго ея юбилея, напечатаны Д. В. Поспѣховымъ двѣ статьи, посвященныя оцѣнкѣ міровозрѣнія его предшественниковъ по кафедрѣ философіи—прот. И. М. Скворцова и архим. Теофана (Авсенева).

Въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ помѣщена Д. В. Поспѣховымъ статья: „Большая египетская пирамида и ея значеніе“.

Особую книгою издана (кромѣ упомянутыхъ статей, помѣщенныхъ въ „Трудахъ Кіевской духовной академіи“) обширная докторская диссертация, подъ заглавіемъ: „Книга премудрости Соломона, въ ея отношеніи къ іудео-александрійской философіи“.

Въ исторіи академіи юбиларъ имѣетъ особое значеніе, какъ талантливый преподаватель труднаго философскаго предмета, въ теченіе полустолѣтія просвѣщавшій юныхъ слушателей свѣтомъ истинной философіи. Вотъ въ какихъ выразительныхъ чертахъ сама академія изобразила дѣятельность юбиляра въ поднесенномъ ему адресѣ. „Всѣ ваши ученики, говорилось въ адресѣ, чтутъ вашу ясную, строгую и сильную мысль, легко овладающую самыми сложными и запутанными

проблеммами знанія, умѣющую соединять философское глубокомысліе съ христіанскимъ смиренномудріемъ и о предметахъ высшаго вѣдѣнія съ силою убѣдительности передавать сужденія въ чистомъ видѣ, провѣренномъ и утвержденномъ истинною христіанскою. Свѣтъ чистыхъ знаній и убѣждений далеко распространялся съ вашей профессорской кафедрѣ, и ваши уроки, которымъ первѣе всего внимали молодые люди, поступавшіе въ академію, были основаніемъ для созиданія міросозерцанія многихъ поколѣній, прошедшихъ чрезъ академію въ 50-лѣтній періодъ вашего служенія. Отъ вашего учительнаго слова, сколько яснаго, столько и сильнаго, сколько философски-глубокаго, столько и строго-православнаго, росли, созрѣвали и нынѣ созрѣваютъ на нивѣ духовной плоды, незримые для васъ, и, можетъ быть, тѣ, которые приносятъ эти плоды, не сознаютъ ясно, чѣмъ и сколько они вамъ обязаны въ своей полезной дѣятельности“.

Протоіерей Назарій Антоновичъ Оаворовъ—уроженецъ Рязанской епархіи, сынъ діакона. Изъ Кіевской духовной академіи въ 1845 году онъ выпущенъ былъ первымъ магистромъ. Академическое начальство постаралось удержать у себя своего первенца, назначивъ его на кафедру Священнаго писанія.

Чрезъ 14 лѣтъ академической службы, опредѣленъ (21 декабря 1859 г.) профессоромъ богословія, логики и психологіи въ Кіевскій университетъ св. Владиміра и въ январѣ слѣдующаго года (6 января 1860 г.) рукоположенъ во священника университетской церкви, хотя продолжалъ нѣкоторое время (до 4 мая 1862 г.) службу и въ академіи. Въ 1861 году о. Оаворовъ былъ возведенъ въ санъ протоіерей и опредѣленъ преподавателемъ Закона Божія въ Фундуклеевской женской гимназіи, гдѣ состоялъ до 1870 года. Въ 1862 г. за свой трудъ „Руководство къ церковному собесѣдованію или гомилетика“ онъ былъ удостоенъ степени доктора богословія. По выслугѣ 25 лѣтъ по

учебной службѣ въ 1870 г., о. Оаворовъ былъ оставляемъ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, на нѣсколько пятилѣтій до послѣдняго времени.

За свои разнообразныя и полезныя труды о. Оаворовъ былъ отличаемъ начальствомъ; онъ получилъ всѣ награды, доступныя бѣлому духовенству, отъ набодренника—до палицы, отъ Анны 3-й степени до ордена святаго Владиміра 2-й степени, пожалованнаго ко дню юбилея.

Изъ напечатанныхъ его сочиненій наиболѣе извѣстны: Публичныя чтенія о вѣрѣ въ Иисуса Христа какъ истиннаго Сына Божія, воплотившагося для спасенія человѣка. Противъ раціонализма (читаны въ университетѣ святаго Владиміра въ 1864 г.; „Труды Кіевской академіи“ 1865 г., т. I и II, отд.). Руководство къ церковному собесѣдованію или гомилетика. Очерки нравственнаго православно-христіанскаго ученія. Очерки догматическаго православно-христіанскаго ученія (нѣсколько изданій). Проповѣди и рѣчи, говоренныя по разнымъ случаямъ (печатались въ „Воскресномъ Читаніи“, „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ и „Кіевскихъ Епархіальн. Вѣдомостяхъ“).

Сочиненія протоіерей Н. А. Оаворова, а равно и лекціи его, отличаются содержательностью, строгою логичностью и отчетливостію: его учебно-литературныя труды пользуются широкою распространенностію не только между учащимися, но и между всѣми интересующимися богословскими вопросами („Церк. Вѣст.“).

24-го сентября исполнилось 50 лѣтъ служенія Церкви настоятеля Ярославскаго кафедральнаго собора протоіерей *Іоанна Іоанновича Сперанскаго*. Духовенство Ярославской епархіи и все городское общество, а также многочисленныя ученики маститаго юбиляра изъ разныхъ концовъ Россіи чествовали его самымъ сердечнымъ образомъ. Уроженецъ Ярославской губерніи, І. І. Сперанскій окончилъ курсъ С.-Петербургской духовной академіи въ 1845 г. и въ томъ же году былъ назначенъ преподавателемъ психологіи, патристики и латинскаго языка въ Яро-

славской духовной семинаріи, а въ 1848 году былъ рукоположенъ во священника Ярославской Всехсвятской церкви съ сохраненіемъ должности преподавателя въ семинаріи. Служеніе о. І. Сперанскаго и въ приходской церкви, и въ кафедральномъ соборѣ, гдѣ онъ уже давно настоятелемъ, и въ духовной консисторіи, гдѣ онъ старѣйшій членъ, и въ продолженіе 28 лѣтъ въ духовной семинаріи—всегда отличалось необыкновенною ревностію и трудолюбіемъ, строгою исполнительностію и знаніемъ дѣла, а личнымъ мягкимъ, ровнымъ и выдержаннымъ характеромъ юбиляръ снискалъ всеобщее къ себѣ уваженіе и любовь, ярко проявившійся въ празднованіи его 50-лѣтняго юбилея. Преосвященные архипастыри всегда находили въ немъ дѣятельнаго сотрудника и помощника, а Ярославское городское общество имѣетъ въ немъ высокочтимаго духовнаго пастыря и руководителя. Признательные граждане поднесли ему святую икону и адресъ.

29-го сентября праздновался 50-лѣтній юбилей любимаго и глубоко-уважаемаго настоятели Скорбященской церкви въ С.-Петербургѣ протоіерея *Василія Михайловича Гилларовскаго*. Приходская церковь была полна народу; помолитесь вмѣстѣ съ юбиляромъ собрались его духовныя дѣти (которыхъ у него особенно много и среди духовенства, и среди свѣтскихъ), представители отъ тѣхъ учреждений, гдѣ онъ раньше служилъ (Императорское Человѣколюбивое Общество, Царскосельское женское духовное училище) и много знакомыхъ. Послѣ литургіи было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе. На молебень вышло до 15 человѣкъ столичнаго духовенства во главѣ съ протоіереемъ церкви Императорской академіи художествъ И. С. Денисовымъ. Юбиляръ, вышедшій на молебень безъ церковнаго облаченія, былъ встрѣченъ рѣчью протоіерея Л. И. Богдановскаго, высказавшаго, что на долю юбиляра выпало скромное и даже незамѣтное по вѣщности, но въ то же время труд-

ное и великое по своему внутреннему значенію служеніе на поприщѣ воспитанія, обученія и наставленія „малыхъ сихъ“; что это служеніе юбиляра велико и потому еще, что продолжалось непрерывно 50 лѣтъ и совершалось въ мирѣ, любви и согласія со всѣми, и что юбиляръ всю свою жизнь наставлялъ и училъ не только живымъ словомъ, но и собственнымъ примѣромъ; въ Олонеккой или духовной семинаріи, въ домѣ-ли призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ и здѣсь-ли въ церкви Божіей Матери, вездѣ служеніе юбиляра было безупречно во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ причта и церковнаго старосты юбиляру была поднесена прекрасная икона Спасителя въ дубовомъ киотѣ, предъ которой и было совершено молебствіе. Послѣ молебна юбиляръ принималъ поздравленія отъ всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви. Поздравленія закончились поднесеніемъ адреса отъ дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ Императорскаго Человѣколюбиваго общества, гдѣ юбиляръ священствовалъ и законоучителемъ ввѣствоваль 22 года („Спб. Духовн. Вѣст.“).

Преосвященный Александръ, епископъ
Калужскій.

Въ глухую осеннюю почу, съ 7 на 8 октября, когда вся Калуга объята была мирнымъ спомъ, около 3 часовъ по полудни на соборной колокольнѣ раздались рѣдкіе, мѣрные и заунывные звуки большого колокола. Встрепенулась отъ неожиданности душа каждаго, кому привелось услышать этотъ необычайный звонъ, и сразу поняла его роковое значеніе. „Видно, отошелъ ко Господу нашъ страдалецъ-архіерей. Поболѣлъ, поскорбѣлъ родимый... Упокой, Господи, его многострадальную душу!“—невольнo шептали уста слышавшихъ роковой благовѣсть, искрившіеся отъ наворачнувшихся слезъ глаза искали въ темнотѣ святой иконы,

а дрожація руки инстинктивно поднимались къ челу и истово творили крестное знаменіе...

8-го октября стоялъ ясный и сухой день, одинъ изъ тѣхъ дивныхъ дней, какими щедро дарила насъ нынѣшняя осень. Въ 9-мъ часу утра множество Калужанъ, по заведенному обычаю, вышло встрѣчать чудотворную икону Божіей Матери, которую въ этотъ день должны были принести изъ подгородняго села Калужки. Но не радостна была на этотъ разъ встрѣча благоговѣйно чтимой святыни. Глубоко пораженные смертью любимаго архипастыря, печальные и грустные шли они за чудотворнымъ образомъ. Въ скорбно-торжественномъ молчаніи двигалась тысячная осиротѣлая толпа. И лишь слышались тихіе, сдержанные разговоры на печальную тему. „Слышали: скончался нашъ страдалецъ!“— „А какъ сильно болѣлъ онъ“.— „Вотъ уже по истинѣ мученикъ“.— „Царство ему небесное!“— „Хорошій, добрый былъ онъ архіерей“.— У говорившихъ набѣгали на глаза слезы, и они спѣшили осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ...

Почившій архипастырь былъ далеко еще не старій человѣкъ: ему не было полныхъ и 56 лѣтъ. Въ мірѣ онъ назывался Андрей Ивановичъ Свѣтлаковъ. Родиною его было село Нижняя Маза, Сыранскаго уѣзда Симбирской губерніи. Здѣсь отецъ его проходилъ столь невидную должность пономари при мѣстной церкви. Среди убогой обстановки пономарскаго дома и протекли первые годы жизни будущаго Калужскаго святителя. Среднее образованіе онъ получилъ въ Симбирской семинаріи. По окончаніи курса въ ней, въ 1860 году, онъ рукоположенъ былъ во священника въ село Городищи, откуда перешелъ въ Кильдюшево и, наконецъ, въ с. Киртели. Десять слишкомъ лѣтъ наслаждался о. Андрей тихою, счастливою семейною жизнью. Овдовѣвъ на одиннадцатомъ году брачной жизни, онъ поступилъ въ 1871 году въ Кіевскую академію, въ которой и кончилъ курсъ въ 1875 году со степенью кандидата-магистранта. Тогда же молодой кандидатъ

назначенъ былъ на должность законоучителя Нижегородской классической гимназіи, которую и проходилъ съ честью. Черезъ пять лѣтъ по окончаніи курса о. Свѣтлаковъ представилъ въ совѣтъ академіи и публично защитилъ магистерскую диссертацию „Исторія Иудейства въ Аравіи и вліяніе ея на ученіе Корана“. Кромѣ этого ученаго сочиненія, о. Андрей написалъ длинный рядъ духовно-нравственныхъ сочиненій *). Въ 1883 г. о. Андрей принялъ иночество съ именемъ Александра. Тогда же онъ былъ назначенъ ректоромъ Виоанской семинаріи и возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1885 году онъ былъ назначенъ и хиротонисанъ во епископа Можайскаго, викарія Московской епархіи. Добрый, благожелательный, кроткій, всѣмъ доступный своею церковно-административною (особенно во время управленія Московскою митрополіей—въ болѣзнь митрополита Леонтія и непосредственно послѣ смерти его), дѣятельностью онъ приобрѣлъ уваженіе со стороны Московскаго духовенства и искреннюю любовь всѣхъ Москвичей. Въ то же время преосвященный Александръ продолжалъ и свою учено-литературную дѣятельность **). Въ это же время имъ изданы были въ большомъ количествѣ общедоступныя для народа брошюры религіозно-нравственнаго содержанія.

*) Такъ, имъ были написаны: „Нравственные уроки законоучителя въ словахъ и рѣчахъ“; „Христіанскіе храмы, ихъ исторія и значеніе“; „Акты св. мучениковъ и ихъ религіозно-нравственное значеніе“; „Евангельскія чтенія для народныхъ школъ на славянскомъ языкѣ“; „На память объ Императорѣ Александрѣ II-мъ, 1-е марта 1882 г.“; „Опять объясненія заповѣдей Божіихъ“; „Изложеніе ученія о церкви, благодати, таинствахъ, съ приложеніемъ статьи о загробной жизни“; „Нравственный образъ Иисуса Христа и Его благотворное вліяніе на жизнь человѣчества“; „Вѣчное блаженство святыхъ“. Сверхъ того, о. Андрей напечаталъ изложеніе „ученія о Святой Троицѣ“, направленное противъ мухамеданства (въ „Чтеніяхъ въ общ. люб. дух. просвѣщенія“) и „Нравственный характеръ Мухаммеда“ (въ „Прав. Собесѣдн.“).

**) Такъ, появились его статьи объ „Англиканской церкви“ (въ „Душен. Чтен.“), объ „Ультрамонтанствѣ Утрехтской церкви“ („Прав. Обзор.“) и мн. др. Тогда же началъ печататься въ „Душен. Чтеніи“ трудъ преосвящ. Александра: „Иисусъ Христосъ по Евангелію“. Нѣсколько выпусковъ этого труда вышло отдѣльнымъ изданіемъ; но, печатаніе его не закончено и по настоящее время.

29 января прошлаго года состоялось Высочайшее утверждение доклада Святѣйшаго Синода о бытіи преосвященному Александру епископомъ Калужскимъ и Боровскимъ. Радостно и торжественно встрѣчала Калуга 3 марта 1894 года своего новаго епископа. Здоровымъ и бодрымъ и энергичнымъ предсталъ онъ предъ взоромъ Калужанъ. Его открытое, умное лицо, свѣтлый и располагающій къ себѣ взглядъ, ласковое обращеніе и привѣтливая рѣчь сразу возбудили къ нему симпатію. Со словомъ „мира“ обратился онъ тогда къ своей новой паствѣ. И этотъ миръ, взаимное согласіе и единеніе всѣхъ своихъ пасомыхъ поставилъ онъ желанною цѣлью своей дѣятельности. Къ миру, согласію и взаимной любви призывалъ онъ и всѣхъ своихъ Калужскихъ чадъ въ своихъ частыхъ поученіяхъ, безъ чего не обходилось почти ни одно его служеніе. Для нравственнаго назиданія этихъ своихъ чадъ продолжалъ онъ издавать и общедоступныя брошюрки соотвѣтственнаго содержанія. Какою, на примѣръ, живостію и искренностью чувства вѣетъ отъ его брошюрки, посвященной памяти Царя-Миротворца! Вообще же преосвященный чутко стоялъ на стражѣ духовно-нравственныхъ интересовъ своей паствы и всегда спѣшилъ своимъ простымъ, но яснымъ и высокоавторитетнымъ словомъ разъяснить и уврачевать всякое уклоненіе отъ закона евангельскаго, какое только замѣчалъ въ вѣрѣ и жизни своихъ многочисленныхъ пасомыхъ. Бесѣды его по поводу секты хлыстовъ *) (нашедшей себѣ пріютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Калужской епархіи)—одно изъ проявленій бдительности архипастыря.

Для всѣхъ доступный, ко всѣмъ внимательный и ласковый, замѣчательно простой въ обхожденіи, онъ невольно располагалъ къ себѣ всѣхъ и всякаго, отъ самаго послѣдняго крестьянина до высокопоставленнаго въ гражданскомъ рангѣ сановника, отъ бѣднаго сельскаго псаломщика до заслуженнаго го-

*) Бесѣды эти, равно какъ и многія другія поученія преосвященнаго Александра, печатались въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

родскаго протоіерея. Всѣ безболзненно шли къ своему архипастырю и отцу, и всѣхъ ожидала у него радушная встрѣча, сочувственное слово, добрый совѣтъ, полезное наставленіе..

Служеніе его, всегда искренно благоговѣйное, сердечное и внятное, производило сильное впечатлѣніе на слушателей своимъ простымъ величіемъ и невольно возбуждало въ нихъ молитвенное настроеніе. Глубокій знатокъ церковнаго пѣнія и самъ композиторъ, преосвященный Александръ строго слѣдилъ за „церковностью“ въ богослужбныхъ напѣвахъ и всячески старался вывести изъ употребленія столь несвойственное православной Церкви, но, къ сожалѣнію, весьма распространенное по Калужскимъ церквамъ (благодаря нѣкоторымъ непризнаннымъ мѣстнымъ регентамъ-композиторамъ) такъ называемое „итальянское“ пѣніе. Особенно любилъ почившій участвовать въ торжественныхъ крестныхъ ходахъ, на которые всегда смотрѣлъ какъ на могучее средство для возбужденія и поддержанія въ народѣ истинно благочестивыхъ чувствъ. И кто изъ Калужанъ не помнитъ, съ какою безпримѣрною бодростію и одушевленіемъ совершилъ онъ болѣе чѣмъ двадцати-верстный ходъ вокругъ всей Калуги въ знойный день 17 іюля прошлаго года!

И кто бы могъ подумать тогда, что пройдетъ еще съ небольшимъ годъ и уже не станетъ въ живыхъ столь бодрого, полнаго силъ и жизни, святителя. Тогда такая мысль могла показаться крайне невѣроятною. Теперь, же къ глубокому прискорбію, это—грустный, печальный фактъ! Въ августѣ прошлаго года, возвращаясь съ похоронъ настоятеля Оптиной пустыни, архимандрита Исаакія, преосвященный Александръ сильно простудился дорогой и впервые серьезно заболѣлъ. Не оправившись вполнѣ отъ простуды, онъ участвовалъ въ холодную осеннюю погоду въ погребеніи знаменскаго протоіерея Д. Васильевскаго. Здѣсь владыка еще болѣе простудился. Болѣзнь вскорѣ приняла острый характеръ. Врачи опредѣлили страшную и трудно излечи-

мую болѣзнь „ракъ“ горла и шеи. И дѣйствительно, противъ нея оказались безсильны и крѣпкое дотолѣ здоровье преосвященнаго, и горячія молитвы о немъ пасомыхъ, и искусство лучшихъ врачей, и народныя, домашнія средства. И чего, чего только не вынесъ покойный, при леченіи своей ужасной болѣзни: его не разъ рѣзали (операциі въ Москвѣ), не разъ рвали ему зубы, не разъ растравляли разными лекарствами его раны... Одинъ Богъ вѣдаетъ, сколько и какія ужасныя муки перенесъ страдалецъ. И все это терпѣлъ покойный, твердо и съ смиренною покорностью волѣ Божіей неся посланный ему свыше крестъ. Медленно догорали дни его жизни. Незадолго (недѣли за двѣ) до смерти преосвященный былъ соборованъ и, видимо, уже сознавалъ близость своей кончины, но, несмотря на это, неутомимо продолжалъ заниматься епархіальными дѣлами. За недѣлю до кончины силы совсѣмъ оставили его, и онъ слегъ въ постель, чтобы болѣе не вставать съ нея. Однако, и въ это время не переставалъ заниматься текущими дѣлами. 5-го октября онъ въ послѣдній разъ выслушивалъ доклады консисторіи и тогда же въ послѣдній разъ подписалъ ихъ.

Въ ночь на 8 октября владыка почувствовалъ необычайную слабость. Приѣхавшій въ этотъ день навѣстить больного, Полоцкій архимандритъ Сергій въ послѣдній разъ напутствовалъ его Святыми Тайнами. Къ 10 часамъ около скорбнаго ложа умиравшаго епископа собрались родственники (сынъ и невѣстка) его, архимандритъ Сергій, благочинный городскихъ церквей и другія лица. Съ глубокимъ чувствомъ простился преосвященный съ каждымъ изъ присутствовавшихъ и каждого благословилъ небольшимъ образомъ *). Глубоко трогательно, сердечно и искренно было это послѣднее „прости“ владыки съ окружающими его лицами. Затѣмъ архимандритъ Сергій, по желанію преосвященнаго, прочиталъ „от-

ходную“. Во время ея чтенія больной съ глубокимъ умиленіемъ, тихо повторялъ: „Господи, помилуй мя!“ По прочтеніи отходной, онъ поднялъ было руки, желая послать послѣднее благословеніе своей покидаемой паствѣ, но еле поднятыя руки немощно опустились на грудь... Физическихъ силъ нехватало у бодрого еще духомъ владыки, до послѣдней минуты своей жизни сохранившаго полное сознание и полную память. Прошло еще нѣсколько тихихъ, спокойныхъ часовъ. Наконецъ въ 1 часъ 20 минутъ по полуночи онъ мирно и безмятежно отошелъ ко Господу. Кончина его была поистинѣ блаженная! Тотчасъ же по кончинѣ, почившій съ подобающей честью облаченъ былъ соборнымъ духовенствомъ въ архіерейскія одежды. И надъ нимъ началось очередное чтеніе (городскими іереями) Евангелія. Въ 12 часовъ дня совершена была первая панихида у праха почившаго соборно всѣмъ городскимъ духовенствомъ и въ присутствіи начальника губерніи и прочихъ властей города. Затѣмъ начали совершаться частыя литіи, которыя служили корпораціи духовно-учебныхъ заведеній, монашествующее и городское духовенство, по желанію и усердію къ памяти усопшаго владыки. Густыя толпы народа непрерывною лентою потянулись къ архіерейскому дому, чтобы поклониться любимому архипастырю. Выносъ тѣла почившаго въ каѳедральный соборъ назначенъ былъ на вторникъ 10-го октября. Въ погребеніи же имѣетъ принять участіе, по назначенію Святѣйшаго Синода и согласно душевному желанію почившаго, преосвященный Мисаиль, епископъ Орловскій, давнишній знакомый Калужанъ (по ректорству въ Калужской семинаріи).

Д. Соколовъ.

8-го октября, по случаю исполнившагося 25-лѣтія Исидоровскаго епархіальнаго женскаго училища, литургію въ училищной церкви совершалъ покровитель училища высокопреосвященный Палладій, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій,

*) Подобные же образки послалъ онъ въ благословеніе и членамъ духовно-учебныхъ заведеній, а также консисторіи.

съ преосвященными викаріями Іоанномъ, и Назаріемъ, четырьмя архимандритами и четырьмя протоіереями. На молебствіе вышли еще высокопреосвященные архі-епископы Финляндскій Антоній и Херсонскій Іустинъ и преосвященный епископъ Германъ. Прекрасно пѣлъ хоръ ученицъ. На богослуженіи присутствовали: Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ, товарищъ его В. К. Саблеръ и другія почетныя лица. Въ концѣ молебна, послѣ обычныхъ многолѣтій, возгласена была вѣчная память митрополиту Исидору. Изъ церкви всѣ прошли въ актовую залу, украшенную группами растений. На стѣнахъ царскіе портреты и портретъ митрополита Исидора, основателя училища, украшены гирляндами зелени и розъ. Инспекторъ училища о. Драницынъ прочиталъ историческую записку объ училищѣ. Въ настоящее время въ училищѣ до 200 воспитанницъ, курсъ шестиклассный. Въ теченіе четверти-вѣкового существованія училища окончило курсъ ученія 302 воспитанницы. Въ прошломъ году въ учебный курсъ введено въ училищѣ преподаваніе гігіены; воспитанницы обучаются пѣнію и музыкѣ. Въ церкви поютъ одиѣ воспитанницы. За чтеніемъ исторической записки послѣдовала рѣчь преподавателя А. И. Пономарева о положеніи женщины въ духовной семьѣ въ связи съ исторіей приходскаго духовенства на Руси*). Затѣмъ послѣдовало чтеніе привѣтственнаго адреса отъ Александровскаго духовнаго училища, воспитанница старшаго класса Звѣрева прочитала написанное ею стихотвореніе къ торжеству, другое стихотвореніе прочитала воспитанница младшаго класса Лебедева; а благодарственную рѣчь отъ имени бывшихъ и окончившихъ курсъ воспитанницъ произнесла г-жа Положенская. Преосвященный Назарій прочиталъ отношеніе духовнаго собора Свято-Троицкой Александро-Невской лавры о выдачѣ Исидоровскому училищу въ ознаменованіе его 25-лѣтія 3,000 руб., и затѣмъ ежегодной такой же выдачи на образованіе фонда для пособій и пенсій воспитатель-

*) Рѣчь напечатана въ № 7046 „Нов. Врем.“

ницамъ. Между рѣчами и привѣтствіями хоръ воспитанницъ пропѣлъ псаломъ и кантату. Въ заключеніе митрополитъ Палладій благословилъ колѣнопреклоненныхъ воспитанницъ образомъ Богоматери и сказалъ имъ слово назиданія.

***

15-го августа совершено освященіе часовни, устроенной въ деревнѣ Величково, Зеньковского уѣзда, въ память спасенія жизни Государа Императора Николая Александровича, въ Японіи, въ г. Отуэ, 1891 года апрѣля 29-го. Движимый вѣрно-подданныческими чувствами, отставной маіоръ В. Ш. Косюра устроилъ въ своемъ саду при имѣніи и на свои средства часовню, обезпечивъ ее на вѣчныя времена вкладомъ 2,000 руб. Строитель удостоился получить чрезъ г. Министра Двора слѣдующій отвѣтъ на свою телеграмму, посланную въ день освященія часовни: „Государь Императоръ повелѣлъ благодарить васъ за выраженныя вами вѣрно-подданныческія чувства“.

***

8 октября состоялась закладка школьно-причтоваго зданія при Рижской Покровской церкви. Божественную литургію совершалъ въ этотъ день высокопреосвященный Арсеній, въ сослуженіи двухъ архимандритовъ, ключаря и мѣстнаго священника Пятницкаго, которымъ произнесено было на литургіи назидательное слово о глубокой важности и значеніи церковно-школьнаго образованія. По окончаніи литургіи крестный ходъ, во главѣ съ архипастыремъ, при пѣніи церковныхъ пѣснопѣлій направился къ мѣсту закладки, которое было украшено зеленью и флагами. Освященіе совершено было въ присутствіи чиновъ учебнаго вѣдомства и множества народа.

Новосоздаемое зданіе — каменное, двухъэтажное — стоимостью по сметѣ въ 10,600 р. Школа будетъ помѣщаться въ верхнемъ этажѣ, а нижній предназначается для жительства низшихъ членовъ причта и учительницы. Мѣстность, гдѣ сооружается школа, почти лишена всякихъ школъ и густо населена, преимущественно бѣднымъ людемъ. Обративъ

заботливое вниманіе на это обстоятельство, Рижскій архипастырь внушилъ приходскому священнику и попечительству мысль о необходимости устройства церковно-приходской школы. Зданіе будетъ готово къ августу будущаго года.

* *

1-го октября сего года, при Сергіевской церкви села Румянцева, Карсунскаго уѣзда Симбирской епархіи, мѣстнымъ священникомъ открыта, съ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго, бібліотека-читальня. Предварительно на литургіи священникъ сказалъ поученіе о пользѣ и необходимости чтенія духовно-нравственныхъ книгъ, затѣмъ былъ совершенъ въ помѣщеніи бібліотеки-читальни водосвятный молебенъ, послѣ котораго разъяснены были правила полученія книгъ и розданы самыя книги. На первый разъ явилось получить книгъ 54 человека. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ чтенія будутъ происходить и въ бібліотекѣ. Средства на бібліотеку приобрѣтены отъ благотворителей; о. Іоаннъ Кронштадтскій прислалъ на это доброе дѣло 100 рублей. Книгъ приобрѣтено пока 407 экземпляровъ, большая часть которыхъ религіозно-нравственныя и противораскольническія. Нужда въ бібліотекѣ сознавалась давно. Въ селѣ Румянцевѣ много раскольниковъ, жители—всѣ народъ фабричный, мастеровой и торговый. Такимъ образомъ самый составъ прихода и родъ его занятій требовалъ особой заботы о немъ пастыря. Нужно было привлечь народъ къ храму Божію, отвлечь отъ праздничнаго фабричнаго разгула. Съ этой цѣлью устроенъ и приведенъ въ благолѣпіе храмъ Божій, устроено хорошее пѣніе, заведены послѣ вечерень въ церкви чтенія и бесѣды, въ прошлую зиму еще открыты въ школѣ публичныя религіозно-нравственныя чтенія въ связи съ пѣніемъ и наконецъ нынѣ открыта бібліотека-читальня.

* *

Изъ доставленнаго намъ отчета комитета по сооружеію православнаго храма у подножія Балканъ, въ южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, пав-

шихъ въ войну 1877—78 годовъ (по 31 декабря 1894 г.), видно, что къ 1-му января 1894 г. въ капиталахъ комитета состояло: а) процентныхъ бумагъ, по нарицательной ихъ цѣнѣ: 561,275 руб. и б) наличныхъ денегъ на сумму 7,694 р. 3 коп. Итого 568,969 р. 3 к. Къ нимъ поступило съ 1 января по 31 декабря 1894 года: 413,406 р. 90 к. Процентовъ 27,518 р. 28 к. А съ остаткомъ отъ 1893 года къ 1 января 1894 г. всего въ приходѣ 982,375 р. 93 к. Съ 1 января по 31 декабря 1894 года израсходовано 361,387 р. 76 $\frac{1}{2}$ к. Затѣмъ къ 1-му января 1895 г. въ остаткѣ, процентными бумагами, по нарицательной ихъ цѣнѣ 620,875 р. Балансъ 982,375 р. 93 коп.

На % расходнаго капитала комитета воспитывалось въ учебныхъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства въ 1893 году 49 болгаръ, изъ нихъ въ академіяхъ: Петербургской 4, Кіевской 3; семинаріяхъ: Кіевской 27, Московской 4, Одесской 4, Кишиневской 2; училищахъ: Кіевскомъ Софійскомъ 2, Кіевскомъ Подольскомъ 1 и Одесскомъ 2. Въ 1894 году—54, изъ нихъ въ академіяхъ: Московской 5, Петербургской 5, Кіевской 1; семинаріяхъ: Московской 2, Петербургской 5, Кіевской 25, Одесской 5, Кишиневской 1; училищахъ: Кіевскомъ Софійскомъ 2 и Одесскомъ 3.

Сообщенія изъ заграницы.

Вѣсти съ православнаго Востока.

Возникшіе въ Турціи армянскіе безпорядки и затруднительное положеніе, въ какое поставлено ими правительство султана, послужили, вѣроятно, поводомъ для грековъ, населяющихъ островъ Критъ—давно извѣстныхъ своимъ мятежнымъ духомъ,—начать недавно какое-то новое антигосударственное движеніе. Последнее не успѣло принять широкихъ размѣровъ, тѣмъ не менѣе его святѣйшество Константинопольскій патріархъ счелъ необходимымъ, для успокоенія возбужденныхъ злочинами людьми умовъ, обратитъ-

ся къ христіанскому населенію о. Крита съ отеческимъ словомъ вразумленія. Вотъ замѣчательное посланіе патріарха, посланное имъ въ этихъ видахъ на островъ Критъ.

„Великій долгъ христіанина заключается въ томъ, чтобы быть благодарнымъ Богу, Подателю всякаго блага, и оказывать повиновеніе предрержащей власти, какъ учить сему святая вѣра наша. На васъ, жителей прекраснаго и богатаго острова, всецѣлая десница Божія излила все обиліе естественныхъ благъ, даровавъ странѣ вашей сіе благораствореніе воздуха, земль—плодоносіе, всему населенію—здоровье и крѣпость тѣлесную; милость же и великодушіе султана доставили вамъ драгоцѣнное благо справедливыхъ законовъ и равноправности съ господствующимъ въ имперіи народомъ. Что касается дальнѣйшихъ вашихъ притязаній, то, если они вполне законны, ихъ тотчасъ же удовлетворяютъ; только немногія рѣшенія вашего общаго собранія подверглись предварительному изслѣдованію и пересмотру со стороны правительства имперіи и все-же, въ концѣ концовъ, съ нѣкоторыми самыми незначительными поправками, были утверждены и приводятся въ исполненіе. Въ виду такого положенія дѣла, мы, вмѣстѣ съ священнымъ нашимъ синодомъ, рѣшили отечески предостеречь васъ, чтобы вы не оказались неспособными по достоинству оцѣнить и съ миромъ пользоваться какъ множествомъ благъ, дарованныхъ вамъ отъ Бога, такъ и постоянными благодѣяніями народолюбиваго царя нашего султана. Совѣтуемъ каждому изъ васъ заниматься тѣмъ дѣломъ, къ которому призванъ... Болѣе же всего молимъ васъ жить въ согласіи и любви, мирѣ и тишинѣ со всѣми населяющими островъ христіанами и мусульманами, отнюдь не забывая, что всѣ мы—созданія Единого Творца и подданные одного и того же царства. Избѣгайте споровъ и раздоровъ, вражды, зависти и убійствъ: все это ведетъ къ погибели и вѣчной казни Божіей. Никакого добра не ожидайте себѣ отъ этихъ богопротивныхъ дѣлъ, ника-

кого спасенія, никакого благополучія и счастья для вашей страны. А между тѣмъ, сколько благихъ плодовъ могло бы произойти, еслибы между христіанами и мусульманами установились отношенія любви, мира и взаимнаго расположенія. Вы забываете объ этомъ, но знайте, что только при существованіи такихъ отношеній вы будете имѣть возможность спокойно пользоваться всѣми дарованными вамъ отъ Бога благами, заслужите благословеніе святой Церкви и привлечете великодушное покровительство народолюбиваго царя нашего, который, по всему видимъ, имѣетъ твердое намѣреніе больше и больше благодѣлать всѣмъ христіанскимъ своимъ подданнымъ, если они хранятъ вѣрность и любятъ тишину и порядокъ“.

* * *

За послѣднія двадцать—тридцать лѣтъ въ королевствѣ Греческомъ установился одинъ очень странный порядокъ: общество присвоило себѣ право пользоваться храмами, какъ мѣстами для производства въ нихъ *выборовъ*. Извѣстно, что представляютъ собой эти „выборы“ въ государствахъ, гдѣ существуетъ парламентарный образъ правленія. Вся страна, подѣленная на избирательные участки, въ необыкновенномъ волненіи. Соблазнъ попасть въ „депутаты“ или вообще какъ нибудь пристроиться къ власти и вліятельному положенію заставляетъ гражданъ покинуть на время свои мирныя занятія и выступить на поприще избирательной борьбы. Нужны большія зданія, чтобы вмѣстѣ всѣхъ, стремящихся въ каждомъ округѣ принять участіе въ этой борьбѣ. И вотъ, неразборчивый вкусъ увлеченнаго политикой челоуѣка указываетъ ему зданіе храма Божія, какъ мѣсто, по его мнѣнію, самое подходящее. Изображая это прискорбное положеніе дѣла, *Ἐρεὸς οὐδέσιμος*—духовный журналъ, руководимый и направляемый высшею церковною властью въ Афинахъ, говоритъ: по избирательному закону, „выборы производятся въ зданіяхъ общественныхъ школъ, въ случаѣ же недостатка ихъ, въ наиболѣе помѣстительномъ храмѣ глав-

паго города каждаго дема“. Такимъ образомъ, по силѣ этого закона (изд. въ 1864 г.), мѣстомъ для выборовъ должны служить собственно общественныя школы, и только въ случаѣ ихъ недостатка—одна въ демѣ. Къ несчастію, однако, хотя общественныхъ школъ въ каждомъ демѣ гораздо больше, чѣмъ избирательныхъ участковъ, хотя помимо школъ настроено и строится множество всякихъ другихъ общественныхъ зданій, которыя болѣе самыхъ храмовъ удобны и помѣстительны для выборовъ, всё почему-то стремятся воспользоваться для этихъ послѣднихъ святыми храмами, отнимая ихъ на цѣлыхъ двѣ съ лишнимъ недѣли у совершителей христіанскаго богослуженія и, помимо собственно избирательной цѣли, пользуясь ими для всякихъ даже прочихъ надобностей, словно какими общественными залами самаго послѣдняго разряда.

Еслибы святымъ храмамъ оказывалось предпочтеніе въ тѣхъ видахъ, чтобы побудить входящихъ туда гражданъ къ возможно болѣе благоговѣйному исполненію ими своего долга, Церковь, безъ сомнѣнія, охотно во время каждаго выборовъ предоставляла бы къ услугамъ отечества свои храмы. Къ сожалѣнію, какъ мы сами знаемъ и знаютъ всѣ... святыя храмы въ дни выборовъ, переставая служить мѣстомъ совершенія богослуженія, превращаются въ дома какихъ то беспорядочныхъ сборищъ, гдѣ каждому дозволяется свободно браниться, обманывать, клеветать, злословить...

Справедливо негодуя по поводу этихъ злоупотребленій закономъ, церковный органъ заканчиваетъ свою рѣчь объ нихъ слѣдующимъ рѣшительнымъ заявленіемъ: такъ какъ храмы нисколько не содѣйствуютъ надлежащему исполненію избирателями своего гражданскаго долга, напротивъ, входящіе въ храмы граждане, видя все, что творится тамъ во время выборовъ, теряютъ и послѣдній остатокъ въ себѣ религіознаго чувства, а самыя храмы оскверняются и положительно нуждаются потомъ въ новомъ освященіи,

то Церковь должна озаботиться, чтобы впредь не повторялось такого нечестія и храмы не употреблялись ни для какихъ другихъ цѣлей, кромѣ цѣлей богослуженія. Надѣмся, что правительство сдѣлаетъ съ своей стороны соотвѣтствующее измѣненіе въ избирательномъ законѣ и запретитъ на будущее время совершать выборы въ храмахъ Божіихъ. Въ противномъ случаѣ Церковь вынуждена будетъ совсѣмъ оставить постоянно оскверняемые свои храмы, запретивъ совершеніе въ нихъ богослуженія, а религіозныя нужды вѣрующихъ удовлетворять въ тѣхъ зданіяхъ, какія еще остаются въ ея распоряженіи. Такъ, въ дни свободы невольно приходится вспоминать намъ о дняхъ тяжкаго народнаго рабства. (Тер. совб. № 43).

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что „дни свободы“, съ наступленіемъ которыхъ греческій народъ такъ слѣпо и доврчиво подчинился вліянію чуждой ему западно-европейской жизни, оставляя въ пренебреженіи завѣты и преданія родной, византійской старины, привели его, въ концѣ концовъ, къ положенію, вызывающему серьезныя опасенія насчетъ дальнѣйшаго его благополучнаго существованія. Нравственная порча и развращеніе общества—естественный плодъ проникшаго въ него съ Запада духа отрицанія и суемыслия—принимаютъ такіе размѣры, что само уже свѣтское правительство вынуждено прибѣгнуть къ мѣрамъ обузданія. Могуущественнымъ орудіемъ общественнаго развращенія въ современной Греціи является театръ, часто отдающій себя на служеніе явному пороку. До чего дошло здѣсь дѣло, лучше всего свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: директоръ одного изъ Аѳинскихъ театровъ недавно преданъ суду и привлеченъ правительствомъ къ отвѣтственности „за развращеніе общественныхъ нравовъ“ (Тер. совб. № 39). Что касается духовной власти, она тоже употребляетъ всю силу и весь авторитетъ своего нравственнаго вліянія на общество, чтобы удержать его въ границахъ должнаго поведенія. Одинъ архипастырь (Зеррійскій митрополитъ Гри-

горій) счелъ необходимымъ издать даже особое посланіе ко всей своей паствѣ, которымъ настойчиво и въ духѣ трогательной отеческой любви увѣщаетъ христіанъ принять, наконецъ, во вниманіе серьезную нравственную опасность, какой подвергаютъ себя посѣщающіе непристойныя театральныя представленія, особенно въ такъ называемыхъ лѣтнихъ садахъ (фѣдѣхъ *жазѣа*). Посланіе это было прочитано во всѣхъ церквахъ гор. Зерроса. Такая, надо полагать, ни къ кому не ожидавшаяся и рѣшительная мѣра архипастыря произвела сильнѣйшее дѣйствіе, такъ что онъ обратился къ своей паствѣ съ новымъ посланіемъ, въ которомъ много хвалитъ усердное вниманіе христіанъ къ его отеческимъ совѣтамъ, убѣждая ихъ и на будущее время не забывать послѣднихъ.

Но самое главное, на что обращено теперь большое вниманіе какъ свѣтской, такъ и духовной власти въ Аѳинахъ, въ виду опасностей, угрожающихъ общественной и народной правдивости, это — *надлежащее устройство и правильное развитіе въ государствѣ учебно-воспитательнаго дѣла.*

П. В.

Отвѣты Редакціи.

Святи. Н. А—ну. Редакція не можетъ входить въ пререканія подчиненныхъ съ епархіальнымъ начальствомъ. Существуютъ законныя установленныя способы ихъ разрѣшенія, которые общезвѣстны.

Начальницѣ А—ской женской общины. Женскія общины, какъ духовныя учрежденія, имѣющія монастырскій характеръ, въ отношеніи обложенія земскими сборами принадлежащихъ имъ земельныхъ угодій, пользуются, по разъясненію Правительствующаго Сената (27 февраля 1887 г. по дѣлу Каменно-Бродской женской общины и 11 октября 1888 г. по дѣлу Пановской общины и Вознесенскаго женскаго общежительнаго монастыря), льготами на одинаковыхъ съ монастырями и церквами основаніяхъ. Поэтому на постановленіе уѣздной земской управы о привлеченіи земли А—ской общины къ земскому сбору надлежитъ принести въ установленномъ порядкѣ жалобу.

Діакону С. Ал—су. Отвѣтъ на предложенный Редакціи вопросъ подробно изложенъ въ № 24 „Церк. Вѣдом.“ 1893 г., стр. 207—216.

Святи. Д. Пок—скому и псал. Г. Андр—скому. Порядокъ раздѣла братскихъ доходовъ, въ случаѣ временнаго пезамѣщенія должности одного изъ членовъ причта, указанъ въ §§ 26, 27 и 28 Высоч. утв. 24 марта 1873 г. журн. присут. по дѣламъ Прав. духовенства „о мѣстныхъ средствахъ содержанія“; при этомъ Св. Синодъ, въ указѣ на имя преосвященнаго Воронежскаго отъ 24 февраля 1888 г. за № 969, разъяснилъ, что половина доходовъ отъ *праздничной* діаконской вакансіи дѣлится между *наличными членами причта.*

Святи. П. Арет—скому. Вышнее отлчіе (скуфля, камиллавка, крестъ) не можетъ служить основаніемъ къ домогательству первенства при священнослуженіи предъ старшимъ по священству священнослужителемъ, если не имѣется особаго по этому предмету распоряженія епархіальнаго начальства.

Святи. Берд—ву. О правѣ на орденъ св. Анны 3 ст. за 25-лѣтніе труды по народному образованію въ земской школѣ надлежитъ заявить инспектору народныхъ училищъ.

Святи. М. Бир—вичу. Выписъ изъ метрическихъ книгъ не то, что метрическое свидѣтельство. Первую даетъ причтъ, второе консисторія. Для окружнаго суда нужно метрическое свидѣтельство.

Святи. М. Боб—скому. Правила о постройкахъ въ селеніяхъ опредѣляются мѣстными постановленіями земскихъ собраній. Уст. Стр., ст. 416, по прод. 1893 г., гдѣ и надлежитъ искать разъясненія вопросовъ о разстояніи между двумя смежными домами и о разстояніи крестьянскаго дома отъ церковной межи. По ст. 446, т. X, кн. II, изд. 1887 г. „строющій домъ на самой межѣ *своего двора* не долженъ дѣлать окопъ на дворъ или на крышу своего сосѣда, безъ согласія сего послѣдняго; въ противномъ случаѣ слѣдуетъ окна закладывать“.

Законы о намежеваніи земель къ приходскимъ церквамъ изложены въ Сводѣ Законовъ Меклевыхъ, т. X, ч. 2, изд. 1893 г., ст. 346—371. Святѣйшимъ Синодомъ еще въ 1839 г. разъяснено, что земли, признаваемыя церковными причтами псевдобными, не должны быть прилагаемы къ церквамъ, такъ какъ съ отвѣденіемъ къ церквамъ неудобныхъ къ хлѣбопашеству земель не можетъ быть достигнута цѣль улучшенія состоянія сельскаго духовенства, указанная Выс. утв. 6 сентября 1829 г. положеніемъ.

Святи. Г. Бо—скому. Метрическія выписки, выдаваемыя причтами дѣламъ, поступающимъ въ учебныя заведенія *всѣхъ вѣдомствъ*, и справки изъ исповѣдныхъ росписей о лѣтахъ жизни записанныхъ въ эти росписи, подлежатъ сдачѣ гербовымъ сборомъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ изъ означенныхъ справокъ, которыя выдаются по дѣламъ объ отбываніи войскаго новинности, См. „Церк. Вѣстн.“ 1877 г., № 46, стр. 294, п. 1.

Святи. П. Бул—ву и Л. Ц—ву. О проскомъ

дѣиномъ доходѣ отвѣтъ дасть въ № 36 „Церк. Вѣдом.“, стр. 1249.

Если въ *трехълѣтнемъ* составѣ причта *діаконъ* занимаетъ *штатное* мѣсто, то изъ *вручки* братскихъ доходовъ онъ получаетъ *дѣль* части; если же въ причтѣ *штатной* вакансіи *діакона* не положено, а определено имѣть *двухъ* *псаломщиковъ* и одинъ изъ нихъ *лично* удостоенъ сана *діакона*, то таковой пользуется доходами какъ *псаломщикъ*, т. е. получаетъ *одну* часть.

Святи. І. Б—су. Передѣлъ усадебной церковной земли, при *согласіи* *псаломщика*, можетъ состояться и съ *вѣдома* *мѣстнаго* *благочиннаго*.

Святи. В. Бур—скому. 1) Слова „*братіи* *святой* *обители*“ въ приходскихъ храмахъ замѣняются словами: „*братіи* *святаго* *храма* *сего*“.

Святи. І. Д—ву. Обященникъ можетъ быть *воспріемникомъ*. Обычай передачи священникомъ *совершителемъ* таинства крещенія священнику *воспріемнику* позвать св. Муромъ грещемаго не имѣетъ основанія ни въ *канонахъ*, ни въ *практикѣ* церковной.

Не будутъ напечатаны слѣдующія статьи, замѣтки и корреспонденціи:

Изъ *Верхотурья*. П. Т.

Библиографически-пастырская замѣтка. С. І. Т.

Корреспонденція изъ *Казани*. П. М—ва.

Поучительный урокъ *страшнолюбцамъ*. Святи. В. Пр—скаго.

Любовь *христіанская*, какъ *истинное* начало *культуры* и *цивилизациі*.

Мысли о *воспитаніи*. С. Т. З—цкаго.

Нѣсколько *словъ* о *православныхъ* *русскихъ* *приходахъ* *Закавказскаго* *края*. С. Г. Б—ва.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ *Донской* *духовн. консисторіи* симъ объявляется, что въ *оцую* 11 *юля* 1895 г. вступило *прошеніе* *жены* *рядоваго* изъ *крест.* *Курской* г. *Ново-Оскольскаго* у. *Велико-Михайловской* вол. и *слободы*, *Алны* *Петровой* *Выболовой*, *жительств.* въ *стан.* *Мечетинской*, *Донской* обл., о *расторженіи* *брака* ея съ *мужемъ* *Григоріемъ* *Михайловымъ* *Выболовымъ*, *внчанаго* *причт.* *Успенской* *церк.* *слоб.* *Велико-Михайловки* въ 1874 г. 20 окт. По *заявленію* *просит.*, *безвѣстное* *отсутствіе* ея *супруга* *началось* изъ *слоб.* *Кагальника*, *Донской* обл., съ 1882 г. *Силою* *сего* *объявленія* *всѣ* *мѣста* и *лица*, *могущія* *имѣть* *свѣдѣнія* о *пребываніи* *безвѣстно* *отсутствующаго* *Григорія* *Выболова*, *обязываются* *немедленно* *доставить* *опыя* въ *Донскую* *дух.* *консисторію*.

Отъ *Забайкальской* *дух.* *консист.* симъ объявляется, что въ *оцую* 20 *февраля* 1895 г. вступило *прошеніе* *жены* *канцелярскаго* *служит.* *Прины* *Евдокимовой* *Сухаревой*, *жительств.* въ *с.* *Домно-Ключевскомъ*, *Забайкальской* обл., о *расторженіи* *брака* ея съ *мужемъ* *канцелярскимъ* *служит.* *Дмитріемъ* *Семеловымъ* *Сухаревымъ*, *внчанаго* *причт.* *Читинскаго* *Михаило-Архангельскаго* *собора* 28 *сентября* 1884 г. По *заявленію* *просительницы*, *безвѣстное* *отсутствіе* ея *супруга* *началось* изъ *г.* *Читы* *Забайкальской* обл. въ *началѣ* 1888 г. *Силою* *сего* *объявленія* *всѣ* *мѣста* и *лица*, *могущія* *имѣть* *свѣдѣнія* о *пребываніи* *безвѣстно* *отсутствующаго* *Дмитрія* *Сухарева*, *обязываются* *немедленно* *доставить* *опыя* въ *Забайкальскую* *дух.* *консисторію*.

Вышла въ *свѣтъ* и *поступила* въ *продажу* *книга*:

ПРОЩАЛЬНАЯ БЕСѢДА СПАСИТЕЛЯ СЪ УЧЕНИКАМИ.

(XI+358+160 стр. Съ *требованіями* *обращаться* къ *автору*: г. *Харьковъ*, *преподават.* *духовн.* *семинаріи* *К. Н. Сильченкову*.

Цѣна *книги* 2 *рубля* съ *пересылкою*.

3--3

СБОРНИКЪ КРАТКИХЪ ПОУЧЕНІЙ

НА ВСѢ ВОСКРЕСНЫЕ И ПРАЗДНИЧ. ДНИ

въ *двухъ* *книгахъ* (520). *Цѣна* 1 *руб.* 25 *коп.*, съ *перес.* 1 *руб.* 60 *коп.* *Вѣднымъ* съ *пересылкою* 1 *р.* 25 *к.*, *прямо* *отъ* *издателя* 90 *к.* и *даромъ*. *Москва*, *Варварка*, *Максимовской* *церк.* *священ.* *Смирнозу*. *Одобрит.* *отзывы* о *немъ*: „*Церк. Вѣд.*“ № 7, „*Моск. Церк. Вѣд.*“ № 2, „*Страничникъ*“—*мартъ* 1894 г., „*Твер. Еп. Вѣд.*“ № 3, 1895 г. Въ *нихъ* *выражено* *желаніе* „*широкаго*“ (*Церк. Вѣд.*) и *самаго* *широкаго* *распространенія* *особенно* *среди* *сельскихъ* *пастырей*. 1—1

Священникъ *Сученгской* *Воскресенской* *церкви*, *Устюжскаго* *уѣзда*, *Веніаминъ* *Петропавловскій* *розсматриваетъ* *зятя* *своего*, *священника* *Александра* *Сергіева* *Чулкова* съ *семействомъ*—*женой* *Евангеліей* и *дѣтьми*—*Серафимой*, *Теодосіемъ*, *Иннокентіемъ* и *Николаемъ*. Онъ *отбылъ* въ 1889 г. на *службу* въ *Камчатскую* *епархію*, изъ *которой* *отбывъ* *поступилъ* на *службу* въ *Енисейскую*, а изъ *сей* *отбылъ* въ *Вологду* 20 *юля* 1894 г., но въ *Вологдѣ* по 15 *сентября* 1895 г. *его* *нѣтъ*, и *потому*, *если* *гдѣ* *онъ* *священникъ* *Александръ* *Чулковъ*, *состоитъ* на *службѣ*, *то* *покорнѣйше* *прошу* *дать* *его* *адресъ* *черезъ* „*Церковныя* *Вѣдомости*“ *или* *же* *на* *ст.* *Востровскую*, *Устюжскаго* *уѣзда*.

Священникъ *Веніаминъ* *Петропавловскій*.

1—1

КАЖДЫЙ САМЪ ПОЗОЛОТЧИКЪ СЪ ПОМОЩЬЮ

ВОДЯНОЙ ПОЗОЛОТЫ.

Посредствомъ *этой* *водяной* *позолоты* *можно* *позолотить* *прочю* и съ *превосходнымъ* *гладемъ* *различныя* *предметы*, *рамы*, *лестры*, *лампы*, *вообще* *всѣ* *предметы* изъ *дерева*, *жельза*, *бумаги*, *кожи* и *пр.* За *фляконъ* 30 *к.*, 50 *к.* и 1 *руб.* За *пересылку* въ *Европ.* *Россію* *ко* *всякому* *заказу* до 5 *р.* *причитывается* 40 *коп.*; въ *Азіатской* *Россіи* *по* *разстоянію*.

Складъ *техно-химич. специальностей*

ГЕБГАРДТА.

С.-Петербургъ, *Невскій* *проспектъ*, № 62. *К.*

2—2

Въ книжномъ складѣ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ продается:

„ПРИХОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

издаваемая подъ редакцію В. И. ШЕМЯКИНА.

Выпускъ 1-й (12 книгъ).

1) Псалтирь, ч. 1-я, ц. 30 к. 2) Святныя мѣста и святыни на Востокѣ и въ Россіи, вып. I-й, ц. 40 к. 3) Москва, ея святыни и памятники, ц. 30 к. 4) Псалтырникъ, ц. 20 к. 5) Четыре путеводаителя доброй жизни, ц. 20 к. 6) Сироты, ц. 20 к. 7) Забѣтныя три липы, ц. 20 к. 8) Избранныя сочиненія А. Пушкина, ц. 35 к. 9) Васни и баснописцы, ц. 25 к. 10) Народная поэзія, ц. 30 к. 11) Русская земля, т. I-й, ц. 30 к. 12) Сельскій огородъ, ц. 30 к. Всего за 12 книгъ 3 р. 50 к., а съ уступкою при выпискѣ 10 экземпляровъ 2 руб. 60 коп. съ пересылкою.

Выпускъ 2-й (20 книгъ).

1) Псалтирь, ч. 2-я, ц. 30 к. 2) Святныя мѣста, ч. 2-я, ц. 30 к. 3) Ученіе отцевъ первыи, ц. 30 к. 4) Подвижники и страдальцы за землю русскую, ц. 30 к. 5) Преподобный Сергій, ц. 30 к. 6) Патріархъ Никоиъ, ц. 30 к. 7) Праздничныя служенія и церковныя торжества старой Москвы, ц. 30 к. 8) Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность, ц. 30 к. 9) Главнѣйшія событія Русской исторіи, ц. 30 к. 10) Русская земля, ч. 2-я, ц. 30 к. 11) Избранныя сочиненія Пушкина, ч. 2-я, ц. 30 к. 12) То-же, ч. 3-я, ц. 30 к. 13) Герои Греціи, ч. 1-я, ц. 30 к. 14) То-же, ч. 2-я, ц. 30 к. 15) Максимъ богатъ, ц. 30 к. 16) Во славу Божію. Сборн. стиховъ, ц. 30 к. 17) Полеводство, ц. 30 к. 18) Скотоводство, ц. 30 к. 19) Пчеловодство, ц. 30 к. 20) Сельскіе хоры, ц. 75 коп. Всего за 20 кн. 6 р. 45 к., а съ уступк. при выпискѣ 10 экз. 5 р. 15 к. съ перес.

ОТЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ІЕРУСАЛИМСКАГО ПАТІАРХА ВЪ РОССІИ.

Въ виду не прекращающагося въ Россіи сбора пожертвованій на святой Гробъ Господень и другія святныя мѣста Палестины разными лицами, выдающими себя за посланцевъ отъ Іерусалимской патріархіи и прибѣгающими къ поддѣлкѣ подписей и печати Іерусалимскаго патріарха, а также согласно сдѣланному отъ Канцеляріи Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода предупрежденію во всеобщее свѣдѣніе противъ самозванныхъ сборщиковъ («Церк. Вѣд.» № 23) и циркуляра Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 19 мая 1895 г., за № 2205, долгомъ своимъ считаю предупредить усердствующихъ ко святому Гробу Господню, что другіяхъ повѣренныхъ отъ святаго Гроба въ Россіи рѣшительно нѣтъ никакихъ и потому всякаго рода пожертвованія въ пользу святаго Гроба Господня и другіяхъ святыхъ мѣстъ Палестины должны быть посланы исключительно на мое имя, какъ единственнаго уполномоченнаго представителя Іерусалимскаго патріарха, въ Москву (Арбатъ), на Іерусалимское патріаршее подворье *).

Архимандритъ Арсеній.

1—1

*) *Примчаніе Редакціи* Крошѣ Іерусалимской патріархіи, производящей чрезъ посредство патріаршаго въ Москвѣ подворья, сборы пожертвованій на Святой Гробъ и Палестину, имѣетъ законное право производить таковыя сборы на святныя мѣста и въ пользу православныхъ Святой Земли Императорское Православное Палестинское Общество и его члены, снабженные для сего соотвѣствующими свѣдѣтельствами («Церк. Вѣдом.», № 32, часть офиц., стр. 312).

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

БЕСѢДЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ШКОЛѢ И ДОМА.

(Изданіе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ).

С.-Петербургъ 1895 г. Стр. 373.

Книга продается въ складѣ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Синода.

Цѣна **60 коп.** Книгопродавцамъ 20% уступки. Для епархіальныхъ складовъ и лавокъ цѣна **45 коп.** При выпискѣ отъ 1 до 10 экземпляровъ за пересылку взимается за 1 фунтъ по весу и разстоянію, а при выпискѣ болѣе 10 экз. плата за пересылку не взимается.

Содержаніе книги слѣдующее: Русская земля за 1000 лѣтъ до насъ. Начало государства у русскихъ славянъ и первые князья. Святые Кирилль и Меодій. Крещеніе Руси. Владиміръ—Красное солнышко. Ярославъ. Владиміръ Мономахъ. Суздальское княжество. Нашествіе татаръ. Александръ Невскій. Возвышеніе Москвы. Монашество и монастыри. Преподобный Сергій, Радонежскій чудотворецъ. Святый Стефанъ, просвѣтитель Перми. Куликовская побѣда. Косовская битва. Паденіе Византіи. Иоаннъ III-й Васильевичъ. Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Сибири. Смутное время на Руси. Избраніе Михаила Феодоровича Романова на царство. Братства въ южной и западной Россіи. Унія. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Царь Алексѣй Михайловичъ. Петръ I-й Великій. Святый Митрофанъ, святитель Воронежскій. Святый Димитрій, митрополитъ Ростовскій. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Императрица Екатерина II-я Алексѣевна. Святый Тихонъ, епископъ Воронежскій, подвижникъ Задонскій. Отечественная война. Крымская война. Императоръ Александръ II-й Николаевичъ. Императоръ Александръ III-й Александровичъ.

Бесѣды изложены общедоступно, живо и занимательно, и согрѣты искреннимъ религіознымъ чувствомъ: православная вѣра, какъ живая струя, проходитъ черезъ все теченіе русской исторической жизни, и какъ одухотворяющее начало, проникаетъ ее съ начала до конца. Въ живыхъ, чуждыхъ перечневой сухости, очеркахъ выясняется, какъ подъ руководствомъ святой Церкви ея смиренными служителями сбѣлился въ народѣ первый сѣмена просвѣщенія и науценія школьнаго, какъ подъ тѣмъ же руководствомъ Церкви и по ея благословенію собиралась вокругъ Москвы земля Русская. Читатель найдетъ здѣсь, въ отечественной и крымской войнахъ, истинныхъ героев родной земли, беззабѣтно преданныхъ своей отчизнѣ дѣтей—русское христіанское воинство; помянетъ благодарнымъ словомъ Царя-Освободителя и съ сердечнымъ умиленіемъ и теплою молитвою прочтетъ рассказъ о благостномъ царствованіи и преждевременной кончинѣ въ Бозѣ почившаго Царя-Миротворца.

Книга напечатана крупнымъ четкимъ шрифтомъ.

Придворный поставщикъ церковн. вещей

Москва, Никольская, д. пр. Шереметева.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ**Я. В. ВИТАЛЕВЪ и П. А. СЛОНОВЪ.**

Съ 1-го сентября, при главномъ магазинѣ торговаго дома, открыто специальное отдѣленіе: парчи, бархату, газету, церковныхъ одеждъ, соборныхъ ризницъ, покрововъ, священническихъ, діаконовыхъ и проч. облачений, продажа конхъ будетъ производиться по фабричнымъ цѣнамъ. А также имѣются въ большомъ выборѣ: кресты наперсные золотые и серебряные, украшенные драгоценными камнями, серебр. сосуды, Евангелія, кресты на престольные, дарохранительницы, плащаницы, каддила, лампады, бронзовые: хоругви, кресты за престольные, подсвѣчники, семисвѣчники, паникадила, купели и проч. На все это, а равно и на отдѣлку церквей, какъ-то: иконостасовъ, живописи, и пр. принимаются заказы. — Иллюстрированные каталоги по требованію высылаются **бесплатно.**

ВЪ СУНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ

(въ Москвѣ—въ зданіи Сунодальной типографіи, въ С.-Петербургѣ—въ зданіи Святѣйшаго Сунода и въ зданіи Сунодальной типографіи, по Кабинетской улицѣ)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СЛУЖБА ЯВЛЕНІЮ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ КАЗАНСКІЯ, церковной печати, въ 8 долю листа, цѣна въ бум. 15 коп.

СЛУЖБА БОЖІЕЙ МАТЕРИ ВСѢХЪ СКОРБЯЩИХЪ РАДОСТИ, церк. печ., въ 4 д. л., съ кино., цѣна въ кол. 55 к., въ бум. 25 коп.

ПОСЛѢДОВАНИЕ благодарственнаго и молебнаго пѣнія на 17-е октября, церк. п., въ 4 д. л., съ кин. Спб., въ бум., на вел. бум. 20 к., на прост. 15 к.

МИНЕЯ-ЧЕТЬЯ.

Житія святыхъ, честв. въ каждый день года; твореніе святителя Димитрія Ростовскаго, церк. печ., въ листъ, въ 4 кн., въ кож. 25 руб. 65 коп., въ бум. 21 руб. 10 коп.; въ 8 д. л., въ 12 кп., цѣна въ кожѣ 18 руб., въ кор. 15 руб., въ бум. 12 руб. 65 коп.

ПОДРОБНОЕ ОГЛАВЛЕНІЕ ВЕЛИКИХЪ ЧЕТЬИХЪ-МИНЕЙ, митрополита Макарія, въ 8 д. л., церк. печ., безъ кино., Москва, 1893 г., цѣна въ бум. 3 руб.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ РУКОПИСЕЙ Московской Сунодальной (Патріаршей) бібліотеки, сост. архим. Владиміръ, ч. I-я, Рукописи греческія, Москва, 1894 года, цѣна въ бум. 5 руб.

ОПИСАНІЕ СЛАВЯНСКИХЪ РУКОПИСЕЙ Московской Сунодальной бібліотеки. Отдѣлъ I-й. Священное Писаніе, въ кожѣ 1 руб. 80 коп., въ кор. 1 руб. 70 коп., въ бум. 1 руб. 55 коп. Отдѣлъ II-й, часть I-я. Толкованіе Священнаго Писанія, въ кожѣ 1 руб. 15 коп., въ кор. 1 руб. 5 коп., въ бум. 90 коп.; часть 2-я, Писанія догматическія и духовно-правственныя, въ кожѣ 2 руб. 85 коп., въ кор. 2 руб. 70 коп., въ бум. 2 руб. 60 коп.; часть 3-я, Разныя богословскія сочин., въ кожѣ 3 р. 20 к., въ кор. 3 р., въ бум. 2 р. 85 к. Отдѣлъ III, часть I-я, Книги богослужебныя, въ кожѣ 1 руб. 75 к., въ кор. 1 руб. 60 коп., въ бум. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Высочайшее повелѣніе.—Высочайшія награды.—Высочайшій приказъ.—Опредѣленіи Святѣйшаго Сунода.—Указъ Правительствующаго Сената.—Отъ Училищнаго Совѣта и Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Сунодѣ. *Прибавленія:* О православной миссіи въ Америкѣ.—Письма съ Алтая.—Извѣстія и замѣтки.—Сообщенія изъ заграницы.—Отвѣты Редакціи.—Объявленія.

Подписная цѣна на „**ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ**“

3 р. въ годъ съ дост. и пер., за границу 4 р. Отдѣл. №№ продаются по 14 к. съ перес. АДРЕСЪ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Конногвардейскій бульваръ, домъ 5, кв. 7.

◆ При семь номерѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается **бесплатное приложеніе: „ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ“**. Выпускъ третій. ◆

Печатать дозволяется, С.-Петербургъ, 12 октября 1895 г. Каѳедральный Протоіерей **Петръ Смирновъ**
Сунодальная Типографія.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ

ОТЪ ПЕРВАГО ЕЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ НА РУСИ

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

ОБРАЗОВАНІЕ И ШКОЛЫ НА РУСИ ВЪ XV—XVII ВѢКАХЪ.

С. Миропольскаго.

Приложеніе къ журналу „Церковныя Вѣдомости“, издаваемому
при Святѣйшемъ Синодѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1895.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ

ОТЪ ПЕРВАГО ЕЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ НА РУСИ

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

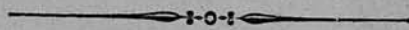

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

ОБРАЗОВАНІЕ И ШКОЛЫ НА РУСИ ВЪ XV—XVII ВѢКАХЪ.

С. Миропольскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СВНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ,
1895.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется
С.-Петербургъ, 11 Августа 1895 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Тихонъ*.

Очеркъ исторіи церковно-приходскихъ школъ на Руси въ XV—XVII вѣкахъ.

Единая и нераздѣльная Русь Владимірова, въ силу особыхъ историческихъ условій, съ XIV вѣка распадается на *Западную* и *Восточную*. *Юго-Западная* Русь, заключавшая въ себѣ Волинь, Галицію, Кіевъ и Подолію, сначала подпадаетъ *Литвѣ*, а потомъ, вмѣстѣ съ Литвой, присоединяется къ Польшѣ. *Восточная*—Московская Русь крѣпнетъ и, достигнувъ единодержавія, образуетъ могущественное Государство. Образование и школы Руси Московской развивались свободно, подъ вліяніемъ церкви православной; образование и школы Руси Юго-Западной и Литовской должны были вынести тяжкую борьбу съ латинствомъ, которое стремилось насильственно окатоличить православный русскій народъ и стереть его національность. Поэтому судьбы православной школы на Руси Восточной и Западной въ XV—XVII вѣкахъ не одинаковы и должны разсматриваться *отдѣльно*. И тамъ, и здѣсь основой для школъ русскихъ служило *православіе*, руководительницею ихъ являлась *церковь*, дѣятелями—*духовенство* и крѣпкіе въ вѣрѣ *православные люди*, но разность историческихъ условій положила особый отпечатокъ на школы Руси Западной и школы Руси Восточной. При этомъ школы Руси Юго-Западной имѣли несомнѣнное вліяніе на Московскія школы, особенно XVII-го вѣка (Кіевская ученость и схоластика). Поэтому историческое обозрѣніе школъ данной эпохи мы начинаемъ съ Руси Юго-Западной.

А. Русь Юго-Западная и Литовская.

I. Условія исторической жизни Юго-Западной Руси. Братства. Школы и образование въ XV—XVII вѣкахъ.

Русь Юго-Западная находилась въ особыхъ, исключительныхъ и очень неблагоприятныхъ условіяхъ исторической жизни.

Владиміръ-Волинскій былъ удѣломъ одного изъ сыновей вел. кн. Владиміра Мономаха. Умный и мужественный кн. Владимірко, захвативъ города Червенскіе (съ стольнымъ Галичемъ—1141), образуетъ обширное княжество Галицкое. Романъ Мстиславовичъ присоединяетъ къ нему Кіевъ. Данилъ Романовичъ распространяетъ княжество на Подолію, часть Молдавіи, Минскую, Гродненскую и Люблинскую земли.

Такимъ образомъ *Владимірска-Галицкая Русь*, занимая обширныя и плодородныя земли Юго-Западной Руси, образовала могущественное княжество, имѣвшее, повидному, всё задатки политической будущности. Но въ то время, какъ Сѣверо-Восточная Русь, перенося тяжкія испытанія, крѣпла и объединялась подъ властію Московскихъ князей, Юго-Западная Русь не имѣла этой объединяющей силы, — она раздробляется и подпадаетъ власти сперва великихъ князей Литовскихъ, а потомъ и владыкъ Польскихъ, что обрекаетъ страну на борьбу и страданія за вѣру и народность.

Галиція находилась на границѣ иновѣрныхъ земель. Съ Юга Угры, съ с.-запада Литва и Польша служили постоянными источниками опасностей, не только въ политическомъ, но и въ религіозномъ отношеніи. Литва уже въ XIV вѣкѣ образовала могущественное княжество. Ея знаменитые князья Гедиминъ (1315—1340), Ольгердъ (1345—1377) и Витовтъ (1392—1430) создали ея величіе. Овладевъ Юго-Западной Русью, Литва стала могущественнымъ государствомъ; оно заключало въ себѣ, кромѣ собственно Литовскихъ земель, Волыни и Подолія, княжества Полоцкое, Туровское, Кіевское, Смоленское и Сѣверскую землю.

Какъ Юго-Западная Русь, такъ и Литва были изначала земли *православныя*. Владиміро-Волынская земля получила православную вѣру еще при св. Владимірѣ; съ вѣрой, какъ и во всей Руси, получила она и образованіе, и *школы*. Въ областяхъ Галицко-Владимірскаго княжества было пять древнихъ православныхъ епархій — Владимірская, Перемышльская, Холмская, Галицкая и Луцкая¹⁾. Русь Литовская, получившая христіанство отъ русскихъ, которыми она первоначально была завоевана, также была православною. Только съ отложеніемъ Литвы отъ Руси (въ половинѣ XIII вѣка) здѣсь является католичество; но браки литовскихъ князей съ русскими князьями, распространеніе русскаго языка и постоянныя сношенія съ Русью поддерживали православіе.

Литва, завладѣвъ южно-русскими областями, не тѣснила ни вѣры, ни народности русскою; напротивъ, она сама усвоивала ту и другую. Литовская *письменность* еще не существовала, а русская имѣла церковно-славянскія книги, все богослуженіе на родномъ языкѣ, лѣтописи, законодательныя, дипломатическія и судебныя акты, наконецъ и *школы* при церкви. Христіанская вѣра проникла въ Литву чрезъ русскихъ проповѣдниковъ. Русскій языкъ сталъ языкомъ государственнымъ. Такъ было до соединенія Литвы съ Польшею (1386 г.), когда Ягайла получилъ польскую корону, съ клятвеннымъ обязательствомъ привести Литву въ послушаніе Риму.

Самая Польша первоначально тоже была православною. Историческими памятниками несомнѣнно доказывается, что христіанство въ этой странѣ введено было еще при Кириллѣ и Меѳодіѣ, за 100 л. до крещенія Мечислава (по восточ-

¹⁾ Начало христіанства на Волыни историки возводятъ къ временамъ св. Меѳодія, епископа Моравскаго, посылавшаго проповѣдниковъ въ Силезію, Польшу и Русь. При этомъ паденіе Моравскаго царства въ IX вѣкѣ привлекло православныхъ славянъ изъ Панноніи и на Волынь, гдѣ они являлись проповѣдниками св. вѣры. См. *Карашевичъ П.* «Очеркъ исторіи Православной Церкви на Волыни». Спб. 1855 г. О православныхъ епископахъ Волыни и Галиціи. *Теодоровича Н.* Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Почаевъ, 1888 г., а также *Петрушевича А.* «Краткое историческое извѣстіе о времени введенія христіанства въ Галицкой Руси». Львовъ.

тому обряду). Преслѣдованіе и уничтоженіе православія въ Польшѣ началось при Болеславѣ Храбромъ. Народъ полюбилъ православную вѣру, богослуженіе на родномъ языкѣ и школу церковную; латинство было ему противно, и потребовалось много времени и насилія, пока заставили его олатиниться, измѣнить вѣрѣ предковъ и родному языку въ церковномъ богослуженіи ¹⁾. Орудіемъ латинизаціи явились пришлые католики-нѣмцы, къ ученію которыхъ, изъ политическихъ видовъ, примкнули князья и паны. Особенно ревностнымъ распространителемъ католичества въ Русскихъ земляхъ былъ король Казиміръ Великій (1333—1370).

Въ началѣ XV вѣка въ Русн Литовской было 9 православныхъ епархій; но къ этому же времени, въ цѣляхъ пропаганды, учреждено было уже 6 епархій латинскихъ. Православіе преслѣдовалось, какъ политическая измѣна, со всею нетерпимостью и безпощадностію. Оставляя въ сторонѣ политическую исторію Юго-Западной и Литовской Русн и подробности невыносимыхъ преслѣдованій латинствомъ православія и русской народности, скажемъ только, что русскій народъ долженъ былъ вести почти непрерывно тяжелую и непосильную борьбу за свою вѣру съ католичествомъ, представители котораго, пользуясь поддержкою королей и пановъ, дѣйствовали насиліемъ, ложью, обманомъ, угрозами,—*vi et armis*. «Гдѣ не дѣйствовало слово Павла, они пользовались мечемъ Петра», по выраженію іезуитовъ.

Особенно тяжелыя испытанія православія начались съ призывомъ въ Польшу іезуитовъ ²⁾. Въ 1564 г. ихъ вызвали, по настоянію бискупа Гозіа, въ Польшу, а въ 1569 г.—въ Литву.

Политика іезуитовъ извѣстна. Оставляя пока въ сторонѣ массу, они прежде всего обратили вниманіе на дворъ и высшую аристократію. Они сразу оцѣнили положеніе. Въ Литвѣ и Польшѣ народъ былъ подавленъ и безправенъ; шляхта шла за панами, а паны—за дворомъ. Первыми жертвами ихъ пронырливости въ Литвѣ были знаменитые роды Ходкевичей, Радзивиловъ и Сапѣгъ, измѣнившіе православію. Побѣда іезуитовъ была облегчена тѣмъ, что и раньше (съ XIII вѣка) аристократическая молодежь ѣздилла учиться въ заграничныя университеты, гдѣ вліяніе католичества всегда было сильно.

Вторымъ орудіемъ іезуитовъ явился *школы*. Еще въ 1364 г. Казиміръ основалъ въ Краковѣ академію, которая имѣла свои филиальныя колоніи во многихъ мѣстахъ Польши и Литвы (въ Бѣлѣ, Краснотавѣ (Холмскомъ), Ольмѣ (Волинскомъ)). На другой же годъ прибытія въ Литву, іезуиты основали въ Вильнѣ коллегію, которую Стефанъ Баторій переименовалъ (1572) въ академію, со всеми правами и привилегіями университетовъ. Въ 1586 г. въ ней уже было 700 учениковъ. Въ 1571 г. іезуитская коллегія является въ Червонной Русн—въ Ярославѣ; затѣмъ іезуиты открыли свои школы въ Львовѣ, Перемышлѣ, Станиславовѣ и другихъ мѣстахъ.

Іезуитовъ поддерживали короли, папскіе нунціи, бискупы; на сторонѣ іезуитовъ была гражданская власть, громадныя средства; удивительная дисциплина

¹⁾ Русская лѣтопись говоритъ, что по смерти Болеслава народъ возмущился противъ латинства: «бѣ мятежъ въ земляхъ людскѣ: вставше люди избыша епископы и поны и бояры и бысть въ нихъ мятежъ». Полн. Собр. Л. I, подъ 1030 г.

²⁾ Іезуиты были призваны въ Польшу не для борьбы только съ православіемъ, но также съ реформатами, такъ какъ въ это время распространилось въ Польшѣ ученіе кальвинистовъ, соцініанъ, учитаріевъ, антигринитаріевъ и другихъ сектъ.

этого ордена и даровитые дѣйствительно его представители (ученый Скарга, Посевинъ) сдѣлали орденъ могучею силою, которую поддерживали также Доминикане, Францискане, Кармелиты, Базиліане, наводнившіе страну, составлявшіе армию враговъ православія.

Иезуиты старались привлечь въ свои коллегіи юношей знатныхъ родовъ и богачей. Они давали имъ всякія льготы, льстили ихъ суетности, оставляли безъ взысканій ихъ проступки, старались приблизить ихъ алтарю, одѣвая въ стихари, поручая звонить въ колокольчикъ, украшая вѣнками и т. д. Болѣе же всего старались подчинить ихъ волю и совѣсть, пробудить фанатизмъ и ненависть къ православію, презрѣніе ко всему русскому. Быстро иезуиты овладѣли положеніемъ и ряды ихъ пополнялись лучшими туземными силами. Съ Люблинскаго сейма (1569 г.), на которомъ окончательно были присоединены къ Польшѣ Литва, Волынь и Западно-русскія области, начинается рядъ тяжелыхъ испытаній православнаго народа. Официальное употребленіе русскаго языка отмѣняется, дворянство принимаетъ католичество и польскіе обычаи; Брестская унія (1596 г.),—хитрый и коварный замыселъ папизма,—поддерживаемая правительствомъ, составила эпоху въ этой борьбѣ. Цѣль уніи была религіозно-политическая: поляки стремились не только окатоличить издревле-православный русскій народъ, но и стереть его національность ¹⁾.

Древніе знаменитые роды православныхъ князей измѣнили вѣрѣ предковъ,—одни изъ политическихъ видовъ, другіе—обманутые лестью и обѣщаніями мира и любви. Таковы князья Чарторыйскіе, Четвертинскіе, Корецкіе, Сапгушки. Народъ православный оставался одинокимъ, покинутымъ и безпомощнымъ, тѣмъ болѣе, что унія увлекла даже многихъ представителей церкви. Русская церковь, русская народность и православная школа, казалось, были на краю гибели. Но Провидѣніе избрало свой путь для спасенія ихъ. На защиту вѣры и православной школы выступилъ самъ народъ, въ лицѣ *братствъ*, при поддержкѣ восточныхъ патріарховъ.

Православныя братства Юго-Западной Россіи возникли въ половинѣ XV вѣка. Братства эти образовались первоначально среди городскихъ обществъ. Въ Галиціи, во Львовѣ—мѣщане, въ Литвѣ, въ Вильнѣ, купцы и ремесленники (кушнари) собрались въ союзы, выстроили себѣ дома для совѣщаній по своимъ дѣламъ и бесѣды. По большимъ праздникамъ они дѣлали складчину, покупали и сѣтили медъ, который и пили съ гостями; остатокъ меда и воскъ продавали, а вырученные деньги употребляли на церковное строеніе, на милостыню бѣднымъ, призрѣніе больныхъ, на погребеніе убогихъ покойниковъ. Такъ возникли первыя, такъ называемыя *медовыя*, «братства народа русскаго греческой вѣры» ²⁾. Мало-помалу они получили правильную организацію, выработали свои уставы. Ежегодно избираемые старосты изъ среды братчиковъ завѣдывали братскимъ имуществомъ, имѣли наблюденіе за порядками и дѣлами братства и особенную заботу о потребностяхъ церкви Божіихъ и благотвореніи.

¹⁾ *Коловичъ*, Литовская церковная унія. Спб. 1862 г. Его же, чтенія по исторіи Западной Россіи. Спб. 1884 г. изд. 4. Наглядно и живо выражены цѣли уніи въ «*Апелляціи къ папѣ Льву XIII*» свещ. Наумовича. См. также *А. Хайнацкаго*, Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волыни. Житомиръ. 1878 г. Обильный историческій матеріалъ о судьбѣ православія на Волыни собранъ въ соч. *Н. Теодоровича*, «Историко-статистическое описаніе Волынской епархіи. Почаевъ. 1888 г.

²⁾ Первыя извѣстія о Львовскомъ братствѣ относятся къ 1453 г., а о Волынскомъ—къ 1458 г.

Такъ какъ подобныя союзы свободно существовали въ Литвѣ и Польшѣ и, наравнѣ съ другими обществами, пользовались правами собственности, признаніемъ властей и самоуправленіемъ, то польское правительство безпрепятственно разрѣшало ихъ учрежденіе, не предвидя въ нихъ той силы, какую они получили впоследствии, когда приняли характеръ церковный.

Въ управленіи Западно-русской церкви огромное значеніе имѣло право *патроната*, по которому короли и магнаты въ своихъ имѣніяхъ имѣли право устраивать церкви и монастыри, обезпечивать ихъ средствами (*jus donandi*), избирать настоятелей и священниковъ (*jus praebendi*), охранять и защищать ихъ (*jus patronandi*). Это право патроната въ отношеніи церквей и монастырей на городской землѣ принадлежало городскому обществу, или братствамъ. Такимъ образомъ Львовское, напримѣръ, братство имѣло патронатъ надъ монастыремъ святаго Онуфрія и Унівскимъ, стоявшими на городскихъ земляхъ. Они были изъяты изъ вѣдѣнія Львовскаго епископа и подчинялись Кіевскому митрополиту. Права эти подтверждались грамотами королей, вмѣстѣ съ другими привилегіями ¹⁾. Такія привилегіи и права получило и Троицкое Виленское братство, образовавшееся при Свято-Троицкомъ монастырѣ.

Патронатъ православныхъ братствъ имѣлъ важное значеніе. Онъ дѣлалъ ихъ *самостоятельными* учрежденіями церкви, которыя могли противостать потомъ и мѣстнымъ епископамъ, когда они уклонялись въ унию, и даже королямъ, когда они нарушали свободу вѣроисповѣданій и начинали угнетать православную церковь, какъ это и было впоследствии.

Но полную силу и права въ нравственномъ и церковномъ отношеніи братства получили отъ восточныхъ патриарховъ. Въ 1588 г. прибылъ въ Литву Цареградскій патриархъ Іеремія II. Какъ верховный глава Юго-Западной церкви ²⁾, озабоченный ея положеніемъ и будущностью, ясно увидѣлъ, что православная церковь находится здѣсь въ опасности и что братства могутъ составить для нея надежную опору. Въ этихъ цѣляхъ онъ рѣшился дать имъ новое устройство и предоставилъ имъ неслыханныя дотошъ права,—онъ возвелъ Львовское и Виленское братства на степень *патриаршихъ ставропигій*, то-есть учрежденій, зависящихъ прямо и непосредственно отъ патриарха. Въ то же время онъ утвердилъ для нихъ новыя уставы и благословилъ учреждать новыя братства, по образцу Львовскаго, на всемъ пространствѣ Львовской митрополіи и православной паствы. Сигизмундъ III-й вынужденъ былъ утвердить новыя права братствъ грамотой ³⁾.

Братства измѣнили свою дѣятельность, они стали «церковными или духовными». Вмѣсто меду на собраніяхъ является теперь Евангеліе, зажженные свѣчи, молитва и пѣніе подъ руководствомъ братскаго священника; каждое братство имѣетъ свой синодикъ и ларецъ для сбора пожертвованій на церкви и школы. Частое посѣщеніе богослуженія, строгое соблюденіе заповѣдей и обрядовъ право-

¹⁾ *Зубрицкій*, Лѣт. Льв. братства, подъ 1522 г. *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1849 г. апр.

²⁾ Отдѣленіе южно-русской митрополіи отъ Московской совершилось въ 1416 г., когда Витовтъ, по соображеніямъ политическимъ давно стремившійся къ этому отдѣленію, настоялъ предъ соборомъ южно-русскихъ епископовъ на избраніи Григорія Цамблѣка Кіевскимъ митрополитомъ; но митрополія оставалась по прежнему въ вѣдѣніи Константинопольскаго патриарха.

³⁾ *Флеровъ*, О православи. церк. братствахъ. Спб. 1857 г. стр. 57 и д. Грамота патриарха, Львовскому братству напечатана въ *Уч. Общ. Ист.* 1848 г. № 6.

славной церкви, молитвы за братство и за все христіанство, безукорпенная жизнь—были обязательны для братчиковъ. Проступки противъ вѣры и благочестія судились братствомъ полномочно, отступники отлучались отъ церкви ¹⁾.

Но права братствъ въ этомъ отношеніи были расширены патриархомъ до права наблюдать за церковной жизнью православной паствы всего края, не исключая духовенства и даже епископовъ ²⁾. «Братія, по уставу Львовскаго братства, должны были наблюдать, не отступаютъ ли отъ закона вѣры міряне или духовные при какой-либо церкви или въ иномъ какомъ-либо братствѣ, и если таковые окажутся, то напоминать имъ словесно или письменно, а въ случаѣ неисправления, доносить епископу. Если же и епископъ пойдетъ противъ закона истины и станетъ править церковію не по правиламъ св. Апостоловъ и св. Отцевъ, то такому епископу должны противиться все, какъ врагу истины» ³⁾. При этомъ права братства патриархъ охранялъ клятвою за нарушение ихъ, отлученіемъ отъ церкви и вѣчнымъ судомъ Божиимъ. Такія полномочія имѣли нравственную и церковную силу для всехъ православныхъ.

Виленское и Львовское братство, имѣя такія права отъ патриарха и привилегіи отъ королей, какъ старѣйшія изъ братствъ, служили средоточіемъ другихъ братствъ, и все они вмѣстѣ составляли *братскій союзъ* на благо православной церкви, какъ-бы патронать надъ всею православною церковію Юго-Западной Россіи.

Имѣя автономію, наблюденіе надъ духовенствомъ, находясь въ примыхъ отношеніяхъ съ патриархомъ, братства были грозой для отступниковъ - іерарховъ; на членовъ этихъ братствъ стали смотрѣть, какъ на «старѣйшихъ» изъ народа русскаго, обязанныхъ защищать права всей націи; представителямъ братствъ дапо было мѣсто на сеймахъ, даже на соборахъ.

Къ братствамъ примкнули знатныя русскія фамиліи, не чуждаясь простыхъ людей, въ свѣрыхъ свиткахъ, засѣдавшихъ на собраніяхъ: всехъ соединило сознание опасности православія и народности русской. Такъ, въ Львовскомъ братствѣ братчиками являются господа Молдавскіе и Валахскіе, князья Острожскіе, Слуцкіе, Олельковичи, Вишневецкіе, Каширскіе, Заславскіе. Высокія цѣли и дѣятельность братства привлекли щедрыя пожертвованія деньгами и имуществомъ ⁴⁾.

Сплны были враги православія; но сплны были и братства, они покрыли собою всю Русь Литовскую, объединяя населеніе братскимъ союзомъ въ борьбѣ за вѣру. Гражданскому насилію братства противопоставляли свои права; интригамъ

¹⁾ «Когда какой либо братъ будетъ отлученъ братствомъ, чрезъ священника отъ церкви, тогда ни протопопъ, ни епископъ не вправе благословить отлученнаго, пока не покорится братству». Уст. Льв. братства.

²⁾ Самъ Іеремія низложилъ митроп. Кіевскаго и Галицкаго Онисифора Дѣвочку, «двоеженца и вѣры сомнительной», подозрѣваемаго въ разныхъ преступленіяхъ, склоннаго къ папизму, крайне распущеннаго и вреднаго для церкви.

³⁾ *Макарій*, Ист. Русск. Церкви, т. IX. Со введенія уніи (1596) до 1620 г. западно-русская церковь не имѣла у себя православнаго митрополита и оставалась подъ гнетомъ митрополитовъ уніатскихъ. Только въ 1620 г. былъ поставленъ на Кіевскую митрополію защитникъ православія Іовъ Борецкій патриархомъ.

⁴⁾ О средствахъ братствъ можно судить по тому факту, что одно Виленское братство въ первыя 25 л. по введеніи уніи израсходовало на борьбу съ нею 200,000 флоринговъ. *Макарій*, Ист. Русск. Цер. т. IX. Братства имѣли каминные дома, фольварки, бани, доходныя аренды.

уніатскої ієрархіі—непосередственнія сношенія съ патріархомъ; дѣятельности іезуитовъ—свои школы и союзы; когда изгоняли братскихъ священниковъ, братства находили новыхъ; назначали уніатскаго епископа, братства противились ему и не принимали въ свою среду. Когда польское правительство, увлекаясь фанатизмомъ, попирало всѣ права, преслѣдовало, заключало православныхъ въ тюрьмы, братчики стояли за нихъ, а при невозможности отстоять, противопоставляли насилію силу христіанскаго терпѣнія и безболзненно шли на истязанія, поруганія, какъ мученики первыхъ временъ христіанства. Когда вельможные братчики измѣняли вѣрѣ и покидали братство, оно еще тѣснѣе сплочивалось и крѣпко стояло за вѣру.

Братское знамя, которое обносилось обыкновенно по братчикамъ для созыва собранія, стало знаменемъ православія и русской народности. Въ тяжкое смутное время, когда Западно-Русская ієрархія наполнилась уніатами, православные храмы разграблялись, запечатывались, отдавались жидамъ на откупъ, тѣла умершихъ православныхъ выбрасывались съ падалью, когда измученные, преслѣдуемые, ограбляемые православные падали духомъ и, страха ради, исповѣдывали ненавистную унію,—въ это страшное время испытаній одни братства остались непричастными измѣнѣ, не пали духомъ, но «говорили слово Божіе съ дерзновеніемъ и имѣли одно сердце и одну душу». Братскія посланія, братская проповѣдь, братская школа—все это было запечатлѣно духомъ беззавѣтной любви и преданности святой вѣрѣ и всему родному, русскому, православному ¹⁾).

Дѣятельность братствъ имѣла историческое значеніе и представляетъ обширный матеріалъ, изложеніе котораго не входитъ въ задачу нашего труда; мы остановимся только на просвѣтительной сторонѣ этой дѣятельности.

Православныя братства спасли южно-русскому народу *школу церковную*. Полномочія въ этомъ дѣлѣ братство получило прямо отъ патріарха, который предписалъ имъ заводить школы и типографіи, въ цѣляхъ охранить чистоту православія. Въ школахъ должны были обучаться даромъ дѣти членовъ братствъ и сироты; въ типографіяхъ должны были печататься книги, потребныя для церкви и обученія. Чтобы возвысить значеніе братскихъ школъ, патріархъ только однимъ братствамъ предоставилъ право воспитанія православнаго юношества, только братскія школы были признаны имъ законными общественными школами ²⁾).

Братства дѣятельно и энергично выполняли завѣтъ патріарха, и рядомъ съ школами и типографіями іезуитскими являются школы братскія, покрывающія весь край. Такимъ образомъ исторія церковной школы Юго-Западной и Литовской Руси въ эпоху XVI—XVII вѣковъ есть собственно *исторія братскихъ школъ*.

Пока православіе не подвергалось опасности, школы въ этомъ краѣ, какъ и во всей Руси, устроивались при церквяхъ и были приходскими. Свѣдѣній объ этихъ школахъ сохранилось мало; но мы знаемъ, что въ числѣ князей Галицкихъ и Волынскихъ были люди образованные, начитанные, покровители наукъ и образованія,—о нихъ сказано было въ своемъ мѣстѣ. Курсъ этихъ школъ былъ не обширенъ, но удовлетворялъ цѣли. Братскія школы поставлены были въ другія условія. Имъ

¹⁾ О подвигахъ и страданіяхъ братчиковъ см. у Колловича, «Лѣт. церк. уніа», т. II; Махарія, Ист. Русск. Церк. т. X; Флерова, О православныхъ братствахъ. О значеніи братствъ—Можаровскаго въ Воронеж. епарх. вѣд.; Мамшевскаго, Труды Кіевской Акад. за 1878 г.

²⁾ Флеровъ, О православныхъ братствахъ, стр. 107.

приходилось состязаться съ образованіемъ іезуитскихъ школъ, назначаемыхъ для пропаганды папизма и для высшихъ сословій.

Поэтому въ школъ Львовскаго братства, открытой еще по благословенію Антиохійскаго патріарха Іоакима (1586 г.), по уставу ея, обучали не только чтенію и письму, но и грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ, латинскому и греческому языкамъ, ариметикѣ, музыкѣ; но больше всего евангелію, книгамъ апостольскимъ, а также пасхалии, церковному пѣнію, учили дѣтей страху Божию и обязанностямъ въ отношеніи къ родителямъ и другимъ людямъ. Въ числѣ учителей, а потомъ и ректоровъ этой школы былъ знаменитый Іовъ Борецкій, впоследствии митрополитъ Кіевскій. О немъ въ одной рукописи пишется, что онъ «бѣ благочестивъ и премудръ, въ божественномъ писаніи *искусенъ, греческій и латинскій языкъ добръ умѣный и тѣхъ языковъ инья въ школахъ учивый и учащихся студентовъ всякими потребами довольствовавый*» ¹⁾. Изъ учителей Львовскихъ извѣстенъ также Гавріиль Доросеевичъ своими переводами съ греческаго. Первымъ начальникомъ училища былъ Еласонскій митрополитъ Арсеній, по назначенію патріарха. Такое назначеніе само собою подняло авторитетъ училища и придало ему первенствующее значеніе. За Львовскимъ братствомъ шли другія.

Гдѣ учреждалось братство, тамъ возникала и братская школа, бесплатно обучавшая дѣтей.

Въ училищѣ Виленскаго братства при Троицкомъ монастырѣ преподавался греческій, латинскій и русскій языкъ. Ипатій Поцѣй отнявъ Троицкій монастырь у братства, тогда оно съ училищемъ перешло въ Свято-Духовскій монастырь, гдѣ продолжало свою плодотворную дѣятельность. Лишенное средствъ и возможности завести типографію, оно печатало нужныя ему книги то въ Евю, помѣстьѣ князей Огинскихъ, то въ Вильнѣ.

Въ Минскѣ было 7 братствъ. Сохранились свѣдѣнія о школъ Петропавловской, устроенной по образцу Львовской.

Гедеономъ, еп. Львовскимъ, основано училище въ Стрятинѣ; здѣсь была типографія, въ которой печатались книги ²⁾.

Въ 1597 году Могилевское братство основало школу въ Могилевѣ, гдѣ и другое братство тоже имѣло школу ³⁾.

Православныя братства Виленскія имѣли школы въ Вильнѣ, въ Мстиславѣ, въ Росѣ (предмѣстьѣ Вильны) ⁴⁾.

Въ 1572 г. братская церковная школа была въ Туровѣ. Въ 1577 г. основана школа во Владимірѣ на Волыни ⁵⁾.

Въ 1633 г. братства Пинское Богоявленское, Минское Петропавловское и Николаевское получили дозволеніе завести школы.

Въ 1589 г. Братство Кіевской Богоявленской церкви открыло школу въ Кіевѣ ⁶⁾. Братство это патріархъ Іерусалимскій Теофанъ утвердилъ грамотою;

¹⁾ П. Видуль, Кіев. митроп. Іовъ Борецкій. Подол. епарх. вѣд. 1894 г. № 24 и слѣд.

²⁾ Филаретъ, Русск. Церк. Ист. т. IV, стр. 128.

³⁾ Тамъ же, стр. 131.

⁴⁾ Макарій, Ист. Русск. Церк. т. IX.

⁵⁾ Макарій, Ист. Русск. Церк. т. IX, стр. 410.

⁶⁾ Вопрошь о времени основанія Кіево-Братской школы является спорнымъ. Митроп. Евгеній и первые историки Кіевской Академіи Макарій и Аскоченскій, относятъ его къ 1589 г., т. е., ко.

Патріархъ Іеремія снова утвердилъ его своею властію. Кіево-братская школа, развившаяся впоследствии въ Коллегію и Академію, имѣла громадное вліяніе на просвѣщеніе не только Западной, но и Восточной Руси, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Іовъ Борецкій, состоя ректоромъ Кіево-братской школы и священникомъ Воскресенской церкви, открылъ въ собственномъ домѣ приходскую школу, самъ обучалъ школяровъ и лучшихъ изъ нихъ содержалъ своимъ коштомъ ¹⁾. Быть можетъ, многіе изъ православныхъ священниковъ также трудились, обучая дѣтей въ домахъ своихъ. Предположеніе это имѣетъ вѣроятность потому, что простые сельскіе священники, вмѣстѣ съ паствою, были самыми ревностными защитниками православія и народа русскаго, выносили невѣроятныя истязанія отъ враговъ ихъ и не оставляли назидать и учить свою паству, укрѣпляя ее въ православіи.

Въ 1617 г. Луцкое братство св. Креста учредило училище, въ которомъ преподавались греческій и славянскій языкъ, грамматика, церковный уставъ, риторика и діалектика ²⁾.

Замѣчательно по своей дѣятельности было Острожское училище (на Волыни). Князья Острожскіе были вѣрными и могущественными защитниками православія. Князь Константинъ Ивановичъ († 1533 г.), по отзыву Курбскаго «былъ свѣтлымъ въ правовѣрныхъ догматахъ и во всякомъ благочестіи сіяющимъ». Крѣпкій въ православіи ³⁾, занимая высокое положеніе, онъ пользовался своею силою и вліяніемъ на пользу православнаго народа,—строилъ церкви, монастыри, учреждалъ типографіи и заводилъ школы при церквахъ и крѣпко отстаивалъ права православія и народности въ Литовско-русскомъ княжествѣ. Латинство, несмотря на всѣ усилія его представителей, не могло распространиться и укрѣпиться въ его княжествѣ. Умеръ онъ 70 лѣтъ (1533 г.), оплакиваемый народомъ. Сынъ его Константинъ былъ достойнымъ преемникомъ славнаго отца ⁴⁾.

Онъ учредилъ въ Острогѣ высшее православное училище (академію), гдѣ получали образованіе защитники вѣры и народности русской, сначала подъ наблюдениемъ извѣстнаго ученостію Кирилла Лукариса ⁵⁾, а потомъ Герасима Смотрицкаго, отца Мелетія, который тоже былъ учителемъ въ этой школѣ. Здѣсь обучались

время пребыванія патр. Іеремія II въ Кіевѣ; а другіе—Максимовичъ, Малышевскій, Голубевъ—считаютъ началомъ достовѣрной исторіи школы 1615 г., когда Гулевичъ внесла богатый фондъ для устройства монастыря и школы. Первымъ ректоромъ ея былъ Іовъ Борецкій. См. *Голубева*, Ист. Кіев. Дух. Акад. I, гл. 1, а также *Приб. къ Твор. св. Отцевъ*, 1841 г. кн. 1. Малышевскій и Голубевъ подвергаютъ вопросъ о началѣ Кіевской академіи обстоятельному разбору.

¹⁾ *Закревскій*, Описаніе Кіева, стр. 517. *Макарий*, Ист. Кіев. Акад., стр. 20.

²⁾ *Филаретъ*, Ист. Русск. Церк. т. IV, стр. 130.

³⁾ Папскій легатъ писалъ о немъ папѣ: «Кн. Острожскій такъ приверженъ къ греческой церкви и до того соблюдаетъ ея постановленія, что ни на волосъ отъ нихъ не отступаетъ. Будучи дома благочестивѣе Нумы, онъ на полѣ брани не уступаетъ въ храбрости Ромулу. По единогласному свидѣтельству всѣхъ, онъ во всемъ безукоризненъ; при всѣхъ рѣдкихъ качествахъ, онъ имѣетъ одинъ только недостатокъ—онъ русскій и схизматикъ; но это какъ бы по ошибкѣ принято имъ отъ родителей. Если бы мнѣ удалось привести сего князя въ лоно католической церкви, то при-мѣръ его увлекъ бы множество народа: такъ велико его вліяніе на соотечественниковъ».

⁴⁾ Хотя онъ и подписалъ на Люблинскомъ сеймѣ 1596 г. актъ политической уніи Литвы съ Польшею, но противился уніи церковной и всегда былъ ревностнымъ защитникомъ православія.

⁵⁾ Бывшаго потомъ патріархомъ Константинопольскимъ. По наущенію іезуитовъ, этотъ великій ревнитель православія былъ утопленъ въ морѣ 1638 г.

славянскому, греческому и латинскому языку и «свободнымъ наукамъ». О важномъ значеніи этой школы для православія имѣется свидѣтельство отъ враговъ его. Иезуитъ Поссевинъ писалъ, что кн. Острожскій имѣетъ типографію и школы, «которыя давно и широко поддерживалась схизма», то есть православіе. Кроме Острожской школы, кн. Константинъ основалъ училище и типографію въ Дерманскомъ монастырѣ; пожертвовалъ землю въ Туровѣ, «чтобы школу держати».

Къ концу XVI в. мы находимъ братства въ Замостьѣ, Оршѣ, Пинскѣ, Брестѣ, Бѣльскѣ, Кобринѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ и не только въ городахъ, но въ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ учреждалось и школы. Арх. Филаретъ пишетъ, что «все эти братскія училища, особенно Кіевское, оказали много услугъ св. православной церкви; они приготовляли достойныхъ священниковъ, просвѣщенныхъ архипастырей, ревностныхъ защитниковъ православія» ¹⁾. И дѣйствительно, въ числѣ воспитанниковъ этихъ школъ мы находимъ имена знаменитыя, каковы: Іовъ Борецкій, Леонтій Карповичъ, Исаія Копинскій, Лаврентій Зизаній, Петръ Могила, Кириллъ Транквилионъ, Мелетій Смотрицкій, Епифаній Славинецкій, лексикографъ Памва Берында, Исаи Трофимовичъ, Сильвестръ Косовъ, Іоанникій Голятовскій, Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ, Захарія Копыстенскій, Тарасій Земка, Іоаннъ Максимовичъ, Адамъ Зерникавъ, Іоаннъ Витенскій и др. Все это люди высокаго дарованія, обширной учености, ревностные защитники православія, оставившіе по себѣ память въ потомствѣ. Хотя Мелетій Смотрицкій и омрачилъ свою славу временнымъ переходомъ въ унию, но возвратившись въ православіе, онъ оставилъ по себѣ много почтенныхъ трудовъ. Эти писатели и проповѣдники составляли оплотненія противъ католицизма и протестантизма, писали апологизмы православія, дѣлали переводы, писали учебники, иные прославились какъ ораторы, и вообще оставили обширную литературу.

Братскія *типографіи* дѣйствовали съ рѣдкою энергіей. Типографія одного Львовскаго братства за время своего существованія успѣла выпустить 300,000 печатныхъ изданій различныхъ церковныхъ и учебныхъ книгъ ²⁾.

* Нужды церкви и школы были велики. Иезуиты не щадили средствъ на изданія. Они портили православныя богослужебныя книги и, въ цѣляхъ пропаганды латинства и унии, старались наводнить церкви и школы своими изданіями. Братства поняли эту тактику и сами усиленно издавали книги. Кн. Острожскій издалъ (въ 1581 г.) библію; въ типографіяхъ печатались богослужебныя книги. Въ исправленіи ихъ особенно трудились Гедеонъ Львовскій и Петръ Могила ³⁾. Типографіи Львовская, Виленская, Могилевская, Заблудовская и Луцкая печатали въ громадномъ количествѣ Евангелія, Апостолы, Псалтири, Часословы, Требники, Тріоди и разсмыслили эти изданія бесплатно по бѣднымъ церквамъ и монастырямъ. Въ книгахъ была крайняя нужда. Первоначально богослужебныя книги печатались въ Краковѣ, гдѣ тогда были православныя церкви; въ 1491 г. изданы были псалтирь, часословъ, шестодневъ, тріоди. Въ 1517 г. докторъ Скорина (изъ Полоцка) издалъ Библію ⁴⁾. Но эти изданія были рѣдки. Начавшееся печатаніе церковныхъ книгъ на Москвѣ (1551 г.) было пріостановлено. Печатникъ Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславичъ должны были бѣжать,—они пріютились въ Лптовѣ—сперва у Хоткевича, въ Заблудовѣ.

¹⁾ Филаретъ, Ист. Русск. Церк. т. IV, стр. 133.

²⁾ Флеровъ, О правосл. брат., стр. 118.

³⁾ Филаретъ, Ист. Русск. Церк. т. IV, стр. 135 и дал.

⁴⁾ Чистовичъ, Очеркъ Ист. Западно-Русск. Церк. 1882 г., стр. 217 и дал.

довѣ, гдѣ напечатали Евангеліе учительное (1569) и Псалтирь (1570), потомъ Мстиславецъ въ Вильгѣ, гдѣ завелъ типографію, а Ѳедоровъ въ Львовѣ, откуда потомъ былъ вызванъ въ Острогъ, гдѣ напечаталъ Псалтирь, Новый Завѣтъ и Библию. Такимъ образомъ русскіе первопечатники послужили дѣлу православія въ Юго-Западной Руси. Обиліе церковно-богослужебныхъ книгъ, издаваемыхъ братствами, удовлетворяло насущной потребности народа и церкви.

Но такъ какъ и школы братскія требовали *учебниковъ* и пособій, дабы не учиться по книгамъ іезуитскимъ, то братства широко удовлетворяли и этой нуждѣ. Они печатали азбуки, буквари, грамматики, пособия по изученію краснорѣчію, словари, арифметики, книжки для чтенія—преимущественно апологетическаго и общительнаго характера. Между прочимъ, въ братскихъ школахъ впервые началась разработка грамматики церковно-славянскаго языка ¹⁾. Вышедшая во множествѣ изданій грамматика Мелетія Смотрицкаго въ теченіе почти вѣка считалась образцовымъ произведеніемъ, которому слѣдовали составители грамматикъ позднѣйшихъ.

Такимъ образомъ братства давали нескучную духовную пищу народу православному и школѣ.

Плодотворная дѣятельность православныхъ братствъ оказала неисчислимыя заслуги церкви и народу русскому, подавленному на Западѣ силою чуждой ему цивилизаціи и религіи. Братства выработали идеаль религіознаго служенія родинѣ на началахъ православной вѣры и народности. Въ трудную годину испытаній братская школа сохранила народу воспитаніе и образованіе юношества въ церковномъ духѣ. Школа эта, поддерживаемая народомъ, стойко выдержала напоръ сильныхъ враговъ и сохранилась до того времени, когда единоплеменная и единовѣрная Восточная Русь приняла ее подъ свое покровительство и когда «отторгнутые насиліемъ соединились любовію» съ своей родной матерью.

II. Воспитаніе и обученіе въ братскихъ школахъ Юго-Западной и Литовской Руси.

Братскія школы возникли въ борьбѣ православныхъ за вѣру и народность. Вступая въ борьбу съ папизмомъ и іезуитизмомъ, братства должны были бороться ихъ же оружіемъ. Поэтому *курсъ* братскихъ школъ выходилъ за предѣлы обычной школы церковной. Слѣдуя примѣру школъ латинскихъ, братства, кромѣ чтенія, письма, пѣнія и изученія молитвъ и слова Божія, вводили въ свои школы обученіе греческому и латинскому языкамъ, грамматикѣ языка славянскаго, риторикѣ, диалектикѣ и арифметикѣ; Кіево-братская же школа, послѣ преобразованія ея Петромъ Могилою, стала въ разрядъ высшихъ богословскихъ учебныхъ заведеній. Но этотъ курсъ не былъ одинаковъ во всѣхъ школахъ. Такъ, въ Львовской, Луцкой и Кіевской школахъ онъ былъ болѣе полный, а въ другихъ — сокращенъ. Несмотря на это, онъ оставался школами *церковными*. При этомъ, такъ какъ братства продолжали поддерживать тѣсную связь съ Греціей, откуда они получили первыхъ заправителей школьнаго дѣла, то вслѣдствіе этой связи развилось *еллино-славянское*

¹⁾ Львовское братство издало одну изъ первыхъ словено-еллинскихъ грамматикъ въ 1591 г. «Грамматика сложена отъ различныхъ грамматикъ спудеями, иже въ Львовской школѣ. Въ друкарни братской». Такъ какъ учебники братскихъ школъ перешли потомъ въ Русь Московскую, то обзоръ этой литературы будетъ представленъ въ исторіи школъ Руси Московской.

образование, и самыя школы иногда назывались греко-славянскими не только на западѣ, но и на востокѣ Руси. Изученіе греческаго языка не оскудѣвало въ школахъ; по мѣстамъ даже причетники обучались ему и пѣли по гречески ¹⁾).

На братскихъ школахъ отразился нѣсколько духъ Запада. XV—VII вѣка составляли эпоху возрожденія наукъ въ Западной Европѣ. Нѣкоторые изъ дворянъ православныхъ слушали науки въ Краковѣ, въ Прагѣ, въ Ольмюцѣ и др. мѣстахъ. Возвращаясь домой, они привозили понятія объ организаціи и ученіи школъ западныхъ. Все это могло вліять и на братскія школы; но ихъ спасало отъ полной подражательности сознаніе прямыхъ задачъ братскихъ школъ и то обстоятельство, что братскія школы завѣдывались и управлялись *духовенствомъ*. Братства имѣли *церковный* характеръ, и священники занимали въ нихъ первенствующее положеніе. Это подтверждаютъ уставы братствъ. Такъ, въ первомъ пунктѣ устава Луцкаго братства, утвержденнаго Вселенскимъ Патріархомъ Кирилломъ, пишется: «*Пресвитеръ* церкви ихъ (братій) *отъ рукъ пастырства нашего, избравъ* четырехъ старшихъ братій, имѣетъ учредить съ ними засѣданіе; и когда кто въ братское общество ихъ вступить пожелаетъ, имѣетъ объявить о себѣ братству чрезъ того же *пресвитера*; и если онъ согласится на все нижеписанныя правила, тогда долженъ цѣловать честный крестъ изъ рукъ *пресвитера* и руку іерейскую» ²⁾). Жалобы на братчиковъ приносятся «*пресвитеру*, какъ *старшему*, который властію пастырства нашего (т. е. патріарха) долженъ подвергнуть его законному наказанію» ³⁾).

Такимъ образомъ патріархи грамотами ввѣряли священнику власть управленія и суда въ братствахъ, при чемъ, какъ уже сказано, уставы охранялись клятвами патріарха ⁴⁾).

Поэтому духовенство являлось *руководителями* братскихъ школъ по полномочію вселенскихъ патріарховъ, по желанію и согласію братствъ, а не самоволіемъ или происками. И духовенство стояло на высотѣ своего призванія. Поэтому же, хотя школы братскія и приняты нѣкоторыя *формы*, курсъ и организацію школъ западныхъ, но крѣпко сохранили духъ и направленіе православія.

Иезуитскія школы, съ ихъ стройною организаціей и удивительною дисциплиной, въ сущности основаны были на лжи, фарисействѣ, фанатизмѣ (*qui non parista—est satanista* было любимымъ изреченіемъ Гозія), недовѣрїи и виѣшности. Но справедливость требуетъ сказать, что они достигали своихъ цѣлей мастерски, тѣмъ болѣе, что иезуитскій пробабиллизмъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ «*ad majorem Dei gloriam*». Систематически и преднамѣренно приучая новиціатовъ къ выдержкѣ и разнаго рода лишеніямъ, путемъ нравственнаго и физическаго искуса, иезуитизмъ воспитывалъ въ ученикахъ терпѣливость, спокойствіе, самообладаніе. Новиціатъ приучался систематически подавлять въ себѣ человѣческія чувства и движенія

¹⁾ *Зубрицкій*, Лѣтоп. Львовскаго брат. стр. 8.

²⁾ Памятники, изд. Врем. Комисс. 1848 г. т. I, стр. 40.

³⁾ Тамъ же, стр. 41 п. 2 устава.

⁴⁾ Такъ, патріархъ Кириллъ, утвердивъ Луцкій братскій уставъ, пишетъ: „Весь тотъ вышеписанный уставъ Смирненіе Наше о Духѣ Святомъ постановивши, укрѣпляемъ и утверждаемъ нашею соборною грамотою, заповѣдуя, чтобы ни одно лицо ни изъ свѣтскаго словесія, ни изъ начальства *духовнаго*, подѣ страхомъ *проклятїа* не отваживалось быть противникомъ его... Каждый таковой да будетъ отъ всей вселенской церкви и отъ Смирненія Нашего проклятъ и непрощенъ—доколѣ въ раскалїе не придетъ. Тамъ же, стр. 53.

сердца, онъ привыкалъ быть безропотнымъ орудіемъ чужой воли. Для этого служили такъ-называемыя *exercitia spiritualia*, цѣль которыхъ состояла въ отверженіи своей воли, сужденія. Упражненія эти точно регулировались, назначалось определенное время, когда обязательно нужно размышлять (*meditationes*) о грѣхѣ, когда о страшномъ судѣ, когда объ искупленіи, когда объ адѣ и т. д. При точномъ исполненіи росписанія такихъ упражненій, требовалось имѣть самое строгое вниманіе къ каждому движению мысли. Новиціаты приучались видѣть въ начальникѣ земного бога, безусловнаго распорядителя собою, а себя считать трупомъ, палкою (*bacula, sicut cadaver*) въ рукахъ его. Въ школахъ было учреждено взаимное, систематическое шпіонство другъ за другомъ. Въ школахъ ставились алтари и производились постоянныя службы и моленія. Исповѣдь служила средствомъ овладѣть совѣстію новиціата и управлять ею по произволу. Чаще всего заставляли размышлять о предметахъ, потрясающихъ душу, — о мученіяхъ, объ адѣ, о казни за невѣріе и особенно иновѣріе и даже сочувствіе къ схизмѣ; въ определенный часъ обязательно назначалась молитва «со слезами», хотя бы насильственными, по преимуществу молитва о томъ, чтобы Господь нещадно каралъ Своихъ враговъ, противниковъ латинской вѣры (*supplicationes*), для болѣе совершенныхъ назначались бичеванія, сѣченія (*flagellationes*), до изнуренія силъ. Родство, дружба, пріязнь тщательно вытравливались изъ души; личная жизнь совершенно подавлялась. При этомъ внушалась внѣшняя благовоспитанность, мягкость и вкрадчивость въ обращеніи, рѣчь разбѣренная, поступъ ровная, скромность и даже убогость въ одеждѣ.

Таковъ воспитательный идеаль іезуитскихъ школъ. Образование у іезуитовъ было блестяще по обилію предметовъ, по внѣшности, но односторонне и ненаучно. Они преподавали въ школахъ богословіе, философію и особо діалектику, ораторство, піитику, латинскій, греческій и мѣстный языки, исторію, математику, музыку, но все согласно только съ своими цѣлями фанатической пропаганды папизма. Напримеръ, Священное Писаніе, отеческія творенія изучались только какъ подборъ текстовъ для доказательства главенства папы и правильности догматовъ римской церкви. Аристотель, Альваръ и Аквинать служили также для доказательства истинности латинскихъ доктринъ и превосходства ихъ предъ иновѣріемъ. Къ этой же цѣли направлены были публичныя и домашніе диспуты и ученическія представленія, діалоги, на которыхъ происходило всегда пораженіе (словесное) противниковъ папизма, причемъ мнѣнія ихъ извращались, доказательства искажались намѣренно. Постоянныя религіозныя церемоніи, праздники, іезуитскія торжества поддерживали въ учащихъ пастроенность, какой добивались іезуиты. Учебники, составленные іезуитами (напр. Канзіемъ, Суарецомъ, Толедо) отличались отсутствіемъ безпристрастія и правды, а иногда намѣренною ложью, гдѣ требовалось выставить заслуги папизма. Изученіе класииковъ заключалось въ томъ, что послѣ усвоенія грамматики (Альвара) ученики затверживали наизусть множество фразъ и сентенцій, подобранныхъ искусно іезуитами въ своихъ цѣляхъ. Рѣчь воспитанника іезуитской школы пересыпалась цитатами Горація, Цицерона, Овидія и даже Гомера и давала высокое понятіе объ ораторахъ, хотя въ сущности эти «цвѣты» краснорѣчія были пустоцвѣтомъ. Схоластика находила здѣсь свой пріютъ и имѣла широкое примѣненіе. Истинной науки въ школахъ іезуитскихъ не было и она даже преслѣдовалась, ибо не было правды во всемъ ихъ ученіи, хоть оно награждалось высокими учеными дипломами и правами. Но благодаря іезуитской дисциплинѣ, изъ

школы выходили люди, готовые умереть за папизм; яростные, беспощадные фанатики; хитрые, вкрадчивые, пронырливые дѣятели, не останавливающиеся ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей и сильныя сплоченностію и дисциплиной.

Таково было воспитаніе и обученіе въ іезуитскихъ школахъ, и съ такими дѣятелями приходилось бороться скромной, правдивой православной школою братской

Духъ православія охранилъ ее отъ лжи іезуитизма. Школа братская осталась простою, почти семейною школою народною, пропикнутою теплою, сердечною религіозностію, взаимнымъ довѣріемъ и любовью. Нигдѣ такъ ярко не обнаруживается противоположность латинства православію, какъ въ воспитаніи и обученіи въ школахъ.

Въ братскихъ школахъ богатые и бѣдные не различались, всѣ одинаково жили, всѣ одинаково приводились къ истинѣ. Дѣти воспитывались въ святой вѣрѣ не для вышнихъ цѣлей, не для пропаганды, а ради спасенія души; воспитывались не для того, чтобы угнетать другихъ, но чтобы самимъ остаться крѣпкими въ вѣрѣ, до готовности пострадать за нее. Для этихъ цѣлей православные соединились въ братства, этимъ цѣлямъ служила и школа. «Мы, свѣтскія братія церковнаго братства, пишется въ «порядномъ постановленіи» Луцкаго братства, собравшись, и по апостольски во взаимности любви духовно соединясь на служеніе матери нашей церкви и нашему собственному спасенію, и къ твердѣйшей и вѣрнѣйшей безопасности и оборонѣ, разсудили»... Такъ какъ оба члена тѣла Христовой церкви, ни свѣтскіе безъ духовныхъ, ни духовные безъ свѣтскихъ, въ служеніи человѣческому спасенію не могутъ быть совершенно и вполне удовлетворительны, то мы и вступили въ единство любви и равенство чести,—ибо всѣ мы одно во Христѣ Іисусѣ»¹⁾.

Въ достиженіи цѣлей религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся братская школа не употребляла средствъ искусственныхъ, но обращалась къ тѣмъ, какія употребляетъ церковь. На первомъ мѣстѣ—неопустительное посѣщеніе богослуженія, принятіе св. таинствъ, благоговѣйная молитва. Въ уставѣ Луцкой школы пишется: «Такъ какъ все доброе должно начинаться отъ Бога, притомъ каждый ученикъ, между свободными науками (межи науками вызволенными) прежде всего долженъ учиться тому, что ведетъ его ко спасенію; то постановляемъ, чтобы въ каждый воскресный и каждый святой день, по обыкновенію празднуемый церковію, именно, въ праздники Господскіе, Богородичныя и Апостольскіе и въ другіе дни, во храмѣ при богослуженіи, то-есть, на вечерни, утрени, на божественной литургіи и опять на вечерни присутствовали *все*, не исключая никого и не смотря ни на какія причины, кромѣ болѣзни. И тамъ стоя со страхомъ божіимъ, какъ на небѣ, со всевозможною тишиною внимать молитвамъ и поученіямъ. Тоже и въ простыя дни, опредѣленные лица, которымъ, по составленному списку, придетъ очередь, такимъ же образомъ должны ходить въ церковь»²⁾.

¹⁾ Памятн. изд. Врем. Комисс. стр. 56.

²⁾ „Права школы греко-латино-словенской Артикули“. § 10. Въ „Памятникахъ, изд. Временной Комиссіей для разбора древнихъ актовъ“ (изд. 2, 1818 г.) напечатаны два устава братской Луцкой школы, съ подстрочнымъ ихъ переводомъ, которымъ мы пользуемся, дабы не обременять читателя чтеніемъ славяно-бѣлорусскаго не вѣсьмъ понятнаго текста той эпохи. Уставы относятся къ 1624 г. Такъ какъ Луцкая школа явилась позднѣе другихъ братскихъ школъ, но по образцу ихъ, причѣмъ пользовалась и ихъ уставами, то организацію Луцкой школы можно признать типичною для братскихъ школъ вообще.

Въ § 11-мъ устава пишется: «Если кто хочет утвердиться въ мудрости, тотъ непременно долженъ имѣть общеніе и единеніе съ Предвѣчною Мудростію, то-есть, съ Сыномъ Божиимъ, посредствомъ частаго причащенія тѣла и крови Его. Почему набожнѣйшимъ изъ нашихъ учениковъ совѣтуемъ, чтобы они наичаще, то-есть, если можно, въ каждый Господскій праздникъ и въ каждый постъ принимали исповѣдь и св. причастіе; а болѣе безпечнымъ и слабымъ, и всѣмъ вообще приказываемъ, чтобы во всѣ четыре годичные поста, именно: въ Великій — въ началѣ весны, въ Петровъ — въ началѣ лѣта, въ Спасовъ — въ началѣ осени и въ Филипповъ — въ началѣ зимы, каждый изъ нашихъ учениковъ (спудеевъ), отбывши надлежащимъ образомъ исповѣдь передъ священникомъ, котораго назначить старшій (священникъ), содѣлался достойнымъ причастникомъ Пречистыхъ Таинъ».

Ученіе начиналось молитвою: «Поутру всѣ, сошедши въ назначенный часъ (на godzinу назначенную), не должны начинать ученія, пока не прочтутъ молитвъ и обычнаго наставленія» (предисловіе обычны) ¹⁾.

Суббота посвящалась повторенію уроковъ за недѣлю и особенно религіозному наставленію, въ виду предстоящаго праздника. «Послѣ обѣда въ субботу, пишется въ ст. 14 устава, учитель обязанъ не малое время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, *бесѣдовать* съ дѣтьми, поучая ихъ *страху Божию* и чистымъ юношескимъ правамъ: какъ они должны быть *въ церкви* предъ Богомъ, *въ домѣ* — предъ родными своими, и какъ имъ *вездѣ* сохранить добродѣтель и цѣломудріе, то-есть, предъ Богомъ и святыми Его почитаніе и страхъ, предъ родными и учителемъ (даскаломъ) послушаніе, предъ всѣми вообще покорность и уваженіе, а сами въ себѣ чистоту и добродѣтель».

Праздникъ долженъ былъ проводиться по христіански, въ слушаніи богослуженія и духовномъ назиданіи: «Въ воскресеніе и въ праздники Господскіе, пока пойдутъ къ литургіи, учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ о томъ праздникѣ или святомъ днѣ и учить ихъ волѣ Божіей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное евангеліе и апостоль. Ибо сказано: Блаженъ, иже въ законѣ Господни поучается день и ночь» (ст. 15 уст.).

Весь строй братской школы проникнутъ былъ религіозностью, но эта религіозность, искренняя, простая, безъискусственная, исходящая отъ души, правдивая и основанная на уставахъ церкви, была совершенно чужда іезуитизма.

Никому въ братской школѣ не дѣлалось предпочтенія, богатые и бѣдные, знатные и простые, даже сироты и убогіе содержались и воспитывались одинаково, — всѣ дѣти, и всѣ призывались къ царству Христову, а къ сиротамъ даже предписывалось особенное вниманіе. Въ 4 ст. устава пишется: «Богатые предъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою; а по внѣшности (плотію) равны всѣ. Ибо всѣ мы братія во Христѣ; всѣ мы члены одной главы Христа, и ни одинъ членъ, напримѣръ, глазъ рукъ и рука ногъ, не можетъ сказать: «ты мнѣ не нужна».

Ст. 5: «Учитель долженъ и *учить* и *любить* дѣтей *всѣхъ одинаково*, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ, и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, прося пропитанія. Учить ихъ, сколько кто по силамъ научиться можетъ, — только не старательнѣе объ однихъ, нежели о другихъ (только не пилнѣй единого, ниже

¹⁾ Памятники, стр. 103. Ст. 8 втор. уст.

другого учить). Ибо сказано: «просищему у тебе дай и хотящему у тебя занять, не отврати». И еще: «Богъ хочетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины прийти».

Самыя школы строились на пожертвованія всѣхъ православныхъ ¹⁾, всѣмъ онѣ и должны были служить. Духъ ея выражается въ основныхъ правилахъ, гдѣ говорится, что греко-русская школа устроилась «по стародавнимъ обычаямъ и правиламъ святыхъ отецъ исповѣданія Греческаго», то-есть, по обычаямъ, завѣщаннымъ отъ временъ Владиміра святаго, устроителя церковной школы на Руси. Братская школа устранилась, «чтобы восполнить недостатокъ надлежащаго ученія, подвигнуть людей нерадивыхъ, а противникамъ (вѣры) заградить уста; дабы отсель, съ прекращеніемъ злобы, восприяло начало благихъ дѣлъ и по всей братіи распространилось спасеніе: измѣненіе бо злобы начатокъ есть во спасеніе; близъ бѣды спасеніе». Не о враждѣ, а о мирѣ, объ утоленіи злобы, о любви заботилась школа; не фанатизмъ, а терпимость и твердость въ вѣрѣ воспитывала она въ учащихся: какъ это далеко отъ задачъ школы іезуитской.

Отъ учителя братской школы требовались прежде всего нравственныя качества, чистая вѣра, добрая жизнь. Требования эти изложены въ 1-й ст. устава школы. «Даскаль или учитель сей школы долженъ быть благочестивъ, разсудителенъ, смиренномудръ, кротокъ, воздержливъ, не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не *тѣмль*, не зависливъ, не *смѣхотворецъ* (т. е., человекъ легкомысленный, вызывающій смѣхъ пустыми рѣчами), не басносказатель (враль), не пособникъ ересей; не споспѣшникъ благочестія, во всемъ представляющій собою *образецъ* благихъ *дѣлъ*. Въ такихъ добродѣтеляхъ пребываютъ и ученики, какъ ихъ учитель».

Дисциплина іезуитскихъ школъ отличалась суровостью. Розги и бичъ, угрозы и страхъ служили въ нихъ воспитательными средствами, которыя взяты были изъ западныхъ школъ латинскихъ. На Западѣ развился даже культъ розги. Въ честь ея были праздники. Въ извѣстное время дѣти всѣхъ школъ извѣстной мѣстности собирались, подъ руководствомъ учителей, шли за городъ, въ рощу, гдѣ нарѣзывали розги, связывали ихъ въ пучки, пѣли въ честь ихъ пѣсни и съ торжествомъ возвращались домой, при чемъ каждый родитель спѣшилъ запастись праздничными розгами, пучекъ которыхъ вѣшалъ въ своемъ домѣ, на страхъ и напоминаніе дѣтямъ. Отсюда почитаніе розги перешло въ польскія школы, гдѣ составлялись въ честь ихъ стихи, которыя помѣщались въ азбукахъ.

Но дисциплина братскихъ школъ была чужда жестокости, и не на розгѣ, а на добромъ воспитаніи и примѣрѣ утверждалась она. Наказанія въ школахъ допускались, но только въ крайнихъ случаяхъ и съ осмотрительностію. Въ школьномъ уставѣ пишется (ст. 2): «А учитель, взявъ порученное ему дитя, долженъ заботливо учить его полезнымъ наукамъ; за непослушаніе наказывать (карать, взыскивать), но *не тирански*, а наставнически; не сверхъ мѣры, но по силамъ, не съ буйствомъ, а *кратко* и тихо, не только мірски, но и выше мірскаго (выше мірскихъ). И чтобъ онъ, по своей небрежности, зависти и лукавству, не остался виновнымъ *ни за одного* ученика предъ Богомъ Вседержителемъ, а также передъ род-

¹⁾ Такъ Луцкая школа основана „иждивеніемъ и заботою мѣщанъ Луцкихъ русскаго рода, святаго исповѣданія Греческаго, и пожертвованіями *всѣхъ* православныхъ христіанъ, какъ духовнаго сословія, такъ и особъ княжескихъ, господскихъ и дворянскихъ и *всего простаго народа*, даже и до убогихъ вдовицъ“. „Памятники“, стр. 96. Школы іезуитскія не могли о себѣ этого сказать.

ственниками ученика и передъ нимъ самимъ, если бы отнял у него время и зацпль его тѣмъ инымъ. Ибо сказано: «лугавый рабе и лѣнивый, подобаше ти вдати серебро мое торжникомъ и пришедь азъ, взяхъ бы свое съ лихвою». И еще: «иже падить жезль, ненавидитъ сына своего»¹⁾. Въ основу дѣятельности учителя полагается сознание нравственнаго долга и отвѣтственности за вѣранныхъ ему дѣтей предъ Богомъ и людьми.

Ходъ обученія въ школѣ по уставу излагается такимъ образомъ: «школы словенской ученіе начинается такъ: сперва научаются *складывать буквы*; потомъ обучаются *грамматикъ*, притомъ учатся *церковному порядку* (уставу), *чтенію, тнню*. Также пріучаютъ ежедневно, чтобы дѣти одинъ другаго спрашивали *по гречески*, а отвѣчали бы по словенски; и также чтобы спрашивали *по словенски*, а отвѣчали бы на простомъ языкѣ. Вообще они не должны между собою разговаривать на одномъ *простомъ* языкѣ, но на словенскомъ и греческомъ. И такимъ образомъ учатся, приступая къ высшимъ наукамъ: къ *діалектикъ* и *риторикъ*, которыя переведены *по словенски*. На русскомъ языкѣ написаны діалектика, риторика и другія *философскія* сочиненія, принадлежащія школѣ»²⁾. По ст. 12-й «учитель обязанъ учить учениковъ и на *письмъ* имъ предлагать: отъ святаго Евангелія, отъ книгъ Апостольскихъ, отъ всѣхъ пророковъ, отъ ученія святыхъ отецъ, отъ философовъ, поэтовъ, историковъ и прочая. Елика бо преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася». Курсъ ученія довольно обширенъ, но онъ былъ согласованъ съ тѣми потребностями, какія вызывала защита церкви православной отъ латинства. Православные должны были пользоваться въ защитѣ тѣмъ оружіемъ, какими пользовались и враги.

Братскія школы имѣли правильную *внутреннюю организацію*. Вступленіе въ школу требовало соблюденія нѣкоторыхъ условій. «Каждый, кто вступаетъ въ школу для обученія, пишется въ уставѣ, явившись къ ректору, съ его дозволенія, присматривается сначала три дня къ ученію и порядку, а бѣдный—и къ содержанію, не бывъ еще допущенъ вполне ни къ какому школьному занятію. Это для того, чтобы поспѣшно начавъ, не раскаялся и не оставилъ бы предпріятія; ибо каждый долженъ ходить въ школу не одну четверть и не годъ, но пока не окончитъ курсъ,— и только съ такимъ условіемъ будетъ принятъ».

Значить, братская школа была школой *для всѣхъ* и школой *свободною*; обязательнымъ являлось только полное прохожденіе курса для тѣхъ, кто поступилъ въ школу. «Такъ присмотрѣвшись, если кто не захочетъ вступить, отходить съ благословеніемъ; а если согласится на порядокъ и правила наши, то долженъ объявить старшему, по распоряженію котораго, внести въ школьную кружку 4 гроша, будетъ записанъ *пентархомъ* въ большой школьный списокъ и такимъ образомъ зачислется въ ученики».

Новичекъ поручается старшимъ (пресвитеромъ) особому руководителю, съ требованіемъ полнаго *послушанія*, но «добровольно, безъ всякаго принужденія и ропота, какъ челоуѣку, который обязанъ наставлять его и учить всему приличному и полезному». Ибо, говорится въ объясненіе этого требованія, «если добродѣтель послушанія имѣеть цѣну въ ремеслахъ самыхъ низкихъ, и притомъ первѣйшую;

¹⁾ Памятн. изд. Врем. Комис. стр. 100.

²⁾ Памятн., стр. 115.

то тѣмъ болѣе въ наукахъ свободныхъ, которыя всѣ прочія науки, искусства и ремесла далеко превышаютъ» ¹⁾).

При этомъ не было стѣсненія въ выборѣ спеціальности въ занятіяхъ. «Такъ какъ въ школѣ учатся разнымъ языкамъ и наукамъ и опредѣлены часы, въ какіе чему должно учиться; то каждый, поступивши въ школу, и не могши векорости узнать ни наукъ, которые здѣсь преподаются, ни того, къ какой онъ способенъ, долженъ просить совѣта у начальника школы, за какую науку ему взяться. И что онъ, сообразивъ его лѣта, наклонность и способности, посоветуетъ ему, за то съ охотой и долженъ приняться». Судя по этому, въ братскихъ школахъ, при обширности ихъ курса, не всѣ ученики проходили всѣ науки, но по выбору. Это относитя, конечно, не къ грамотности и церковнымъ предметамъ, а къ языкамъ и высшимъ занятіямъ.

Въ другомъ уставѣ говорится о приемѣ въ школу: «когда кто-либо приходитъ къ учителю, приводя и отдавая въ науку сына и другихъ (sic), то долженъ взять съ собою одного или двухъ сосѣдей, да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станеть всякъ глаголь; и сдѣлать съ учителемъ условіе о наукѣ и о всемъ порядкѣ по уставу. И долженъ прежде всего быть прочитанъ ему тотъ уставъ, дабы зналъ, какимъ образомъ будутъ учить его сына и чтобы не препятствовалъ ему въ соблюденіи установленнаго порядка, но всѣми мѣрами *содѣйствовалъ* дѣтямъ въ наукѣ приводя ихъ въ послушаніе учителю, какъ истинный отецъ, желающій видѣть утѣшеніе и благой плодъ трудовъ».

Здѣсь, при свободѣ поступленія въ школу, является желаніе установить тѣсную связь между нею и семьей и въ семьѣ находить помощь школьному учению и воспитанію. Видится и довѣріе къ народу,—ему предоставляется свобода выбрать, что онъ считаетъ лучшимъ для дѣтей. Поучительный примѣръ и для нашего времени.

Школа дѣлилась на *группы*, причемъ за основаніе дѣленія приняты слова апостола: «Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смысляхъ, егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая.» Къ первой группѣ относились дѣти, которыя учились распознавать *буквы и складывать* (словъ познавати и складати); къ второй группѣ причислялись тѣ, которые учились *читать и выучивать наизусть* разные уроки; въ третьей группѣ обучались, которые приучались *объяснять* читанное, *разсуждать* и *понимать* (читаючи выкладати, разсуждати и разумѣти) ²⁾.

Это дѣленіе, очевидно, принадлежало младшему классу школы, собственно «русской школѣ». Здѣсь видится систематическая послѣдовательность въ занятіяхъ и разумный способъ обученія въ переходахъ отъ легкой степени къ трудной. Распределеніе группъ и занятій таково, что оно годилось бы и для нашего времени.

Въ школахъ былъ установленъ строгій порядокъ во времени и въ занятіяхъ.

«Сходиться въ школу мальчики должны были въ опредѣленное время,—въ «большіе дни» чтобы всѣ были къ 9-му часу, а въ «меньшіе»,—какъ установить учитель. И отпускать ихъ послѣ ученія домой—также въ опредѣленный часъ; ибо сказано: все да совершается во славу Божию и въ подобное время» (ст. 6). Въ классъ всѣ должны приходять въ пору (въ часъ приходити). Сидѣть во время

¹⁾ Памятники, стр. 84.

²⁾ Памятники, стр. 103.

занятій всё должны тихо, безъ разговоровъ, шептаній, перемигиванья и переходовъ другъ къ другу (з тихостію вшеліякою, безрозмововъ, и шептовъ, миговъ); каждый, сидя на своемъ мѣстѣ, долженъ слушать, уразумѣвать и замѣчать все, что учитель будетъ *читать, рассказывать и диктовать* (читати, повѣдати и диктовати), стараясь всѣми силами, чтобы все слышанное передать подобно учителю (жебы все слышанное подобне учителю выразити). При этомъ строго запрещалось носить въ классъ посторонніе предметы (военные снаряды, инструменты для разныхъ ремеслъ и т. под.), могущіе отвлекать учениковъ отъ дѣла и развлекать во время классныхъ занятій: «такъ какъ наши ученики, пишется въ уставѣ, кромѣ наукъ и добродѣтели ничему учиться не будутъ, то предостерегаемъ, чтобы они не имѣли у себя для сихъ двухъ предметовъ никакого препятствія (жадной препоны). Строго запрещалось также ученикамъ имѣть у себя иновѣрческія и еретическія книги (не мають—книжокъ иновѣрскихъ и еретическихъ), за чѣмъ долженъ имѣть старшій учитель (протодидаскаль) особенное наблюденіе ¹⁾».

Въ классѣ садиться долженъ былъ каждый на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, назначаемомъ по успѣхамъ: кто больше будетъ знать, тотъ долженъ сидѣть выше, хотя бы и весьма бѣденъ былъ (бы и барзо нищъ былъ); а кто меньше будетъ знать, долженъ сидѣть на низшемъ мѣстѣ (ст. 3 втор. уст.).

Каждое утро учитель долженъ тщательно наблюдать, чтобы если какой мальчикъ не явится, тотчасъ же послать за нимъ и узнать причину, по которой не пришелъ: не занялся ли игрою; не заѣхался ли дома; не спалъ ли сверхъ мѣры (надъ потребу) и потому не пришелъ въ школу. Обо всемъ этомъ должно разузнать и привести его. Ибо написано: «овѣхъ страхомъ и нуждею спасайте» (ст. 76 т. уст.). Опаздывать въ школу и прежде времени выходить изъ нея строго запрещалось. Если же случилось бы какая важная причина для отсутствія, или опозданія, или ухода, то надо было объявить это учителю, и отъ него, ради нужды своей, просить позволеніе. «Ибо кто опоздаетъ, или разъ не будетъ въ школѣ, строго будетъ наказанъ; а кто два дня безъ разрѣшенія (не оповѣдне, не увѣдомивъ) пропустить, не будетъ принятъ въ школу» (ст. 7 перв. уст.).

По утру, послѣ молитвъ, прежде всего каждый долженъ рассказать (мовити) свой вчерашній урокъ и показать свое писаніе, что написалъ дома и *изложеніе* урока своего (выкладъ науки своей); а потомъ должны учиться по частямъ (дроблѣ) псалтрян или грамматикѣ, съ разборомъ (з' розвѣзованіемъ) и инымъ полезнымъ наукамъ, какъ усмотритъ на то время учитель, сообразно съ потребностію (ст. 10).

Послѣ обѣда мальчики, каждый для себя, должны *списывать* на таблицѣ свои уроки, заданные имъ учителемъ, исключая малолѣтнихъ, которымъ учитель самъ обязанъ писать.—Выучивъ въ школѣ трудныя слова (научившись о трудныхъ словахъ), ученики должны другъ друга спрашивать (спытовати), отходя домой, или собираясь въ школу. А вечеромъ, придя изъ школы домой, дѣти—передъ родственниками, а посторонніе всякаго сословія ученики живущіе на квартирахъ,—передъ своимъ хозяиномъ, должны прочесть тотъ урокъ, который учили въ школѣ, съ объясненіемъ его (зъ выкладомъ), какъ то дѣлается обыкновенно въ школѣ (по обычаю науки школьное). А что учили въ тотъ день, должны списать вечеромъ на

¹⁾ Памятники, стр. 86, 89.

дому, принесть въ школу поутру и показать своему учителю, дабы плодъ ученія былъ извѣстенъ (ст. 11 вт. уст.).

Въ субботу должны повторять все, чему учились въ продолженіе недѣли. И должны учиться *насклади* и лунному теченію и *счету* и *вычисленію* (личбы и рахованія) ¹⁾ и правиламъ церковнаго пѣнія (ст. 13).

О церковномъ пѣніи братства прилагали особенныя заботы. Въ постановленіяхъ объ общежитіи братскомъ въ Луцкомъ монастырѣ мы находимъ такую статью: «такъ какъ пѣвчіе принадлежатъ къ вышней церковной красотѣ (до позверховной церковной оздобы належатъ), то мы (братство), и того, чтобы игумень содержалъ на общемъ столѣ *протопсалта*, то есть, старшаго пѣвца, и школьнаго *учителя*; и о другихъ отрокахъ *способныхъ къ пѣнію* заботился бы отечески, и если окажутся такіе отроки, то представлялъ бы ихъ намъ и совмѣстно съ нами старался бы о ихъ продовольствіи. А для смотрѣнія за всѣми тѣми отроками и за всею школою (она была въ монастырѣ) и для наблюденія за ихъ порядкомъ, игумень съ братією имѣють выбрать изъ среды себя способнаго на то ректора, который, не требуя за науку никакой платы, долженъ повседневно наблюдать за исполненіемъ обязанностей, какъ учителями, такъ и учениками, и въ каждые четыре недѣли производить испытаніе, чему научатся; дабы молодые годы порученныхъ имъ дѣтей напрасно не тратились, за что учителя должны дать отвѣтъ Богу» ¹⁾. Повидимому, школа эта при монастырѣ и возникла ради ученія отроковъ, способныхъ къ пѣнію, — такъ высоко цѣнилось это искусство.

Въ школахъ были *дежурные* или очередные ученики, по два или по четыре въ каждую недѣлю. Обязанности ихъ состояли въ томъ, чтобы пораньше придти въ школу, подмести ее, затопить печку и сидѣть у дверей, чтобы знать обо всѣхъ, кто входитъ и выходитъ. На нихъ лежала обязанность наблюдать за поведеніемъ учениковъ, и если кто не учится, шалить, безчинно стоять въ церкви, или идя домой, ведетъ себя неприлично, такихъ записывать и доносить о нихъ начальству (ст. 16 уст.).

Учитель и братія, строители школьныя, обязаны были напоминать родителямъ о ихъ дѣтяхъ, а хозяевамъ—о порученныхъ стороннихъ ученикахъ, чтобы дѣти дома поступали согласно съ установленнымъ порядкомъ ученія въ школѣ, и держали себя, какъ благовоспитанные. Все, что могло вредить ихъ образованію, подвергалось разслѣдованію, и если бы случилось, что учитель своимъ нерадѣніемъ, или родственники хозяина—безпорядкомъ жизни мѣшали ученью и доброму поведенію учениковъ, то виновные подлежали отвѣтственности (ст. 18 уст.).

Еслибы самъ учитель, или кто изъ учениковъ, оказался виновнымъ въ нетерпимыхъ проступкахъ, такой удаляется. «Да не соблазните, сказалъ Спаситель, ни единого отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ во имя мое. Ибо учитель, будучи самъ нарушителемъ заповѣдей Господнихъ, какъ можетъ другихъ сохранить въ чистотѣ и наставить на пользу? Самъ Господь сказалъ: Не можете добръ глаголати зли суще. И еще: Всяко древо, еже не творить плода добра, посѣкають и во огнь вметають» (ст. 20 уст.).

Вообще заботы о добромъ воспитаніи учащихся въ братскихъ школахъ стояли на первомъ планѣ, и къ охранѣ его принимались всѣ мѣры.

¹⁾ Памятники изд. Врем. Комисс. стр. 67 и дал.

Между прочимъ, ученикамъ строго воспрещалось входить въ какія-нибудь денежные сдѣлки, ни въ училищѣ, ни внѣ его, запрещалось закладывать, покупать, торговать, продавать безъ вѣдома учителя, и такія дѣла въ уставѣ прямо называются гражей (крадежемъ) (ст. 6).

Въ одной статьѣ (8) говорится, что никто изъ учениковъ не долженъ выносить за школьный порогъ то, что говорится или дѣлается въ школѣ. Правило это, вѣроятно, вызвано шпионствомъ іезуитовъ, которые пользовались всякимъ случаемъ, чтобы дѣлать доносы правительству на православныхъ.

Одно выраженіе устава даетъ предполагать, что въ школѣ были «субботники», какіе бывали въ Малоросіи еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія и даже позднѣе. Именно, сказавъ, что дѣтямъ въ дни субботніе дѣлаются наставленія, уставъ говорить: «и сіи наставленія должны быть снова внушаемы дѣтямъ» (и тѣ речи снова вливаны въ дитинку быти мають) и затѣмъ прибавлено: «для чего не будетъ имъ мѣшать и *памятнаго по школьной чашѣ испивать*. Ибо написано: любяи сына прилежиѣ наказуетъ, а не любяи щадитъ жезла» (ст. 14). Можно думать, что это испиваніе «школьной чаши», если оно было, заимствовано отъ школъ латинопольскихъ.

Школьные уставы даютъ намъ полную и живую картину быта, воспитанія, ученія и порядковъ братскихъ школъ. Изъ предложеннаго ихъ очерка видно, что школы эти, при правильной организаціи, совсѣмъ не походили на школы іезуитскія, а были чисто-русскими православными, народными школами. Хотя организація ихъ развилась подъ вліяніемъ школъ западныхъ, но онѣ сохранили духъ православной церковности и достигали благихъ цѣлей ихъ учрежденія и оказали великія услуги православію и русской народности въ тяжелой борьбѣ съ католицизмомъ.

Нельзя однакоже сказать, что братскія школы избѣгли совершенно вліянія школъ латинскихъ, польско-католическихъ. Это вліяніе обнаружилось особенно на школахъ братскихъ, достигавшихъ вышешаго развитія, какова, напримѣръ, школа Кіево-братская, послѣ преобразованія ея Петромъ Могилой. «Могила, получившій западно-европейское образованіе, былъ недоволенъ еллино-славянскимъ направленіемъ русскихъ школъ; онъ всталъ за другую, увлекавшую его образованность—іезуитскую съ ея всемірнымъ латинскимъ языкомъ и всеоружіемъ схоластики. Окруживъ себя дружиною молодыхъ ученыхъ, такихъ же воспитанниковъ латинскихъ западныхъ школъ, онъ преобразовалъ Кіевскую братскую школу по образцу іезуитскихъ collegій и ввелъ въ нее пресобладаніе латинскаго схоластическаго элемента»¹⁾. Это преобразование братской школы вызвало противъ него шумные и грозные протесты какъ противъ измѣны національному дѣлу. Но Могила отстоялъ свою реформу, и по своимъ взглядамъ заводилъ школы въ другихъ мѣстахъ»²⁾. Ученость въ этихъ школахъ возвысилась, но латинская образованность не обогласъ даромъ. вмѣстѣ

¹⁾ Проф. Знаменскій, Духовныя школы въ Россіи. Казань, 1881 стр. 4.

²⁾ Могила былъ человѣкъ замѣчательной учености и рѣдкой энергіи. Въ актѣ 1631 г. онъ, завѣдая о недостаткѣ образованія южно-русскихъ священниковъ, какъ митрополитъ рѣшается восполнить ихъ образованіе заведеніемъ новыхъ школъ. Могилянскія школы вызвали одобреніе даже противниковъ. Такъ врагъ православія Саковичъ пишетъ о школахъ Кіевской и въ Гушчѣ, что «еслибы въ нихъ не преподавалось еретическихъ наукъ и отщепенства, то современемъ имѣли бы чѣмъ утѣшить Русь». Архіеп. Антоній, „Гомил. І. Голятовскаго“. Изъ исторіи христ. пропов. изд. 2. стр. 374.

съ латинскимъ языкомъ виѣдрялась и латинская мысль, усвоивалось и схоластико-латинское воззрѣніе на догматы. Схоластическая діалектика обратила живую проповѣдь въ школьно-риторскія упражненія ¹⁾. Проповѣдники стремились «блнстать краснорѣчіемъ» и тою «тщетною» ученостью, которою славились іезуиты.

Такъ какъ школы юго-западной Россіи имѣли вліяніе на школы Руси Московской, то и послѣднимъ пришлось вести борьбу съ латино-схоластическимъ направлеіемъ (во второй половинѣ XVII в.). Съ Запада же появилось на Русь и приемство, которымъ особенно славился Симеонъ Полоцкій и его послѣдователи.

Прослѣдивъ исторію церковной школы юго-западной Руси, мы видимъ, что школа эта, явившись вначалѣ элементарной, постепенно развивается въ высшую форму общеобразовательной школы, сохраняя въ то же время духъ церковности и религіозно-нравственный характеръ воспитанія. То же явленіе замѣчаемъ мы и въ исторіи церковной школы XV—XVII вѣковъ Руси Восточной.

Б. Русь Восточная.

I. Школы и просвѣтительныя мѣры на Руси Московской въ XV—XVI вѣкахъ.

XV вѣкъ считался доселѣ вѣкомъ крайняго упадка просвѣщенія на Русь. Полагалось такъ, что Монгольское иго почти заглушило его начатки и привело русскій народъ въ состояніе одичанія и невѣжества; только кое-гдѣ оставались жалкіе проблески прежняго просвѣщенія, при чемъ историки ссылались на извѣстное посланіе Геннадія, Архіепископа Новгородскаго, свидѣтельствующее будто бы объ отсутствіи школъ въ Новгородской землѣ, прежде столь славной просвѣщеніемъ; на свидѣтельство Стоглава объ упадкѣ школъ; на отзывы иноземцевъ, посѣщавшихъ въ то время русскую землю.

Такого взгляда держится Соловьевъ. Основываясь на посланіи Геннадія, Лавровскій находитъ, что училища наши съ XV вѣка пришли въ полный упадокъ; при рѣшительномъ недостаткѣ средствъ получить какое-либо образованіе, говорятъ онъ, явилось гибельное убѣжденіе, что образованія нельзя и получить: «земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто бы гораздъ былъ грамотъ». Историкъ находитъ утѣшеніе только въ томъ, что «объединеніе Руси имѣетъ важное значеніе для исторіи древне-русскихъ училищъ: правительственныя распоряженія, имѣвшія силу для всего пространства русскаго, должны были отличатся большею дѣйствительностію и вносить единство въ самое образованіе ²⁾».

¹⁾ Теофанъ Прокоповичъ называетъ Польскія гимназіи „фабриками испорченнаго краснорѣчія“. Въ основѣ этой „новой“ проповѣди лежали общія мѣста (*loci topici*), причемъ ораторъ, „отрѣшаясь отъ всякой живой и исторической дѣйствительности, держался только за голія логическія схемы и отвлеченные логическіе приемы, разлагая общее понятіе, находящееся въ темѣ, на частныя и видовыя“. Такія проповѣди могли быть произносимы, съ нѣкоторыми измѣненіями, на любой день и праздникъ. Архіеп. *Антоній*, Изъ ист. древ.-русс. проп., стр. 376. Въ ст. „Гоимлетика Іоан. Голятовскаго“ весьма обстоятельно изложена эта порча русской проповѣди вліяніемъ іезуитизма.

²⁾ Лавровскій, О древн.-русс. училищахъ стр. 9.

Хмыровъ говоритъ, что «образовательная дѣятельность на Руси Ивана III-го пала ниже того уровня, на которомъ она находилась даже подъ ярмомъ Татарскимъ¹⁾», причемъ замѣчаетъ, что «главная причина упадка русскаго просвѣщенія въ XV вѣкѣ лежитъ въ системѣ дѣйствій тогдашняго Московскаго правительства, дѣли котораго, своекорыстно-политическія, были совершенно чужды дѣлу народнаго образованія, даже книжнаго». Имѣя въ виду посланіе Геннадія Новгородскаго, митр. Макарій говоритъ: «первый взглядъ на духовное просвѣщеніе и литературу этого періода не встрѣчаетъ почти ничего утѣшительнаго: всѣ средства къ просвѣщенію находились у насъ въ жалкомъ состояніи»²⁾.

Филаретъ высказываетъ прямо безотраднѣйшій взглядъ на образованіе этой эпохи, опять таки ссылаясь на Геннадія³⁾.

Отзывы иностранцевъ, приводимые обыкновенно для доказательства упадка школъ и образованія на Руси въ эту эпоху, представляютъ Русь безграмотною⁴⁾. Только проф. Лешковъ и Соболевскій смотрятъ не такъ безотратно на образованіе Руси въ XV вѣкѣ.

Такъ какъ исходною точкою установившагося взгляда на эту эпоху является посланіе Архіепископа Новгородскаго Геннадія къ митрополиту Симону, то надлежитъ внимательнѣе разобраться въ этомъ памятникѣ, который при томъ же считается классическимъ и заносится во всѣ христоматіи и учебники по русской исторіи⁵⁾.

Вотъ текстъ этого посланія. «Да былъ есмь челомъ Государю вел. князю, чтобъ велѣлъ училища учинити; а вѣдь язъ своему Государю воспоминаю на его же честь да и на спасеніе; а намъ бы просторъ былъ: занеже вѣдь только приведутъ кого грамотѣ горазда, и мы ему велимъ одни октеніи учити, да поставимъ его, да отпускаемъ боржае (скорѣе), и научивъ, какъ ему божественная служба совершат: ино имъ на меня ропту нѣтъ. А се приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю ему Апостоль дати чести, и онъ не умѣетъ ни ступити, а язъ ему велю псалтырю дати и онъ и потому одва бредеть, и язъ ему оторку (откажу) и они извѣтъ творять: земля, господине, такова, не можемъ добыти кто-бы гораздъ грамотѣ». «Ино де вѣдь то всю землю излалялъ, что нѣтъ челоука въ землѣ, кого-бы избрати на поповство. Да мнѣ бьютъ челомъ: пожалуй де и, господине, вели учити; и язъ прикажу ихъ учити октеніи; и онъ и къ слову не можетъ пристати; ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; и язъ велю имъ учити азбуку, и они поучивъ мало азбуки, да просятъ прочь, а и не хотятъ ее учити. А инымъ вѣдь силы книжныя немощно достати, толко же азбуку границу и съ подтѣпительными словы выучити, и онъ силу познастъ въ книгахъ велику; а они не хотятъ учитись азбукѣ, хотя и учатся, а не отъ усердія; и онъ живеть долго; да тѣмъ-то на меня брань бываетъ отъ ихъ нерадѣнія, а моеи силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити. А

¹⁾ Хмыровъ, Учпл. на Руси до Петровской, періодъ IV. Нар. шк. 1869 г. № 7.

²⁾ Макарій, Ист. Русск. Церк. т. VII, стр. 108.

³⁾ Филаретъ, Ист. Русск. Церк. II, стр. 134 и д.

⁴⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что отзывы эти— Фабра, Кобенцеля, Поссевина, Одеборна, Маржерета относятся къ XVI вѣку и началу XVII-го. См. Собраніе этихъ отзывовъ у Макарія, Ист. Русск. Церк. VII, стр. 108 и д. Въ этихъ отзывахъ, какъ увидимъ далѣе, есть много противорѣчій.

⁵⁾ Посланіе это, помѣщенное въ Актахъ Историческихъ (т. I, № 104), относится Археогр. Комиссіей къ 1406—1504 году.

язъ того для бью челомъ Государю, чтобъ велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ то дѣло исправится; а ты бы, господинъ отецъ нашъ, Государемъ нашимъ, а своимъ дѣтемъ Великимъ Княземъ, печаловался, чтобъ велѣли училища учинити. А мой совѣтъ о томъ, что учити во училищѣ: первое азбука граница, истолкована совсѣмъ, да и подтительные слова, да псалтыри съ слѣдованіемъ накрѣпко; и коли то изучать, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякыя книги. А се мужики невѣжи учать робять да рѣчь ему испортить, да первое изучить ему вечерню, ино то мастеру принести каша да гривна денегъ, а завтрена также, а и свыше того; а часы то особно, да тѣ поминки опроче могорца, что рядилъ отъ него; а отъ мастера отъидеть, и онъ ничего не умѣетъ, толко-то бредеть по книгѣ, а церковнаго постатія ничего не знаетъ. Толко-жъ Государь укажетъ псалтырю съ слѣдованіемъ изучити да и все, что выше писано, да что отъ того укажетъ имати, ино учащимся легко, а сякъ не смѣютъ огуряться. А чтобъ и поповъ ставленыхъ велѣлъ учити, занеже то неродѣніе въ землю вошло; и толко послушать то учащися, и они съ усердіемъ примуть ученіе. А нынѣ у меня побѣтали ставленики четыре: Максимка, да Куземко, да Оеонаско, да Омельяно мясникъ, а тотъ съ недѣлю не поучився, ступилъ прочь съ нимижъ. А и православны ли тѣ будутъ».

Картина печальная; но смыслъ ея далеко не тотъ, какой обыкновенно придаютъ ей толкователи, принимающіе какъ *фактъ* даже оправдательное выраженіе — «извѣтъ» «мужиковъ-невѣждъ, стремящихся въ поповство: «земля, господине, такова, не можетъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ», хотя здѣсь же Геннадій замѣчаетъ, что мужики эти — *излазали*, выбрали, обогнали землю, оправдывая свое невѣжество. Прежде всего надо имѣть въ виду лице писателя и условія, вызвавшія его посланіе. Архіепископъ Геннадій былъ просвѣщеннѣйшій человекъ своего времени. Онъ извѣстенъ, какъ составитель полнаго списка библіи, который высоко цѣнятъ ученые изслѣдователи (Горскій, Буслаевъ, Соловьевъ); при высокомъ образованіи, онъ былъ не только ревнителемъ просвѣщенія, но и сильнымъ обличителемъ еретиковъ. Гдѣ получилъ Геннадій образованіе? Конечно, въ школахъ церковной (другихъ и не было).

Въ тревожное и тяжелое время пришлось дѣйствовать Геннадію. Въ Новгородѣ появилась ересь жидовствующихъ ¹⁾. Эта ересь имѣла быстрое распространеніе и увлекла многихъ ²⁾. Появленіе этой ереси вызвало небывалое оживленіе въ духовномъ мірѣ того времени. Первымъ борцомъ явился Геннадій, но онъ былъ одиночекъ. Онъ видѣлъ, что для противодѣйствія этой ереси недостаточно однихъ вѣбшнихъ средствъ; нужно учительство, нужно образованіе и притомъ такое, которое дѣлало бы защитниковъ православія способными диалектически, потонку, опро-

¹⁾ Появленіе этой ереси также указываетъ на доказательство тогдашняго упадка просвѣщенія. Но ереси рационалистическаго характера служатъ скорѣе признакомъ начитанности, но дурно направленной, односторонней и отторгнутой отъ руководства церкви, а не невѣжества.

²⁾ Ересь жидовствующихъ основалъ иноземець — жидъ Схарія, пріѣзжавшій въ Новгородъ въ 1470 г. По сказаніямъ, онъ занимался алхиміей и магіей. Въ Новгородѣ совратились три священника Діонисій, Алексѣй и Гавріиль. Два первые, перейдя въ Москву, совратили дьяка Курицына и другихъ. Ересь открылъ Геннадій Новгородскій и началъ ея преслѣдованіе. Гнѣздо ереси было въ Москвѣ. Соборъ 1490 г. осудилъ еретиковъ. Но они имѣли силу и поддержку даже при дворѣ. На защиту православія выступилъ знаменитый *Иосифъ* Волоколамскій, написавшій книгу „Просвѣтитель“. Соборъ 1504 г. окончательно анаемствовалъ и осудилъ еретиковъ. Многіе были казнены.

вергать лжеучителей. Въ самой церковной средѣ образовались партіи ¹⁾, или споры. Все это волновало и тревожило Геннадія. Опасенія за паству естественно вызвали у него желаніе имѣть достойныхъ священниковъ и въ приходскихъ церквахъ. Простая, наивная вѣра, достаточная для спасенія, была безмолвною предъ тонкими софизмами кривотолковъ Писанія. Видя, что дѣйствительность неудовлетворяетъ новымъ требованіямъ отъ пастырей, онъ старался поднять ихъ образованіе. Что Геннадій предъявлялъ очень высокія требованія къ священникамъ, объ этомъ свидѣлствуютъ установленныя имъ испытанія кандидатовъ священниковъ. Въ Степенной книгѣ говорится: «И хиротописаше (Геннадій) презвитеры, и діаконы, иже довольно время у себѣ въ изученіи держаше, дондеже постигнуть въ разумъ еднанія священническаго исправленія, и толико научени быша тогда новопоставляемы пре- свитеры и діаконы, яко видѣти ихъ иже быша яко свѣтила міру истинные пастыри и учителя порученной имъ паствѣ, и вси людие многу пользу получаху отъ нихъ» ²⁾. Это идеальный взглядъ на священника. Теперь обратимся къ самому посланію Геннадія.

Изъ исторіи церковно-приходской школы въ Монгольскій періодъ намъ извѣстно, что рядомъ съ этими школами явились на Руси школы грамоты, гдѣ учили грамотеи, мастера. Въ посланіи весьма ярко характеризуется та и другая школа. Въ отношеніи къ первой не заявляется недовольства: какъ только приведутъ «грамотѣ горазда», епископъ велитъ ему «одни октенія учити», и наставивъ, какъ совершать божественную службу, скоро отпускаетъ, и ропоту на епископа нѣтъ. Значитъ, эта школа достигала своей цѣли. Древняя наша школа была общеобразовательною; при хорошей подготовкѣ въ ней, легко было научиться и тому, что требуется совершеніемъ церковныхъ службъ, ибо школа имѣла характеръ церковный.

Совсѣмъ иное было съ «мужиками», которые обучались въ школахъ грамоты у мастеровъ. На эти-то школы собственно и жаловался Геннадій. «А вотъ, приведутъ ко мнѣ мужика, говоритъ онъ, и я велю ему дать читать апостолъ, а онъ не умѣетъ и ступить; я велю ему псалтирь дать, а онъ и по немъ едва бредеть; я ему откажу, а онъ оправдывается, «извѣтъ» творя: земля, господинъ, такова, что нельзя найти гораздаго грамотѣ». Такъ-то вѣдь всю землю опозорилъ, обогалъ, будто нѣтъ въ землѣ челоуѣка, кого бы избрать на священство. Станутъ просить меня, вели, господинъ, учить». Но ученіе такимъ «мужикамъ» не давалось. Отсюда жалобы мужиковъ, а епископу затрудненіе. Такихъ неучей онъ не могъ и не имѣлъ права ставить въ попы. Геннадій въ данномъ случаѣ руководился правилами церкви, которыя были постановлены еще въ 1274 г. ³⁾. «Лѣность и невѣжество, замѣчаетъ Лешковъ, не давали епископу простора и творили противъ него *извѣты*, такъ что онъ долженъ былъ просить Государя дѣло исправить и, сверхъ ученія при домѣ епископа и кромѣ школъ у мастеровъ, мужиковъ, открыть ученіе въ мѣстахъ книжескаго управленія, то есть, въ городахъ», такъ какъ школы не достигали цѣли—приготовленія къ священству. Здѣсь въ первый разъ высказывается необходимость устройства школъ духовныхъ «въ надежду священства». Доселѣ школы, имѣя цер-

¹⁾ Къ Геннадію примкнулъ Іосифъ Волоколамскій; въ числѣ противниковъ его были Вассіанъ Косой, попъ Георгій Скрипица и архим. Серапионъ.

²⁾ Степ. кн. I, 475.

³⁾ Въ такъ называемомъ правилѣ митр. Кирилла, гдѣ прямо сказано, чтобы ставленниковъ «испытывать потонку, аще житіе ихъ чисто и аще грамоту добръ свѣдятъ». Русск. Достоп. I, 107 и д.

ковный характеръ, были общеобразовательными; обстоятельства времени выдвинули вопросъ объ учрежденіи школъ для приготовленія специально членовъ клира. Таковъ смыслъ посланія Геннадія. Онъ не говоритъ, что школъ *не было*, но заявляетъ, что для приготовленія къ священству онѣ *не годились*. При этомъ кандидаты изъ школъ церковно-приходскихъ требовали краткой подготовки и ропоту отъ этихъ кандидатовъ не было; кандидаты изъ школъ грамоты—мастеровъ совсѣмъ не годились. Геннадій представляетъ яркую бытовую картину обученія въ этихъ школахъ. Ученіе въ нихъ стало ремесломъ и требовало могоарычей (могорцы) и подарковъ (поминки). Ученіе шло не по порядку, начинаясь азбуки, подтительныхъ словъ, псалтири и т. д. «Мужики-невѣжи» начинали прямо съ «вечерни», за которую требовалось принести каши да гривну денегъ; потомъ шла заутреня, опять съ такою же платой, «а и свыше того»; а за «часы»—особо плата, кромѣ ридныхъ подарковъ, магарыча. По неумѣнью и невѣжеству мастеровъ, ученики ничему не выучивались: отойдетъ отъ мастера, ничего не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ, а церковнаго устава совсѣмъ не знаетъ.

Между тѣмъ нужды церкви росли, народонаселеніе увеличивалось, потребность въ священникахъ также росла, а обстоятельства времени требовали отъ нихъ большаго знанія, чѣмъ прежде, въ видахъ борьбы съ ересями.

Что Геннадій ставилъ вопросъ собственно объ учрежденіи школъ для приготовленія духовенства, это видно изъ той программы, которую онъ начертываетъ для нихъ.

«А мой совѣтъ о томъ, что учить во училищѣ, первое—азбука-граница, истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова, да псалтиря съ слѣдованіемъ накрѣпко, и коли-то изучать можетъ послѣ того проучивая и конархати и честіи всякія книги». Эта краткая программа требуетъ истолкованія.

Во первыхъ, что такое «азбука-граница»? Переводчики посланія одни благо-разумно оставляютъ этотъ терминъ безъ перевода, а другіе курьезно переводятъ: «азбуку съ гнями», чѣмъ повергаютъ читателей въ недоумѣніе. Прибавленіе «истолкована совсѣмъ» показываетъ, что рѣчь идетъ не объ азбукѣ, въ смыслѣ букварномъ, а о чемъ-то другомъ,—въ азбукѣ, заключающей только алфавитъ, простой перечень буквъ, толковать нечего.

Выраженіе *граница* указываетъ на *акростихъ* (*ἄκρος*—крайній, *στίχος*—стихъ, строка), переводимый по славянски выраженіями—краегранесіс, краестрочіе, началострочіе. Это въ древности очень употребительная форма изложенія въ стихахъ религіознаго ученія, причемъ каждый стихъ начинается съ буквы, въ порядкѣ алфавита, такъ что все стихотвореніе (обыкновенно безъ конечныхъ рифмъ) начальными буквами стиховъ представляетъ азбуку. Древнѣйшій образецъ такой азбуки-границы представляетъ «Молитва Константина Философа сътворена азбукою», иначе называемая литицею ¹⁾. Въ спискѣ XII вѣка Срезневскимъ найдена такая же азбука-акростихъ

¹⁾ Приводимъ текстъ этого памятника, напечатаннаго болѣе исправно въ соч. архіеп. Антонія, „Изъ исторіи христ. проп.“ стр. 162.

а. „Азь словомъ симъ молюся Богу:
б. Боже всеа твари зижитель
в. Видимыя и невидимыя!
г. Господня Духа послѣ живоущаго,

д. Да вдохнетъ въ сердце мое слово,
е. Еже будетъ на оупсѣхъ всѣмъ
ж. Живоущимъ въ заповѣдехъ твоихъ.
з. Зѣло бо суть оупсѣши въ жизни,

подъ названіемъ «Гранса» («граница» у Геннадія св. Григорія Богословца»¹⁾. Содержаніемъ азбучныхъ акростиховъ служило ученіе догматическое, нравственное, молитвенное обращеніе къ Богу, иногда восхваленіе грамоты, подъ которою, какъ извѣстно, разумѣлось въ древности не одно чтеніе, но образованіе въ духѣ церкви, изученіе св. книгъ.

Въ Погодинскомъ сборникѣ Императорской Публичной бібліотеки находятся азбуки-границы, направленные къ обличенію жидовъ²⁾. Хотя эти азбуки въ сборникѣ являются въ спискахъ XVII вѣка, но происхожденіе ихъ древнѣе; съ вѣроятностію можно отнести ихъ составленіе ко времени Геннадія, который боролся съ иудейскою ересью, на что указываютъ содержаніе азбукъ. «Азбука первая начало о Возѣ» представляетъ изложеніе догматическаго ученія православной церкви:

А. Азъ прежде о Господѣ Возѣ начинаю вѣщати.

В. Бога чту, Бога Сына славлю, Бога Духа Святаго проповѣдаю.

В. Въ двѣ лица раздѣляемъ, по божествомъ не растлнмъ, и т. д.

«Азбука вторая, имущи главы азбуковны трисоставны, имже прѣти жидовина».

А. Азъ отъ начала повѣствую съ тобою, еврейнине.

В. Богъ исперва всю тварь сотвори рукою отъ небытія въ бытіе..

Далѣе излагается Божіе попеченіе о еврейскомъ народѣ; въ заключеніе говорится: «Яже первую работу повѣдахъ ти азбучную, а другое, жидовине, послушай». Слѣдуетъ «Азбука третья: «о искожденіи вашемъ изъ Египта и о вавилонстемъ плененіи и о работѣ ихъ при Антихѣ» (sic).

Содержаніе этой азбуки-границы историческое. Здѣсь раскрывается, какъ Богъ возлюбилъ Евреевъ, охранялъ ихъ, наказывалъ и миловалъ, чтобы привести къ по-

и. Иже ищетъ евангельска слова.

і. И лѣтти бо нинѣ словенско племя,

и. Къ крещенію обратитася вси,

л. Людіе твои нарещися хотяще.

м. Милости твоея Боже просятъ зѣло.

н. Но мнѣ нинѣ пространно слово даждь,

о. Отче, Сыне, и всесвятій Душе.

п. Просящемоу нищоу оу тебе,

р. Рудѣ свои выспрь въздѣю присно

с. Силу приати и мудрость отъ тебе.

т. Ты бо даеші достойнымъ силу

у. Оупостасъ же всю цѣляши.

ф. Фараоня мя злобы избави.

х. Херувимску ми мысль и оумъ подаждь.

ш. О честнаа и всесвятаа Тронце, печаль мою
на радость преложи.

ц. Цѣломудрено начноу писати

ч. Чюдеса твоа предивная.

ш. Шестокриль сілоу възприемъ,

щ. Шествіе твоя послужь оучителю,

з. Имени его и дѣлоу послѣдоуа,

ы. Явѣ сътворю евангельское слово

ѣ. І хвалу въздаю Тронци въ Божествѣ,

ю. Юже поетъ всякъ възрастъ.

ж. Юнъ и старъ своимъ разумомъ.

па. Языкъ новъ хвалоу въздая присно Отцоу и
Сыну и всесвятому Духу, емоуже честь и
дрѣжава и слава отъ всеа твари и дыханія,
въ вся вѣки и на вѣки, амінъ“.

¹⁾ Напечатаны въ „Древн. Памятн. Русскаго письма и языка“. Спб. 1863 г. Подробнѣе о такихъ азбукахъ см. у Петрова „Къ исторіи букваря“. Форма акростиха заимствована нами у Грековъ, которые употребляли ее очень часто въ составленіи богослужебныхъ пѣснопѣній, особенно въ канонахъ, причемъ въ первыхъ буквахъ стиховъ выражается прославленіе праздника или угодинна, иногда имя автора. Слѣдуя грекамъ, и русскіе пѣснотворцы изобрѣтали краестроціа.

²⁾ Вычковъ, „Опис. сборн. Имп. Публ. Библ.“ т. I, № 87.

каиню; но глаголетъ Господь ко Израилю—«Елико добрыхъ отъ Мене пріясте, сугубая Ми опять злая воздасте... Ущедрихъ вы, добра Моего не разумѣте. Юже вину отдахъ вамъ, и опять пушщія сотвористе. Оттолѣ предахъ васъ Римляномъ»...

Азбука четвертая—«О отверженіи вашемъ и на васъ новыхъ людей призваніе». Это обличительная рѣчь.

А. Азъ любилъ васъ и безъ числа отдая, не познахъ, жидове, добра вашего.

Б. Богъ твой Израилю, но за многія твоя злая уже не пощаждѣхъ тебе.

В. Вѣдый жестосердіе твое, лишихся и паки не помилю тебе, и т. д.

Такимъ образомъ эти азбуки-границы представляютъ сокращенное изложеніе догматическаго и обличительнаго ученія и конечно, такіа азбуки требовали истолкованія.

Выраженіе азбука-граница правильнѣе перевести *азбука толковая*. Полное и разумное усвоеніе такой азбуки дѣйствительно могло служить хорошею подготовительною школою для кандидатовъ на священство и для борьбы съ ересью.

Далѣе слѣдуетъ «псалтирь со слѣдованіемъ». Псалтирь, какъ извѣстно, была учебною книгою. «Слѣдованная» же псалтирь служитъ для изученія «церковнаго постагія», то-есть устава и порядка церковныхъ службъ, что необходимо для членовъ клира. Послѣ такой подготовки, говоритъ Геннадій, всякій можетъ умѣло «конархати». Канонархъ не просто головщикъ, возглашающій стихиры, но руководитель клироснаго чтенія и пѣнія.

Итакъ, изъ посланія Геннадія нельзя заключать объ отсутствіи у насъ школъ въ XV вѣкѣ. Школы были и ихъ было довольно; объ отсутствіи или недостаткѣ ихъ Геннадій не говоритъ; но худо то, что обученіе сдѣлалось доходнымъ ремесломъ. Потребность книжнаго ученія сдѣлалась столь настоятельною для народа, что за ученье стали платить деньги; въ «школахъ грамоты», ради наживы, стали обучать «мужики-невѣжи». Тотъ же матеріальный расчетъ привлекалъ мужиковъ и къ занятію должности священниковъ. Заплативъ «мастеру» десятки гривенъ и переносивъ ему не мало горшковъ каши, довольно израсходовавшись на магарычи и поминки, за выучку вечерни, заутрени и часовъ, мужики считали себя вправѣ на мѣсто въ клирѣ, хотя были сущими невѣждами. Противъ этихъ-то злоупотребленій и писалъ Геннадій, хлопотавшій объ устройствѣ специальныхъ школъ для приготовленія священниковъ,—а такихъ школъ на Руси еще не было.

Іоаннъ III не былъ въ числѣ ревнителей образованія, это справедливо; но его ствлекали важныя задачи государственныя: утвержденіе власти княжеской и единодержавія на Руси, совершенное освобожденіе отъ власти Татаръ и возведеніе Руси на степень государства самобытнаго ¹⁾.

Но школы и до Іоанна не имѣли въ предыдущую эпоху князей-покровителей. О нихъ заботилась лишь церковь и духовная власть, которая продолжала свои заботы о просвѣщеніи и теперь.

Духовно-просвѣтительное значеніе монастырей продолжалось. Число ихъ умножилось. Въ послѣ-Монгольскій періодъ, въ теченіе менѣе полутора вѣка лѣтъ вновь основано было до 300 монастырей ²⁾, которые были уже богаты спо-

¹⁾ Къ этому присоединялись заботы о возвышеніи производительности Россіи, о заведеніи ремеслъ и художествъ. Въ Москвѣ тогда уже отливали пушки, чеканили монету, возводили замѣчательныя постройки, знали каменносѣчную хитрость.

²⁾ Макарій, Ист. Русск. Церк. т. VII, гл. IV.

собами къ духовному образованію и нескудно дѣлились ими съ народомъ. Они по прежнему оставались центрами просвѣщенія. Въ нихъ были бібліотеки, писались книги, сюда шли за разрѣшеніемъ вопросовъ вѣры сомнѣвающихся. Братія любила вести бесѣды о вопросахъ религіозныхъ. Составитель житія препод. Сергія Пахомій говоритъ, обращаясь къ преподобному: «нѣкогда спирахся съ тобою о нѣкоихъ приключеніяхъ, или о словѣ етерѣ, или о коемждо стисѣ или строцѣ». Къ Максиму Греку приходили любители просвѣщенія—«говорить съ нимъ книгами» и «спираться о книжномъ». Иногда иноки одной обители обращались съ религіозными вопросами къ другой, гдѣ славился мудростію кто-либо изъ братіи. Таково посѣщеніе иноками Старорусскаго монастыря Зиновія Отенскаго, которое хотя и относится къ позднѣйшему времени (1565 г.), но служить прекрасною характеристикой общенія обителей въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія. Клирошане-монахи Герасимъ и Аванасій съ иконописцемъ Теодоромъ явились къ Зиновію высказать свое сомнѣніе по поводу новаго ученія (Теодосія Косого). Они явились въ церковь, отслушали богослуженіе, потомъ обмѣнялись привѣтствіями и сказали, кто они. Затѣмъ Герасимъ, сотворивъ три метанія, молилъ старца: «Бога ради не отринь отъ себе, не скрый пользы, рцы како спастися». Зиновій удивился такой просьбѣ и спокойно отвѣчалъ, что клирошане должны знать св. книги, гдѣ указано ясно, какъ намъ спастись. Клирошане сказали: «книги писаны закрыто». Зиновій отвѣтилъ: «Открыто зидо божественное евангеліе и отеческая словеса и всякому хотящему готово разумѣти есть». Тѣ отвѣчали, что разумѣніе книгъ доступно только людямъ высокаго образованія. Зиновій: «Всякому и неучену сушу кому книгамъ удобъ разумно божественное евангеліе и отеческая словеса». Тогда клирошане должны были сказать, что они пришли узнать его сужденіе о новомъ ученіи. Зиновій сказалъ, что новаго ученія онъ не слышалъ, и согласился его выслушать. Узнавъ, что это ученіе еретическое, не смотря на дряхлость и утомленіе, началъ вести съ пришедшими бесѣды, которыя тянулись много дней; онъ не бросилъ дѣла обличенія лжи, пока не довелъ его до конца, и не ограничиваясь устною бесѣдой, написалъ замѣчательный, огромный трудъ, свидѣтельствующій о глубокомъ и обширномъ знаніи старца.

Обители XV вѣка дали намъ такихъ дѣятелей церкви, какъ Вассіанъ (Рыло) Ростовскій архіеп., Іосифъ Волоцкій¹⁾, Діонисій Глушецкій, Савватій, Германъ и Зосима Соловецкіе, Павелъ Обнорскій, Савва Вишерскій, Ниль Сорскій, Пафнутій инокъ.

Правда, жизнь монастырская въ эту эпоху, вслѣдствіе близкаго и даже необходимаго отношенія къ обществу, восприняла въ себя долю нравственной порчи²⁾; но противъ этого принимались мѣры; монастыри же по прежнему служили просвѣщенію; такія же обители, какъ Сергіева, Кириллова, Іосифова, отличавшіяся богатыми бібліотеками, славилась образованными иноками³⁾. Въ жизни Св. Григорія

¹⁾ Іосифъ былъ знаменитымъ сотрудникомъ Геннадія въ борьбѣ съ жидовствующимъ. Въ „Провѣдствѣ“ онъ является человѣкомъ сильнымъ умомъ, крѣпкимъ живоею вѣрою, пламеннымъ защитникомъ православія, обладающимъ обширными и глубокими знаніями.

²⁾ См. *Макарій*, Ист. Русск. Церк. т. VII.

³⁾ Что въ монастыряхъ бывали люди любознательные, желавшіе получить высшее образованіе, объ этомъ говоритъ слѣдующій фактъ. Нѣкоторые изъ братіи Сергіева-Троицкаго монастыря желали учиться у Максима грека, изучили греческій языкъ, и въ свою очередь стали ему обучать братію, такъ что образовалась какъ бы нѣкая школа, и до половины XVII в. здѣсь знатоки греческаго языка не переводились (Арсеній Сухановъ, Арсеній Глухой).

Пельшемскаго говорится, что онъ «книги чтяше», а о Св. Корнеліи Комельскомъ пишется, что онъ «книги писаше въ церковь».

При монастыряхъ сохранился еще обычай—принимать дѣтей для обученія книжнаго. Изъ житія Св. Іосифа Волоцкаго видно, что онъ отдавъ былъ «на ученіе грамотѣ» «старцу» въ монастырь.

Св. Мартиніанъ Бѣлозерскій, поступившій въ Кирилловъ монастырь въ дѣтствѣ, былъ отданъ игуменомъ для обученія грамотѣ «мірскому дьяку», занятіемъ котораго «беше» *книги писати и учити ученики грамотныя хитрости*. Надо полагать, что это былъ благочестивый челоѣкъ, возлюбившій уединеніе и науку и удалившійся въ монастырь, гдѣ ему поручили писаніе книгъ и завѣдываніе школой при монастырѣ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые стали злоупотреблять этимъ дѣломъ, почему потребовались ограниченія этого обычая ¹⁾.

Школы были разбѣяны даже по деревнямъ, такъ что желающему обучиться грамотѣ не было нужды ихъ разыскивать; объ этомъ говорятъ факты въ житіяхъ святыхъ. Такъ въ XV вѣкѣ, Св. Серапіонъ, потомъ архіепископъ Новгородскій, научился грамотѣ, повидимому, въ своей деревнѣ, близъ Москвы; для Св. Александра Свирскаго нашлось училище въ родной деревнѣ въ Обонежѣ; для Св. Зосими Соловецкаго—въ родномъ селѣ, тоже въ Обонежѣ; для Св. Антонія Сіискаго—въ селѣ близъ Бѣлаго моря; для Св. Александра Ошевскаго—въ деревнѣ близъ Бѣлаго озера; Св. Мартиніанъ Бѣлозерскій былъ отданъ въ училище близъ Кириллова монастыря. Слѣдовательно, въ этомъ вѣкѣ, пишетъ проф. Соболевскій, не только подъ Москвою, но даже въ такихъ глухихъ мѣстахъ, какъ поселенія нашего далекаго сѣвера, не было недостатка въ училищахъ ²⁾.

Вообще называть этотъ вѣкъ «темныйшимъ» въ исторіи русскаго просвѣщенія ³⁾ нѣтъ основаній. Несомнѣнно, что монгольское иго имѣло неблагоприятное вліяніе на развитіе нашего просвѣщенія; но какъ тогда, такъ и теперь духовенство учило народъ, устраивало школы; монастыри служили дѣлу просвѣщенія, школы грамоты росли, хотя обученіе въ нихъ понизилось, попавъ въ руки ремесленниковъ—мушниковъ; а новыя условія церковной жизни вызвали вопросъ объ устройствѣ училищъ по городамъ, съ цѣлю приготовленія кандидатовъ «въ надежду священства». Пастыри церкви не бездѣйствовали. Принимая живое участіе въ политической жизни отечества ⁴⁾, они вели дѣятельную переписку съ греческими Патріархами, писали посланія къ князьямъ Русскимъ, Литовскимъ и королямъ Польскимъ, въ интересахъ церкви православной, заботились о возвышеніи религіозно-правственной жизни народа и о его духовномъ книжномъ просвѣщеніи. Образованные люди нынѣ являются не только въ средѣ духовной, но и между лицами свѣтскими. Такъ въ числѣ сподвижниковъ Геннадія были Нилъ Полевъ и Димитрій Герасимовъ ⁵⁾.

¹⁾ Въ одномъ уставѣ монастыря (преп. Евфросина, около годов. XV в.) говорится: «не принимайте въ обитель дѣтей и вообще голоумыхъ, подѣ предложомъ учить ихъ книгамъ или имѣть своими прислужниками, но трудитесь сами». Значитъ, былъ обычай давать дѣтей для обученія въ монастыри. Если теперь явилось запрещеніе жить въ монастыряхъ «отрокомъ», «хотя бы они шли на ученіе грамотѣ», то по особымъ, временнымъ причинамъ, и не во всѣхъ случаяхъ. *Макарій*, Ист. Русск. Церк. VII, стр. 60 и д. Ср. *Прав. Собес.* 1862 г. № 2.

²⁾ *А. Соболевскій*, Образованность Руси Московской XV—XVII в., стр. 14.

³⁾ *Хмыровъ*, IV пер., стр. 38.

⁴⁾ См. у *Макарія*, Ист. Русск. Церк. т. VII, стр. 121 и д.

⁵⁾ Герасимовъ былъ толмачемъ, получилъ европейское образованіе, много разъ былъ загра-

Грамотность стала для народа дѣломъ обычнымъ, и мы теперь не слышимъ ни отъ кого ни кому похвалъ за простую грамотность; напротивъ, свидѣтельства говорятъ, что одно умѣнье читать и писать многихъ неудовлетворяло ¹⁾, и Геннадій ищетъ людей не просто «грамотѣ гораздыхъ», но знающихъ «силу въ божественномъ писаніи» и «церковное постатіе». «Не се есть книжная писанія умѣти, пишется въ одномъ словѣ, еже токмо о словесѣхъ прочитанія поспѣшати».

Преемникъ Іоанна III-го Василій Іоанновичъ, повидимому, любилъ книжное дѣло. Желая привести въ порядокъ обширную библіотеку, вывезенную изъ Рима Софіей Палеологъ и заключающую въ себѣ драгоценныя рукописи ²⁾, а также озабочиваясь и переводомъ ихъ, Василій вызвалъ съ Аѳона въ Москву (1506 г.) ученаго грѣка Максима, родомъ Албанца, мужа просвѣщеннаго, слушавшаго курсы разныхъ наукъ въ Парижѣ, Флоренціи и Венеціи ³⁾.

Прибытіе Максима Грека въ Москву вызвало умственное движеніе въ духовномъ мірѣ. Заслуги его для нашей церкви и просвѣщенія духовнаго весьма важны. Максимъ отличался высокимъ образованіемъ не только въ богословскихъ, но и въ свѣтскихъ наукахъ, основательно зналъ греческій и латинскій языки и ихъ литературу, философію. Онъ сдѣлалъ много переводовъ различныхъ толкованій на св. книги и участвовалъ въ исправленіи богослужебныхъ книгъ. Къ сожалѣнію, сначала онъ плохо владѣлъ славянскимъ языкомъ и долженъ былъ прибѣгать къ посредничеству другихъ. Сотрудниками его были Василь и Димитрій, толмачи великокняжескіе, Михаилъ Медоварцевъ «писчикъ» и Сильванъ грѣкъ. Обстоятельство это говоритъ о томъ, что на Русь и въ эту эпоху не угасло знаніе грѣческихъ языковъ ⁴⁾. Овладевъ русскимъ языкомъ, Максимъ писалъ противъ ересей, обличалъ иновѣрцевъ, писалъ поучительныя слова и посланія къ властямъ. Какъ «свѣтильниче чистой вѣры, онъ обличалъ ложь и невѣжество; но невѣжды были сильны, они стали говорить, что Максимъ «отмѣняетъ слова писанія по своему произволу, безъ согласія и воли великаго князя». А такъ какъ кн. Василій былъ недоволенъ Максимомъ за то, что тотъ не одобрялъ его развода съ вѣрною женою и вступленія въ бракъ съ другою, то дѣло приняло худой оборотъ. Максима осудили, какъ еретика, «богодуховенныя книги растлѣвающа», отлучили отъ церкви, бросили въ темницу, запретили даже читать и писать книги. Цѣлыя 30 лѣтъ страдалъ невинный ученый

писецъ. Онъ обличалъ ересь жидовствующихъ, изъ Рима привезъ «осмочастную книгу» (грамматику) и миротворный кругъ (пасхалию), переводилъ, по порученію Геннадія, книги для обличенія еретиковъ. *Макарій*, Ист. Русск. Церк. т. VII, стр. 231 и д.

¹⁾ *Соболевскій*, стр. 12.

²⁾ Богатство этой библіотеки было таково, что увидалъ собраніе рукописей, Максимъ воскликнулъ: «Государь! вся Греція не имѣетъ инѣ такого богатства, ни Италія, гдѣ латинскій фанатизмъ обратилъ въ пепель многія творенія нашихъ богослововъ, спасенныя монхи единоземцами отъ варваровъ Магаметовыхъ».

³⁾ По свидѣтельству современниковъ, Максимъ «наученъ бѣ философіи въ своемъ языкѣ, и второе—римскій языкъ и грамотѣ умѣлъ; третіе, нашъ языкъ зналъ и грамотѣ умѣлъ весьма разумно, и былъ весьма мудръ и не только же переводити, но и творити мѣроу ироекси и ямвйски» *Опис. рук. Царскаго*, № 327.

⁴⁾ Когда въ 1518 г. были отправлены послы къ императору Максимилиану, то онъ самъ лично «всталъ и съ мѣста отступилъ и призвалъ къ себѣ Володимера (Племинникова) и Истому (Малаго посла), говорилъ самъ по латынски». Значитъ послы разумѣли латынь. Богословъ Фабри имѣлъ бесѣду съ русскими послами (1525 г.) чрезъ русскихъ толмачей, знавшихъ по латыни и по нѣмецки.

и умеръ въ Сергіевой лаврѣ (1556 г.). Православная церковь причислила его къ лику святыхъ, а въ исторіи нашего просвѣщенія онъ занимаетъ видное мѣсто.

Учениками его считаются—Савва Святогорець, инокъ Нилъ (Курлятевъ), знаменитый и ученый обличитель ереси Косого инокъ Зиновій Отенскій, св. Германъ, архіеп. Казанскій, а также князя Курбскіе. Максимъ оставилъ по себѣ цѣлую школу здраво и твердо мыслящихъ, образованныхъ богослововъ. Для нашихъ школъ онъ написалъ первый опытъ грамматики.

Ему принадлежитъ первоначальный опытъ исправленія церковныхъ книгъ, замѣчательныя обличенія латинства и раскрытіе лжи и суевѣрія въ нашихъ апокрифахъ. Съ чистотою вѣры, стойкію въ убѣжденіяхъ, Максимъ соединилъ чистоту жизни и служилъ истиннымъ типомъ древне-русскаго богослова.

Современные Максиму митрополиты Варлаамъ и Даниилъ были люди просвѣщенные, заботливо относившіеся къ образованію народа и духовенства ¹⁾).

Митрополитъ Даниилъ извѣстенъ былъ начитанностію, обширностію богословскихъ свѣдѣній и даровитостію. Онъ былъ вполне достойный ученикъ Іосифа Волоцкаго. «Сборникъ Даниила», обильный содержаніемъ и представляющій замѣчательный памятникъ письменности той эпохи, служитъ какъ-бы продолженіемъ «Провѣдителя» Іосифа.

«Митрополитъ Даниилъ прежде всего былъ любитель просвѣщенія. Едва ли какую мысль повторялъ онъ такъ часто и съ такою пастойчивостію, какъ мысль о необходимости читать «божественныя писанія», подъ именемъ которыхъ разумѣли тогда, въ обширномъ смыслѣ, не одни книги Ветхаго и Новаго Завета, но и книги отеческія и церковныя, книги вообще благочестивыя и назидательныя, или вообще всю духовную письменность, за исключеніемъ апокрифовъ, книгъ отреченныхъ и лживыхъ. Онъ убѣждалъ, чтобы не только пастыри и инокъ, но и міряне какъ можно чаще читали божественныя писанія и не просто читали, но испытывали ихъ, упражняясь въ нихъ съ великимъ любомудріемъ. Объяснялъ, что чтеніе это доставляетъ намъ познаніе не только обо всемъ, относящемся къ вѣрѣ и благочестію, но и вообще просвѣщаетъ умъ, направляетъ волю, успокоиваетъ и веселитъ сердце, укрощаетъ страсти, возбуждаетъ къ добродѣтели и что все зло между нами, всё заблужденія и пороки зависятъ главнымъ образомъ отъ незнанія нами божественныхъ писаній ²⁾).

Такимъ образомъ просвѣщеніе на Руси въ эту эпоху имѣло достойныхъ дѣлателей; но главное вниманіе іерарховъ было обращено на приготовленіе членовъ клира, которые были и учителями въ школахъ.

Іоаннъ IV-й «Грозный» вступилъ на престолъ (1533 г.) малолѣтнимъ, и это обстоятельство было большимъ несчастіемъ для него и для Руси. Опекунъ не далъ ему добраго воспитанія. Въ отношеніи книжнаго ученія Іоаннъ былъ, по своему времени, человекомъ образованнымъ и замѣчательно начитаннымъ. Онъ зналъ наизусть почти всю библію,—его сочиненія спешены текстами, имѣлъ большія свѣдѣнія въ греческой и русской исторіи, сочинилъ «Судебникъ», писалъ широко-вѣщательныя посланія къ Курбскому, къ Гурію, архіепископу Казанскому, въ

¹⁾ О Варлаамѣ извѣстно, что онъ былъ искусенъ и въ иконописаніи и „самъ многожды своима рукама маяся и трудяся святымъ иконамъ“ П. С. Лѣтоп. VIII. Воскресенскій списокъ.

²⁾ Макарій, Ист. Р. Ц. т. VII, стр. 378.

Кирилловъ монастырь, написалъ обличеніе лютеранства, гдѣ обнаружилъ не только знаніе богословское, но и тонкую діалектику ¹⁾ и недаромъ заслужилъ эпитетъ «въ словенской премудрости ритора». Опъ цѣнилъ образованіе и умѣлъ привить охоту къ литературнымъ занятіямъ даже сыну своему Ивану, безвременно погибшему отъ руки отца ²⁾. Библіотека Іоанна IV, хранившаяся подлѣ его покоя, въ двухъ каменныхъ палатахъ, заключавшая въ себѣ до 800 рукописей, частію пріобрѣтенныхъ, частію подаренныхъ, въ драгоценныхъ переплетахъ, представляла истинное книжное сокровище ³⁾.

Но у Грознаго былъ просвѣщенъ только умъ, сердце же его было не только не воспитано, но испорчено дурными примѣрами и воспитаніемъ, воля его была подчинена страстямъ. Отсюда противорѣчія во всемъ: религіозность и кощунство, благія намѣренія и худыя дѣла, геройскіе подвиги и злодѣянія, любовь, переходящая въ ненависть и надъ всѣмъ—необузданная распущенность и свирѣпая кровожадность дикаря. Не вдаваясь въ оцѣнку историческихъ дѣяній Грознаго, его внутренней и внѣшней политики, мы должны только отмѣтить три важныя событія его царствованія въ отношеніи просвѣщенія: Соборъ 1551 г., гдѣ состоялось постановленіе объ училищахъ на Руси; заведеніе въ Москвѣ типографіи и учрежденіе школъ въ царствѣ Казанскомъ, завоеванномъ Іоанномъ.

Освободившись отъ ненавистныхъ опекуновъ (1543 г.), Іоаннъ, по его словамъ, «самъ ялся царство свое строити» ⁴⁾. Послѣ времени разгула, женившись на кроткой Анастасіи Романовнѣ, подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева, въ періодъ временнаго просвѣтлѣнія, Іоаннъ пожелалъ собрать соборъ для того, чтобы исправить погрѣшности, вкравшіяся въ общественную и церковную жизнь. Соборъ этотъ, именуемый Стоглавомъ, собрался въ 1551 г., подъ предсѣдательствомъ м. Макарія. Мы приведемъ здѣсь опредѣленія собора, касающіяся только образованія и училищъ.

Какъ извѣстно, царь предложилъ собору рядъ вопросовъ о «нестроеніяхъ» на Руси, въ томъ числѣ и вопросъ «о діакѣхъ, хотящихъ въ діаконы и попы ставитися» и, въ связи съ тѣмъ, общій вопросъ объ ученіи: «Ученики учатся грамотѣ небрегомо» ⁵⁾.

Въ XXV главѣ соборъ начинаеть съ исторической справки и почти повторяеть слова посланія Геннадія. Существо вопроса состояло въ приготовленіи достойныхъ членовъ клира. Вотъ какъ ставится вопросъ: «Ставленники», хотящій въ попы и во діаконы ставитися, а грамотъ мало умють. И святителемъ ихъ поставити, и то сопротивно священнымъ правиломъ; а не поставити, и то святія церкви безъ пѣнія будутъ, а православныя хрстіане учнутъ умпрати безъ покаянія. И святителемъ пѣбирати по священнымъ правиломъ: въ попы ставити 30 лѣтъ, а въ діаконы ставити 20 лѣтъ. А грамотѣ бѣ умѣли, могли церковь Божию содержать, и дѣтей

¹⁾ Подлинный автографъ этого обличенія мы видѣли въ бібліотекѣ Холмской дух. семинаріи.

²⁾ Царевичъ Иванъ написалъ «Службу» и «похвальное слово Антошію Сійскому. Уч. Зап. II Отд. И. Ак. Наукъ, 1856 г. кн. III, стр. 156. Но по жестокости сынъ не уступалъ отцу.

³⁾ Класіусъ, Вибл. Ц. Іоанна IV. Ж. Мин. Пр. 1834 г. Іюнь. Эта бібліотека исчезла безвозвратно; поиски ея въ наше время остались тщетными.

⁴⁾ Сказ. Курбскаго, ч. I, стр. 5.

⁵⁾ Стоглавый соборъ не признаеть каноническимъ, и клятвы его (на сложеніе перстовъ) отмѣнены соборомъ 1667 г., при патриархѣ Іосифѣ; но тѣмъ не менѣе соборныя опредѣленія объ ученіи и школахъ имѣли свою силу и, дѣйствуя въ теченіе столѣтія, вліяло на ходъ нашего образованія; по существу они вполне каноничны, по практичности—разумны.

своихъ духовныхъ православныхъ христіанъ управити могли по священнымъ правиламъ. Да о томъ ихъ святители истязуютъ съ великимъ запрещеніемъ: *почему мало умѣютъ грамотѣ. И они отвѣтъ чинятъ: мы де учимся у своихъ отцевъ и своихъ ма(с)теровъ, а инде учитися намъ негдѣ; токмо де отцы наши и ма(с)теры умѣютъ, тому и насъ научили. И тако отцы и ма(с)теры сами мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ. А кромѣ ихъ учитися имъ негдѣ. А прееже сего въ Руссійскомъ царствіи, на Москвѣ, въ Великомъ Носградѣ, и по инымъ градомъ мноше училища бывали; грамотѣ и писатѣ, и пѣти и чести, гораздыхъ было много; тако пѣвцы и четцы и добропѣцы славны бысали по всей земли, и инде днесь есть».*

Въ XXVI главѣ опредѣленіе Стоглава «О училищехъ книжныхъ по всеѣмъ градомъ» излагается такъ: «И мы о томъ по царскому совѣту соборній уложили: въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всеѣмъ градомъ протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ и со всеѣми священники и діаконы, кійждо во своемъ городѣ (а въ наказѣ во Владимірѣ — «и на посадѣ, и по волостемъ и по погостамъ»), по благословенію своего святительства, избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и діаконовъ и дьяковъ же наученныхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцѣ страхъ Божій, могущихъ ихъ позовати, и грамотѣ бы и чести и писати горазды были, у тѣхъ священниковъ и у діаконовъ и у дьяковъ *учинити въ домѣхъ училища, чтобъ священники и діаконы и все православныя христіане въ коемждо градѣ (но наказу — «и по волостемъ и погостамъ») предавали имъ своихъ дѣтей наученію грамотѣ и на ученіе книжнаго писанія и церковнаго пѣнія, и псалтырнаго пѣнія палойнаго; и тѣ бы священники и діаконы и дьяки выбраныи, учили своихъ учениковъ страху Божию и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести со великимъ духовнымъ наказаніемъ. Наипаче же сего учениковъ бы своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ и блюди ихъ отъ всякаго растлѣнія и отъ всякаго нечистоты... Чобъ имъ вашимъ береженіемъ и поученіемъ, пришедъ въ возрастъ достойнымъ быти священническому чину. Да учениковъ же бы есте своихъ во святыхъ церквахъ Божіихъ показывали и поучали страху Божию и всякому благочинію, псалмопѣнію и чтенію, пѣти и копархати по церковному чину; а учили бы есте своихъ учениковъ грамотѣ довольно, сколько сами умѣютъ. И силу бы имъ въ писаніи сказывали, по данному вамъ отъ Бога таланту, *ничтоже скрывающе*, чобъ ученицы ваши книги учили все, которыя Соборная Святая Церковь приемлетъ, чобъ потомъ и впредь могли не токмо себѣ, но и прочихъ позовати и учити страху Божию о всеѣхъ полезныхъ. Тако же бы учили своихъ учениковъ чести и пѣти и писати, сколько сами умѣютъ, ни что же скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе; а и здѣ отъ ихъ родителей дары и по чести приемлюще, по ихъ достоинству».*

Документъ этотъ представляетъ большую важность. Школа на Руси здѣсь впервые является предметомъ заботливости цѣлаго собора, царя и русскихъ іерарховъ. Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ, въ какой мѣрѣ были осуществлены опредѣленія собора объ учрежденіи школъ по всей Руси; но что постановленія соборныя не остались мертвою буквою, въ этомъ убѣждаютъ насъ «наказы», разосланные по епархіямъ¹⁾.

Между прочимъ, въ исторической справкѣ говорится, что *прееже сего* въ Рус-

¹⁾ См. Наказные списки соборнаго уложенія 1551 г. пзд. 1863 г.

скомъ царствіи, на Москвѣ, въ Великомъ Новѣградѣ и по инымъ градомъ многіе училища бывали и обученіе въ нихъ шло успѣшно. На какое время здѣсь указывается? Не на Монгольское во всякомъ случаѣ; по всей вѣроятности, здѣсь имѣются въ виду тѣ школы, которыя возникли вслѣдствіе настойчиваго ходатайства Геннадія, причемъ указывается и курсъ ихъ: грамота, письмо, пѣніе и чтеніе; замѣчается также, что такія школы по мѣстамъ и теперь есть. Опредѣленіе Стоглава относится не только къ Москвѣ, но и *ко остальнымъ городамъ*; въ наказахъ же сюда присоединяются *посады, волости и погосты*,—такимъ образомъ требованіе устройства школъ распространяется на всю Русь, дѣлается повсемѣстнымъ. Въ опредѣленіи однако не говорится, что школъ было мало, или ихъ не было, но заявляется, что существующія школы непригодны для специальной цѣли приготовленія священниковъ. Школы должны устроиваться въ домахъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ (дьячковъ), вообще въ домахъ церковнаго причта, причемъ руководителями школъ избираются люди благочестивые, имѣющіе въ сердцѣ страхъ Божій и образованные, могущіе «ицѣхъ пользовати». Въ школахъ должны обучаться дѣти не только клира, но и всѣхъ православныхъ христіанъ. Курсъ школы остается издревле установленный, то есть, наученіе грамотѣ и «наученіе книжное» (чтеніе божественныхъ книгъ), церковное пѣніе и чтеніе клиросное, «конарханіе» (ознакомленіе съ уставомъ церковнымъ), наконецъ, письмо, причемъ особенно требуется, чтобъ учили учениковъ страху Божию и всякому благочинію (доброй жизни) и самое ученіе вели съ духовнымъ наказаніемъ (наставленіемъ), а больше всего берегли и хранили учениковъ въ чистотѣ и блюли отъ всякаго растлѣнія. Требованіе добраго нравственнаго воспитанія въ опредѣленіи собора предлагается повторительно, какъ дѣло самое важное существенное. Въ заключеніи говорится, чтобы учителя учили, сколько сами умѣютъ и «силу бы въ писаніи сказывали» своимъ ученикамъ. «Сила въ писаніи» — это здравое, согласное съ ученіемъ церкви, разумнѣе Слова Божія, которое такъ высоко цѣнилось нашими предками и которое въ то время имѣло особенную важность, въ виду возникновенія на Руси рраціоналистическихъ ересей, основанныхъ на самовольномъ, неправильномъ толкованіи Св. Писанія.

Наученные и воспитанные такимъ образомъ, пришедъ въ возрастъ, могли быть достойны «священническому чину», могли бы не только себя, «но и прочихъ пользовати и учити страху божию о всѣхъ полезныхъ», то-есть, быть учителями народа. Слѣдовательно, каждому доступно священство, если онъ пройдетъ успѣшно школу, курсъ и воспитаніе, указываемые соборомъ. Здѣсь цѣли общеобразовательныя совпадаютъ съ цѣлями специальными — подготовкѣ къ священству. Такого именно образованія желалъ и искалъ самъ народъ Русскій для себя и своихъ дѣтей. Поэтому-то школа церковная и есть школа вполне національная, въ глубокомъ смыслѣ *народная*.

А церковь требовала въ эту эпоху вполне просвѣщенныхъ служителей. Но прошло полвѣка, какъ низвержена была ересь жидовствующихъ, возникла новая смута отъ ереси Башкина и Косого. Ересь эта была также рраціоналистической, западнаго происхожденія, и опроверженіе ея требовало глубокаго богословскаго знанія и тонкой діалектики. Хотя соборъ 1553 г. осудилъ ересь, но она оказалась очень живучею ¹⁾ и борьба съ нею длилась долго. Сплѣнѣйшимъ обличителемъ ея

¹⁾ Кроме Башкина, особенно дерзкими ея пропагандистами были Феодосій Косой и Игнатій (Вассіанъ); къ ней примкнули многія духовныя лица.

явился знаменитый инокъ Зиновій¹⁾, обличительныя сочиненія котораго занимаютъ видное мѣсто въ исторіи нашей духовной литературы и свидѣлствуютъ, что на Руси въ то время «не оскудѣ преподобный». Глубокое знаніе св. Писанія и святоотеческихъ твореній, обширная начитанность даже въ свѣтскихъ наукахъ того времени, научная пылливость, стойкость въ убѣжденіяхъ, литературная талантность составляютъ черты этого скромнаго, истинно-ученаго старца.

Гдѣ онъ получилъ образованіе? Зиновій былъ Новгородецъ, и съ вѣроятностію можно полагать, что онъ получилъ первое образованіе въ школахъ Геннадія, а дополнилъ его, какъ извѣстно, у Максима Грека. Во всякомъ случаѣ школа церковная, подготовляющая такихъ учениковъ, не была школою невѣжества, какъ думаютъ нѣкоторые.

Къ просвѣщеннѣйшимъ дѣятелямъ этой эпохи слѣдуетъ отнести митрополита Макарія. Кромѣ его собственныхъ сочиненій, онъ стяжалъ себѣ славу собирателя памятниковъ нашей древней письменности, переводной и оригинальной, какими пользовались наши предки. Его *Четы-Минеи* въ 12 томахъ представляютъ громадный трудъ и обильный матеріалъ для чтенія (откуда и названіе *Четы*) православныхъ, требовавший около 20 л. занятій. Содержаніе этого труда весьма разнообразно. Макарій трудился также надъ продолженіемъ и дополненіемъ Степенной книги, начатой Кипріаномъ²⁾.

Но слѣдуетъ вообще сказать, что представители высшей духовной іерархіи во времена Грознаго были крайне стѣснены и часто мѣнялись. Послѣ Даніила, при Грозномъ перемѣнилось 8 митрополитовъ (Иосафъ, Макарій, Аванасій, Филиппъ, Кирилль, Антоній, Діонисій). Судьба умнаго, образованнаго и родовитаго, подвижника и страдальца за Русь, св. м. Филиппа ярко показываетъ причины такой смѣны...

Тѣмъ не менѣе пастыри церкви трудились и радѣли о просвѣщеніи народномъ. Школы множились и улучшались. Книжность развивалась. Количество письменныхъ памятниковъ этой эпохи рукописей историческаго, учительнаго, богословскаго, нравственнаго и смѣшаннаго содержанія превосходитъ предыдущія, даже въ совокупности предшествовавшихъ вѣковъ³⁾.

Списываніе книгъ сдѣлалось почти всеобщимъ; но такъ какъ оно уже прежде для многихъ обратилось въ выгодное занятіе, то списываніемъ занимались и невѣжды, вслѣдствіе чего явилась порча книгъ. Уже на Стоглавѣ было сдѣлано собору предложеніе по этому предмету: «Божественныя книги писцы пишутъ съ неисправныхъ переводовъ, а написавъ, неисправливаютъ же, опись къ описи прибываетъ, и недописи и точки непрямыя, и по тѣмъ книгамъ чтуть и поють и учатся»⁴⁾.

Когда на Москвѣ стали покупать книги для новыхъ церквей и тщательно разсмотрѣли ихъ, оказалось: «малы обрѣтошася потребніи, прочіе же растлѣни отъ

¹⁾ См. почтенный трудъ О. Калужина, Зиновій Отгекскій и его богословско-полемическія и церковно-учительныя произведенія, 1894 г.

²⁾ Правда, что на Стоглавѣ, подъ руководствомъ Макарія, постановленія объ обрядахъ были односторонни и послѣ отмѣнены; но митрополитъ въ данномъ случаѣ подчинился духу времени и обрядовѣрію религіозной жизни народа русскаго. Это былъ большой промахъ и неосмотрительность.

³⁾ Макарій, Ист. Р. Ц. т. VII, стр. 118.

⁴⁾ Стоглавъ, въ V-й гл. 5-й вопросъ. Соборъ постановилъ—поповскимъ старостамъ имѣть наблюденіе за исправностію текста священныхъ книгъ.

препсующихъ, ненаученныхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ, ово же и не-исправленіемъ пишущихъ» ¹⁾).

Чтобы положить предѣлъ этому злу, требовалось печатаніе. Нужна была типографія. Грозный просилъ Датскаго короля прислать ему печатника, и въ 1552 г. прибылъ Гансъ Бокбиндеръ (переплетчикъ). Нашлись и русскіе типографы. Діаконъ Иванъ Федоровъ и Петръ Тимошеевъ взяли за устройство типографіи; въ Новгородѣ отыскался рѣзчикъ буквъ Василій Никифоровъ. «Царь повелѣ устроить домъ отъ своея царскія казны, идеже печатному дѣлу строитися, и нещадно далше отъ своихъ царскихъ сокровищъ дѣлательемъ». «И повелѣ составить въ Москвѣ штабу, сирѣчь дѣло печатныхъ книгъ, ко очищенію и ко исправленію ненаученныхъ и неискусныхъ книгописцевъ». 1564 г. явился первопечатный у насъ Апостоль.

Злонамѣренные и темные люди возстали противъ печатанія. Первые кормились перепискою книгъ и возстали противъ печатныхъ книгъ въ своихъ интересахъ, они старались заподозрить ихъ въ ереси, а вторые по невѣжеству увлекались первыми ²⁾. Напечатавъ въ 1565 г. Часовникъ, наши первопечатники должны были бѣжать изъ Москвы за границу, типографію сожгли. Но царь велѣлъ возобновить дѣло печатанія въ Москвѣ, а въ 1578 г. типографія явилась въ Александровской слободѣ, гдѣ любилъ пребывать Грозный. Наши же изгнанные первопечатники, какъ извѣстно, продолжали свое дѣло во Львовѣ и Острогѣ.

Основаніе школъ въ *Казани* явилось вмѣстѣ съ покореніемъ ея (1552 г.). Окончилась вѣковая борьба русскихъ съ казанскими татарами, крестъ возсіялъ среди невѣрныхъ «бесерменъ» и для церкви русской открылось новое поприще для миссіонерской просвѣтительной дѣятельности. На Московскомъ соборѣ 1555 г. положено было учредить въ Казани епархію и первымъ епископомъ ея, по жребію, былъ назначенъ игуменъ Гурій, а помощниками ему явились Варсанофій въ Казани и Германъ въ Свіяжскѣ. Изъ житія архіепископа Гурія видно, что уже въ половинѣ 1557 г. онъ основалъ монастыри—Зилантовъ, Спасо-Преображенскій и Свіяжскій и при нихъ школы, въ которыхъ установилъ монахамъ обучать дѣтей «не точію *читати*, но *читасное разумѣти право*, и да могутъ инши *научати* и *обращати* басурманы». Въ этихъ школахъ учились новокрещенные магометане и другіе инородцы—Черемисы, Мордва, Чуваши, Вотяки, а равно и дѣти русскихъ, поселившихся въ Казанскомъ краѣ, по его завоеваніи. Большинство учившихся помѣщалось въ монастыряхъ, которые давали имъ содержаніе. Въ «наказной памяти» поручалось св. Гурію: «а которые татарове учнутъ къ нему приходити, челомъ ударяти, и ему ихъ велѣти кормити и поити ихъ у себя на дворѣ, квасомъ же и медомъ ихъ поити у себя на дворѣ, такожде и въ монастырехъ, чтобы невѣрные, видя таковое ихъ береженье и жалованье ихъ преосвященнымъ, поревновали праведному христіанскому закону» ³⁾. Такимъ образомъ приведеніе невѣр-

¹⁾ Послѣсловіе къ первонеч. Апостолу—1564 г.

²⁾ Въ послѣсловіи Апостола 1564 г. говорится, что первопечатниковъ изгнали «презѣльнаго ради озлобленія отъ многихъ начальникъ и священноначальникъ и *учитель*, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли, хотѣли блатое въ зло притворити... ниже грамматическія хитрости навикше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всеу слово зло пронесоша».

³⁾ Акты Археогр. Эксп. I, № 241.

ныхъ къ православію и къ ученію совершалось не насильемъ, не принужденіемъ, но свободно, въ духѣ евангельской кротости и любви ¹⁾.

Учились въ школахъ азбука, псалтири, часослову, закону христіанскому, русскому языку ²⁾. Азбуки для учащихся изготовлялъ самъ св. Гурій. Достойнымъ помощникомъ ему былъ Варсанофій. Будучи въ молодыхъ годахъ плѣнникомъ татаръ, онъ хорошо изучилъ ихъ языкъ и законъ ³⁾, поэтому бесѣдуя съ татарами на родномъ ихъ языкѣ, онъ опровергалъ ихъ ученіе на основаніи корана; и дѣтей старался обучать такъ, «дабы они, взшедши въ возрастъ, могли съ успѣхомъ поганыхъ обращати и басурманъ научати». Учителями въ школахъ были иноки-старцы, получавшіе отъ монастырей полное содержаніе ⁴⁾.

Св. Гурій служилъ для всѣхъ образцомъ. Онъ «всякими добрыми дѣлами угождалъ Богу и крѣпкимъ житіемъ въ Бозѣ живя, и къ вѣрнымъ слово здраво и немятежно и учительное имѣя и невѣрныхъ наказуя познати истиннаго Бога... многіи невѣрныхъ въ вѣру приводе и крещаху ихъ множество жены и дѣти».

По мѣрѣ распространенія христіанства среди невѣрныхъ, онъ сооружалъ для новокрещеныхъ инородцевъ церкви, опредѣляя къ нимъ въ причтъ воспитанниковъ своихъ школы, подобно тому, какъ дѣлалъ это св. Стефанъ Пермскій. Царь поддерживалъ эти причты, церкви и школы отъ казны и отъ монастырей.

По кончинѣ св. Гурія (1564 г.), преемникомъ его былъ Германъ, «мужъ разума многого и чистаго, и во истину святаго жителства, и священныхъ писаній послѣдователь и ревнитель по Божіи, и въ трудахъ духовныхъ много, великъ помощникъ въ напастехъ и бѣдахъ обѣтымъ и къ убогимъ милостивъ зѣло» ⁵⁾. Онъ ревностно продолжалъ дѣло Св. Гурія въ проповѣди и ученіи. Св. Варсанофій хотя и былъ вызванъ на епископство въ Тверь, но по любви къ начатому дѣлу просвѣщенія инородцевъ Срацинъ, возвратился въ Казань и здѣсь до смерти подвизался въ миссіонерствѣ и просвѣщеніи инородцевъ.

Таковы были основатели школъ и ученія въ Казанскомъ краѣ.

Въ 1557 г. покорено царство Астраханское. Свѣтъ вѣры Христовой и просвѣщеніе проникли и въ этотъ край: въ 1558 г. туда посланъ былъ игумень Кирилль, уседно потрудившійся въ дѣлѣ вѣры Христовой и просвѣщеніи магометанъ.

«И крестисяся мужіе и жены, старціи и юпоши, отъ крымскихъ и астраханскихъ ордъ». Игумень Кирилль обучалъ дѣтей грамотѣ и закону Божію ⁶⁾.

¹⁾ «Святитель Гурій совершалъ свое служеніе апостольски. Пастырскимъ ученіемъ онъ просвѣщалъ умы невѣрныхъ, а святостію жизни, любовію къ нищимъ и подеудимымъ смягчалъ сердца не знавшія христіанской любви. Скоро увидѣлъ онъ необходимость открыть училища, и открылъ ихъ въ Казани и въ Свияжскѣ, какъ для христіанскихъ дѣтей, такъ для дѣтей язычниковъ и магометанъ». *Филар.* III, 65.

²⁾ Царь одобрилъ учрежденіе школъ и писалъ (1564 г.) св. Гурію: «надобно, чтобы дѣти не только умѣли читать и писать, но и разумѣть, что читають, дабы впоследствии могли поставять другихъ, еще не обратившихся къ Господу». *Филар.* III, 66. Письмо напеч. въ *Др. Рос. Вивліювикъ*.

³⁾ Въ бо навѣкъ писанію срацинску и Моамеова свверныя преданія добръ вѣдай и языкъ многи умѣяше глаголати и стязаяся съ невѣрными и укоряя ихъ и препирая и ко крещенію приводе». *Рукоп. житіе Гурія и Варсанофія, Филаретъ III, стр. 66.*

⁴⁾ *Др. Рос. Вивліюв.* V, стр. 243.

⁵⁾ Сказ. Курбскаго, изд. Соловьева, 1833 г. стр. 161.

⁶⁾ *Филаретъ, III, стр. 67.*

Со время Грознаго усиливается въ Москвѣ приливъ иноземцевъ Запада; нѣкоторые изъ нихъ являлись съ предложеніемъ услугъ и въ дѣлѣ просвѣщенія. Такъ хитрый іезуитъ Антоній Поссевиный, бывшій въ Москвѣ (1580—82 г.) легатомъ папы Григорія XIII-го, предлагалъ, между прочимъ, русскому правительству, «чтобы послати (въ Римъ) на время нѣкоторыхъ людей, хотя изъ младыхъ, которые бы умѣли читать и писать по русски, а папа пакъ ихъ возвратити; а тамъ— въ Римъ—самъ общается въ вѣрѣ греческой у старыхъ отцевъ учити, которые въ Римъ съ востока присланы; а желаетъ для того, чтобъ языка прямого Московскаго его люди переняти могли и чтобы не всегда были надобны съ обѣихъ сторонъ толмачи».

Но Грозный хорошо понималъ, въ чемъ дѣло; ему, безъ сомнѣнія, были вѣдомы дѣянія Поссевина въ Польшѣ и Литвѣ на пользу папства, и потому онъ отвѣчалъ уклончиво: «А чтобы послати въ Римъ людей учитись римскому языку, и такихъ *ескорь* избрати невозможно, которые бы къ такому дѣлу были годны; а какъ люди такіе обраны будутъ, и впредь такихъ людей къ папѣ пришлютъ»¹⁾. Люди такіе, конечно, были, но ихъ не послали; отказать прямо царь не хотѣлъ и—положилъ дѣло «въ долгій ящикъ». Самъ Грозный былъ не противъ изученія языковъ на Руси, только не отъ папы и іезуитовъ. Въ посольскомъ приказѣ въ эту эпоху было довольно людей, знающихъ иноземные языки. Царь еще до Поссевина самъ предполагалъ открыть въ Новгородѣ и Псковѣ училища, гдѣ молодые люди обучались бы латинскому и нѣмецкому языкамъ²⁾, хотя намѣреніе это и не осуществилось.

Англичанинъ Коллинзъ сообщаетъ, что въ 1560 г. была заведена въ Москвѣ латинская школа, но духовенство своимъ вліяніемъ, *vi et armis*, скоро ее уничтожило³⁾.

Русскимъ небезызвѣстно было положеніе православія и школъ въ Юго-Западной Руси и Литвѣ; они не безъ причины недоувѣрили «папешскимъ» проповѣданію и бережливо уклонялись отъ латинскихъ школъ, учителей и даже книгъ. Частію этимъ обстоятельствомъ, а частію опасеніемъ бывшихъ ересей, можно объяснить и предубѣжденіе нашихъ предковъ того времени отъ *многочтенія*, подъ которымъ надо разумѣть чтеніе книгъ неодобряемыхъ церковію, на что сѣтуетъ кн. Курбскій и что историками приводится въ доказательство якобы невѣжества нашихъ предковъ. Вотъ эти жалобы Курбскаго, изложенныя въ предисловіи къ переведенной имъ книгѣ Дамаскина «Нобеса»: «Бога ради не потакаемъ безумцѣмъ, начежъ лукавымъ, мнящимся быти учителями, паче жъ прелестникомъ. Яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, еще будучи въ оной русской землѣ подъ державою Московскаго царя. Глаголють бо они, прелщаючи юношъ тщливыхъ къ науцѣ, хотящихъ навикати писанія, повеже въ оной земли еще многіе обрѣтаются, перущеся о своемъ спасеніи, и съ препреніемъ заповѣдаютъ имъ глаголюще: *не читайте книгъ многихъ*, и указуютъ на тѣхъ, кто *ума изступилъ*, а онспца (тотъ) *въ книгахъ заощилъ*, а онспца (другой) *въ ересь впалъ*». О бѣда! Отъ чего бѣсенъ бѣгаютъ и исчезаютъ, и чимъ сретницы обличаются, а нѣкоторые исправляются, сіе они оружіе отсылютъ и сіе врачевство смертоноснымъ ядомъ нарицаютъ⁴⁾.

¹⁾ Др. Русс. Вивліосика, 1788 г., т. IV. „Извѣстіе историческое о послѣ отъ папы“.

²⁾ Сухомлиновъ, О языкознаніи въ древней Россіи, стр. 230 и д.

³⁾ Состояніе Россіи 1639—68 г. Ут. въ Общ. Пест. и др. Рос. 1846 г. Матеріалы иностраннаго.

⁴⁾ Опис. Рук. Рум. Музея, № 376, стр. 557.

Замѣчательно, что Курбскій самъ утверждаетъ, что въ его время на Руси было много юношъ, «тщаливыхъ къ науцѣ: тутъ не невѣжество, а преувеличенна, быть можетъ, но и небезъосновательная осторожность—не понасться въ сѣти ино-вѣрія. О словѣ Божиѣмъ и отеческихъ твореніяхъ ничего подобнаго не говорилось.

Отъ Запада Русь не видала добра, но видѣла проски папъ и оберегалась отъ нихъ, а вмѣстѣ и отъ опасной западной культуры, построенной на чуждыхъ намъ началахъ.

Тѣмъ не менѣе западный элементъ уже вторгался въ Русь. При Годуновѣ начинается посылка русскихъ людей за границу въ Любекъ, Англію, Францію и Австрію, хотя совершенно безплодно: уѣхавшіе за границу 18 человекъ не возвратились домой, что еще болѣе увеличивало недовѣріе русскихъ къ иноземной наукѣ. По сказанію Бера, Борисъ Годуновъ хотѣлъ завести на Руси университетъ, съ приглашеніемъ иноземныхъ профессоровъ. Но духовенство, справедливо опасаясь вторженія иновѣрцевъ въ нашу школу, заявило государю, что «доселѣ на Руси господствовало единовѣріе и единоправіе, если же настанетъ разноязычіе, то поселится раздоръ и прежнее согласіе исчезнетъ»¹⁾. Такъ дѣло это кончилось ничѣмъ. Царь Борисъ былъ человекъ образованный и умный. Онъ и до царствованія еще «цареваль». Ибо царь Феодоръ, слабый тѣломъ и духомъ, былъ болѣе постыикъ и молчаливикъ на тронѣ, чѣмъ царь. Все совершалось при немъ по распоряженію и волѣ Бориса, о которомъ лѣтописецъ повѣствуетъ, что онъ «одаренъ бысть отъ Бога возрастомъ и человечествомъ и умомъ паче всѣхъ человекъ: образомъ своимъ и дѣлы множество людей превосшелъ и многое дивное о себѣ творяше». При немъ производилась перепись и измѣреніе земель, явилась «Книга большого чертежа», первая русская географія; онъ далъ прекрасное образованіе своимъ несчастнымъ дѣтямъ. Царевичъ Феодоръ «наученъ бѣ отъ отца свое книжному почитанію; во отвѣтѣхъ дивенъ и сладкорѣчивъ велми; пустошиное же и гнилое слово никогда же изъ усть его нехождаше; о вѣрѣ и поученіи книжномъ со усердіемъ прилежаше». Сестра его, царевна Ксенія, не уступала въ образованіи брату: «отроковница чюднаго домышленія, писанію книжному искусна; многимъ цвѣтуще благорѣчіемъ, гласы воспѣваемые любляше и пѣсни духовныя»²⁾.

Дѣти пали умплостивительною жертвою за грѣхи отца. Тревожныя обстоятельства Борисова царствованія, голодъ, морь, смуты, не давали возможности ему проявить свою дѣятельность въ народномъ образованіи. Есть свѣдѣніе, что онъ открылъ было въ Москвѣ училище (для обученія иноземнымъ языкамъ), но оно было разрушено³⁾.

XVI-й вѣкъ заканчивается при Борисѣ учрежденіемъ на Руси патриархата. Замѣчательно, что установленіе патриархіи послужило поводомъ для вселенскихъ патриарховъ высказать желаніе о преуспѣяніи образованія на Руси. VII-я глава соборнаго опредѣленія, утверждавшаго русское патриаршество, гласила: «Св. соборъ вмѣняетъ въ обязанность *каждому* епископу, въ его епархіи, заботиться и употреб-лять всевозможные способы, чтобы кто можетъ, изучалъ божественныя и священныя

¹⁾ Сказ. соврем. о Димитріѣ Самозванцѣ, ч. I, стр. 12.

²⁾ Кубасовъ, написаніе вкратцѣ о царѣхъ Московскихъ, о образѣхъ ихъ и о возрастѣ и о Русск. нравахъ. Достопаи. I, стр. 174.

³⁾ Татищевъ, Ист. Р. т. I, стр. 575.

писанія, и оказывать посильную помощь какъ наставникамъ, такъ и желающимъ учиться» ¹⁾.

Очевидно, патриархи восточные, подпавшіе игу невѣрныхъ, видѣли въ Россіи пріютъ православія и истиннаго духовнаго просвѣщенія, которому они и сочувствовали. Сознаніе, что православная Русь является преемницею Византіи въ дѣлѣ храненія истины вселенской, апостольской церкви, пробудилось и на Руси. Старецъ Филофей пишетъ великому князю: «два Рима пали, третій (Русь) стоитъ, а четвертому не быть. Церкви Римскія пали отъ невѣрія, отъ аполинаріевой ереси; втораго Рима церкви Константинова града разрушены Агарянами, и двери ихъ разсѣчены сѣкирами и мечами. Только одного нашего государя царство Божіей благодатію стоитъ, и этого нынѣ новаго державнаго царства *третьяго Рима* святая соборная и апостольская церковь во всѣхъ концахъ вселенной во всей поднебесной яствѣ солнца сіяетъ» ²⁾.

Прямыхъ указаній собственно о начальныхъ школахъ этой эпохи сохранилось мало; но это потому, что онѣ стали явленіемъ всеобщимъ, обычнымъ. Напримѣръ, въ «Домостроѣ» Сильвестра подробно говорится о религіозно-правственномъ воспитаніи дѣтей, но объ обученіи ихъ ничего не говорится, безъ сомнѣнія, потому, что объ этомъ и говорить было нечего, какъ о дѣлѣ установившемся и всѣмъ извѣстномъ, особенно въ духовномъ званіи (Сильвестръ посвящалъ Домострой сыну своему Анфиму, тоже священнику). Что это такъ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Говоря сыну о томъ, чтобы онъ слѣдовалъ примѣру отца, Сильвестръ, между прочимъ, пишетъ, что самъ онъ призрѣвалъ «многихъ пустошныхъ сиротъ», мальчиковъ и дѣвочекъ, въ Новгородѣ и въ Москвѣ, «всполь, вскормилъ, изучилъ, кто чего достоинъ: многихъ грамотъ, и писати, и пѣти, иныхъ иконнаго писма, иныхъ книжнаго рукодѣлія (переписываніе книгъ) — изучилъ» ³⁾. Если онъ сиротъ покинутыхъ обучалъ чтенію, и письму, и пѣнію и книжному рукодѣлію, то тѣмъ болѣе эти знанія и искусства онъ считалъ необходимыми для своего сына и дѣтей, и если онъ не говоритъ объ этомъ, значитъ, это предполагалось само собою.

Церковно-приходская школа дѣлала свое дѣло, она давала народу грамотность и церковное воспитаніе; но потребности жизни постепенно расширяли ея задачи. Всѣми сознанная нужда въ подготовкѣ болѣе образованныхъ кандидатовъ священства выдвигалась на первый планъ. Духовенство не было еще сословіемъ; священникомъ могъ быть каждый благочестивый, образованный мірянинъ. Поэтому, вопросъ объ улучшеніи школъ для приготовленія пастырей былъ въ сущности вопросомъ о возвышеніи церковной школы вообще. Это требованіе вызывалось духовною жизнью той эпохи. Въ XV—XVI в. мы видимъ уже возбужденіе религіознаго сознанія и направленіе его къ уясненію чистой вселенской, христіанской истины, чего прежде еще не появлялось въ русской жизни. Теперь, съ появленіемъ раціоналистическихъ лжеученій, является потребность уясненія основаній вѣры, является сравненіе ея съ исповѣданіемъ инославныхъ обществъ, является нужда въ опроверженіи лжеученій, а слѣдовательно, въ болѣе глубокомъ изученіи самихъ источниковъ вѣры. Прежняя простая, наивная, хотя живая и искренняя вѣра ⁴⁾ считается недоста-

¹⁾ Скрижаль патр. Никона. 1656 г.

²⁾ Посл. Филофея, старца Псковскаго Елеазарова м. *Пр. Собес.* 1861 г. Май.

³⁾ Домострой, посланіе отца къ сыну, гл. 64.

⁴⁾ Вотъ какъ характеризовалъ эту вѣру архіеп. Геннадій: «людіе прости поселене, на Го-

точною. Иосифъ Волоколамскій, въ посланіи къ Нифонту Суздальскому, по поводу ереси жидовствующихъ пишетъ: «Съ того времени, какъ возсіяло солнце православія въ землѣ нашей, у насъ никогда не бывало такой ереси. Нынѣ и въ домахъ, и на дорогахъ, и на рынкахъ, всѣ—иноки и міряне—съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ»¹⁾. Артемій, игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря, изъ Пскова ѣздилъ въ нѣмецкій городокъ «говорить книгами», то-есть, научно бесѣдовать о вѣрѣ. Вакшинъ, которымъ овладѣло сомнѣніе, идетъ къ священнику и проситъ съ заклинаніемъ: «Бога ради, пользуй мя душевно!» и старается отыскать истину. Иноки Старорусскіе, въ тревогѣ сомнѣній, идутъ къ Зиновію и просятъ разрѣшенія недоумѣнныхъ истинъ. Таковъ былъ духъ времени. Прежнихъ простецовъ было немного²⁾. «Духъ пылкости и критики, пишетъ проф. Николаевскій о XV и XVII вѣкахъ, такъ сильно выразившійся въ появленіи ересей и господствѣ ихъ въ продолженіи двухъ вѣковъ, имѣлъ же для себя поддержку въ чемъ нибудь,—и его поддерживала именно книжность, развившаяся въ это время. Въ это время уже смѣлились надъ простодушными людьми, боявшимися книжнаго образованія... Теперь даже по городамъ и селамъ ходило много книжныхъ людей, знакомыхъ съ греческимъ и римскимъ образованіемъ, между которыми одни были по тому времени очень образованными людьми, а другіе были шарлатанами, «отнюдь не вкушившими вѣдѣній книжнаго... обаче хвалится вѣдѣти вся, користовати желающе и кормитися»³⁾. Значитъ, потребность образованія въ народѣ чувствовалась такъ сильно, что ею воспользовались даже шарлатаны, и народъ кормилъ ихъ охотно»⁴⁾. Ниже мы увидимъ, что распространеніе грамотности на Руси въ эту эпоху было почти всеобщимъ.

Мысль о невѣжествѣ и застоѣ образованія у насъ въ XV—XVII в. доказывается обыкновенно свидѣтельствами *иноземцевъ*.

Дѣйствительно, въ отзывкахъ ихъ заключается много безотраднаго, но къ нимъ надо относиться осмотрительно, тѣмъ болѣе, что въ нихъ много противорѣчій, а иногда явныхъ несообразностей. Приведемъ нѣкоторые.

Иоаннъ Фабръ, писавшій со словъ русскихъ пословъ, возвращавшихся въ 1524 г. изъ Испаніи, пишетъ, что у насъ тогда были *гимназій*, хотя и немногія, въ которыхъ «обучались дѣти бояръ добрымъ наукамъ, преимущественно священнымъ наукамъ, на рускомъ языкѣ», причѣмъ заявляетъ, что хотя иноземные языки знали не многіе, «но греческимъ языкомъ прилежно занимались многіе (*Graece plerumque incumbunt*).

Кобенцель, бывшій въ Россіи въ 1576 г., пишетъ, что «во всей Московіи

спода Бога надежду возлагающе и на Пресвятую Богородицу,—ово просто, со въздыханіемъ сердца тайно въ себѣ, горе умъ простирающе, прости чловѣци, не умѣюще писанія... прости чловѣци—мужи и жены, и иніи прости люди всякъ возрастъ, послѣдствующе сему въ себѣ тайно, елико кто умѣюще, молящися глаголють». Рук. Солов. библ. № 857.

¹⁾ «Просвѣтитель», изд. Каз. Дух. Академіи, стр. 60.

²⁾ Такимъ былъ старецъ Филофей, писавшій князю дяку Мисюрю Мунехину, который обращался къ старцу съ запросами вѣры: «прислалъ ты, Государь, ко мнѣ грамоту, а въ ней писано, чтобы мнѣ внутренній твой списокъ *истолковать*. И тебѣ, государю моему, вѣдомо, что я *сельскій чловѣкъ*, учился *буквамъ*, а эллинскихъ борзостей не текохъ, и риторскихъ астрономій не читалъ, ни съ мудрыми философами въ бесѣдѣ не бывалъ, *унизилъ* буквамъ благодатнаго закона, дабы мощію моя грѣшная душа очистити отъ грѣховъ». *Пр. Собес.*, 1861 г., май.

³⁾ Свидѣтельство Максима Грека.

⁴⁾ Св. П. *Николаевскій*, Р. пропов. XV—XVII в. *Журн. Мин. Пр.*

ниѣ школы и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, чему можно научаться въ монастыряхъ: потому изъ тысячи людей едва найдется одинъ, умѣющій читать или писать»¹⁾).

Антоній Посевинъ, бывшій на Русѣ въ 1581 г., говоритъ: «нѣтъ здѣсь ни коллегій, ни академій, а есть только кое-какія школы, въ которыхъ учатся дѣти читать и писать».

Бывшіе въ ту же эпоху у насъ англичане идутъ еще дальше и говорятъ о *полномъ испужествѣ* и даже нерасположеніи русскихъ къ ученію. «Humaniores literas omnino respuunt, cognitionis vel latinae, graecae, aut hebraicae linguae sunt ignari».

Протестантъ Одеборнъ, бывшій въ Вильнѣ (1581 г.) свидѣтельствуетъ: «русскіе *всегда имѣютъ при церквахъ школы*; здѣсь 30-лѣтній юноша (!) обучаетъ дѣтей первымъ пачаткамъ грамоты; алфавитъ ихъ весьма похожъ на древній греческій. Катихизиса не преподають никакого, а предлагаютъ дѣтямъ только молитвы къ Пресвятой Дѣвѣ и святому Николаю, написанныя въ книгахъ; впрочемъ изучаютъ апостольскій символъ, пѣсколько измѣненный. Затѣмъ слѣдуютъ *псалмы* Давидовы, которые они *употребляютъ и днемъ и ночью*»²⁾. «Народъ русскій не зналъ ни школы, ни университетовъ. Одни священники наставляють юношество чтенію и письму, чѣмъ немногіе впрочемъ занимаются», писалъ Маржереть.

«Проповѣдниковъ не имѣютъ», писалъ о русскихъ Герберштейнъ (1526 г.). «Проповѣдей русскіе никогда не говорятъ», записалъ Датскій посолъ въ Москвѣ Улефельдтъ (1578 г.). «Москвитяне не позволяютъ говорить въ церквахъ проповѣдей», писалъ Іовій, со словъ Дмитрія, русскаго посланника въ Римѣ³⁾.

Въ какой степени эти свидѣтельства вѣрны? Иноземцы, живя въ Москвѣ, вращаясь въ придворныхъ кругахъ, живя въ нѣмецкой слободѣ, не могли знать хорошо внутренней бытъ русской земли и составляли свои отзывы на основаніи или случайныхъ встрѣчъ и наблюденій, или основываясь на слухахъ, вслѣдствіе чего они часто говорили о русскомъ народѣ много невѣрнаго, даже недѣлаго. Да и какъ имъ было узнать народъ, который сторонился отъ нихъ, какъ зачумленныхъ, языка котораго они не разумѣли. При томъ же иноземцы судили по своему и мѣрили насъ мѣрою запада, гдѣ были особыя школы и университеты, какихъ у насъ дѣйствительно не было. Фабръ нашель у насъ «гимназіи», Кобенцель ничего не нашель и высокоумѣрно отзывается о монастыряхъ и ихъ просвѣтительной дѣятельности, о которыхъ онъ ничего не зналъ; Посевинъ не нашель у насъ «коллегій и академій» и презрительно говоритъ о нашихъ школахъ, которыя для него и не могли быть пріятны, ибо онѣ служили оплотомъ православія; Англичане, лѣтя своей великой Елизаветѣ, говорятъ явную неправду, ибо знатоки латинскаго и греческаго языковъ у насъ были. Протестантъ Одеборнъ правдивѣе,—онъ прямо заявляетъ, что русскіе *всегда имѣютъ при церквахъ школы*; Маржереть, не нашедшій на Русѣ школы—западныхъ и университетовъ, говоритъ, что *одни священники учатъ народъ грамотѣ*.

Уже одно знакомство съ книжными памятниками этой эпохи убѣждаетъ насъ

¹⁾ Письмо І. Кобенцеля о Россіи XVI в. *Жури. Мин. Пр.* 1842 г. Сентябрь.

²⁾ *Odeborn, De Sussorum religione. У Старческаго, Ист. Р. II, 39.*

³⁾ См. собраніе этихъ отзывовъ у Макарія, *Ист. Р. II, т. VII* и у Николаевскаго,

въ широкомъ распространѣніи книжнаго образованія на Руси. Заявленія иноземцевъ объ упадкѣ и даже отсутствіи проповѣдничества и учительства на Руси также преувеличенны, односторонни и невѣрны, что блестящимъ образомъ разъяснилъ и доказалъ проф. Николаевскій въ изслѣдованіи «Русская проповѣдь въ XV и XVII вѣкахъ». Иноземцы и церковное учительство понимали по своему, тогда какъ православная Русь выработала самобытныя ея формы, которыя вытекали изъ условій и потребностей жизни русскаго народа. «Письменныхъ памятниковъ русской проповѣди XV и XVII в., пишетъ проф. Николаевскій, для насъ сохранилась больше, чѣмъ отъ вѣковъ предыдущихъ; а по указаніямъ оставшихся памятниковъ можно судить, что проповѣдниковъ и проповѣдей существовало больше, чѣмъ теперь мы знаемъ. Русская проповѣдь въ XV—XVII в. понималась въ самомъ обширномъ смыслѣ и не ограничивалась тѣми узкими рамками, въ какихъ понятіе о ней заключено въ наше время. Она состояла не только изъ поученій, произносимыхъ съ церковной кафедръ народу, но изъ похвальныхъ словъ и житій святыхъ, учительныхъ посланій къ частнымъ лицамъ или отдѣльнымъ областямъ, изъ переводовъ отеческихъ твореній» ¹⁾).

Въ дополненіе къ сдѣланному нами очерку образованія на Руси XV—XVII в., слѣдуетъ еще сказать объ успѣхахъ въ эту эпоху иконописанія и церковнаго пѣнія, которыя входили въ курсъ обученія тогдашнихъ школъ.

На иконописаніе обращено было вниманіе Стоглаваго собора. Въ XXIII главѣ соборныхъ опредѣленій иконники поручались епископу наравнѣ съ членами клира. Отъ иконописцевъ требовалось не только искусство, но и добрая жизнь: «подобаетъ быти живописцу смиренну, кротку, благоговѣину, съ превеликимъ тщаніемъ писати образъ Господа нашего Исуса Христа и Пречистыя Ея Богоматери и святыхъ Пророковъ и Апостолъ и другихъ святыхъ». «Архіепископомъ и епископомъ по *всѣмъ градомъ, всемъ и селамъ* и монастыремъ (значитъ это искусство было очень распространено, если и по деревнямъ и по селамъ были иконописцы) испытывати мастеровъ, и избравши нарочитыхъ мастеровъ, имъ приказывати, надо всѣми иконописцами *смотрѣть*, чтобы въ нихъ худыхъ не было». «Живописцамъ *пріимати учениковъ*, ихъ разсмотрѣти и *учити*, и такъ *отъ мастеровъ со вниманіемъ да учатся*».

«А иже отъ хитрыхъ и отъ гораздыхъ мастеровъ живописцевъ укрьетъ талантъ, пныхъ не научитъ и не укажетъ, да будетъ отъ Христа осужденъ». «Которому открываетъ Богъ такое руководѣіе, и приводитъ того мастеръ къ святителю, Святитель разсмотрѣвъ, аще будетъ написанное отъ ученика, пообразу и по подобію (то-есть, согласно съ «подлинниками», образцами), абіе благословивъ, наказуетъ (наставляетъ) и вопредъ благочестиво жити, и пріемлетъ ученикъ честь, якоже и учитель. Аще кому Богъ не дастъ такого руководѣія, а учитель скажетъ его горазда, и покажетъ написаніе, произведеніе иного, а не того; Святитель, обыскавъ (то-есть, сдѣлавъ разслѣдованіе) полагаетъ мастера подъ запрещеніе».

¹⁾ Николаевскій, Русск. проп. Авторъ прекрасно характеризуетъ всѣ виды этой проповѣди, которая для своего времени была наиболѣе пригодной. Но у насъ въ эту эпоху были поученія и устныя, и не только въ городахъ, но и въ далекой глуши. Такъ свящ. Орловскій (Вятскій) пишетъ: «люди этой страны весьма просты... посему я грубый началъ выдавать самія простыя бесѣды частію устно, частію на письмѣ». Священникъ этотъ самъ былъ простецъ, «изъ навозогребовъ», по его словамъ.

Такъ какъ иконы составляютъ предметъ религіознаго почитанія, то соборъ прямо запрещалъ иконописцѣмъ невѣждамъ самоличнымъ, самоучкамъ писать иконы «А которые по се время писали неучась, самовольствамъ и самоловкою, тѣмъ запрещеніе положити, чтобы училися у добрыхъ мастеровъ. Да и о томъ святителемъ великое попеченіе и бжеженіе имѣти, чтобы горадые иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образовъ, а отъ самомышленія бы, своими догадками, Божества не описывали: Христосъ бо Богъ нашъ описанъ плотію, а Божествомъ не описанъ». Но за то мастера пользовались почетомъ и покровительствомъ: «Вельможамъ и простымъ челоукомъ во всемъ почитати и честно имѣти. И царю такихъ живописцовъ жаловати и святителемъ ихъ беречи и почитати паче простыхъ челоуковъ». Отсюда видно, что не только книжное ученіе, но и искусство у нашихъ предковъ имѣло религіозное значеніе, и только искусство, служившее Богу и церкви, пользовалось уваженіемъ, а служители его почитеніемъ.

«Аще кто на такое святое дѣло, еже есть иконное воображеніе, всяко сподобится искусенъ быти, тогда не подобасть ему, кромѣ святыхъ изображеній, ничто же начертавати, рекше воображати, еже есть на глумленіе челоуковъ.—Отъ невѣрныхъ иностранныхъ Римлянъ иконнаго воображенія православнымъ примати не подобасть».

Что такой взглядъ не стѣснялъ развитія иконописанія на Руси, можно судить потому, что въ эту именно эпоху иконописаніе оказало такіе успѣхи, что образовались у насъ школы, стили или «пошпы», изъ которыхъ *Московский* отличался отъ стараго стили болѣе свѣтлымъ колоритомъ и мягкостію выраженія лицъ, а *Струго-новский*—точностію обрисовки, тщательною отдѣлкою подробностей, яркостію красокъ и богатою позолотою.

Народъ нашъ былъ консервативенъ въ дѣлѣ религіи, особенно въ эту эпоху, и не любилъ новшествъ даже въ живописи. Поэтому требованіе—строго держаться старинныхъ образцовъ ему было по душѣ ¹⁾.

Будучи предметомъ особеннаго вниманія духовнаго и свѣтскаго правительства, иконописаніе получило болѣе правильную постановку и выработало свой стиль православнаго иконнаго письма.

Монгольское иго не коснулось успѣховъ нашего *церковнаго тѣнія*; перейди въ область частнаго обученія, оно даже развилось и создало замѣчательныхъ дѣятелей. Въ одной рукописи, относимой къ концу XV или началу XVI в. «Откуда и отъ коего времени начася быти въ нашей Русѣйи земли осмогласное пѣніе, и отъ коего времени, и отъ кого пошло на оба лики пѣти въ церкви», говорится, что пѣніемъ занимались особые *мастера*, пѣти зѣло горадые, *распѣвщики* и *творцы*, которые собирали учениковъ по городамъ и учили ихъ пѣнію ²⁾. «Слухи своими

¹⁾ Когда въ 1547 г. сгорѣла Москва, царь «послалъ по иконописцевъ въ Новгородъ и Псковъ и въ ише грады, и иконники съѣхалися; и велѣлъ царь Государь имъ иконы писати, кому что приказано, и пнимъ повелѣлъ полаты подписывати и у града на врати образы писати». При обновленіи живописи въ Благовѣщенскомъ соборѣ были написаны новыя иконы. Защитники старины, руководимые дякомъ Висковатымъ, вызвали открытое волненіе въ Москвѣ. Дѣло дошло до собора, который осудилъ Висковатова и заявилъ, что ни на какомъ соборѣ не было запрещенія новымъ иконамъ, а потому пѣтъ нужды запрещать новыхъ иконъ, потому что онѣ новы. *Фалар. Ист. Р. Ц. III, 207.*

²⁾ См. Ундольскаго, *Чт. Общ. Ист. и Дрвн. Рос.* 1846 г. № 3. Приложение. Предисловіе къ кривковому рукописному Стихирарю.

отъ пѣкоихъ слышахомъ про *старыхъ мастеровъ*, глаголю же про *Осдора* попа, прозвище *Христіанинъ*, что былъ здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ *славенъ* и пѣти гораздъ знаменному пѣнію, и мнози отъ него *научилися* и знамя его и до днесь славно. И отъ его ученикъ слышали, которіи съ нами знахуся, что де онъ Христіанинъ сказывалъ своимъ ученикомъ, что въ Велицѣмъ Новѣ-градѣ были *старые мастера: Савва Роговъ*, да братъ его *Василей*, въ пноцѣхъ *Варлаамъ*, родами Корѣяне. И послѣ того тотъ Варлаамъ въ Ростовѣ митрополитомъ былъ, мужъ благоговѣнъ и мудръ, зѣло пѣти былъ гораздъ знаменному и трестрочному и демественному пѣнію былъ роспѣвщикъ и творецъ. И у того брата его, у Савы были ученики вышереченный попъ *Христіанинъ*, да *Иванъ Носъ*, да *Стефанъ*—слылъ *Голышъ*. И тотъ Иванъ Носъ да Христіанинъ были во царство благочестиваго царя и В. Кн. Ивана Васильевича всея Русіи. И были у него, съ нимъ, въ любимомъ его селѣ въ слободѣ Александровѣ; а Стефанъ Голышъ тутъ не былъ, *ходилъ по градомъ* и *училъ* Усольскую страну, и у Строгановыхъ училъ *Ивана*, по прозвищу *Лукошка*, а во пноцѣхъ былъ *Исаія*, и мастеръ его Иванъ Голышъ *много знаменнаго пѣнія роспѣлъ*. А послѣ его ученикъ его *Исаія*, тотъ велии знаменнаго пѣнія распространилъ и наполнилъ. И отъ тѣхъ же христіаниновыхъ учениковъ слышахомъ, что де онъ имъ сказывалъ про стихѣры евангельскія, нѣкто де во Твери *Діаконъ* зѣло былъ мудръ и благоговѣнъ, тотъ-де *роспѣлъ* стихѣры евангельскія; а псалтирь роспѣта въ Великомъ Новѣ-градѣ: пѣкто былъ пнокъ именитъ, *Маркъ*, слылъ Безбородой, онъ-де ея роспѣлъ. Да онъ же Канонъ сложилъ Никитѣ Архіепископу Новгородскому вельми изящень. А *триоди* роспѣлъ и изяснилъ Иванъ Носъ, будучи въ слободѣ у царя Ивана Васильевича, и святымъ многимъ стихѣры и славники роспѣлъ онъ же. Да тотъ же Иванъ роспѣлъ крестобогородичны и Богородичны мнѣйныя». Такимъ образомъ какъ въ иконописаніи, такъ и въ пѣніи образовались *школы*, причемъ въ области церковнаго пѣнія были замѣчательные *мастера*, обнаружившіе даръ творчества и оставившіе по себѣ славу знаменитыхъ пѣвцовъ и роспѣвщиковъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что въ эту эпоху развилось у насъ составленіе церковныхъ пѣснопѣній.

Вторая половина XV в. особенно обильна церковными пѣснопѣсцами, составителями службъ, акаѳистовъ и различныхъ церковныхъ пѣснопѣній преимущественно въ честь русскихъ святыхъ ¹⁾. Известно, что церковныя пѣснопѣнія составлялъ даже и царь Іоаннъ Грозный

II. Школы и образованіе на Руси XVII вѣка.

(Въ патриаршій періодъ).

XVII-й вѣкъ принято считать *переходною эпохой*. Здѣсь подводилась итоги и дѣлался пересмотръ тому, что пережили русскій народъ за шесть вѣковъ своей исторической жизни. Многіе историки раздѣляютъ ту мысль, что Петръ Великій былъ необходимымъ явленіемъ своего времени, послѣдовательно вытекшимъ изъ переходнаго настроенія умственной дѣятельности Русскаго народа въ XVII вѣкѣ, что не только сближеніе съ Западомъ, но и потребность реформъ были подготов-

¹⁾ Въ числѣ ихъ были: еп. Пятимръ Пермскій, м. Осодосій, Пахомій Логоветъ, инокъ Иннокентій, Пахомій, мнѣхъ Ілія, Пресвитеръ Филооей, инокъ Григорій и многіе неизвѣстные по имени инокъ. См. *Макарій*, Ист. Р. Ц. т. VII, 51 и д.

лены въ эту эпоху. Дѣйствительно, приливъ въ Москву проземцевъ увеличивается, усиливается ихъ умственное вліяніе, ученіе Юго-западной Руси являются на Москву массами. Умственная жизнь приходитъ въ движеніе. Сознаніе необходимости церковнаго исправленія въ обрядахъ и богослуженіи рождаетъ смуту въ умахъ древляго благочестія, — протестъ выражается въ формѣ раскола. Въ тѣ же время между представителями тогдашней учености идутъ богословскіе споры, которые дѣлятъ противниковъ на партіи.

Въ литературѣ этой эпохи замѣчаются три направленія, которыя іеродіакопъ Дамаскинъ ¹⁾ характеризуетъ названіями: *восточники*, *западники* и *нестрые* (люди средняго направленія).

Первые были людьми образованными, чуждыми увлеченій, крѣпкими вѣрой и любовью къ старинѣ, изъ которой они сохранили лучшія преданія. Они не преклонялись предъ западными повшествами, неустрашимо боролись за свои идеи и служили центромъ, около котораго группировались люди истинно-русскаго, строго-православнаго направленія.

Западники увлекались латинскою ученостью, діалектикой іезуитизма. Представителями этого направленія были у насъ выходцы Юго-западной Россіи, частію воспитавшіеся на Западѣ, частію вынесшіе изъ школы расположеніе къ латинской духовной литературѣ. Они готовы были измѣнить преданіямъ предковъ, и при этомъ отличались хитростію, склонностью къ интригамъ, искательствомъ и заботою о личныхъ выгодахъ и положеніи.

«Нестрые», люди практической жизни и дѣла, старались смягчить крайности первыхъ двухъ направленій и провести въ жизнь то, что казалось имъ наилучшимъ. Чуждые односторонности, они въ то же время сохраняли любовь къ преданіямъ старины и старались дѣйствовать примирительно. Борьба между партіями разгоралась и были жертвы этой борьбы.

Въ области просвѣщенія вопросъ шелъ уже не о *грамотности*, которая тогда на Руси стала дѣломъ обычнымъ, но о *высшемъ образованіи*. На Москвѣ явился ученый общество. Церковная школа, развиваясь постепенно въ высшую форму, впервые является на Москвѣ въ видѣ *академіи*.

Въ буряхъ, смутахъ и тяжелыхъ испытаніяхъ начался XVII вѣкъ. Уже при Борисѣ были смуты, голодъ и морь на Руси; потомъ явились самозванцы, смѣна царя, междоцарствіе. Самозванщина грозилъ не только государству, но и церкви.

Въ 1604 г. Самозванецъ далъ обѣщаніе: «И мы сами соединеніе сіе (съ латинствомъ) приняли и станемъ накрѣпко промышлять, чтобы все Московское государство въ одну Римскую вѣру привести» ²⁾. Вступивъ въ Москву, самозванецъ призвалъ іезуитовъ, далъ имъ церковь и предоставилъ папскому послу гр. Рангопи полный просторъ; но дѣло оказалось даже іезуитамъ непосильно. «Обратить Москву къ папѣ также не легко, какъ заставить Волгу течь съ востока на западъ», писалъ онъ въ объясненіе неудачи своей миссіи. Долго іезуиты лили кровь русскую, домогаясь власти надъ русскою церковію, но ничего не успѣли. Присяга Владиславу наводнила Москву полягами и создала слишкомъ двухлѣтній періодъ, краспорѣчиво называемый современниками «Московскою розрухою». Представитель Русской цер-

¹⁾ *Лхонтовъ* пр., «Іерод. Дамаскинъ», Русскій полемистъ XVII в. 1884 г.

²⁾ Собр. Госуд. грамотъ, II, 160.

ковной власти—доблестный святитель, страдалецъ за Русскую землю, патріархъ Гермогенъ томился въ оковахъ и явилъ высокую твердость духа, которая поразила враговъ и подняла защитниковъ. Русь восприняла, объединилась, земская народная сила нашла вождя и побѣдоносно изгнала враговъ. 21 февраля 1613 г. Русь получила избраннаго православнаго царя въ лицѣ Михаила Романова.

Трудныя задачи предстояли 16-ти лѣтнему царю-юношѣ. На развалинахъ Москвы, среди пожарищъ и пустырей земли русской, разоренной своими и чужими, надлежало вести строенье царское; надо было успокоить землю, умирить вражду, создать ей лучшее будущее. Первымъ совѣтникомъ царя по возвращеніи изъ плѣна, былъ патріархъ-отецъ. Филаретъ былъ человекъ высокаго ума, крѣпкой воли, закаленной въ тяжкихъ испытаніяхъ жизни; онъ «не только слово Божіе исправлялъ, но и земскими дѣлами всеми правиль, привелъ въ порядокъ управленіе, исправилъ судъ и прилагалъ заботу объ образованіи народа.

Патріархи Русскіе обязаны были заботиться о народномъ просвѣщеніи, объ учрежденіи школъ, по грамотѣ патріарховъ восточныхъ ¹⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и теперь они радѣли объ этомъ важномъ дѣлѣ. Хотя мы не имѣемъ свидѣтельствъ объ учрежденіи школъ въ это время, но иноземецъ Олеарій удостовѣряетъ, что обученіе у Русскихъ было при церквахъ, а въ Москвѣ, подлѣ патріаршаго двора существовала греко-латинская школа. Къ сожалѣнію, другихъ извѣстій о ней нѣтъ.

Къ этому времени относится начало исправленія книгъ церковныхъ. Въ 1615 г. было поручено иноку Арсенію (Глухому) и архимандриту Троице-Сергіева монастыря исправить и приготовить къ печати «Потребникъ». Товарищами имъ въ этомъ дѣлѣ пошъ Иванъ Насѣдка и старецъ Антоній, канонархъ того же монастыря. Исправители, сличивъ 12 рукописей съ печатнымъ экземпляромъ книги, нашли въ немъ нѣкоторыя погрѣшности. Здѣсь уже обнаружилась неразумная приверженность нашихъ предковъ къ буквѣ, которая впоследствии выразилась расколомъ. Дѣло въ томъ, что исправители въ молитвѣ на водоосвященіе сочли нужнымъ вычеркнуть прибавку *и огнемъ*: «Прійди, Господи, и освати воду сію Духомъ Святымъ и огнемъ». Такой прибавки въ древнихъ рукописяхъ не было. Но защитники старины стали говорить, что исправители еретичествуютъ, «Духа Святаго не исповѣдуютъ, яко огонь есть». Исправители потеряли тяжкія притѣшенія, оскорбленія и страданія, пока прибывшій въ Москву патріархъ Іерусалимскій Теофанъ не призналъ исправленія правильнымъ, а исправителей невиновными. Арсеній Глухой, находясь въ заключеніи, писалъ боярину Салтыкову оправдательную челобитную, которую обыкновенно приводятъ для характеристики просвѣщенія въ эту эпоху.

Онъ пишетъ, что хулители и клеветники его, «не зная ни православія, ни кривославія, точю по чернилу проходили божественная писанія; иные едва азбукѣ умѣютъ; а то вѣдаютъ, что не знаютъ, кои въ азбукѣ письма гласныя, согласныя и двогласныя; а еже осьмь частей снова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь,

¹⁾ При учрежденіи русскаго патріархата, вселенскіе патріархи «завѣтоваша, да здѣ (въ Москвѣ) училищный соборъ сотворится къ расширенію ученій и юныхъ хотящихъ учиться умноженію, вѣдуще велику быти отсюда церкви и царству пользу». *Твор. Св. Отцовъ, Прибав.* 1845 г., стр. 165.

роды и числа и времена, званія же и залогы, то имъ ниже на умъ всхаживало. Священная же философія и въ рукахъ не бывала, ея же кто въ искусствѣ не бывалъ, удобъ можетъ погрѣшати не точию въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлѣхъ, аще и естествомъ остроумень будетъ. Ни родовъ, ни временъ, ни лицъ не разумѣя, невозможно право и здраво въ божественныхъ писаніяхъ слогу знати»¹⁾.

Отсюда дѣлается выводъ, что на Руси было крайнее невѣжество, что образованіе духовенства было въ жалкомъ состояніи. Но, во первыхъ, тотъ уже фактъ, что на Руси явилась группа справщиковъ, людей образованныхъ, изучившихъ грамматику и «священную философію», знающихъ греческій языкъ, показываетъ, что на Руси тогда были люди высокаго, по тому времени, образованія; во вторыхъ, Арсеній пишетъ не о всѣхъ, а обличаетъ невѣжество своихъ клеветниковъ, а много ли ихъ было? Не тогда только, а и теперь есть люди, хотя ихъ и немного, привязанные къ буквѣ и формѣ, готовые изъ за несоблюденія обряда метать громы и провозглашать нарушителей нечестивцами. Наконецъ, челобитная писалась въ защиту, подъ влияніемъ тяжкихъ оскорбленій и обвиненій, при этомъ трудно соблюсти мѣру и безпристрастіе. Противники называли Арсенія еретикомъ, а онъ ихъ круглыми невѣждами. Но дѣло было вовсе не въ грамматикѣ, а въ фанатической сильной привязанности къ старинѣ, которая богослужебныя книги считала наравнѣ съ свѣщ. писаніемъ непогрѣшимыми, «и въ тѣхъ книгахъ, писалъ старецъ Филоеѣй, ни у какого слова, ни у какой рѣчи ни убавить, ни прибавить ни одного слова не должно».

Это та почва на которой впоследствии развился расколъ. Но что далеко не всѣ раздѣляли отрицательный взглядъ на образованіе, въ томъ насъ убѣждаютъ свидѣтельства современниковъ.

Въ одной рукописи XVII вѣка авторъ ставитъ вопросъ: «учитися ли намъ полезнѣе *грамматики, риторики, философіи и теологіи* и *стихотворному художеству* и отгуду познавати божественная писанія, или *не учася* симъ хитростемъ, *въ простотѣ* Богу угождати и *отъ чтенія* разумъ святыхъ писаній познавати и что лучше учитися *россійскимъ* людямъ греческаго языка, а не латинскаго». Авторъ отвѣчаетъ: «*простота* сугуба есть; она незлобіе глаголется, еже есть добродѣтель терпѣнія и непамятозлобія и немщеніе обидящимъ; она же *невѣжество*, рекше *неученіе*, въ немъже содержителя невѣжество Божіею закона, еже *злота* есть *преглубока*». «Невѣжество есть *тьма*, ослѣпляющая умныя очи, и есть, и глаголется, *ученіе же ясная луча* есть, еуже невѣжества тьма разрушается и естественныя *человѣческаго* разума очеса просвѣщаются, и *есть велие благо*»²⁾.

Что изученіе грамматики и «священной богословіи» еще не было во времена Арсенія всеобщимъ, это возможно допустить, но дѣлать отсюда выводъ о крайнемъ невѣжествѣ духовенства и народа—едвали справедливо.

Михаилъ Оеодоровичъ радѣлъ о просвѣщеніи народа. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, посылалъ «для своего государева и земскаго дѣла къ Англинскому Ілубу королю» пословъ, въ наказъ послалъ Зюзину и Витовтову онъ настойчиво требуетъ возвращенія—Григорія Григорьева съ товарищами, въ числѣ пяти чело- вѣкъ, отправленныхъ еще при Борисѣ «въ аглицкую землю для науки, латин-

¹⁾ Твор. Св. Отцовъ, Прибавл. «О дух. учил. въ Москвѣ XVII в.».

²⁾ Рукоп. Соф. Библ., въ Сиб. Дух. Акад. № 423.

скому и англискому и инымъ разнымъ нѣмецкимъ государствъ языкомъ и грамотъ учитца», такъ какъ они «царскаго величества къ посольскому дѣлу надобны... а позадавили онѣ въ англискомъ государствѣ, потому что въ Московскомъ государствѣ, по грѣхомъ, отъ злыхъ людей была смута и нестроеніе. «А царскому величеству тѣхъ поданныхъ отцы и матери безъ престани, съ великою доукою, бьютъ челомъ, чтобы царское величество ихъ пожаловалъ, велѣлъ ихъ изъ англискія земли взяти къ Москвѣ, чтобы они будучи долгое время въ чужихъ государствахъ, вѣры крестьянскія греческаго закона не отбыли и съ нимъ ся не разлучили». При этомъ указывалась, что «съ англискими гостями малые ребята, для науки русскому языку и грамотѣ, бывали», жили въ наукѣ по шти (6) и десяти лѣтъ и свободно возвращались въ свое отечество ¹⁾.

Но просьба царя не была уважена. «Тѣ дѣти боярскіе въ англиской землѣ задержаны неволюю, а Никифорин Олферьевъ и вѣры нашей православныя отступилъ и не вѣдомо по какой прелести въ поны сталъ... Якобъ король тѣхъ людей не отпустилъ... и то противно гасударевой братской дружбѣ и мольбѣ».

Замѣчательно, что обученіе сына своего царевича Алексія царь Михаилъ довѣрилъ людямъ не духовнаго чина, какъ то бывало прежде, а дьякамъ ученымъ. Значить, въ то время образованіе распространилось и внѣ духовнаго чина. Обученіе часовнику началось 6 сент. 1635 г. дьякомъ Василіемъ Прокофьевымъ; февраля 21-го дьякъ началъ учить *псалтири*; мая 28-го — «апостольское дѣяніе». 1637 г. Ноября 21-го дьякъ Львовъ училъ царевича писать. *Письмо* царевича учили пѣвчіе дьяки Лука Ивановъ (по октоиху), Иванъ Семіоновъ да Михаилъ Осиповъ ²⁾.

Знаніе иноземныхъ языковъ на Москвѣ въ эту эпоху процвѣтало, благодаря особенной способности русскихъ къ ихъ усвоенію. Дьякъ-печатникъ Алмазь Ивановъ, еще въ молодости побывавъ разъ въ Турціи и Персіи, въ короткое время, такъ изучилъ языки сихъ государствъ, что впоследствии свободно могъ объясняться по-турецки и по-персидски безъ толмача. Котошихинъ говоритъ, что въ его время въ «посольскомъ приказѣ» при Алексѣй Михайловичѣ «для переводу толмачества переводчикова латинского, свейского, нѣмецкаго, греческаго, полскаго, татарскаго и иныхъ» состояло 50 человекъ и толмачей 70 человекъ. Очевидно, они приготовились еще при Федорѣ, — значить были и способны къ изученію этихъ языковъ на Руси того времени.

О даровитости Русскаго народа Олеарій замѣчаетъ: «нельзя сказать, чтобы у Русскихъ былъ недостатокъ въ умныхъ головахъ; почти все они весьма способны къ ученю. Иногда можно встрѣчать между ними весьма тонкіе умы». Эта, отчасти иноземцемъ, способность къ ученю произвела и любовь къ нему, сдѣлала грамоту общераспространенною на Руси.

При Михаилѣ Федоровичѣ, между прочимъ, явился въ Москвѣ первый печатный букварь Бурцева, патриаршаго дьяка и справщика печатнаго двора (1634 г.). Букварь этотъ черезъ 3 года потребовалъ новаго изданія, значить въ букваряхъ была нужда. Алексѣй Михайловичъ (1645—1676), о которомъ современники гово-

¹⁾ Пискаревскій, *Зап. Акад. Наукъ*. 1867 г. XI, кн. 1. Извѣстіе о молодыхъ людяхъ, посланныхъ Борисомъ Годуновымъ для обученія наукамъ въ Англію въ 1602 г.

²⁾ *Заблужд.* Домашній бытъ Р. царей.

рили, что онъ «наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ и храброму учению навыченъ», воспитался уже въ тяготѣнн къ западному образованію, которому онъ сочувствовалъ. Какъ извѣстно, при дворѣ царя находили прिवѣтъ и широкое гостепрѣимство иноземцы; въ придворной жизни явилось много новшествъ, каковы музыка по западному образцу и драматическія представленія — мистеріи ¹⁾. Русскіе люди сторонились отъ этихъ новшествъ, считая ихъ грѣхомъ, однакоже «Пещное дѣйство» совершалось въ Новгородѣ и Москвѣ. Въ эту эпоху повшествъ царскіе и патриаршіе пѣвчіе одѣлись, по польскому образцу, въ странные кунтуши, которые и до нынѣ составляютъ «пѣвческую форму». Наконецъ, въ эту же эпоху появилось и «партесное пѣніе», котораго древняя Русь не знала. Однакоже Алексѣй Михайловичъ заботился и о просвѣщеніи церковномъ, которое онъ желалъ сдѣлать научнымъ.

Въ 1649 г. было отпечатано знаменитое «Уложеніе», въ составленіи котораго участвовали бояре кн. Одоевскій, кн. Прозоровскій, скольничій кн. Волконскій, дьяки Григорьевъ и Грибоѣдовъ. Обстоятельство это показываетъ, что на Руси того времени не мало было людей высокообразованныхъ. Что просвѣщеніе въ то время было предметомъ особаго интереса высшихъ сословій, свидѣтельствомъ тому служатъ основаніе въ Москвѣ *ученаго «братства»*, по инициативѣ частныхъ лицъ. Съ разрѣшенія царскаго и благословенія патриаршаго, братство это учреждено въ 1648 г. царскій постельничій Есдоръ Мих. Ртищевъ. Братство это избрало пріютомъ опустѣлый тогда Андреевскій монастырь, гдѣ было основано училище «радн Россійскаго рода во просвѣщеніи свободныхъ мудростей учения» ²⁾.

Въ 1649 г., по царской грамотѣ, вызваны были изъ Кіева, который славился своею академіей, Епифаній Славинецкій съ 30 монахами, «ипоками изящными въ ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати». Это была плеяда блестящихъ дарованій и учестности. Изъ нихъ, кромѣ Епифанія, особенно выдавались Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птицкій, иноки Евфимій, Исаія, игуменъ Сергій и др. ³⁾, знатоки классическихъ языковъ. Вызывались они «для риторическаго ученія, перевода книгъ и для обученія свободнымъ наукамъ».

¹⁾ Мистеріи не русскаго происхожденія. Онѣ первоначально возникли на Западѣ, гдѣ религиозныя воззрѣнія старались выразить символически, въ чувственныхъ образахъ. Сперва мистеріи совершались въ монастыряхъ, потомъ стали совершаться публично; сперва онѣ имѣли часто религиозный характеръ, потомъ въ нихъ явился и свѣтскій элементъ. Въ XIV в. онѣ распространились особенно въ Германіи, во Франціи, въ Нидерландахъ, въ Англіи. Содержаніемъ ихъ служили не только событія ветхаго, но и новаго Завета, каковы исторія Сусаши, Иосифа, Давидъ и Голиафъ, Рожденіе Спасителя, Входъ Господень въ Иерусалимъ, предательство Иуды. Въ германскихъ мистеріяхъ является уже не только свѣтскій, но и комическій элементъ. Въ Польшѣ издавна существовали религиозныя драматическія представленія; подъ именемъ діалоговъ, интермедій, они привились школамъ. Высшее духовенство старалось ихъ ограничить, но мѣстное духовенство и монашескіе ордена поддерживали ихъ, находя ихъ выгодными для своихъ цѣлей. Слѣдуя примѣру польскихъ школъ, южно-русскія школы также заводили у себя драмы, комедіи. Отсюда явились онѣ и въ Москвѣ. «Театральныя представленія при Алексѣѣ Михайловичѣ не были вызваны ни духомъ времени, ни потребностями народа: потому то они и оставались забавою одного двора и не многихъ приближенныхъ къ нему (Милославскаго, Матвѣева), знакомыхъ съ Польскими обычаями и даже литературой». *Пекарскій*, I, гл. XIV. Тамъ же приведены извлеченія изъ южно-русскихъ драмъ XVII в.

²⁾ *Др. Рус. Вислѣовика*. Ч. VI, стр. 404.

³⁾ *Филагъ*, Ист. Р. Ц. IV, стр. 160.

Вызовъ этотъ былъ удачнымъ. Хотя ученые монахи пришли изъ Кіева, гдѣ сильно было латино-польское вліяніе, но они остались вѣрны православной церковности. Епифаній Славинецкій пишетъ о себѣ: «Яко вмалѣ не прельстихся латинскаго мудрованія лестію, дондеже не прочитая св. отцевъ писаній греческихъ книгъ, по *точно читая латинскія*: егда же озарихся благодатію Св. Духа, начахъ прочитати *греческія* книги, тогда леств латинскую познахъ и въ писаніяхъ ихъ новшество, и блуды, и растлѣніе уразумѣхъ, и вся ихъ оплевахъ, занеже вся живо и противно св. древнимъ отцемъ пишутъ... Латинская мудрованія вся *отвергохъ*».

Епифаній былъ душою братства. Онъ былъ превосходный знатокъ греческаго языка, глубокой богословъ и обладалъ рѣдкою начитанностію. По отзывамъ современниковъ, Епифаній былъ «въ философіи и богословіи изящный дидакалъ, и искуснѣйшій въ еллино-греческомъ и славянскомъ діалектѣ»¹⁾.

Ученое братство трудилось надъ переводами и сочиненіями, которыхъ издало дѣльные томы, и въ тоже время занималось обученіемъ въ училищѣ, по гречески и по славянски.

Съ вступленіемъ на патриаршество Никона ученое братство привлечено было къ исправленію церковныхъ книгъ, причемъ Епифаній, въ званіи начальника патриаршаго училища и главнаго справщика книгъ, помѣщенъ былъ въ Чудовомъ монастырѣ, а Арсеній — въ Богоявленскомъ.

Была на Москвѣ еще школа Арсенія Грека, пріѣхавшаго съ іерусалимскимъ патриархомъ Паисіемъ, но затѣмъ по подозрѣнію въ неправославіи, сосланнаго въ Соловки. Никонъ возвратилъ его, разрѣшилъ ему учить и даже помѣстилъ въ число справщиковъ, чѣмъ вызвалъ осужденіе и недовольство противниковъ исправленія²⁾.

Дѣло исправленія церковныхъ книгъ, помимо своей церковной важности, имѣло благотворное просвѣтительное значеніе. Во-первыхъ, оно выдвинуло на первый планъ необходимость *основательнаго* изученія языка греческаго; во-вторыхъ, оно обратило церковныхъ дѣятелей къ *собиранію* древнихъ харатейныхъ рукописей, переводовъ русскихъ; въ третьихъ, указало на необходимость *грамматическаго образованія* для писцовъ и справщиковъ, и наконецъ, *обогастило* Русь новыми сокровищами письменности. По желанію Никона, Арсеній Сухановъ отправился на востокъ для пріобрѣтенія древнихъ рукописей. Арсеній пріобрѣлъ на одномъ Афонѣ до 505 книгъ богослужебныхъ и учительныхъ и около 200 рукописей пріобрѣтено имъ въ другихъ мѣстахъ³⁾. Отцы собора 1666 г. писали, что они «*испытывали подробно* и долгое время новоисправленныя и вновь переведенныя печатныя книги, разсматривали и *старія, харатейныя славяно-рускія рукописи...* и нашли въ старыхъ славяно-русскихъ харатейныхъ книгахъ точно такъ, какъ и въ исправленныхъ печатныхъ книгахъ»⁴⁾. Это работа *ученая*, копотливая, требующая отличныхъ знаний и свидѣтельствующая о томъ, что въ средѣ духовенства той эпохи не было недостатка въ людяхъ ученыхъ, просвѣщенныхъ.

Но это трудное, учепое и полезное для церкви исправленіе книгъ книжни-

¹⁾ Опис. библ. Толстаго. № 136. Въ предисловіи къ переводу поученій св. Григорія Бого- слова, Василія Великаго, Аванасія и Дамаскина.

²⁾ Арсеній оказался человѣкомъ двоедушнымъ и худо отблагодарилъ Никона, ставъ потомъ въ число враговъ его и обвинителей.

³⁾ Чт. Моск. Общ. Ист. 1847 г. Каталогъ бібліотекаря Евзимія.

⁴⁾ Собр. Зак. 1830 г. т. I, № 412.

нами и фарисеями того времени, фанатически привязанными къ буквѣ и формѣ, не только не было оцѣнено, но заподозрѣно и оклеветано. Протопопъ Нероновъ изъ заточенія взывалъ къ царю: «молимъ ты и паки молимъ ты, Государь, *иностранныхъ* иноковъ, ересей вводителей въ совѣтъ не принимай!» А Соловецкіе иноки заподозрѣваютъ и грековъ въ неправославіи, а между тѣмъ эти Греки *учить* пріѣзжаютъ и учатъ поселянъ¹⁾.

Очень возможно, что и Греки этой эпохи поддавали вліянію латинскихъ обычаевъ, такъ какъ послѣ взятія Османами Константинополя, не имѣя своихъ училищъ, стали ѣздить для образованія на Западъ, въ Римъ, Венецію и др. мѣста. Замѣчательно, однако, что Греки являлись учителями и *поселянъ*, то-есть, учили въ *селахъ и деревняхъ*.

Судьба патріарха Никона извѣстна. Великій человекъ, ближайшій другъ царя и любимый собесѣдникъ, съ высокимъ образованіемъ и несокрушимою силою воли, возвысившійся изъ крестьянства до главы Русской церкви, превосходящій всѣхъ своихъ современниковъ, палъ жертвою не столько своихъ ошибокъ, сколько интриги, злобы и фанатизма. Но онъ и въ паденіи былъ великъ.

Судьба исправленія книгъ вновь выдвигаетъ вопросъ о народномъ образованіи, онъ трактуется своими и пріѣзжими. Въ обсужденіи его принялъ участіе пріѣхавшій въ Москву (1660 г.) для предварительнаго слѣдствія надъ опальнымъ патріархомъ ученый митрополитъ Газскій Паисій Лигиридъ. Онъ не сказалъ ничего новаго, но энергично стоялъ за учрежденіе школъ, въ которыхъ бы изучались языки греческій, латинскій и славянскій и настаивалъ, чтобы такія «грамматическія» школы учреждены были повсемѣстно при церквяхъ и монастыряхъ. Вотъ текстъ проекта Паисія, написанный съ свойственною Грекамъ того времени витіеватостію²⁾.

«Искахъ азъ корене духовнаго сего недуга, преходящаго нынѣ въ семъ Христоименитомъ царствѣ, и тшася обрѣсти, откуда бы сіе ересей наводненіе истекало и возрастало на толку нашу общую пагубу? На послѣдокъ, умою обращая, обрѣтохъ изъ двою истекшее, спже есть: *отъ лишенія и неимѣнія народныхъ училищъ*, такожде отъ скудости и недостаточества святыхъ *кинохранительницъ*. Еже дабы ми показать и предъ очима явѣ представити, нѣбая назнамену знаменованія достойнѣйшая. Прехрабрый нѣкто восвода Алкивиадъ отвѣтъ даде древле Аѳинномъ, яко къ благополучно-ратованію три вещи суть нужны: первая есть злато, вторая есть злато, третья злато. Азъ же вопрошенъ о санѣ церковномъ и гражданскомъ, кѣи бы были столпы и завѣсы обою, рекъ быхъ: первое *училища*, второе *училища*, третье *училища* пренуждены быти. Училища суть, отнюду же духъ животный чрезъ жилы во все тѣло разливается, суть крилѣ орляя, имаже слава пролетаваетъ всю вселенную. Притическая баснь есть, яко Орфей гусльми своими каменіе притягнулъ есть къ себѣ, звѣри и пни, си есть каменны разумы, своимъ сладкословіемъ чрезъ привабленія (приманкою) привлекаше, не инако,

¹⁾ Въ «Челобитной пишется»: «самия *греческія* учителя, егда пріѣзжаютъ въ русскую землю, ни единъ лица своего перекрестити не умѣютъ и ходятъ безъ крестовъ. *Поселаніе* имъ дѣвятся и глаголютъ, что де они полестинскіе власти, пастыри и учителя нарицаются, во иную землю *учити* пріѣзжаютъ, а сами лица своего перекрестити не умѣютъ, то како и чему имъ *насъ* поселянъ *научити* и какова отъ нихъ научитися намъ православія, какова ждаты въ вѣрѣ исправленія». Челобитная, Спб. 1862 г.

²⁾ Посланіе Паисія Лигарида помѣщено въ Прибав. къ *Твор. Св. Отцовъ*, 1845 г. кн. 2.

якоже Италійскій Еркуль златыи си цѣпи оныя люди привлекаше. Еда челоѡцы естествомъ не яко скрижалъ суть углажденная, на нейже ничесоже не писася, вси не могутъ написана быти? Не платно ли суть бѣлое, всякій цвѣтъ пріяти могуще? Не суть ли подобни камени, въ всякій образъ извоятися могущему? Но во училищахъ благочестія и благоговѣнства писмена на сихъ скрижалѣхъ пишутся. Во училищахъ бѣлое сіе платно окрашивается живыми чресоты (красками) и челоѡкоѡпнѣя шарми (тоже краскамъ). Во училищахъ же суть образотворцы искуснѣйшіе, иже пишутъ челоѡка во образъ Бога Треблажайшаго и Величайшаго. Въ тѣхъ училищахъ исполнское укрощается дерзновеніе, циклопская возхлещается (смягчается) жестота, епикурское исправляется житіе. Сихъ кромѣ обрѣтенное оное сокровище обоего гражданства растлѣвается. Ему же сокровищу растлѣвшу и самое гражданство падаетъ, якоже не нелѣпо вѣдшихъ родовъ благодѣятели (лучшіе правоучители) пишутъ, яко *отъ училищъ, аки отъ источниковъ, благополученіе народное искапасть*. «Ты убо, о пресвѣтлый Царю, подражай Θεодосіемъ, Юстиніаномъ, и *созижди здѣ училища ради остроумныхъ младенцевъ, ко ученію трехъ языкъ коренныхъ наипаче: греческаго, латинскаго и славенскаго*. Имаше бо, о благочестивѣйшій царю, подъ своею прекрѣпкою рукою толико прѣбогатыя мѣтрополіи, толико прѣзобилующія архіепископіи, толика величайшая монастыри. Молю, да повелѣши, *во еже бы каждо сихъ начальниковъ, по мѣрѣ своихъ приходовъ, толико имѣлъ питомцевъ и толико клириковъ прѣпитати училища, ради изученія сихъ трехъ языковъ*. Подобнѣ и архимандритове монастырей ти царскихъ тожде да сотворять. То бо, по мысли блаженныя памяти Іереміи патріарха и прочихъ собратій его, будетъ народное добродѣтельство. *Сии бо святѣйшіи архіереи, въ хризостулѣ ономъ постановленія патріарха московскаго, подражающе судови собора, иже въ Труллѣ велѣша все то явственнѣйшими словесы во оставшихъ уѣдчаніихъ*. Ибо отъ сего новаго училища алексіевскаго (т. е. чудовскаго) извѣстнаго извѣстнѣе (т. е. несомнѣнно) изидутъ, аки *отъ коня троянскаго, христоименитіи борцы, иже о добродѣтели твоего пространнѣйшаго царства, о умноженіи сего чина церковнаго и о общей, на послѣдокъ, пользѣ всего христоименитаго гражданства радовати будутъ*».

Пансіей Лигаридъ Русь не зналъ, кромѣ Москвы нигдѣ не бывалъ и училищъ, которыя давно существовали и тогда были, не видалъ и съ исторіей сихъ училищъ не былъ знакомъ. Высокаго мнѣнія о себѣ, но не высокаго мнѣнія о русскихъ, — иначе онъ не писалъ бы съ такимъ пафосомъ о пользѣ училищъ, въ которой никто не сомнѣвался и которая давно признана была всѣми. Но *трехъязычныхъ* грамматическихъ училищъ у насъ было еще мало:—Ртищевское да Чудовское, но готовилось уже новое. Если судить по словамъ Пансіа, какъ то нѣкоторые дѣлають, то на Руси тогда совсѣмъ училищъ не было, но это было бы совершенно невѣрно. Вообще прибывшіе для суда надъ Никономъ греческіе іерархи были щедры на убѣжденіе русскихъ о необходимости ученія.

Патріархи Пансіей Александрійскій и Макарій Антіохійскій, находясь въ Москвѣ, въ 1666 г. предложили въ день Рождества Христова посланіе о пользѣ наукъ и училищъ. «Не безъ слезъ глаголемъ, писали они. Грекове, суще подъ игомъ и по вся дни отъ нечестивыя томимыя, въ самомъ центрѣ или пупѣ мучительства, въ самой, глаголемъ, Византіи, училища отверзоша, ради сохраненія перваго и царственнаго онаго діалекту», тратясь довольно на содержаніе «спудеовъ». Но есть

опасность, не разорять ли враги училище это. Между тѣмъ русскіе, живя свободно, не страдая отъ пга и данн, уклоняются отъ училища, мало цѣня ученіе, иные «ходятъ въ страны *западныя*, еже стяжати ученіе греческое, *уже въ Царь Градъ имыше*, яко въ дому отеческомъ, довольная путешищая спасенная»¹⁾. Патріарховъ, очевидно, беспокоило то, что Русскіе стали ходить на западъ ради образованія. Вообще вліяніе западное въ это время усилилось именно черезъ школы Кіевской и Литовской Русп. Отсюда шли къ намъ учебники и литература, а съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи (въ 1654 г.) двинулись и люди западнаго образованія.

Въ 1665 г. въ Москвѣ была основана школа Симеономъ Полоцкимъ, выходцемъ изъ Малороссіи. Въ этой «Спасской школѣ» происходило «грамматичное ученіе» и преподавался латинскій языкъ. Здѣсь получали образованіе молодые люди приказа тайныхъ дѣлъ, слѣдовательно эта школа была не только элементарною, но и среднею. Симеонъ обучалъ въ ней риторикѣ, пѣтикѣ, стихосложенію; греческій языкъ не преподавалъ, ибо самъ Симеонъ въ греческихъ писаніяхъ «мало что знаеше». Въ противоположность Чудовской школѣ Славинецкаго *греческой*, школа Симеона была *латинской*.

Но и Москвичи сознавали потребность въ высшихъ училищахъ. Въ 1668 г. частіи люди, прихожане церкви св. Іоанна Богослова, подали царю челобитную о разрѣшеніи устроить въ своемъ приходѣ грамматическую школу, «благородную и полезную умысливше вещь, спрѣчь, *словенскія грамматики училища* состроеніе, учителя и учениковъ пристяжаніе». Царь и патріархъ благожелательно отнеслись къ этому ходатайству и дали свои грамоты. Въ этомъ училищѣ преподавался греческій языкъ и нововведенное партесное пѣніе²⁾.

Не забудемъ, что въ патріаршіи періодъ основано было до 175 монастырей³⁾, а они по прежнему были пріютами просвѣщенія. Хотя Паисій Лигаридъ и говоритъ о «скудости и недостаточности святыхъ книгохранительницъ», но когда Никонъ, приготовляясь къ собору 1654 г. объ исправленіи книгъ, затребовалъ отъ монастырей описи книгъ, то оказалось, что по описи *однихъ степенныхъ* монастырей въ нихъ было 2.673 книги⁴⁾, а сколько же ихъ было при всѣхъ монастыряхъ, церквахъ и частныхъ людей. О книжномъ богатствѣ Соловецкой, Сергіевой и Кирилло-Бѣлозерской бібліотеки можно судить по нынѣшнимъ описямъ сохранившихся остатковъ ихъ бібліотекъ. Много книгъ на Русь шло изъ типографій западно-русскихъ братствъ.

Церковная жизнь этой эпохи отличалась особеннымъ оживленіемъ. Книжное исправленіе, съ одной стороны, призывало ученыхъ людей къ труду и изслѣдованіямъ богословскаго характера, съ другой, въ ревнителяхъ старины вызвало подозрительность, недовольство и ожесточеніе.

Въ 1666 г. состоялся большой Московскій соборъ⁵⁾. Поводами къ его созванію были: распространеніе и усиленіе старообрядческаго раскола, разные безпорядки, обнаружившіеся въ церковной и общественной жизни того времени и — главное —

¹⁾ Твор. Св. Отцовъ. Прибавл. 1845 г. стр. 168.

²⁾ Ист. Р. Іер. I, стр. 420.

³⁾ Филаретъ, Ист. Р. Ц. IV, стр. 310.

⁴⁾ Ут. Общ. Ист. и др. 1848 г., № 6.

⁵⁾ О значеніи его см. Шарова, Труды К. Дух. Акад. 1895 г. № 1.

судь надъ патриархомъ Никономъ. Соборъ, одобрявъ дѣланіе, осудилъ дѣятеля. Церковь не получила мира. Расколъ усилился. Говорятъ, расколъ произошелъ отъ невѣжества; справедливо, но не полно. Кромѣ невѣжества, крайней привязанности къ внѣшней формѣ, первые расколоучители, защитники старопечатныхъ книгъ, руководились и другими побужденіями. Эти люди портили книги при патр. Іосифѣ и въ тоже время пользовались большимъ значеніемъ. Когда послѣднее утратилось, а за порчу приходилось отвѣчать, естественно виновные явились врагами исправленія книжнаго. Таковы были Аввакумъ, Павелъ еп. Коломенскій и протопопъ Даниилъ Костромской, друзья Аввакума, равно и кн. Львовъ и др., прикрывавшіе свои грѣхи лицемѣрною ревностію о православіи. По мнѣнію арх. Филарета «расколъ былъ преимущественный плодъ несчастнаго духа времени, не хотѣвшаго знать повиновенія порядку, а не плодъ благочестія, хотя бы слѣднаго»¹⁾.

Образовательныя средства того времени, какъ увидимъ далѣе, были весьма значительны, грамотность была всеобща, къ сожалѣнію, преобладаніе внѣшняго, обрядоваго благочестія породило фанатиковъ буквы, формы и обряда. Эти фанатики, руководимые дѣльцами, и вызвали въ первое время взрывъ раскола, благодаря отчасти рѣзкости и безтактности первыхъ дѣятелей книжнаго и обрядоваго исправленія.

Царь Алексѣй продолжалъ дѣло своего отца въ упорядоченіи иконнаго писанія и церковнаго пѣнія.

Окружною грамотою 1669 г. повелѣвалось писать иконы «по обычаю святыя восточныя церкви, по приличности дѣлъ и лицъ» и устанавливался «шесторочастный чинъ» иконниковъ: «*перви* суть знаменатели, изящніи и совершенніи живописатели; *втори* суть знаменатели и совершенніи живописатели; *третии*—съ готовыхъ знаменованій тщательное образованіе творящіи; *четверти*—посредственное искусство имущіи; *пяти*—пишущіе убо, но изряднѣйшихъ придерживающіе исправленія дѣла; *шестіи* навикающіи учителей наставленіямъ». Первые—высшіе художники получали царскія грамоты и имѣли наблюденіе за другими.

По церковному тѣнію особымъ предметомъ обсужденія было такъ-называемое раздѣльнорѣчіе, господствовавшее тогда. О немъ инокъ Ефросинъ писалъ (1651 г.), по поводу сочиненій Христіанина съ товарищами: «Точію бо нашимъ пѣніемъ гласъ украшаемъ и знаменныя *крюки бережемъ*, а священныя рѣчи до конца развращены... и словенскаго нашего языка чюжи; несвойственны и сопротивны. Гдѣ бо обрящется во св. писаніи нашего природнаго языка, словенскаго діалекта, сицевыя несогласныя рѣчи: *сопасо, пожеру, во монтъ, темно имо, людеми, сонъдаай?*»

Очевидно, въ это время уже утратилось звуковое произношеніе глухихъ з и ъ, которые въ древности произносились какъ о и е, почему надъ ними, какъ гласными, и ставились крюковыя знамена. По древнему начертанію приводимыя Ефросиномъ слова писались такъ: *съ насъ, пожеру, во монтъ, темно, имъ, людеми, сонъдаай*.

Другимъ нарушеніемъ церковнаго пѣнія было то, что пѣвцы и чтецы стали «двоегласити и троегласити», то-есть, желая сократить время богослуженія, стали одновременно выпѣвать стихирны и вычитывать псалмы въ два и три голоса. На это жаловался еще патриархъ Гермогенъ въ своемъ посланіи, говоря, что на Русѣ «въ церковномъ пѣніи великое несправленіе: по преданію святыхъ апостолъ и

¹⁾ Филаретъ, Ист. Р. Ц. IV, стр. 300.

святыхъ отецъ церковнаго пѣнія не исправляютъ, и *говорятъ де голоса въ два и въ три, и четыре, а инде въ пять и въ шесть*: и то нашего христіанскаго закона чуже» ¹⁾. Знаменное пѣніе было очень протяженно и выпѣваніе стихиръ по этому роспѣву дѣлало богослуженіе отяготительнымъ для немощныхъ, а поэтому, чтобы пѣвцы не пѣли одновременно по двѣ, по три и болѣе стихиръ за разъ, патріархъ Никонъ ввелъ болѣе краткій *Кіевскій* роспѣвъ. Но требовалось упорядочить дѣло. Въ 1652 знаменное пѣніе исправлено по *истинноручію*, а крюковымъ потомъ сдѣланъ сводъ съ линейными. На соборѣ 1667 г. опредѣлено: «церковное все Божіе славословіе чинно и немязежно и *единогласно* и гласовное пѣніе *тѣти на рѣчь*» ²⁾.

Извѣстный изслѣдователь нашей старины Безсоновъ пишетъ, что «церковное наше пѣніе въ XVII в. достигло высшей степени историческаго развитія по всѣмъ видамъ своимъ,—по происхожденію—какъ греческое и болгарское, развитое своеобразно на Руси; по мѣстностямъ,—какъ Новгородское, Московское, Казанское, Кіевское и т. д. *Вездѣ есть школы*, учителя или дидакалы, сообщившіе славное имя свое разнымъ способамъ единаго основнаго пѣнія; пишутся руководства, грамматики, цѣлая литература вокальной музыки; сообразно внутреннему развитію самой формы, ноты постепенно вырабатываются: древнѣйшія болѣе простыя знамена приобрѣтаютъ разнообразную сложность, потомъ киноварныя помѣты, указывающія гамму, и наконецъ, снова приводится изъ разнообразія къ единству, уступая мѣсто такъ-называемымъ крюкамъ, которыя соединили въ своемъ искусномъ начертаніи всѣ оттѣнки, требовавшіяся искусствомъ; надъ этимъ трудились *комиссіи* знатоковъ, подготовившія опредѣленія собора.

Древняя близлинейная нотная письменность, по мѣрѣ опредѣленности близка уже къ линейной, сравнена съ сею послѣднею и сравненіемъ еще болѣе разъяснена; дѣло близко было уже къ тому, чтобы заключиться единообразнымъ печатаніемъ» ³⁾.

Къ печатанію все и было приготовлено—матрицы, пунсоны. Типографскій станокъ готовился дать русской церкви печатныя нотныя книги въ крюковомъ знаменіи. Но дѣло обрывается, какъ обрывается неожиданно весьма многое въ русской жизни съ концомъ XVII вѣка».

Особенность исторіи церковнаго пѣнія въ этотъ періодъ составляетъ вліяніе на него западной школы. Безчисленные толпы малорусскихъ выходцевъ внесли свои элементы почти во все среды умственной жизни нашей Руси. Къ этому времени Малая Русь уже была наполнена трудами по мускійскому партесному пѣнію, для изученія котораго были руководства, написанныя польскими теоретиками. Особенной знаменитостью пользовалась пѣвческая грамматика Дилецкаго, изъ Вильны и Смоленска проникшая въ Москву и даже на Уралъ—къ Строгановымъ. Пѣвчіе стали пѣть уже не по книгамъ, а по *тетрадкамъ*. Хотя патріархъ Іосифъ «сему прекословіе творяше», но Никонъ и царь покровительствовали партесному пѣнію, и у насъ на Москвѣ, явились уже недожипные композиторы, писавшіе не только для четырехголосныхъ хоровъ, но на 8 и на 12 голосовъ, хорошо знакомые съ теоріей музыки италіанской ⁴⁾.

¹⁾ Сахаровъ, О рус. ц. пѣніи, Ж. Мин. Пр. 1849 г. февраль.

²⁾ Удольскій, Замѣч. объ ист. ц. пѣнія Чт. Общ. Исн. и др. 1846 г., № 3.

³⁾ Безсоновъ, судьба нотныхъ пѣвчихъ книгъ. Пр. Обзор. 1864 г. май.

⁴⁾ Въ библіотекѣ Синодальнаго пѣвческаго училища отъ этой эпохи сохранилось: на 12 голосовъ 160 концертовъ, 14 «службъ Божіихъ», всѣ задостойники, причастны и 12 херувимскихъ;

Распространились концерты, псалмы, доселѣ на Русь не слышанные. Напрасно возражали противъ этого сочинительства. Хранители благоговѣйной старины упорно выставляли, что «нынѣ поютъ со движеніемъ всея плоти, съ покиваніемъ главы, съ помаваніемъ рукъ, съ воплями и вискапіями безчинными». Увлечение повизною было слишкомъ сильно и соотвѣтствовало бурно переживающемуся тогда времени¹⁾. Россію наводнили юго-западные «спѣваки». Это увлечение кievскимъ пѣніемъ рѣшило и участь крюковой системы. Новое пѣніе даже отразилось на внѣшности и лицахъ поющихъ: вмѣсто старинныхъ бородатыхъ пѣвцовъ, одѣтыхъ въ русскіе полукафтаны, явились пѣвчіе, подобно юго-западнымъ, бритые и усатые, въ польскихъ одеждахъ, съ закинутыми разрывными рукавами...

Шестилѣтнее царствованіе Теодора Алексѣевича было знаменательно въ исторіи нашего просвѣщенія,—оно ознаменовалось сильною борьбою восточнаго и западнаго направленія, усиленіемъ училищъ, развитіемъ типографскаго дѣла и основаніемъ въ Москвѣ Академіи.

Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ дѣйствовали на Москвѣ два ученые мужа — *Епифаній* Славинецкій и *Симеонъ* Полоцкій. Оба они были люди широкаго образованія, пользовались вліяніемъ и трудились первый, завѣдуя Чудовскимъ, патриаршимъ училищемъ, второй—училищемъ въ Спасскомъ монастырѣ. Оба они выходцы Юго-Западной Россіи, но совершенно расходились въ характерѣ, въ направленіи дѣятельности, даже въ учености.

Епифаній держался греческаго и старорусскаго направленія; Симеонъ былъ представителемъ направленія западнаго. Такъ какъ тотъ и другой имѣли значительное вліяніе, то около каждаго сгруппировались ученики и послѣдователи ихъ возрѣній. Отсюда и образовались «восточники» и «западники»²⁾.

Епифаній былъ вполне ученый, кабинетный труженникъ. Онъ работалъ надъ исправленіемъ книгъ; превосходно зналъ греческій языкъ, славянской, былъ знатокъ и латинскаго, но не любилъ къ нему обращаться. Въ трудахъ литературныхъ онъ отличался основательностію. Какъ строгій хранитель православія, онъ защищалъ его въ полемическихъ трудахъ своихъ. Духъ и характеръ своихъ научныхъ изслѣдованій онъ старался передать и ученикамъ своимъ. Онъ былъ какъ бы преемникомъ Максима Грека.

Совсѣмъ другой характеръ имѣла дѣятельность Симеона Полоцкаго. Почти всю жизнь свою вращавшійся въ общественныхъ кругахъ, честолюбивый, искательный и ловкій, онъ далеко былъ отъ скромности и смиренія. Онъ обладалъ ученостію и начитанностію, но та и другая были поверхностны и служили ему лишь для достиженія внѣшнихъ цѣлей. На Москвѣ о немъ говорили, что онъ учился такъ, «якоже обычай есть полякомъ и литвяномъ, по латински и по польски»³⁾. Дѣйствительно, Симеонъ въ обоихъ этихъ языкахъ былъ знаткомъ, но по гречески

48 соч. на 8 голосовъ, 105—на 6 голосовъ и 332—на четыре голоса, Смоленскій, обзоръ истор. концертовъ. М. 1895 г. стр. 21. Въ числѣ композиторовъ были: свѣщ. *Титовъ*, *Редриковъ*, *Бавикинъ*, діаконъ *Яковлевъ*, *Вас. Виноградовъ*, *Ив. Леонтьевъ*, *Калашниковъ*, *Сидовъ*, *Долговскій*, *Колесникій*, *Протопоповъ*, *Нарицкій* и др.

¹⁾ Тамъ же, стр. 18.

²⁾ Живую характеристику Епифанія и Симеона и ихъ отношеній представляетъ пр. І. Я. *Образцовъ* въ ст. «Братья Лихуды». *Журн. Мин. Пр.* 1866 г.

³⁾ Остепъ. 1865 г. стр. 71.

разумѣлъ мало. Въ образованіи его и въ дѣятельности было много іезуитскаго. Но владѣя діалектикой и даромъ слова, онъ въ свое время славился, какъ ораторъ. Къ этому надо присоединить еще вывезенную съ запада страсть къ стихосложенію.

Симеонъ Полоцкій ввелъ на Русь *римотворство*. Онъ писалъ множество поздравительныхъ рѣчей и посланій къ царю и знатымъ людямъ въ стихахъ, причѣмъ являлся иногда изысканнымъ, иногда грубымъ льстецомъ. Страсть къ виршеванію¹⁾ доходила у Полоцкаго до того, что онъ даже мѣсяцесловъ переложилъ въ стихи. Выдающійся стихотворный трудъ Полоцкаго представляетъ «римотворная псалтирь», «художествомъ римотворнымъ равномѣрно слогъ и согласно конечно, по различнымъ стиховъ родамъ, переложенная», изданная въ 1680 г.

На римотворство Полоцкаго москвичи смотрѣли, какъ на упражненіе, недостойное ученаго человека, а переводъ псалтири прямо вызвалъ осужденіе²⁾. Сюда присоединилось сомнѣніе въ православіи Симеона, сомнѣніе въ другихъ случаяхъ не безосновательное. Архіепископъ Филаретъ пишетъ: «Русскіе юга, по самой мѣстной близости къ папизму, непримѣтно сроднились съ нѣкоторыми его мыслями. Іезуиты, воспитывая русскихъ на югѣ, успѣвали убѣждать въ своихъ мнѣніяхъ даже такихъ людей, которые, какъ казалось имъ самимъ, ничего не хотѣли принимать іезуитскаго. А тѣ изъ русскихъ, которые, по жаждѣ къ просвѣщенію, рѣшались слушать уроки въ Римѣ, должны были публично одобрять римскіе произволы и осуждать востокъ»³⁾.

Симеонъ былъ чистъ въ православіи, но его свѣтскость и жизнь давали поводъ злорѣчію. Состоя при дворѣ въ качествѣ учителя царевича, онъ имѣлъ у себя спящихъ покровителей.

Слѣдуетъ замѣтить, что и самое Московское общество того времени разошлось въ сочувствіи направленіямъ Епифанія и Симеона: защитники русской старины и обычая были на сторонѣ перваго, а приверженцы запада, въ томъ числѣ ближіе бояре, сочувствовали Симеону.

Что польскіе обычая мало по малу вторгались въ русскую жизнь, объ этомъ указаніе находимъ въ римотворной псалтири Симеона Полоцкаго «*Мнози*, пишетъ онъ, во всѣхъ странахъ Малыя и Бѣлыя, Черныя и Червонныя Россіи, *наче* же въ Великій Россіи въ самомъ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ *Москвѣ* возлюблѣнше сладкое и согласное (хоровое, очевидно) *тнѣе польскіе псалтири* стиховнѣ переложенныя, *обыкоша тѣя псалмы тѣти*, рѣчей убо или мало, или ничтоже знающе и точію о *сладости тнѣя* увеселяющеся духовнѣ»⁴⁾.

Псалтирь пользовалась на Русіи особеннымъ уваженіемъ, она читалась въ

¹⁾ *Вирши* испорченное латинское *versus*— стихъ.

²⁾ Патриархъ Іакимъ писалъ о Псалтири Полоцкаго, что эта «Псалтирь не яже Давида Богоотца Духомъ Святымъ вѣщанная, но или съ польскихъ книгъ онъ, Симеонъ, собра, или готовую преведе отъ Яна нѣкоего Кохановскаго, латинина суща, или Ополнгарія еретика сложенную, яже мнози прилоги и отгятія имать въ себѣ, о пей же пишетъ св. Григорій Богословъ въ первомъ Словѣ къ Клитонію... «Остенъ». 1865 г. стр. 137. Но Симеонъ не пользовался стихотворною псалтирью Аполлинарія, такъ какъ по гречески не былъ свѣдущъ; польскими же стихотворными псалтирями пользовался. См. *Смирнова*, изъ исторіи Рос. образованія въ XVIII в. *Журн. Мин. Пр.* 1894 г. декабрь.

³⁾ *Филаретъ*, Ист. Р. Ц. IV, стр. 184. Извѣстно, что іезуиты допустили Пал. Роговскаго къ слушанію лекцій въ Вильнѣ и въ Римѣ лишь подъ условіемъ принятія имъ уніи.

⁴⁾ Пс. римотв. Предисловіе къ благочестивому читателю, л. 2.

церкви, въ школь, въ семьѣ, даже въ пути; но древность наша стихотворныхъ переложений этой книги не знала, да еще съ польскими мелодіями. Тѣмъ не менѣе на Москвѣ «мнози» пѣли польскіе псалмы, даже не разумѣя словъ.

Вліяніе Запада сказывалось въ жизни. XVII вѣкъ былъ вѣкомъ критическаго пересмотра основъ пережитой жизни. Прежде русскіе ставили себя выше всѣхъ, указывая на свое православіе, а теперь появились голоса, осуждающіе русскіе порядки ¹⁾, появилась переимчивость порядковъ Западныхъ. Такимъ образомъ восточное и западное направленіе ученыхъ партій находило отзывъ въ жизни.

Но пока не было повода, партіи не вступали въ борьбу. Поводъ представился, когда возникъ вопросъ—кому руководить на Руси высшимъ образованіемъ, когда учредилась на Москвѣ греко-латинская школа, впоследствии преобразованная въ академію.

О возникновеніи этого училища Поликарповъ, бывший самъ ученикомъ его, сообщаетъ, что оно вызвано было рассказомъ Царю Ѳеодору объ оскудѣніи божественнаго ученія въ Греціи.

Въ 1679 г. возвратился изъ путешествія по востоку іер. Тимошей и, бывъ представленъ царю, повѣдалъ ему «тамошнее отъ тиранской руки лютое порабощеніе, церквамъ святымъ опустошеніе и свободныхъ греческихъ наукъ, къ восточной благочестивой стѣнѣ потребныхъ, предъ прежними лѣты оскудѣніе»... Царь Ѳеодоръ «сердцемъ велми умиллся, и божественнымъ огнемъ по благочестію воспаленъ возжела тамо умаленное ученіе здѣ насадити и умножити» ²⁾.

Историки сомнѣваются, чтобы рассказъ о бѣдствіи востока былъ причиною учрежденія училища. Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Упадокъ и порабощеніе Византіи указывали, что Руси Провидѣніе судило быть преемницей и хранительницей греческаго православія и духовнаго просвѣщенія. Царь учреждаетъ греческое училище, да не угаснетъ свѣтъ ученія, воспринятаго Русью отъ Грековъ. Здѣсь, видится сознаніе царемъ высокой миссіи православной Руси.

Патріархъ Іоакимъ охотно воспринялъ мысль царя и собралъ до 30 учениковъ, которые на первое время (1679 г.) были помѣщены при Московской типографіи ³⁾.

Трогательно участіе царя и патріарха въ этомъ училищѣ. «Колико же и каковаго тщаніе имѣша, какъ царь такъ и святой патріархъ, пишетъ Поликарповъ, о томъ

¹⁾ Въ XVII в. проявляется уже недовольство стариннымъ русскимъ бытомъ. На одномъ отрывкѣ изъ космографіи Меркатора, 1684 г. есть современныя помѣты переписчика противъ нѣкоторыхъ мѣстъ текста. Такъ въ текстѣ говорится о русскихъ: «поученія изустнаго въ церквахъ ихъ нѣтъ; большаго ученія книжнаго не имутъ — самымъ простымъ обычаемъ учатся», на брезѣ приписка: «зри и странныя невѣдѣнія наше не хвалятъ». Противъ словъ: «женское тамъ бѣдное и нужное житіе: всѣ взаперти въ домахъ живутъ, а которая нескрыто живетъ, то за добрую и честную жену не имѣютъ», на поляхъ: «зри и сего не хвалятъ права». Далѣе: люди обманчивы и лукавы: больше любятъ неволю и людей въ неволѣ держатъ и всѣ называются холопами великаго князя», на поляхъ: «о родъ російскій, зри изъ сего себѣ отъ странъ похваленія». *Пекарскій*, ч. I, стр. 334. Но въ другихъ спискахъ космографіи о Россіи пишется съ похвалою: «монастыри же и церкви во градахъ зѣло благолѣпиемъ красятся и чюднымъ зданіемъ и доброслушными кампани, еже есть колокола—и во всей Европіи подобныя тоя земли нѣсть. Человѣцы же брадами и платьемъ изрядны, нравы же непостоятельны».

²⁾ *Поликарповъ*, «Историч. извѣстіе»... Др. Рос. Вивліое. 1791 г. ч. XVI.

³⁾ *Твор. Св. Отцовъ*. Приб. 1845 г. кн. 2. Горскаго.

здѣ немощно писати подробно, развѣ вкратцѣ рещи: сами своими высокими особы, и купно и по единому особѣ, явнымъ и тайнымъ образомъ, едва не на всякую седмицу въ типографію прихождаху утѣшатися духомъ о новомъ и несдлханномъ дѣлѣ; учащихся же ущедряху богато одеждами, червонцы и проч. привилегіи». Такое участіе свидѣтельствуешь, что царь и патріархъ не только вполне понимали значеніе вышшаго училища, какимъ было вновь основанное, но и готовы были оказывать ему всякое содѣйствіе ¹⁾.

На первое время училищемъ завѣдывалъ іер. Тимошей, а учителемъ былъ ученый грекъ Мануилъ (Левендатовъ). Патріархъ Іерусалимскій Досифей, узнавъ объ основаніи училища, по этому поводу пишетъ царю: «Благодаримъ Господу Богу, яко благоволили есте быти въ царствующемъ градѣ Москвѣ еллинскому училищу. Еллинскимъ языкомъ писано Евангеліе и Апостоль, Еллини бяху святіи Отцы, еллински написашеся дѣяніе св. соборовъ и св. отцевъ списаніе и вся святыя церкви книги, и сіе есть божественное дѣло, еже учити христіаномъ еллинскій языкъ, во еже разумѣти книги православныя вѣры, якоже писани суть, и познавати толкованіе ихъ удобно и наипаче, дабы отдалены были отъ латинскихъ, иже исполнены суть лукавства и прелести, ереси и безбожія. Просимъ святое царство Твое тое училище утвердити и впредь распространити... Еллинскимъ языкомъ просвѣтити люди Твоя въ высшее познаніе истиннаго разумѣнія, яко прапрадѣдъ царствія Вашего В. Кн. Россійскій Владиміръ, крестивъ народы, сущія подъ нимъ, взя учителя отъ Грекъ и учаще тогда греческимъ ученіемъ и пѣніе во святыхъ церквахъ совершашеся по гречески купно и словенски. Аще потомъ и оскудѣ ученіе оное еллинско, за нѣкые случаи: по нынѣ желаемъ обновитися и совершиться» ²⁾.

Въ посланіи патріарха уже находится предупрежденіе, чтобы новыя школы «отдѣлены были» отъ латинскихъ. Это заявленіе касалось и нашихъ западниковъ. А между тѣмъ они, съ Симеономъ во главѣ, считая себя болѣе образованными и способными, желали бы имѣть руководящее въ новомъ училищѣ вліяніе тѣмъ болѣе, что у царя была мысль — преобразовать его въ академію. Такое первенствующее значеніе новаго училища, при сочувствіи къ нему царя, дѣлало его руководящимъ для другихъ школъ и дающимъ направленіе всему образованію на Руси.

Первую попытку западниковъ проникнуть въ училище было ходатайство, чтобы въ училищѣ преподавался и латинскій языкъ, но это предложеніе вызвало обличеніе защитниковъ греческаго языка. Одинъ изъ нихъ (Павель Негребецкій) писалъ, что мы вѣру и книги получили отъ грековъ, что греческій языкъ близокъ къ славянскому, что ему обучается вся Европа, а главное — указывалъ на опасности изученія латыни для православія. «Хотя бѣлоруссы и учатся латинскимъ языкомъ, скудости ради греческаго ученія (кромѣ Львова, что учатся гречески), однакоже припоминати надобно, что малая часть изъ тѣхъ во унию не падаютъ; а тѣ, кто не падаютъ, познаваются въ нихъ останки езуическія: поспеже езуиты не учатъ ихъ высокими науками, покажутъ предъ Богомъ не общаются держати латинской религіи...» ³⁾.

¹⁾ Царь Θεодоръ любилъ образованіе и высоко цѣнилъ его. Что ему были знакомы образовательныя мѣры Западной Европы, объ этомъ говоритъ тотъ фактъ, что въ проектѣ царя о призываніи «по еуропскимъ обычаямъ», велѣно дѣтей нищихъ заирать и въ школы отправлять». Бергъ, царств. Θεод. Ал. Слб. 1855 г. I, стр. 86.

²⁾ Приб. къ твор. Св. Отцовъ 1845 г. ч. 2, стр. 175 и д.

³⁾ Приб. къ твор. Св. Отцовъ. 1845 г. ч. III, стр. 176 и д.

Ходатайство не имѣло успѣха. Между тѣмъ царь желалъ видѣть академію и велѣлъ заготовлять проектъ правилъ и привилегій для нея. Въ составленіи ихъ принималъ живое участіе Симеонъ Полоцкій, не безъ основанія рассчитывавшій, что можетъ получить въ ней главенство, тогда и партія западниковъ получила бы силу. Училище, съ преобразованиемъ его, положено было перевести въ Спасскій монастырь. Грамота объ учрежденіи академіи была составлена и опубликована. «И благоволимъ, говорится въ ней, въ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, при монастырѣ премудрости и смысла подателя *Всемилоствитаго Спаса, иже въ Китай (городѣ) на пескахъ, нарицаемомъ Старый*, на взыскаіііе юнымъ свободнымъ *ученій мудрости*, и собранія общаго ради отъ благочестивыхъ и въ писаніи божественномъ благоискусныхъ дидаскаловъ *позощренія разумовъ, храмы чиномъ Академіи устроить*. И во оныхъ *хощемъ сѣмена мудрости, то-есть, [науки гражданскія и духовныя, наченше отъ грамматики, пѣтики, риторики, діалектики и философіи разумительной (умозрительной) естественной (физики) и нравной (попки), даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ (созерцательной) и совѣсти очищенія (нравственной), постановити*. При томъ же *и ученію правосудія духовнаго и мірскаго (право церковное и гражданское), и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, или же цѣлостъ Академіи, сиречь училищъ, составляется быти*. И въ ней всему чину Академическому, *иже чинъ напишется*, и нашимъ царскимъ разсмотрѣнемъ, по совѣту со отцемъ нашимъ и богомольцемъ святѣйшимъ патріархомъ, усудится, постановится и утвердится, и оному во всякой цѣлости непорушно содержатися. Блюстителю же того дѣла и учителемъ *подобающее учрежденіе сотворити*, заповѣдающе всѣмъ, *иже требуютъ ума, да приидутъ тамо, и ядятъ хлѣбъ слося Божія и пѣютъ вино разсужденія, безъ всякаго сребродаянія, тунѣ*¹⁾».

Какъ высоко смотрѣлъ царь Федоръ на образованіе, видно изъ восхваленія въ грамотѣ мудрости, которая изображается такими чертами: «ею слава Божія умножается, православная восточная вѣра отъ злокозненныхъ еретическихъ хитростей въ цѣлости сохраняется и расширяется; варварскіе народы богопознаніемъ просвѣщаются, пновѣрная царствія къ благовѣрїю обращаются, правовѣрныя же къ извѣстнѣйшему познанію догматовъ вѣры достигаютъ и очищенія совѣсти хранити научаются». Такія задачи ставились высшему духовному образованію въ Академіи.

Когда возникла мысль объ академіи, естественно возникъ вопросъ объ *учителяхъ*,—кому ввѣрить руководство высшимъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ взять учителей? Своихъ ученыхъ знатоковъ у насъ не было, или они занимали должности іерархическія; призвать иноземцевъ было опасно и не желательно; посылать русскихъ за границу боялись, дабы они «узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, не начали бѣ свою вѣру отмѣнять и приставать къ чуждымъ и о возвращеніи къ домамъ своимъ и сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили»²⁾. Оставалось прибѣгнуть или къ Грекамъ, или къ юго-западнымъ ученымъ. Но послѣдніе раздѣлились и между собою. Епифаній Славинецкій съ Еепіемъ и другими учениками стоялъ за славяно-елинское ученіе, а Симеонъ Полоцкій съ Сильвестромъ Медвѣдевымъ и другими послѣдователями—за латинскую ученость. Патріархъ обратился съ просьбою къ патр. Доспоею о высылкѣ учителей.

¹⁾ Приб. къ *Твор. Св. Отцовъ*. 1852 г. Начало Слав.-Гр.-Лат. Акад.

²⁾ *Котошихинъ*, Россія въ ц. Алексѣя Мнх. 1840 г., гл. IV, стр. 41.

Въ отвѣтъ на эту просьбу патриархъ Доспеей рекомендовалъ братьевъ Лихудовъ—Иоаннкія и Софронія для устройства въ Москвѣ высшаго училища. Патриархъ Доспеей писалъ о Лихудахъ, что они «во священномъ ученіи довольны и обіяти быша философскими же и богословскими науками и могутъ учить «православно и благочестиво».

Это были люди знатнаго рода, высокой учености, получившіе лучшее европейское образованіе того времени и сохранившіе чистоту православія, люди призванія ¹⁾. Прибывши въ 1668 г. въ Москву, Лихуды устроили училище и оно быстро наполнилось учениками. Сюда вошла и типографская школа, болѣе 40 боярскихъ дѣтей, явились слушать ученіе и люди пожилые, «священники, іеродіаконы, монахи и всякаго чина царствующаго града Москвы».

Лихудамъ приходилось не только организовать обученіе, писать учебники почти по всѣмъ предметамъ ²⁾, но даже строить и самое зданіе.

Но братья Лихуды не ограничивались академіей,—они приняли участіе въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ, волновавшихъ тогда Москву. Лихуды жестоко обличили проходимца—бѣлоруса Яна Бѣлобоцкаго, который просилъ у патриарха мѣста учителя въ училищѣ и представилъ свое исповѣданіе вѣры, которое, по обличенію Лихудовъ, оказалось смѣсью латинскаго и греческаго исповѣданій. Лихуды явно стали на сторону *восточниковъ*. Вопросъ о евхаристіи, волновавшій всю Москву, также служилъ пораженіемъ западниковъ, при участіи ученыхъ братьевъ. Сильвестръ Медвѣдевъ, первый и сильнѣйшій пособникъ Полоцкаго, поплатился за свое западничество (по вопросу о времени пресуществленія) заточеніемъ ³⁾.

Отношенія западниковъ и восточниковъ обострились. Лихуды сильно увеличили значеніе и силу послѣднихъ своимъ участіемъ; но западники имѣли сочувствіе въ высшихъ кругахъ, гдѣ многіе побывали за границей. Всѣ почти южно-русскіе выдающіеся дѣятели этой эпохи тамъ получали или заканчивали свое образованіе, каковы—Петръ Могила, Иннокентій Гизель, Ясинскій Варлаамъ, Иоасафъ Краковскій. Изъ сѣверныхъ—Палладій Роговскій, Иоакимъ Богомолевскій, Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ. Изъ лицъ свѣтскихъ—князь Оболенскій, Михаилъ Лыковъ («бывъ посланъ за море въ Ерманію, и тамо навывъ добръ адеманскому языку»); кн. Хворостинъ (пытался бѣжать за границу); при Алексѣѣ Михайловичѣ—бѣжалъ и поселился во Франціи Ордынъ-Нащекинъ.

Палладій Роговскій—учился въ Ольмюцѣ, слушалъ высшіе богословскіе и философскіе курсы въ Римѣ, «гдѣ воспріялъ на главу вѣнецъ, на руку перетень, по свидѣтельству всѣхъ докторовъ, поставленъ докторъ или учитель философіи и богословія, яко о томъ свидѣтельствуяютъ листы богословскіе, отъ нихъ данные» ⁴⁾.

¹⁾ См. автобіографическія свѣдѣнія въ книгѣ Лихудовъ «Мечеть духовный», а также въ Ист. Словенскихъ пис. м. *Евгенія* ч. I, стр. 232 и д., въ Ж. Мин. Нар. Пр. 1867 и 1878 г. (ст. Мирковича) и ст. I. Я. *Образцова* «братья Лихуды».

²⁾ Съ 1686 г. по 1693 г. Лихудами изготовлено было 6 учебниковъ, въ томъ числѣ риторика, логика, психологія, физика. Лихуды имѣютъ собственную богатую бібліотеку. *Мирковичъ*, *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878 г.

³⁾ Лихуды также не избѣгли послѣ заточенія—за участіе въ политическихъ дѣлахъ и за сообщенія по сему предмету въ Константинополь.

⁴⁾ Др. Р. *Визл.* XVIII. Челобитная Роговскаго. См. также *Горожанкина*, *Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ*, стр. 16.

Бывали случаи, что и простые монахи ходили учиться богословіи и философіи за границу.

Такъ св. Димитрій Ростовскій въ своемъ Дневникѣ (Діаріумѣ) подъ 1684 г. отмѣчаетъ, что «братъ Теофанъ отправился въ дальнія страны—Богъ вѣсть съ какимъ намѣреніемъ». Оказалось, что онъ ходилъ учиться богословію въ Парижъ и Римъ ¹⁾.

О вредномъ вліяніи запада на Русь этой эпохи свидѣтельствуютъ сами иноземцы. Такъ Маржеретъ пишетъ, что многіе русскіе, побывавъ за границей, по возвращеніи въ отечество, смѣялись въ кругу пріятелей надъ невѣжествомъ Москвитянъ, и приводятъ въ примѣръ посла Борисова, постника Димитрія, познававшего въ Даніи «истинную вѣру»—лютеранство. Вольномысліе проникло въ высшіе слои общества. Такъ кн. Хворостининъ открыто кощунствовалъ, «людямъ своимъ въ церкви ходити не велѣлъ, а говорилъ, что молиться не для чего и воскресенія мертвыхъ не будетъ» ²⁾.

Поэтому естественно, что православные русскіе люди съ недовѣріемъ смотрѣли на цивилизацію Запада и ея представителей на Руси.

Оставляя всторонѣ борьбу партій по богословскимъ вопросамъ, мы остановимся лишь на томъ, что относится прямо къ образованію и судьбѣ академіи—именно, на вопросѣ о значеніи языковъ греческаго и латинскаго въ образованіи и на спорѣ о преобладаніи того или другого въ академіи.

Вопросъ о значеніи греческаго и латинскаго языка являлся вопросомъ о преобладаніи византійскаго или латинопольскаго вліянія въ Москвѣ, ставился вопросъ о греко-русскомъ или латино-польскомъ образованіи.

Иезуиты покрыли уже сѣтью школъ Западную Европу, успѣли проникнуть въ Москву ³⁾, открыли свою пропаганду. Среди русскихъ они мало встрѣчали сочувствія; но съ преобладаніемъ латинскаго образованія, они могли надѣяться на болѣе успѣхъ, особенно при извѣстной ихъ ловкости пользоваться обстоятельствами, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Западники указывали на Европейскую культуру, на высоту образованія Европы, на развитіе наукъ, усовершенствованія, наконецъ, на успѣхъ западной школы вообще и богословскихъ наукъ въ частности. Противниковъ своихъ они считали невѣждами, хотя удивлялись ихъ стойкости.

Такимъ образомъ въ сущности вопросъ шелъ не о языкѣ и цивилизаціи, а о православіи, которому грозила опасность отъ нашествія латино-польскихъ идей и стремленій. Такъ понимали дѣло дальновидные современники. «Сихъ ради всѣхъ, пишетъ одинъ изъ школы Славинецкаго, подобаетъ некосвенно, недремлющимъ умомъ архипастыремъ и всѣмъ купно начальникомъ духовнымъ и мірскимъ предъразумѣвати, предваряти, премышляти и угашати моленми, ученми и запрещенми малую искру латинскаго ученья, не давати тѣмъ раздмитися и воскуритися, да не пламень западнаго зломысленнаго мудрованія растекся, воспалитъ и въ ничто же обратитъ православія восточнаго истину... Аще же народъ Великороссійскій будетъ учитися греко-сла-

¹⁾ Шляпкинъ, св. Димитрій Рост. и его время, стр. 373.

²⁾ Собр. Госуд. Грам. Ц. Михаила 1682 г.

³⁾ Съ 1684 г., съ римскимъ посломъ, прибылъ иезуитъ Вота, и уже въ 1685 г. въ Москвѣ была основана иезуитская школа, гдѣ стали учить русскихъ дѣтей и писать сочиненія для свращенія православныхъ. Гр. Толстой, Р.-Катол. въ Россіи, стр. 111 и д.

венски (подаждь Господи!) и чести книги оныя, воѣхъ ихъ предреченныхъ бѣдъ избѣгнуть и согласныя во всемъ и купно чисты будутъ съ святою восточною церковію и со святѣйшими равночисленными св. евангелистомъ патріархи, и истинно ученицы Христовы будутъ, и здрави, и тверды, и непозыблеми отъ прираженія инославныхъ пребудутъ въ православной вѣрѣ, основани не на пещѣ новомышленій, но на *твердомъ* основаніи водруженѣ, на самомъ краеугольномъ камени Христѣ, пнаго бо основанія никто же можетъ положить. Еще и святѣйшіи патріархи подадутъ вящее благословеніе и молитву о благостояніи Великороссійскаго царствія, народи вся окружніи, сущіи православія восточнаго, Богу возблагодарятъ и царскому величеству преклонятся. Но и *противніи западницы* и уніи мужеству, *твердости и постоянству* въ вѣрѣ Великороссійскаго народа *почудятся*, яко ничто возможе ихъ поколебати, и свой народъ, наченъ *отъ благородныхъ до простыхъ* и *самыхъ поселянъ*, услышавше ученіе греческое, возрадуются и похвалятъ; и мятежницы церкви, отложше всякую молву, утишатся и церкви св. покорятся и прильнутся чрезъ покаяніе. Аще же услышится *въ народѣ*, паче же въ *простакахъ латинское ученіе*, не вѣмъ, коего блага надѣяться; точію избави Боже всякія противности».

«Егда услышатъ латинское ученіе въ Москвѣ наченшееся врази истины, плевелосѣятели тернія западнаго во среди чистыя пшеницы, изъ востока насѣяныи, *лукавиі іезуиты подыдутъ*, и неудобнознаваемые своя силлогисмы, или аргументы душетлительныя начнутъ злохитростно *засѣвати*, тогда что будетъ? Ни что пно, точію окопѣлый чистительнаго огня дымомъ латинскаго смышленія зачнется гуколь, и родить *любопрнїя*, потомъ (пощадн Боже) *отступленіе* отъ истины, еже страждеть, или уже *пострада Малая Россія*: пріучившися латыни, быша *мало не вси унїаты*; рѣдци и останася православніи».

Въ спорѣ о превосходствѣ греческаго языка предъ латинскимъ принялъ участіе и самъ патріархъ Іерусалимскій Досноей, который указывалъ, что св. писаніе «Св. Духъ на еллинскій языкъ претолкова»; церковь истинная этотъ языкъ предпочитаетъ; на немъ писаны опредѣленія вселенскихъ соборовъ, завѣщанія и каноны, правила церковныя; на латинскомъ же языкѣ «написана суть толикая ереси, толика шпынства, паче безбожества» ¹⁾.

Патріархъ Досноей подозрительно смотрѣлъ на Кіевскихъ ученыхъ выходцевъ на Русь. Онъ писалъ: «ныи въ той странѣ, глаголемой козацкая земля (украина) суть вѣщій, иже въ Римѣ и Польшѣ отъ латиновъ научени, и бяху архимандрити и игумени, прочитають *неподобная мудрованія* въ монастыряхъ и носятъ іезуитскія ожерелья»... Умоляя положить этому предѣлъ, Досноей заключаетъ: «о дабы благочестивый и на Москвѣ сохраненъ былъ обычай, по древнему уставу, еже не было бы игумена и архимандрита отъ казацкаго народа» ²⁾.

«Подобаеть наипаче учиться гречески, понеже не токмо тѣмъ языкомъ не вредится православная вѣра, но и зѣло исправляется и учти *купно съ словенскимъ*, яко да временемъ и словенскій языкъ (который *пребогатъ есть*), очистится и межъ пныхъ ученыхъ языковъ, сочетается. А по греческомъ ученіи легче хотящему не вредительно учиться и латинскому».

¹⁾ *Прав. Собес.* 1862 г., ч. III, стр. 88.

²⁾ «Св. Димитрій Ростовскій». Москва. 1849 г., стр. 231.

Греческій языкъ «по самымъ стихіемъ, или письменемъ, и по осьми частемъ грамматики и сочиненію тѣхъ *свойственъ* славенскому. Латинскій языкъ и ученіе, и писаніе во всѣхъ сихъ славеномъ намъ *чуждо* и далече отсутствующе, и не точію непотребно отнюдь, но паче вредно и губительно».

«Первіе полагаются здѣ, яко стихія, или письмена греческая *подобобразная* письменемъ словенскимъ въ видѣ и начертаніи; латинская же много отиѣнна и *неллична*, не точію въ видѣ, но и въ чинѣ и числѣ»... *латинскія литеры греческимъ и словенскимъ, яко козлища овцѣ, много згло не подобятся*; греческая же письмена и славенская *яко овца съ матерію подобствуютъ* ¹⁾.

Борьба усиливалась, страсти разгорались, противники озлоблялись и переходили въ крайности, какъ всегда бываетъ при увлеченіи споромъ. Образовалась обширная полемическая литература. Въ концѣ концовъ пострадали обѣ борющіяся партіи, или вѣрнѣе—ихъ руководители ²⁾.

Однако же восточники удержали свое положеніе. Благодаря просвѣщенной и неутомимой дѣятельности Лихудовъ, школа ихъ преуспѣвала и сохраняла духъ и характеръ елино-славянской школы. Но царь Ѳеодоръ не дожилъ до преобразованія ея въ академію. Онъ умеръ, не совершивъ этого дѣла. Стрѣлецкій бунтъ, волненія раскольниковъ, юность царя, двугарствіе и смуты не давали спокойнаго времени для осуществленія широко задуманной дѣли.

Заключительной картиной древне-русскаго воспитанія можетъ служить рассказъ Крекиппна о книжномъ ученіи юнаго Петра, будущаго преобразователя Россіи.

Рассказъ этотъ весьма типиченъ. Наивная рѣчь разказчика и подробности дворцоваго быта ручаются за его достовѣрность. «Егда царевичу Петру Алексѣевичу приспѣ время книжнаго ученія и писанія, *еще отъ рожденія бысть пятилѣтенъ*, но возрастомъ и острою разумомъ одаренъ былъ отъ Бога, тогда великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ весьма любяше государя царевича Петра Алексѣевича, и зрѣнія ради его, часто приходи ко вдовствующей великой государынѣ Наталіи Кирилловнѣ и глаголя: *яко время пристъ ученія царе-*

¹⁾ Рук. Соф. библи. въ Спб. Акад. № 423. Авторъ обстоятельно доказываетъ необходимость члена (ареронъ), говоритъ о «тѣснотѣ и убожествѣ» лат. языка, о его непригодности для точнаго перевода св. Писанія. См. ст. Мирковича въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878 г. «О школахъ и просв. въ патриаршіи періодѣ».

²⁾ Кромѣ главныхъ руководителей (Епифаній и Симеонъ), каждая партія имѣла видныхъ дѣятелей: восточники—Евфимія, западники Сильвестра Медвѣдева. Каждый изъ нихъ доводилъ до крайности направленіе учителя. Вотъ какъ характеризуетъ Г. Образцовъ того и другого. «Если Епифаній по учености былъ Грекъ по преимуществу, то Евфимій сталъ Грекомъ исключительно. Если Епифаній не много былъ расположенъ къ латинянамъ и ихъ учености, которую тогда переносили и въ Москву изъ Кіева, то ученикъ его сталъ всѣми своими симпатіями противъ латинскаго міра. Если Епифаній, наконецъ, считалъ неловкимъ для инока вмѣшиваться въ дѣла гражданскія и ютился болѣе около церковной власти, то Евфимій уже рѣшительно держался стороны однихъ только патриарховъ: послѣ Іоакима онъ былъ правою рукою патриарха Адріана. То же нужно сказать и о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ. Медвѣдевъ забылъ, что учитель его уважалъ ученыхъ Грековъ и самъ зналъ по-гречески,—онъ зналъ только по-латински и любилъ только латинскихъ ученыхъ. Гдѣ Симеонъ былъ еще довольно сдержанъ, остороженъ, и по возможности, осмотрителенъ, тамъ ученикъ его не соблюдалъ никакой сдержанности и осторожности. Медвѣдевъ прямо и явно высказывалъ то, что учитель его говорилъ только между немногими или записывалъ въ кабинетѣ. Полоцкій тиготѣль къ царскому двору и къ аристократіи, но не извѣстно, чтобы когда-либо прибѣгалъ къ интригамъ; Медвѣдевъ уже былъ участникомъ явныхъ возмущеній. «*Образцовъ*, «Братья Лихуды», стр. 740.

вину Петру Алексѣвичу. Великая же государыня проси великаго государя, чтобъ съезкать учителя кроткаго, смиреннаго и вѣдущаго божественное писаніе. И бѣ тогда съ великимъ государемъ у великой государынѣ бояринъ Ѳеодоръ Соковнинъ. Оный доносилъ ихъ величеству, что имѣется мужъ кроткій и смиренный, и всякихъ добродѣтелей исполненъ, въ грамотѣ и писаніи искусенъ, изъ приказныхъ Цикита Моисѣевъ сынъ Зотовъ. Тогда великій государь повелѣ оному Соковнину Зотова представить къ ихъ величеству. И реченный бояринъ Соковнинъ велѣлъ Зотову идти за собою. И прѣбхавъ къ дому царскаго величества, ввелъ Зотова въ переднюю и велѣлъ ему ожидать; самъ же поиде въ внутренніе покои къ великому государю и о Зотовѣ донесъ: Великій государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ повелѣлъ онаго Зотова къ его величеству ввести». Когда царь потребовалъ Зотова къ себѣ, то скромный старикъ растерялся и долго не могъ придти въ себя. Но государь «пожаловалъ Зотова къ рукѣ и повелѣ ему писать и по писаніи книги чести». Для испытанія приглашенъ былъ Симеонъ Полоцкій, «мужъ мудрый въ писаніи». Царь вслѣдъ ему «писаніе и чтеніе Зотова разсмотрѣть. Полоцкій писаніе разсмотря и слышавъ чтеніе, великому государю объявилъ: яко право того писаніе и глаголь чтенія». Государь велѣлъ отвести Зотова къ вдовствующей царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. Болринъ доложилъ ей о Зотовѣ. И о семъ реченномъ слышавъ великая государыня, повелѣ Зотова предъ себя ввести. Егда оны вошелъ, тогда великая государыня изволила держать государя цесаревича Петра Алексѣевича за руку, а Зотову изволила говорить: *извѣстна я о тебѣ, что ты житія благаго, божественное писаніе знаешь; вручаю тебѣ единороднаго сына моего. Прими того и прилежи къ наученію божественной мудрости, и страху божію, и благочинному житію и писанію.* Зотовъ же, егда слыша сіе, весь облился слезами и паде къ ногамъ великой государыни, *трясая отъ страха и слезъ, глаголя: ищемъ достоинъ принять въ хракилице мое толикое сокровище.* Великая государыня повелѣ встати, рече: *Прими отъ руку мою. Не отрицайся пріяти. О добродѣтели бо и смиренни твоемъ азъ извѣстна.*

«Царца пожаловала Зотова къ рукѣ, и повелѣ Зотову быть наутріе, для ученія государя царевича Петра Алексѣевича. Наутріе Зотовъ пріиде въ домъ царскій, къ вел. госуд. царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ. Тогда же изволилъ прібыть и великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, пріиде же и святѣйшій патріархъ (Іоакимъ). *Сотвори обычное моленіе, скроя блаженнаго отрока святою водою, и благословивъ, вручи Зотову, Зотовъ же, пріясъ государя царевича, посади на мѣсто, сотвори поклоненіе и нача ученіе.*»

По установленному обычаю, царевичъ началъ учиться съ азбуки, потомъ перешелъ къ часовнику и псалтири, далѣе къ «апостолу» и евангелію. Крещинъ говорить, что Петръ «книжное ученіе толико имѣя въ твердости, что все Евангеліе и Апостолъ *наизусть* могъ прочитатъ».

Потомъ началось ученіе письму, въ которомъ Петръ оказался, какъ извѣстно, впоследствии нескусенъ, пбо имѣлъ почеркъ крайне неразборчивый. Но во всѣхъ другихъ предметахъ ученія онъ быстро успѣвалъ и обнаруживалъ исключительную даровитость.

Зотовъ былъ опытный наставникъ. Замѣтивъ быстроту ума царевича, особенно его страсть разсматривать картинки, онъ пожелалъ ею воспользоваться и сдѣлалъ очень умно приспособленія для своей цѣли.

Крекшинъ пишетъ, что «Зотовъ, усмотрѣвъ остроту разума и охоту къ ученію государя царевича, доносилъ великой государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кириловнѣ, что государь царевичъ одаренъ отъ Бога разумомъ и охотою ученія, и въ праздное время, имѣетъ забаву къ слушанію исторіи и часто изволилъ смотреть книги съ кунштами (рисунками) зданій, и взятіе городовъ, и боевъ, и прочихъ наукъ: чтобъ соблаговолила (царица) искусныхъ мастеровъ и знающихъ истину опредѣлить, а государь царевичъ, въ праздные часы, вмѣсто забавъ, по природной остротѣ разума, охотою можетъ обучиться. Великая же государыня рада сему бысть, и повелѣтъ отдать всѣ историческія книги съ кунштами, опредѣлила искусныхъ учителей и вручи все Зотову. Зотовъ же книги и училища распредѣли въ разныхъ покояхъ и приказалъ мастерствомъ драгимъ, красками, гради и палаты, зданія и дѣла военныя, и великіе корабли, и исторіи лицевыя, съ прописями, самымъ лучшимъ мастерствомъ писать. Егда же блаженный сей отрокъ, государь царевичъ, въ ученіи книжномъ утрудится, что Зотовъ искусно наблюдалъ— и книгу изъ рукъ у государя царевича бралъ, и, въ увеселеніе, сказывалъ о блаженныхъ дѣлахъ родителя его, великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, царя и великаго князя Иоанна Васильевича, храбрыя ихъ и военныя дѣла, и дальныя нужные походы, бои, взятые городовъ, и колико претерпѣвали нужду и тяготу больше простаго народа, и тѣмъ колікія благополучія государству приобрѣли и государство руссійское распространили. Такъ повѣдалъ (Зотовъ) дѣла великаго князя Дмитрія Донскаго, и дѣла вел. кн. Владиміра и Александра Невскаго, и о прочихъ. И отхождаше съ государемъ царевичемъ, для увеселенія, въ разныя ученіи по разнымъ покоямъ, объявляя, яко безъ сихъ наукъ державнымъ монархомъ невозможно быть»¹⁾.

Какой разумный педагогическій приѣмъ! Зотовъ былъ извѣстный дипломатъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, знатокъ отечественной исторіи и совершенно русскій человѣкъ. Разказы его, конечно, были интересны для царевича.

Въ числѣ изучаемыхъ царевичемъ книгъ была такъ-называемая «царственная книга», въ которой было «613 листовъ, а на тѣхъ листахъ 1072 мѣста», то есть, рисунка, которые раскрашивали опытные иконописцы. Были также и «потѣшныя книги», тоже съ рисунками. Объ обученіи царевича церковному тѣмъ хотя и не говорится, но оно было: извѣстно, что Петръ Великій самъ пѣвалъ на клиросѣ и любилъ пѣніе.

Трогательна рѣчь царицы-матери, которая, вручая учителю своего единственнаго сына для обученія, прежде всего желаетъ «наученія божественной мудрости, страху Божию, благочинному житію и писанію». Наши предки вѣрили, что прежде всего надо искать царства Божія, а остальное приложится. Въ томъ же духѣ происходитъ и выборъ учителя. Государь желалъ наставника «кроткаго, смиреннаго, вѣдущаго божественное писаніе». Избранный учитель, воспитавшійся въ той же школѣ церковной, оказался не только человѣкомъ широкаго образованія, но и замѣчательнымъ педагогомъ. Обученіе, какъ всегда, началось молитвою.

¹⁾ Сахаровъ, записки рус. люд. 1841 г. Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ Вел. Гос. Имп. Петра Великаго, собранное чрезъ недостойный трудъ послѣднѣйшаго раба Петра Крекшина, дворянина Великаго Новгорода.

Петръ былъ послѣднимъ царевичемъ, который воспитывался по древне-русскому обычаю. Геніальная натура Петра впоследствии увлеклась Западомъ, но онъ всегда оставался чисто-русскимъ человѣкомъ, до самоотверженія любящимъ свое отечество, которому онъ служилъ, не щадя жизни.

Воспитаніе, повидимому, было скромное, домашнее, но даже иностранцы цѣнили его плоды. Тосканецъ Яковъ Рейтенфельдъ, посѣщавшій Москву въ 1670 г., писалъ о воспитаніи нашихъ царевичей: «изящными науками царскія дѣти не занимаются, кромѣ энциклопедическихъ познаній о предметахъ политическихъ, зато весьма тщательно изучаютъ, кромѣ чтенія и письма на отечественномъ языкѣ, состояніе своего государства и сосѣднихъ державъ, духъ и потребности подвластныхъ народовъ, различающихся языкомъ и нравами; приучаются *любить и уважать стечественные обычаи и неуклонно слѣдовать правиламъ религіи*. Долгъ справедливости требуетъ сказать, что этотъ скромный и, повидимому, простой образъ воспитанія царскихъ дѣтей въ Россіи даетъ имъ прекрасное направленіе и гораздо полезнѣе, нежели изученіе всѣхъ тайнъ философіи и уроки самыхъ глубокомысленныхъ учителей»¹⁾.

Это говоритъ иностранецъ, который не знаетъ, въ чемъ сила этого воспитанія; мы же, русскіе, знаемъ, что въ той же школѣ воспитывалась вся Русь, что изъ этой школы выходили всѣ замѣчательные мужи, и дипломаты, высоко въ иноземныхъ государствахъ державшіе знамя русское, и Минины, и Пожарскіе, и мужи, прославившіеся святостью, и великіе святители земли русской; сила же этой школы въ глубокой связи ея съ православною церковію.

III. Распространеніе на Руси грамотности въ XV—XVII в. Библиотеки. Всеобщность образованія по взгляду нашихъ предковъ.

Изъ предъидущаго изслѣдованія видно, что на Руси съ XV в. были школы двухъ видовъ—*школы церковно-приходскія*, гдѣ обученіемъ руководило само духовенство, и *школы грамоты*, тоже церковнаго характера, гдѣ обучали *мастера*. Тѣ и другія школы были въ завѣдываніи церковной власти. Потребности собственно церковныя вызвали устройство церковныхъ *школъ высшаго порядка*, съ расширеннымъ курсомъ ученія. Объ устройствѣ такихъ школъ ходатайствовалъ Геннадій Новгородскій и сдѣлалъ постановленіе Московскій соборъ 1551 г. Стремленія духовной власти въ этомъ направленіи заканчиваются въ XVII в. устройствомъ славяно-греко-латинской школы,—высшаго общеобразовательнаго учрежденія церковнаго характера.

Предстоитъ вопросъ—насколько всѣ эти школы содѣйствовали распространенію грамотности въ народѣ въ эту эпоху. Проф. Лешковъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, признаетъ самое широкое распространеніе грамотности на Руси уже въ XV в. «Грамотность, пишетъ онъ, несомнѣнно была *весьма распространена* въ это время, судя по особому устройству быта, администраціи и судопроизводства въ Россіи. Сошное письмо и разнообразныя книги, опредѣлявшія права и обязанности крестьянъ, посадскихъ и городскихъ жителей, и возбуждавшія въ нихъ потребность въ различныхъ выписяхъ изъ этихъ документовъ; противни или копіи рѣшеній, выдававшихся, по Судебнику, старостамъ почти по всѣмъ дѣламъ, во всѣхъ общи-

¹⁾ Журн. Мин. Пр. 1839 г. іюль. Сказ. о Россіи при Алексіи Михайловичѣ.

пахъ, для спора, то есть, въ предупрежденіе спора; покрупы и порядшя, или условія крестьянъ съ владѣльцами, равно какъ и поручныя записи и поручныя сельскіе приговоры, и необходимость рукоприкладства при выборахъ, свидѣтельствъ и т. п. актахъ,—все это уполномочиваетъ сказать, что грамотность на Русь едва ли не была *всесообщю*.

Два — три примѣра изъ юридическихъ актовъ достаточно убѣдятъ читателей въ вѣрности этого положенія. Послухи должны были *подписывать* акты ¹⁾, и мы встречаемъ подписи повсюду: въ одномъ актѣ читаемъ, что Филиппъ Стефановъ руку приложилъ, а въ другомъ Савва послухъ руку приложилъ; далѣе трои послуховъ руки приложили, потомъ городской прикащикъ руку приложилъ и съ нимъ многія другія лица сдѣлали то же, за исключеніемъ одного, о которомъ сказано, что грамотѣ не умѣеть; къ одной записи приложили руку какіе то Михалко да Тренко ²⁾. Новгородскія купчія XIV в. писаны соцемъ Иваномъ Степановичемъ, а грамоты 1404, 1501, 1571 г. писали Филъ Сытникъ, Микита ямщикъ, монастырскій служба Пятко и т. д. ³⁾. Присоединимъ выборы отъ сельскихъ общинъ особыхъ земскихъ *счетчиковъ*, для провѣрки счетовъ, вмѣстѣ съ *приказными счетнаго дѣла*,—выборы, которые не могли упасть не только на безграмотныхъ, но даже на неслѣдующихъ въ счетоводствѣ ⁴⁾. Наконецъ прибавимъ, что принимая современныхъ раскольниковъ и старообрядцевъ за остатокъ древней Руси, мы не можемъ не видѣть въ ихъ современной значительной начитанности и грамотности слѣдовъ древняго первоначальнаго образованія. Тѣмъ болѣе, что ученіе грамотѣ должно было производиться, кажется, *въ каждомъ приходѣ, при каждой церкви*, имѣвшей право, по убѣжденіямъ XVI в., на пожертвованія именно для того, «дабы училища были» ⁵⁾. И недоставало Россіи, столь пострадавшей отъ ига Монгольскаго (не грамотности), а общаго *высшаго образованія*, о которомъ хлопочуть правительство и духовенство, особенно съ XV в.» ⁶⁾.

Это мнѣніе ученаго юриста-историка, высказанное еще въ 1858 году, воплѣтено, фактически доказано нынѣ изслѣдованіемъ проф. Соболевскаго, который съ ученою осторожностію и безпристрастіемъ подвергъ тщательному изслѣдованію многочисленныя юридическія акты эпохи XV—XVII в. и пришелъ къ тому же выводу, что и Лешковъ относительно грамотности русскаго народа въ эту эпоху ⁷⁾.

Прежде всего обращаетъ вниманіе историка громадное количество книгъ и документовъ XV—XVII в., сохраняющихся въ нашихъ книгохранилищахъ. «Число ихъ такъ велико, пишетъ Соболевскій, не смотря на пожары и разныя невзгоды постигавшія наши города и села, что мы затрудняемся даже приблизительно опредѣлить ихъ число въ тысячахъ. Они написаны въ *разныхъ мѣстностяхъ* Московскаго государства, начиная съ его столицы Москвы и кончая пустынными окраинами нашего Сѣвера и Сибири. Надъ ними должны были трудиться цѣлыя *тысячи писцовъ и подьячихъ*; онѣ предназначались еще большому количеству читателей» ⁸⁾.

¹⁾ Акты юрид. № 1, 1479 г.

²⁾ Ibid. № 23, 1571 г., № 125, 1567 г., № 150, 1554 г., № 192, 1613 г. и др.

³⁾ Акты юрид. №№ 74, 75, 76, 87.

⁴⁾ См. учетную грамоту 1677 г.

⁵⁾ Рук. сборн. *Москвитянинъ*, 1851 г. № 22.

⁶⁾ *Лешковъ*, Р. Нар. и Госуд. стр. 426 и д.

⁷⁾ *А. Соболевскій*, образованность Московской Руси XV—XVII в. Спб. 1892 г.

⁸⁾ *Соболевскій*, стр. 4.

Изъ этой массы документовъ только незначительная часть подверглась опубликованію и разработкѣ. Тѣмъ не менѣ эти матеріалы и нынѣ заключаютъ въ себѣ данныя, при помощи которыхъ можно составить нѣкоторое понятіе о числѣ грамотныхъ среди разныхъ классовъ Московскаго общества. Отсылая читателей къ любопытному изслѣдованію проф. Соболевскаго, приведемъ здѣсь выводы его относительно поставленнаго вопроса. «*Бѣлые священники* въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII в. (о XV в. у насъ нѣтъ свѣдѣній) были *поголовно грамотны*. Правительство постоянно приказываетъ посадскимъ и крестьянамъ, если они неграмотны, давать расписыватися за себя своимъ «отцамъ духовнымъ», слѣдовательно, считаетъ священниковъ, какія бы мѣстности не имѣлись у него въ виду, *всѣмъ* безъ исключенія грамотными»¹⁾. Это, впрочемъ, понятно и естественно, — безграмотному священнику быть нельзя, ибо какъ онъ могъ бы отправлять службу? Равнымъ образомъ ему нужно было вести по церкви разные записи. Многие священники, не городскіе только, какъ, напримѣръ, Сильвестри, а и сельскіе занимались книгодѣліемъ, когда еще не было печатанія книгъ.

Относительно бѣлыхъ *дьяконовъ* и *дьячковъ* свидѣтельствъ о грамотности ихъ сохранилось мало, но сохранившіеся, замѣчаетъ Соболевскій, говорятъ только о грамотности; указаній же на неграмотность сихъ лицъ мы совсѣмъ не встрѣчаемъ. А такъ какъ, по историческимъ свидѣтельствамъ, дьяконы и дьяки были учителями въ церковно-приходскихъ школахъ, то надо полагать, что грамотность между ними поддерживалась непрерывно.

Монастыри наши издревле были пріютами грамотности. Конечно, не вся братія могла быть грамотными, но грамотныхъ было много. Проф. Соболевскій, на основаніи подписей братіи Кириллова монастыря подъ челобитной 1582—1583 г., находитъ, что процентъ грамотныхъ старшей братіи этого монастыря превышалъ 70, а іеромонаховъ—75%. Огромная библиотека этого монастыря была наполнена почти исключительно рукописными книгами братіи. Такова же, вѣроятно, была грамотность знаменитыхъ обителей Троице-Сергіевой, Соловецкой, имѣвшихъ огромныя библиотеки, сохранившіяся до нашихъ дней.

Житія угодниковъ, подвизавшихся въ монастыряхъ, говорятъ то же о монастырской грамотности. Хотя въ иныхъ житіяхъ и нѣтъ разсказовъ о ихъ ученіи книжномъ, но выраженія «книги чташе», «книги писаше въ церковь» говорятъ о ихъ грамотности. Если же кто былъ «некниженъ», то въ житіи такъ и отмѣчалось, по такіе случаи бывали рѣдко²⁾.

Обращаясь къ высшему свѣтскому классу, къ *боярамъ* и *дѣтямъ боярскимъ*, на основаніи подписей ихъ подъ разными документами, проф. Соболевскій находитъ, что грамотность этихъ лицъ на дальнемъ сѣверѣ представляла 80% и южнѣе—65%; въ Новгородской землѣ—около 55%, Псковской—65%, среди прилеборныхъ—78%. «Приведенныя данныя, пишетъ изслѣдователь, позволяютъ признать, что болѣе 50% крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ Московской Руси въ

¹⁾ Соболевскій, стр. 5.

²⁾ При всемъ великомъ уваженіи къ грамотѣ, предки наши признавали и *безкнижный* путь спасенія. Такъ о Свѣтоплѣ Юродивомъ пишется: «утаеся отъ насъ еще о ученіи его книгамъ. Сему же навикновеніе пмяше ли, или отъ Духа Святаго просвѣтися во благий спасенія путь *безкнижный*».

XVI и XVII вѣкахъ были грамотны, безразлично, гдѣ бы они ни жили, въ самой ли Москвѣ, или на окраинахъ Московскаго государства»¹⁾).

О грамотности купечества проф. Соболевскій пишетъ, что «между Московскими торговыми людьми XV—XVII вѣковъ грамотность была обычнымъ явленіемъ». Челобитная ихъ 1646 г. о притѣсненіяхъ иноземцевъ подписана изъ 168 человѣкъ 163-мя. Изъ купеческаго рода были св. Елеазарь Анзерскій, въ дѣтствѣ обученный грамотѣ, св. Никандръ Псковскій и св. Димитрій Прилуцкій.

Что среди посадскихъ людей и крестьянъ были грамотные, объ этомъ свидѣтельствуютъ приказанія правительства того времени прикладывать руки «лучшимъ крестьянамъ, которые грамотѣ умѣютъ»,—значить, таковыя были. Пересматривая документы, подписанные посадскими людьми XVII вѣка, въ Тихвинѣ, Бѣлозерскѣ, Угличѣ, Олонцѣ, Новгородѣ, Москвѣ и Псковѣ, проф. Соболевскій приходитъ къ такому выводу, что «въ общемъ процентъ грамотности между посадскими конца XVI и XVII в. едва ли можетъ быть опредѣленъ ниже 20%²⁾»).

Вотъ что пишетъ изслѣдователь о крестьянахъ: «относительно крестьянъ мы владѣемъ, между прочимъ, такими данными XVII вѣка. Документъ 1601 г. подписанъ изъ 20 крестьянъ Прилуцкаго монастыря 6-ю; два документа 1614 г. подписаны—одинъ изъ 32 крестьянъ Ипатскаго монастыря однимъ, другой документъ—изъ 3-хъ Солигаличскихъ крестьянъ также однимъ; документъ 1618 г. подписанъ изъ 6-ти крестьянъ Прилуцкаго монастыря 3-мя; документъ 1638 г. изъ 4-хъ Сарapulскихъ крестьянъ 3-мя; документъ 1684 г. изъ 26-ти Вещезерскихъ крестьянъ тремя. Изъ житій святыхъ XV в. мы узнаемъ, что крестьяне родомъ, преподобные Антоній Сійскій, Александръ Свирскій, Александръ Ошевенскій, Зосима Соловецкій, Серапіонъ, арх. Новгородскій, были еще въ дѣтствѣ обучены грамотѣ. Вообще грамотные крестьяне въ XV—XVII вѣкахъ не могли быть исключительнымъ явленіемъ. Ихъ процентъ въ XVII в. былъ едва ли ниже 15%³⁾»).

Предложенныя исчисленія сдѣланы лишь на основаніи документовъ, которые извѣстны, опубликованы и могли подлежать разработкѣ. Многіе документы исчезли, многіе еще вновь откроются; цифры выводовъ и не выдаются за точныя, онѣ могутъ измѣниться; но все же онѣ и теперь положительно доказываютъ, что грамотность въ XV—XVII в. была повсемѣстною, общераспространенною во всѣхъ слояхъ общества русскаго,—отъ глухой деревни до высоты престола царскаго. И самая грамотность для всѣхъ сословій была одна и та же. «И княжескій сынъ и поповскій и крестьянскій учились въ одни и тѣ же годы и тому же, по однимъ и тѣмъ же книгамъ, часто у однихъ и тѣхъ же учителей, и достигали въ школьномъ образованіи приблизительно одного и того же—умѣнья читать и писать. Точно также и княжескій сынъ, и поповичъ, и крестьянскій сынъ, каждый отдѣльно, могли сами набираться учености, изучая книги»⁴⁾).

«То количество грамотныхъ, пишетъ ученый изслѣдователь, какое было въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вѣкахъ, казалось людямъ того времени вполне достаточнымъ, и мы совсѣмъ не слышимъ ни отъ правительства, ни отъ

¹⁾ Соболевскій, стр. 9.

²⁾ Соболевскій, стр. 11.

³⁾ Соболевскій, стр. 11.

⁴⁾ Соболевскій, стр. 21. Замѣчательны факты: св. Косма Яренскій былъ обученъ грамотѣ своимъ господиномъ, а бояринъ Иванъ Нагой поручилъ обучать дѣтей своему голому.

частныхъ лицъ жалобъ на недостатокъ въ нихъ. Равнымъ образомъ мы не слышимъ ни отъ кого никому никакихъ похвалъ за *простую* грамотность, не замѣчаемъ, чтобы простая грамотность сколько нибудь *высоко цѣнилась*. Напротивъ того, мы имѣемъ рядъ указаній, что одно умѣнье читать и писать въ XVI и XVII вѣкахъ многихъ не удовлетворяло. Можно сказать, что въ Москвѣ этого времени не высоко цѣнили даже людей *просто* грамотъ гораздыхъ, такихъ, которые отлично читали и писали. Значеніе придавалось тогда лишь людямъ вполне изучившимъ св. писаніе и отеческія творенія и проникшимъ ихъ смыслъ, а сверхъ того, свободно владѣвшимъ церковно-славянскимъ языкомъ. Такъ изъ дѣятелей XVI вѣка Максимъ Грекъ былъ хвалимъ за то, что былъ «словеснаго любомудрія зѣло преисполненъ, священныя же философіи до конца навывкъ»; одинъ его современникъ—м. Спиридонъ—за то, что былъ «мудръ» въ литературномъ дѣлѣ и «добрѣ умѣлъ писанія ветхая и новая»; другой его современникъ бояринъ Тучковъ—за то, что «издѣтска навывкъ велми божественнаго писанія». Настоящій «книгочей» въ то время, говоря словами писателя XVI вѣка, долженъ былъ обладать «пространствомъ ума, еже мыслями разумными свѣдѣти глубины». Такіе ученые водились въ Московскомъ государствѣ и въ началѣ XV вѣка (назовемъ «премудраго» Епифанія), но число ихъ особенно сильно начало расти съ конца этого столѣтія, съ эпохи св. Иосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго¹⁾.

Соображенія эти подтверждаются развитіемъ письменности и литературы въ эту эпоху²⁾. О повсемѣстномъ существованіи училищъ въ самыхъ даже отдаленныхъ краяхъ Руси свидѣлствуютъ житія святыхъ. Конечно, для училищъ требовались *книги*. Въ какомъ размѣрѣ была эта потребность, можно судить по тому факту, что съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, по приходо-расходнымъ книгамъ Московскаго печатнаго двора, въ половинѣ XVII вѣка, азбука была отпечатана, въ теченіе четырехъ лѣтъ, трижды (1647—1651 г.) въ количествѣ 9,600 экземпляровъ; учебный *часословъ*—въ теченіе семи лѣтъ (1645—1652) *восемь* разъ; учебная *псалтирь* въ теченіе шести лѣтъ (1645—1651) *девять* разъ³⁾. Въ то же время множество азбукъ, грамматикъ, псалтирей приходило на Русь изъ братскихъ печатней западной Руси.

Въ соотвѣтствіи съ данными о распространеніи грамотности на Руси въ эту эпоху находятся и данныя о книгохранилищахъ того времени. *Библиотеки* были не только въ монастыряхъ, при архіерейскихъ каѳедрахъ, но и при церквяхъ приходскихъ въ городахъ и селахъ. Въ библиотекѣ вел. кн. Василія Іоанновича, по сказанію пастора Ветермана, однихъ рукописей съ востока насчитывалось до 800, и между ними многія крайнѣ рѣдкія⁴⁾. Патріаршая библиотека и до нынѣ славится обиліемъ книжныхъ сокровищъ. Богатствомъ отличались монастырскія библиотекн. Въ библиотекѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря, по описи 1752 г.,

¹⁾ *Соболевскій*, стр. 13.

²⁾ Книги писались въ селахъ и деревняхъ, начиная съ XV вѣка. Такъ тріодъ постная, въ архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, пергаменнал, написанная въ селѣ Петровскомъ, близъ Вологды, относится къ 1410 году. Евангеліе 1527 г., хранищееся въ И. П. библиотекѣ, написано въ селѣ Новомъ, близъ Вязьмы. *Соболевскій*, стр. 4.

³⁾ *Соболевскій*, стр. 18.

⁴⁾ *Клосіусъ*, Библ. в. кн. Вас. Іоан. и Іоанна IV. *Журн. Мин. Пр.* 1834 г. Библиотека эта исчезла и современныя намъ попытки открыть ее не дали никакихъ результатовъ.

числилось 1150 книгъ, изъ коихъ только 15 печатныхъ. Библіотеки Соловецкаго монастыря, даже въ остаткахъ, нынѣ переданныхъ въ Казанскую академію, по описи заключаютъ въ себѣ свыше 700 №№. Славилась бібліотека Троице-Сергіева монастыря, Бѣлозерскаго, Софійская Новгородская. Въ бѣдномъ и малоизвѣстномъ корельскомъ Николаевскомъ монастырѣ, по описи 1551 г., находилось до 57 книгъ.

Вопросъ о бібліотекахъ церковно-приходскихъ древней Руси доселѣ не обработанъ и матеріалы по этому предмету еще не приведены въ извѣстность. Они заключаются, между прочимъ, въ писцовыхъ книгахъ, изъ которыхъ только малая часть обнародованы. Г. Боцяновскій, имѣвшій подъ руками писцовую книгу Устюга Великаго XVII вѣка, не смотря на неполноту данныхъ, имѣлъ возможность опредѣлить число и составить перечень книгъ въ церквахъ этого города. Оказывается, что въ бібліотекахъ Великаго Устюга было до 700 томовъ въ 68 названіяхъ ¹⁾, кромѣ монастырскихъ. Цифра весьма значительная по тому времени. Изслѣдованіе писцовыхъ книгъ могло бы пролить свѣтъ на распространеніе образованія въ массахъ этой эпохи ²⁾, но доселѣ опытъ Боцяновскаго, къ сожалѣнію, остается единственнымъ; однакоже онъ ясно говоритъ о существованіи бібліотекъ при церквахъ приходскихъ.

Для чего и для кого служили эти бібліотеки? Отвѣтомъ можетъ служить слѣдующая порядная записъ XVII в., данная однимъ пономаремъ. Онъ обязался: «будучи у твое церкви въ пономаряхъ о церковномъ о всемъ радѣти и смотрѣти накрѣпко, и книги брречи и малыя ребятамъ въ коп дни придется по книгамъ говорить и ему Архипу надъ ними смотрѣти и приказывать накрѣпко, чтобъ они, *говора по книгамъ*, книги берегли, не драли и воскомъ словъ не закапывали, и *по домамъ безъ спросу и безъ вѣдома* никто не бралъ, и ему, Архипу, *къ себѣ въ домъ* для наученія своихъ дѣтей грамотѣ церковныхъ книгъ не имать» ³⁾. Изъ этой записи видно, что книги приходскихъ церковныхъ бібліотекъ служили для пользованія не только клира, но и «малыхъ ребятъ», которые являлись въ церковь «говорить по книгамъ», подъ руководствомъ членовъ клира; что взрослые съ «спроса и съ вѣдома» могли брать книги по домамъ; что члены клира брали книги изъ бібліотеки «для наученія грамотѣ своихъ дѣтей». Итакъ, бібліотеки церковныя были доступны для всѣхъ прихожанъ, а не были просто мертвыми складами книгъ ⁴⁾. Въ составъ этихъ бібліотекъ, кромѣ богослужебныхъ книгъ, входили книги *четы*, каковы евангеліе толковое, творенія св. отцовъ церкви, житія святыхъ и различные сборники. Такъ въ устюжскихъ церковно-приходскихъ бібліотекахъ значились: Многосложный свитокъ, прологъ, маргаритъ, патерики печерскій, скитскій, Торжественникъ, Книга новыхъ чудотворцевъ, житія: св. Николая, Стефана Пермскаго, Михаила Клопскаго, Артемія Веркольскаго, Сергія Радонежскаго, Бориса и Глѣба, м. Филиппа, Зосимы и Сав-

¹⁾ В. Боцяновскій, къ исторіи проsv. на Руси XVII в. Книги въ В. Устюгѣ, стр. 8.

²⁾ Чечулинъ, нѣсколько данныхъ о книгахъ Моск. госуд. XVI в. 1889 г.

³⁾ Акты юрид. № 287.

⁴⁾ Надписи на книгахъ, жертвованныхъ въ монастырскія бібліотеки, свидѣтельствуютъ, что и изъ сихъ книгохранилищъ выдавались книги для чтенія желающимъ. Такъ на рукописной «Лѣтописи» Соловецкой обители XVII в. значится: «Сіа книга лѣтописецъ Соловецкаго монастыря соборнаго старца Принарха Тарбѣева келейная. По смерти моей взяти въ книгохранительную Соловецкую казну, *читателямъ съ пользоу выдавати* и меня грѣшнаго во святыхъ вашихъ молитвахъ поминати». Опис. рук. Солов. мон. К. 1885 г. II, № 665.

ватія Соловецкихъ, Дмитрія Прилудскаго, преп. Варлаама, Антонія Сійскаго, Иоанна Златоустаго, Прокопія и Иоанна чудотворцевъ, житія св. отецъ, Измарагдъ, Златоуста богословіе, Око церковнос (уставъ), Мпръ съ Богомъ челоуѣку, Жезлъ правленія, Скрижалъ, Ключъ разумнїя, Мечъ духовный, Мессія правдивый, Василя В. бесѣды на шестодневъ, Аонасія Александрійскаго слова на Арианъ, Небеса Дамаскина.

Таковъ былъ составъ *церковно-приходскихъ библиотекъ* на Русѣ XVII вѣка. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ удовлетворялъ потребностямъ въ религіозно-нравственномъ чтеніи нашихъ предковъ, отвѣчая на существенные запросы образованія, понимаемаго въ смыслѣ церковномъ. Самыя богослужебныя книги, особенно часовникъ и псалтирь, служили также и для домашняго чтенія. Въ числѣ книгъ были и пѣвческія.

Средствами для составленія такихъ библиотекъ служили разные источники. Въ именитые храмы книги поступали «Государевымъ жалованьемъ»; иныя библиотеки создавались вмѣстѣ съ храмами «строеніемъ мірскимъ», то есть, на средства прихода; наконецъ, библиотеки пополнялись пожертвованіями частныхъ лицъ—или прямо книгами, или деньгами на пріобрѣтеніе книгъ, которыя цѣнились высоко¹⁾. Переписка книгъ была выгоднымъ занятіемъ и переписчики расплодились во множествѣ по всей Русской землѣ. Книгопечатаніе значительно облегчило составленіе библиотекъ. Кромѣ книгъ московской печати, въ церковныхъ библиотекахъ были книги и «литовской печати». Но послѣднія книги, послѣ признанія учительнаго Евангелія Кирилла Транквилиона неправославнымъ, преслѣдовались. Царь и патріархъ Филаретъ указали: «на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ литовскія печати учительныя евангелія и *иныя* книги его слогу (направленія) собрати, на пожарѣхъ сжечь, чтобы та ересь и смута въ мірѣ не была»²⁾. Но указы плохо исполнялись, книги литовской печати, особенно азбуки, продолжали храниться въ библиотекахъ, тѣмъ болѣе, что стоили онѣ дорого, а «на пожарѣхъ жечь» ихъ велѣно «безпенно» (безъ вознагражденія). Такъ Литовскія книги были въ библиотекахъ Устюжскихъ, хранились и въ патріаршей библиотекѣ³⁾. Книги печати Московской также дѣлились на *старыя* и *новыя*, то есть напечатанныя до и послѣ Никона. Первые хотя и преслѣдовались, но тайно хранились. Это дѣленіе относилось впрочемъ только къ богослужебнымъ книгамъ. Что касается книгъ *четыиъ*, то если какая-либо изъ нихъ представляла интересъ, она переписывалась и распространялась повсюду, ее старались достать и списать для себя. Такъ архіеп. Устюжскій Александръ, узнавши, что въ библиотекѣ Сольвычегодскаго Введенскаго монастыря есть космографія Космы Индикоплова, про-

¹⁾ Пожертвованія книгами въ церкви были часты, что видно изъ надписей на книгахъ. О пожертвованіяхъ деньгами на книги свидѣльствуютъ приходныя книги церквей. Такъ по Успенскому собору В. Устюга, за 1644—63 г., значится: «Спасскій попъ Петръ принесъ на *прологи* на цѣлый годъ въ казну 8 рублей денегъ. Богданъ пономарь на *книгу* принесъ полтора рубля денегъ. Устюжской восвода, Михайлъ Андреевъ сынъ Желиборской принесъ Пречистой Богородицѣ на книги 12 руб. денегъ. Товарищъ его Михайловъ подъячей Иванъ Ураковъ принесъ на книги же 6 руб. денегъ». Цѣны книгъ обозначены лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Трїодъ постная стоила 2 руб., Библия—4 руб., Прологъ «первыя печати, съ сентябрю по мартъ, со стихами» 4 руб. 50 коп., Миняя за августъ—17 алтынъ 2 деньги». Цѣны—по тому времени очень высокія. См. *Боцановскій*, Книги въ В. Устюгѣ, стр. 16 и д.

²⁾ Акты Моск. госуд. 1890 г., т. I, № 201.

³⁾ *Шалкинъ*, Св. Дмитрій Ростовскій, стр. 120.

силъ прислать ее къ себѣ «на Устюгъ для списанія». При широко распространенной потребности въ образованіи русскихъ людей той эпохи и при повсемѣстной почти грамотности, чѣты книги имѣли широкой сбытъ и многіе писцы списываніемъ ихъ добывали себѣ хлѣбъ. Что грамотные люди того времени не ограничивались одною грамотностію, но стремились къ самообразованію, искали высшаго ученія, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ любопытный фактъ, что иные въ своемъ отечествѣ ходили доучиваться въ центры тогдашняго образованія¹⁾, другіе стремились для той же цѣли за границу.

Церковно-приходская школа до-Петровская была не только *повсемѣстною*, но и *всеобщею*. Она была школой *для всѣхъ*. Она не была сословною прерогативой какого-нибудь одного класса людей, или высшаго общества, владѣющихъ или правящихъ сословій,—она привлекала всѣхъ, отъ простыхъ крестьянъ до царскаго двора. И такою она была именно потому, что ею руководила *церковь*, что школа эта была *общеобразовательною*, въ смыслѣ нравственнаго и религіознаго просвѣщенія, каковое необходимо для каждаго христіанина. Въ Западной Европѣ въ это время о «всеобщности образованія» еще и не помышляли, а у насъ она была на дѣлѣ и вытекала изъ духа самаго образованія. У лютеранъ школа нужна была — *для конфирмаціи*, для одного момента въ жизни человѣка; у насъ она нужна для спасенія, для нравственнаго назиданія человѣка на всю жизнь, какъ нужна пища человѣку живущему; она нужна не для внѣшнихъ цѣлей, а для внутреннихъ, для жизни духа.

Въ одномъ азбучникѣ XVII в. «мудрость», сама отъ себя убѣждая всѣхъ въ необходимости образованія, говоритъ: «сего ради *присно глаголю и глаголю не престану* людямъ благочестивымъ во слышаніе, *всякаго же чина и сана*, славнымъ и худороднымъ, богатымъ и убогимъ, даже и до послѣднихъ *земледѣльцевъ*, да свои неискусозлобныя (невинныя) дѣти на таковое славословіе всеильнаго Бога и *благоразумное ученіе* вдають; не оскорбляйтеся убо, ниже печаль си имѣють о невѣжествующихъ (невоспитанныхъ) и грубородныхъ (малоспособныхъ) отроковъ, *но и сихъ* удобъ отдавайте»²⁾. Свойство Христовой мудрости таково, что она доступна отроку и малыхъ способностей. Пусть *никто не мшається* Божію дара, — всѣмъ предлагается обильная трапеза, и каждый можетъ вкушать предложенное по мѣрѣ силъ своихъ. Богъ открываетъ истину Свою и младенцамъ; смиренному сердцу бываетъ доступно то, что скрывается отъ гордаго, надменнаго ума.

Такой широкой и всеобъемлющей взглядъ имѣла наша старина на образованіе книжное,—на школу, служащую духовной жизни народа православнаго.

«Насъ не столько занимають событія», пишетъ проф. Лешковъ, «сколько ихъ значеніе. Не извѣстія объ ученіи, или его результатъ важны для насъ, а извѣстія о степени ихъ *доступности для народа*: и въ этомъ отношеніи *многозначительна дѣятельность духовенства*, которое явнымъ образомъ соединяетъ книжное ученіе съ православіемъ и вѣрою и естественно стремится открыть, по Стоглаву, для *всѣхъ* православныхъ христіанъ ученіе книжное, какъ и вѣру. Откуда выводимъ еще разъ, что *образованіе въ Россіи искони въковъ было народнымъ, общенароднымъ, доступнымъ для всѣхъ*, по мѣрѣ способностей и средствъ воспользоваться его благодѣя-

¹⁾ Напр., Андрей Незговорскій въ 1661 г. «ис Сибири, ис Тобольска въ Кіевъ пришелъ собою *книжнаю ради ученія*», откуда просилъ разрѣшенія пріѣхать въ Москву. *Чт. Общ. Ист. и Др. Рос.* 1891 г., кн. I. Слѣсб. Ср. *Соловьева*, *Ист. Г. Р.* т. X.

²⁾ *Мордовцевъ*, о шк. кн., стр. 6.

ніемъ. И самымъ блестящимъ доказательствомъ такого значенія ученія въ Россіи считаемъ учрежденіе Греко-Латинно-Славянской Академіи при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ»¹⁾.

IV. Идеаль древне-русскаго воспитанія и воспитательныя мѣры въ XV—XVII вѣкахъ на Руси до-Петровской.

Идеаль древне-русскаго воспитанія, установившійся въ первую эпоху христіанства на Руси, не подвергался существеннымъ измѣненіямъ и въ рассматриваемую эпоху XV—XVII вѣковъ. Начала его остались тѣ же, но характерною чертою воспитанія XVI—XVII вѣковъ является усиленіе строгости въ отношеніи къ дѣтямъ. При этомъ въ памятникахъ этой эпохи встрѣчаются почти буквальныя библейскія выраженія, преимущественно Соломона и Сираха. Быть можетъ, усиленіе пороковъ, нравственныхъ недостатковъ, прокрававшихся въ русскую общественную жизнь со времени Монгольскаго ига, на что жаловались все проповѣдники, огрубѣлость нравовъ, требовали усиленія наказаній въ семьѣ и школѣ, требовали суровыхъ мѣръ воспитанія. Но даже допуская это, трудно сказать рѣшительно, насколько эти суровыя мѣры примѣнялись въ жизни. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что все, сколько извѣстно, педагогическія статьи въ нашихъ старинныхъ сборникахъ *заимствованнаго* содержанія²⁾ не туземнаго происхожденія, слѣдовательно, онѣ не могутъ быть вполне выраженіемъ жизни, хотя нельзя отрицать, что эти произведенія могли вліять на понятія нашихъ предковъ о воспитаніи. Статьи эти, по замѣчанію Лавровскаго, «вносили смыслъ въ отношенія между родителями и дѣтьми, основанныя прежде на безотчетномъ чувствѣ, содѣйствовали уясненію этихъ отношеній въ сознаніи родителей, сообщали имъ законность и цѣль». Онѣ могли служить оправданіемъ и подтвержденіемъ того, что уже имѣло силу, какъ существующій фактъ.

Изъ отцевъ церкви въ области воспитанія особенною любовію пользовались творенія св. Іоанна Златоустаго. Сочиненіе послѣдняго «о воспитаніи дѣтей» послужило образцомъ для множества статей въ нашихъ древнихъ изборникахъ, Пчелахъ, Златоструяхъ.» Сочиненія Златоуста, пишетъ Лавровскій, заключали въ себѣ сильный и свѣжій элементъ для вступающаго въ историческую жизнь Русскаго народа, въ нихъ заключалась здоровая и обильная пища для духовнаго роста этого народа». «Въ сочиненіяхъ Златоуста, независимо отъ ихъ общаго образовательнаго значенія, содержится богатый запасъ въ полномъ смыслѣ педагогическихъ совѣтовъ, наставленій и правилъ и притомъ такихъ, которые, сдѣлавшись однажды извѣстными, не могли не оставить глубокаго слѣда и на болѣе зрѣлыхъ педагогическихъ убѣжденіяхъ и на основательно установившейся педагогической практикѣ»³⁾. Если взять во вниманіе характеръ произведеній Златоустаго, написанныхъ краснорѣчиво, съ ясностью, свѣжестью, глубокимъ одушевленіемъ и силой, то дѣлается понятнымъ ихъ преобладаніе въ древне-русской литературѣ, тѣмъ болѣе, что основныя взгляды великаго учителя церкви изложены довольно полно въ отдѣльной

¹⁾ Лешковъ, Рус. Нар. и Госуд., стр. 429.

²⁾ Лавровскій, Памятники древне-русскаго воспитанія, стр. 2.

³⁾ Лавровскій, Пам. др. р. восп., стр. 8.

обширной статьѣ. Что она хорошо была извѣстна нашимъ стариннымъ книжникамъ, это является несомнѣннымъ изъ множества ея воспроизведеній въ древнихъ сборникахъ.

Статьи о воспитаніи *XVII в.* посвятъ характеръ вліяній юго-западной школы, Кіевской академіи по преимуществу. Написаны эти статьи витіевато, «риторски», съ значительными отступленіями отъ дѣла, съ примѣрами изъ классическаго міра, и украшены цвѣтами схоластическаго «изобрѣтенія».

Что же касается до воспитательныхъ статей въ азбукахъ, учебныхъ книжкахъ, букваряхъ того времени, то онѣ составляютъ заимствованіе изъ подобныхъ же книжекъ южной и западной Россіи. Вышнимъ отличіемъ ихъ служитъ стихотворная форма, развившаяся у насъ во второй половинѣ *XVII вѣка*. Здѣсь уже прямо проповѣдуется культъ розги, воспѣвается «плетной ремесль», прославляются жезль, бичъ и розги и дѣти даже призываются къ «лобзанію» ихъ. Это уже совѣмъ не по русски. Нѣкоторыя выхваленія розги въ азбучовникахъ и букваряхъ переведены прямо съ польскаго.

Порицатели нашей старины обыкновенно обращаются къ этимъ виршамъ о розгѣ для доказательства, что древне-русское воспитаніе отличалось жестокостью, безчеловѣчіемъ и даже звѣрствомъ, что кромѣ розги, бича и жезла наша древность не знала другихъ средствъ воспитанія, не зная или не желая знать, что эти вирши — западнаго, польско-іезуитскаго происхожденія и занесены къ намъ изъ западно-русскихъ букварей.

Церковь, какъ прежде, такъ и теперь, была первою и главною руководительною въ воспитаніи, и учителя ея не оставляли родителей безъ наставленій.

Въ XII-мъ словѣ м. Даніила пишется: «Отцы! Имѣйте попеченіе о чадахъ вашихъ, воспитывайте ихъ всегда въ ученіи и наставленіи Господнемъ—бояться Бога и въ законѣ Его поучаться день и ночь, не любить праздности, не творить кощунства, сквернословій и блуда, не красть, не лгать и избѣгать всякаго зла». Обращаясь къ отрокамъ и дѣвцамъ, Даніиль заповѣдуетъ: «любомудрствуйте, трудясь въ хитростяхъ (художества), сколько въ силѣ, или въ писательномъ художествѣ, или въ книжномъ ученіи, или въ какомъ рукодѣліи, если есть, или въ иномъ какомъ-либо художествѣ о Господѣ; только не будьте праздно».

Какъ Даніиль, такъ и его преемники, заботясь о книжномъ ученіи, выше всего ставили доброе христіанское воспитаніе.

Что воспитаніе служило предметомъ особеннаго вниманія нашихъ предковъ въ эту эпоху, это можно видѣть изъ множества статей по этому предмету въ сборникахъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ сборникѣ *XV в.* ¹⁾ находятся слѣдующее «слово и притча и о наказаніи дѣтей къ родителямъ своимъ.»

«Человѣцы внемлите извѣстно о глаголемыхъ сихъ, и покажите *измлада* дѣти своя. Глаголетъ бо Божія премудрость. любяи сына своего жезла на него не щади. Наказан его въ юности, да на старость твою поконит тя. аще ли *измлада* не накажеша его. то ожесточавъ не повинетьтиса. глаголетъ же во четырехъ церквахъ сице. переи бѣ нѣкто именемъ илии, смиренъ, кротокъ велми. имяше же два сына,

¹⁾ По катал. И. П. Библ. № 202. Приводимъ текстъ по редакціи Лавровскаго, съ удержаніемъ правописанія подлинника, но въ русской транскрипціи. *Лавровскій*, стр. 3 и д.

ею же не казняше, аще и зло творяста. ни на страхъ Божій не учаше. по волю быше имъ даль. и рече Богъ ко Или. понеже не наказа сыну своему, да оба умрета сына твоя отъ мечя. и ты самъ и весь домъ твой злѣ погибнетъ, сыновъ дѣля твоихъ. слышите братье. иже дѣтей своихъ страху Божию не наказа, и за то погибе. да аще въ ветсѣмъ законѣ бысть то, а мы что припомнимъ, въ новѣмъ будущемъ законѣ, аще не накажемъ дѣтей своихъ. Златословесный бо глаголетъ: аще кто дѣтей своихъ не научить воли Божьи, люте разбойникъ осудится. убійца бо тѣло умрѣтвить, а родители аще неучатъ, то душу си погубятъ. Но вы братье и сестры наказайте измлада дѣти своя на законъ Божій, да страхъ Божьи вселится въ нихъ.

Наказайте дѣти своя Бога ся бояти, а злыхъ нравъ остатися. да помощь души вамъ будетъ. Не ослабляй наказая дѣти своя. аще бо быши жезломъ, то не умреть, но паче здравье будетъ. душу бо его спасеши, аще его накажеши. и дщерь ли имаши, положи на ню грозу свою, да соблюдеши я отъ тѣлесныхъ. и не осрамиттиса лице.—воспитаи дѣтище въ наказаніи, да обрящеши славу и благословенье отъ Бога. не даждь во юности дѣтищу воли. но казни его, донележе растеть. да егда ожесточавъ не повинеттиса и будет ти досада отъ него люта. и болѣзнь души и скорбь не мала и тщета домови и погибель имѣнью. укоръ отъ сусѣдъ. посмѣхъ предъ врагы, того дѣля бываетъ предъ властели платежъ и зла досада».

Здѣсь прежде всего выставляется важность нравственнаго воспитанія и отвѣтственность родителей за дурно воспитанныхъ дѣтей, причемъ приводится библейскій примѣръ первосвященника Илиа. Примѣръ этотъ дѣйствительно поучителенъ и часто приводится Златоустомъ. По тексту библіи онъ еще разительнѣе. Офи и Финеесъ предавались явному нечестію, а добрый и слабый престарѣлый Или—отецъ ограничивался лишь мягкими замѣчаніями и упреками: «дѣти мои! Не хороша молва, которую я слышу о васъ: не дѣлайте такъ» (1 Цар. 11, 24). У старика-отца было много любви, но еще болѣе слабости. Оставивъ дѣтей безъ добраго воспитанія, онъ на развратъ ихъ смотрѣлъ съ мукою душевною, быть можетъ, вина свою слабость, но стѣсняясь принять рѣшительныя мѣры строгости, онъ только увѣщаль, просилъ, совѣтовалъ. И вотъ насталъ судъ Божій надъ домомъ нечестія. «Я сдѣлаю, изрекаетъ Господь, дѣло во Израилѣ, о которомъ кто услышитъ, у того зазвенитъ въ обоихъ ухахъ. Я исполню надъ Илиемъ все, что говорилъ (о чемъ предупреждалъ) о домѣ его. Я объявилъ ему, что я накажу домъ его за ту вину, что онъ зналъ, какъ сыновья его предаются нечестію и не обуздывалъ ихъ (тамъ же, III, 13).

Извѣстна страшная казнь дома Илиа. Такой примѣръ самъ собою вызываетъ педагогическое требованіе ограниченія воли юноши, переходящей потомъ въ своеволие, дерзость, непослушаніе, нарушеніе законовъ правды и любви. Ограниченіе это должно начинаться *измлада*, иначе будетъ поздно: когда юноша станетъ мужемъ, то «ожесточавъ», нравственно одичавъ, онъ уже не исправится, «не повинет ти ся» слову увѣжденія. Родители, небрегущіе о дѣтяхъ своихъ, хуже разбойниковъ,—пбо небрежность ихъ губить не только тѣло, но и душу дѣтей. Тамъ, гдѣ начинаютъ проявляться дурныя инстинкты, начинаютъ дѣйствовать пагубныя увлеченія и страсти, не слѣдуетъ отступать и передъ строгостью, предъ мѣрами суровыми: «любый сына» разумно, отецъ, понимающій, куда увлекаютъ юность страсти и самоволие, ради этой любви своей, долженъ не полагать дѣтямъ, не мирволить

имъ, а употребить всю силу авторитета, чтобы направить юность на здоровый и вѣрный путь.

Въ статьѣ «о воскрѣсненіи дѣтей, составляющей въ сущности переводъ «περί παιδῶν ἀνατροφῆς» Златоуста, ¹⁾ пишется: «Молю вы и понуждаю много, о своихъ дѣтѣхъ творимъ помышленіе поучающе ихъ на добродѣтель *любовію* же и *прещеніемъ* всячески. И спасенія ищетъ тѣхъ души». Сперва «любовію», а когда она безсильна, не отступай и передъ «прещеніемъ», дѣйствуя «всячески», то-есть, разнообразными мѣрами. Приведа примѣры Гоа, Авраама и Давида, писатель говоритъ, что родители должны заботиться не о томъ, чтобы оставить дѣтямъ богатство, — худому сыну не въ помощь богатство, но о томъ, чтобы сдѣлать ихъ людьми добрыми, благочестивыми, довольными малымъ; не полезна любовь отца къ дѣтямъ, если онъ о душѣ ихъ не заботится, боится причинить имъ боль и даже остерегается огорчить ихъ словомъ, хотя бы они жили и безчинно». Потомъ показываются и плоды изнѣженнаго воспитанія.

«Подобаеть убо смотрити родителемъ, не яко да оставятъ дѣти богаты серебромъ и златомъ, но да *благовѣрны, любомудры и добродѣтельны*, яко да *немного требуютъ*, да не въ житейскія похотѣнія веѣмъ умомъ уклонятся. Въсте бо, яко не имуще добродѣтели ни единны не примуть отъ Бога милости, ты же да добръ конь тѣмъ купишь; и домъ свѣтелъ, и село велико, то все твориши и разсмотриши; а о души ихъ, якоже бы добра была, ни словесе о томъ твориши. Нѣ *не полезну* любовь отци о дѣтѣхъ имуть, не хотяще ранъ нанести на ня и словесы запретити, ни оскорбити своихъ сыновъ безчинно живуще. Егда бо ты не казниши его юнаго, ни умудриши, то съ нечистыми челоуѣкы съвокупитися, и узриши на общее судище отъ раскольникъ ведома и предъ всѣми мучима и отъ народа побиваема и тогда съ бѣдою болій студъ будетъ ти»...

«Смѣши ли отцемъ ся нареци, презрѣвъ сына и не наказавъ его. Аще бо кого *видиши блюща юна своего дѣтища, гнѣвасиши и изнемогаеши*, и пуще звѣри наскачеши на лице блющаго ти дѣтищъ, и паки діавола видя по вся дни блюща его (то-есть, увлекающаго юную душу страстями въ пагубу) и на грѣхи примещуща, сѣдиши, не изнемогаеши, не отнимеши отъ лютаго наука сына твоего, и коего не примемеши отъ челоуѣковъ укора. Не веселитбося рече отецъ о сынѣ *ненаказаннѣ*» (то-есть, не воспитанномъ).

Замѣчательно это сравненіе: если ты увидишь челоуѣка, который бьетъ юное свое дѣтище, то приходишь въ гнѣвъ, неистовуешь, какъ звѣрь бросаешься на блющаго дитя, въ защиту его... Значить, нравы были не такъ жестоки, если побои ребенку, даже отъ отца, вызывали такую защиту отъ лица посторонняго.

Обращаясь къ отцу, который не исполняетъ святой обязанности добраго воспитанія дитяти своего, писатель говоритъ, «что отвѣщаеши въ день оны Богу, егда ти речеть: не вдахъ ли ти его изначала и поставихъ тя ему учителя и промышленника, и въ твои вложи его рупѣ мягка и млада, и како нѣси привелъ его подъ свой яремъ. Что же речеши, яко непокоривъ есть; нѣ егда бѣ младъ, подобаше его воздержати и обучати его на потребная; егда бо млада трѣнне, тогда удобъ истрѣзати е и отъ млада отрочате скоро грѣхъ отлучити» ²⁾.

¹⁾ Лавровскій, Памятники... стр. 10.

²⁾ Рукопись относится къ XVI вѣку. Толст. библ. I, № 47. См. Лавровскаго, «Памятники», стр. 9 и д. Здѣсь же и сравненіе русской редакціи съ греческимъ текстомъ.

Такія краснорѣчивыя и трогательныя рѣчи о значеніи и силѣ нравственнаго воспитанія и объ ответственности воспитателей не могли не имѣть вліянія на нашихъ предковъ.

Особенно совѣтуется прилагать заботы о кротости въ дѣтяхъ: «кроткихъ бо вси чтятъ и Богъ любитъ, аще и всѣхъ убожій есть; якоже и злого вси отвращаются и пенавидятъ, аще и добра рода есть, ли имѣніе иматъ».

Значеніе воспитанія ставится такъ высоко, что ему усволяется все зло въ человѣкѣ, если оно идетъ неправильно: «не отъ естества бо человѣкомъ злоба приходитъ, нѣ своею волею зли бываемъ» ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ высказывается высокий взглядъ на плоды добраго воспитанія въ будущихъ поколѣніяхъ: «аще бо добрѣ слыши своя накажете (наставите), а тѣи пакы своя (чада) такожде научатъ, и тако до пришествія Христова твое наказаніе пройдетъ». Итакъ, доброе воспитаніе служитъ залогомъ благоденствія будущихъ поколѣній, но благоденствія не внѣшняго, а внутренняго, духовнаго, ибо само воспитаніе имѣетъ цѣлю не удобства или роскошь жизни, не внѣшнія преимущества и положеніе, а душевное благо: «да не смотря о житіи (внѣшнихъ условіяхъ жизни) дѣтей, но прежде пещися о души ихъ, да добродѣтельны оставиши... Аще ли и совокупиши съ худоуміемъ (съ невоспитанностію) ихъ имѣніе, то коего ту чай добра; нѣ піанства и блудъ обіемъ тѣхъ, въ послѣднюю погибель доведеть я». Въ заключеніи говорится: «да се вѣдый человекъ, казни сына твоего отъ юности его и покоитъ ты на старость твою, и дасть красоту души твоей. Аще бо и жезломъ біеши его, не умретъ, но здравъ будетъ, ты бо біа его по тѣлу, душу его избавиши отъ муки».

Какъ примѣнялся на практикѣ послѣдній совѣтъ, мы не имѣемъ фактическихъ данныхъ и свидѣтельствъ современниковъ. Но въ одномъ изъ сборниковъ XVI вѣка ²⁾ находимъ замѣчательный отрывокъ изъ слова «како достоинъ чаду чтити родителя своя», представляющій бытовую картину домашняго воспитанія той эпохи и отношеніе родителей къ дѣтямъ на дѣлѣ.

Прежде чѣмъ приведемъ самый памятникъ, считаемъ нужнымъ привести его краснорѣчивую характеристику, сдѣланную Н. А. Лавровскимъ.

«Статья сборника замѣчательна, пишетъ онъ, по изображенію всѣхъ заботъ и трудовъ, обращенныхъ родителями на малолѣтнихъ дѣтей, по свѣжести красокъ, которыми живо обрисовываются самыя простыя и естественныя отношенія родителей къ дѣтямъ. И по содержанию, заключающему въ себѣ черты патріархальнаго общества, высказанныя съ полною искренностію и простодушіемъ, и по языку, сохранившему, не смотря на позднюю эпоху составленія сборника, очевидныя черты древности, она заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ нашемъ воображеніи живо представляется мать или патріархально кормящая своего ребенка мягкою, безтрудою пищею, сидящая у его колыбели, склонившаяся къ нему при первомъ его крикѣ, или переносящая его на своихъ рукахъ черезъ рѣку или грязь, въ изнеможеніи несущая его на спинѣ, когда онъ утомился отъ ходьбы; вы живо представляете себѣ отчаяніе матери и неутѣшный плачь отца, когда ребенокъ боленъ, ужасъ родителей, когда они замѣчаютъ блѣдность на его лицѣ и въ невѣдѣніи преувеличиваютъ причины этой блѣдности. Приводя на память молитвы родителей за дѣтей,

¹⁾ Лавровскій, Памятники восп., стр. 11.

²⁾ Опис. рук. библ. Толстаго I, 47. См. у Лавровскаго, Памятники воспитанія, стр. 30 и д.

пхъ милостию бѣднымъ, почетъ учителямъ, чтобъ они образовали его умъ, сочинитель рѣзко выставляетъ неблагодарность дѣтей, забывающихъ всѣ заботы о нихъ родителей и не старающихся доставить имъ спокойствіе и довольство въ старости¹⁾.

Вотъ подлинный текстъ этого отрывка (въ русской транскрипціи и неизмѣненной пунктуаціи): «Вся убо заповѣдь Господня чиста и прозрачна есть, аки солнце просвѣщающа очи умніи. Заповѣдь же Господня блага зѣло и праведна, учаща ны чтити отца и матеръ по благодати Божіи. Отъ небыти бо въ бытіе прииде родителема человекъ. Отець бо по законѣ тайнѣ брачнѣи.—Мати же, въ установное время день и ночь понесши, обложи на тобѣ тѣла теплаго естества кровію, и духомъ грѣюща съвршиши, многоразличными болѣзнями, удъми и жылами, и до ноготъ тѣраема, и во образъ совершена ты прижитъ младенца. Потомъ же не уже ты зубомъ възрастшимъ, сама сѣкающа и мящи, пищу ты подаваешь. Сонъ же ты умыслила зыбелію, престаніе плачу подающа, ставляя же ся отъ прочаго раженія матерни любве. Стыжу бо ся глаголати ихъ по единому. Почтожъ и чертогу удовъ не съглядасши, дѣланія бо и бѣды тебе дѣла подъяти, пищу же и одѣянія ты соготовающа, и многожды во знакъ легъ и на своихъ ты персѣхъ, аки на земли играя велитъ; премножествомъ любве не чюсть безчестія бываемаго ему тобою, и всегда сѣди на трапезѣ, пищу зубы смоловъ, и не допустя гърла, въ твоя клаль уста, въ знакъ ты положи и посредѣ зубъ аки мозкъ износя, мягку и безтрудну пищу ты влагая; и малу же ты восплакавшу, отврѣгъ совершенную бесѣду, и твое кричаніе воспримъ, за многую любовь погрѣбися къ тебѣ тѣломъ и мыслию; ея же бяху тобѣ любва словеса, таже к тебѣ бесѣдоваше, а оставль дружннную бесѣду. Еще же и начинающа ты ходити на пути ты за руку емъ, аки снопь въ земли (вземь), чрезъ калъ, ли чрезъ рѣку ты принесе, многожды же труждышуся на пути и на свою (вью) ты възлѣжъ аки брѣмя ношаше, не дланьма ли за его вью дрѣжашеся и воспятъ кланяшутися, дыша вельми, ношаше ты, поту же многу по брадѣ его текуціи трѣняше, твое здравіе паче живота своего имѣя. Оставлю же прочее печали его, яже отъ твоихъ недузѣхъ бывахуть ему, ядаху тыи печали паче львовъ зубъ; аще бо и поболѣ когда, то мати проставласа бысть и отецъ неутѣшно плакаше, аки умъ погубльша оба, паче уныша смерти первіе за ты пріяти; или потчеса і падъ умилсея, то обща бысть обою болѣзнь; или лице ты бысть коли блѣдо, то оноу сердце ужасашеся и большу си печаль творяста перазумѣюща; или вскрича коли, то она оба аки копіемъ по утробѣ бодома быста. Помисли же творенныя за ты *молитвы* отъ него къ Богу, и данныя за ты маломощемъ *милостыня*, и *чти* творимыя за ты *дидакаломъ твоего дѣла учениа*, хотяща дабы хытръ былъ и разумень умомъ и смысленъ, а не грублій человекъ»...

Послѣ такихъ заботъ и попеченій родителей, какъ тяжело видѣть дѣтей неблагодарныхъ, равнодушныхъ, когда иной сынъ «имѣя отца или матеръ смерена или немощію одръжима, не точію не хочетъ има служити, но и отместея родителю, и пищу зѣло любитъ, себѣ смотря токмо, а своимъ родителема не хочетъ ся ни худѣ поещи»...

Быть можетъ нѣжная заботливость родителей о дѣтяхъ, переходившая въ поблажку, дѣлавшая дѣтей эгоистами, себялюбцами, бывшая причиною и прискорбныхъ

¹⁾ Лавровскій, Пам. восп., стр. 31 и д.

случаевъ непочтительности къ родителямъ, вызывала потребность болѣе суроваго режима въ воспитаніи.

Семейная жизнь нашихъ предковъ имѣла *патріархальный* характеръ; власть и авторитетъ родителей стояли высоко и были почти абсолютными. Въ памятникахъ XV вѣка постоянно встрѣчаются наставленія, чтобы дѣти читли эту власть и были послушными ей. Родительское благословеніе считалось первымъ условіемъ внутренняго и внѣшняго благополучія человѣка.

Такъ въ «Словѣ святыхъ отецъ, како дѣтемъ чтити родителя своя»¹⁾ пишется: «Послушайте братья и сестры заповѣди Господня, иже и законнику рече се первѣйша заповѣдь, да любиши отца своего и матеръ свою, и благо ти будетъ и долготѣнь будещи на земли. Иже бо чтитъ родителя своя и слушаетъ веленья ею, се очиститъ грѣхи своя и отъ Бога прославится». Далѣе слѣдуютъ наказанія за грѣхи противъ родителей. «Отчая клятва иссушитъ, а матеря искоренитъ. Сыиъ непослушливъ отцю въ пагубу будетъ и не поживетъ». Гнѣвающій отца и досаждающій матерю «обещникъ есть печестивымъ». «Око, ругающееся отцу и досаждающее старости матерни, да исторгнутъ е вранове отъ дебрія и да снѣдятъ е птенцы орли вранове мертва тела очи и снѣдятъ ѿ орли». «Честь же творяи отцю и матерю, возвеселиттися имать о своихъ дѣтехъ и въ день печали избавитъ ѿ Господь Богъ и молитву его услышитъ и еже проситъ, подастъ ему. Покой матеръ свою волю Божью творитъ и угождаи отцю во благихъ поживетъ... Отчее благословеніе домъ утвердитъ, а матеря молитва избавитъ отъ напасти». Особенно заповѣдуется, чтобы дѣти не глумились надъ родителями, если они по старости впадутъ въ слабоуміе (охудѣютъ разумомъ),—«да отъ своихъ чадъ почтени будете»²⁾.

Выдающимся литературнымъ памятникомъ XVI вѣка является «Домострой» Сильвестра, представляющій весьма полную и живую картину домашняго быта этой эпохи и заключающій въ себѣ нѣсколько главъ о воспитаніи. Памятникъ этотъ служилъ предметомъ многократной разработки³⁾, а мѣста относительно воспитанія чаще всего приводятся для доказательства крайней суровости воспитанія посредствомъ розги и жезла въ эту эпоху.

Но чтобы правильно понять взгляды на воспитаніе Домостроя, надо имѣть въ виду общій духъ всего сочиненія, а не одни отдѣльныя мѣста. Несомнѣнно, что въ эту эпоху въ литературныхъ памятникахъ особенно часто повторяются воспитательныя притчи и правила Соломона и Сираха. Но, во-первыхъ, самыя эти правила, какъ плоды высокаго ума, глубокаго знанія души человѣка и рѣдкой житейской опытности, вовсе не представляютъ требованій какой-то дикой, бессмысленной жестокости; а во-вторыхъ, въ Домостроѣ они смягчаются вліяніемъ христіанской любви. Нельзя опускать изъ виду и тотъ вѣкъ, когда Домострой написанъ.

Вотъ главнѣйшія мѣста о воспитаніи изъ Домостроя.

Гл. XV: «Како дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страсъ Божіи. «А пошлетъ Богъ, у кого дѣти, сынове или дщери: ино имѣти попеченіе отцу и матерю о чадѣхъ своихъ: снабдити ихъ и воспитати въ добръ наказаніи; и учити

¹⁾ Въ сборникѣ XV в., по каталогу И. П. Библ. № 204. См. *Лауровскаго*, Памятники воспит., стр. 3 и д.

²⁾ Ср. Домострой, гл. 18. Сильвестръ, очевидно, пользовался этимъ «словомъ».

³⁾ Домострой впервые напечатанъ былъ Сахаровымъ (въ 1849 г.) и затѣмъ перепечатывался не разъ. Мы пользовались изданіемъ его подъ ред. *Чудинова*. Спб. 1891 г.

страху Божию и вѣжеству и всякому благочинію; и, по времени и дѣтемъ смотря, и по возрасту, учить рукодѣлю; матери дщери, а отцу сынове, кто чего достоинъ, каковъ кому просугъ Богъ дастъ; *любити ихъ и беречи*, и страхомъ *спасати*. *Уча* и *наказуя*, и *разсужая*, раны возлагати: наказуй дѣти во юности, покоить ти на старость твою; и хранити и блюсти о чистотѣ тѣлесней, и отъ всякаго грѣха, отцемъ чадъ своихъ, яко же зеницу ока, и *яко своя душа*. Аще что дѣти согрѣшаютъ отцовымъ и матернимъ небреженіемъ, имъ о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати въ день страшнаго суда. А дѣти еще небрегомы будутъ, въ ненаказаніи (безъ наставленія) отцовъ и матерей, аще что согрѣшатъ, или что зло сотворятъ, и отцемъ и матеремъ, съ дѣтьми, отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа и соромота. Аще у богобоязливыхъ родителей, и у разумныхъ и благоразсудныхъ, чада воспитани въ страхѣ Божіи, и въ добрѣ наказаніи, и въ благоразсудномъ ученіи, всякому разуму и вѣжеству и промыслу и рукодѣлю, и тѣ чада съ родители своими бывають отъ Бога помиловани, а отъ священнаго чину благословены, а отъ добрыхъ людей хвалими.

Вотъ основныя воспитательныя взгляды Сильвестра.

Чада — Божій даръ, ихъ посылаетъ Господь. Отсюда важность воспитанія ихъ. Основа воспитанія — *страхъ Божій*, затѣмъ уже обученіе тому, «каковъ кому просугъ Богъ дастъ». Дѣтей надо, во-первыхъ, *любить*, во-вторыхъ, *беречь* и, наконецъ, *страхомъ спасати*. Кого любятъ, того берегутъ; но если любовь, вслѣдствіе ли излишества, односторонности, или испорченности натуры, окажется недѣйствительной, то надо прибѣгнуть къ строгости, — страхомъ *спасати*. Спасаютъ того, кому грозитъ опасность. Но мѣры строгости (раны возлагати) нужно примѣнять «*уча, наказуя* (наставляя) и *разсужая*», причемъ надо беречь дитя, «якоже зеницу ока и яко своя *душа*». Слѣдовательно, тѣлесныя наказанія являются только какъ крайняя необходимость, примѣняются не съ жестокостью, а съ любовью, съ сознаниемъ тяжелой отвѣтственности за дитя, какъ за душу свою.

Наказаніе тѣлесное во всякомъ случаѣ тяжелая мѣра. Хотя оно примѣняется и по нуждѣ, какъ лекарство больному, но Сильвестру казалось, что нужно эту мѣру *оправдать* и *подкрѣпить* ссылками на высшій авторитетъ. Для этой цѣли, въ XVII гл., онъ приводитъ рядъ библейскихъ изреченій изъ Соломона и Сираха о наказаніяхъ. «Накажи сына своего отъ юности его, и покоить ти на старость твою, и дасть красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бия младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ, ты бо, бия его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаша: положи на нихъ грозу свою, соблюдеши ѳ отъ тѣлесныхъ...

«Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего измлада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ: и посреди злыхъ похвалишися, и зависть примутъ враги твои. Воспитаи дѣтище съ прещеніемъ, и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболшиши, скорбя; и послѣ же яко оскомпы твориши душѣ твоей. И не дажь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растеть, а, ожесточавъ, не повинеть ти ся; и будетъ ти досаженіе, и болѣзнь души, и тщета домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ сусѣдъ, посмѣхъ предъ враги, предъ властію платежь и досада зла».

Глава, эта представляющая почти дословное повтореніе библейскихъ изреченій о наказаніяхъ, взятая отдѣльно имѣетъ иной смыслъ, чѣмъ взятая въ связи съ

предыдущею главою. Здѣсь наказанія являются какъ бы *основою* всего воспитанія, и притомъ наказанія жесткія (сокруши ребра), даже не безопасныя для здоровья; тогда какъ на самомъ дѣлѣ они являются лишь неизбѣжнымъ зломъ и въ особыхъ случаяхъ. Самыя выраженія — *казни, не щади жезла, учащай раны, сокруши ребра, нагни выю* и т. под. — нельзя понимать буквально. Самъ Сирахъ, какъ бы предупреждая возможность неправильнаго пониманія своихъ выраженій о наказаніяхъ, которыя въ буквальномъ примѣненіи могли бы вредить здоровью, здѣсь же пишетъ похвалу здоровью и крѣпости силъ ¹⁾. — Указаніе на значеніе дѣтей, на отвѣтственность родителей имѣли уже смягчающее вліяніе.

Приведенныя выше выраженія о жезлѣ и о ранахъ находятся и у Златоуста, между тѣмъ извѣстно, что все ученіе его проникнуто христіанской кротостью и любовью. И даже Апостоль, провозвѣстникъ ученія любви евангельской, спрашиваетъ: «есть ли такой отецъ, который для пользы сына не наказываетъ его? ²⁾»

Сильвестръ вовсе не имѣетъ цѣли обратить воспитателей въ палачей, или сдѣлать воспитаніе звѣрски-жестокимъ; онъ говоритъ здѣсь о крайнихъ мѣрахъ, чтобы искоренить дурныя наклонности, грубыя инстинкты, ограничить и исправить злую волю, — чтобы спасти юную душу отъ угрожающей ей гибели. Вопросъ о наказаніяхъ и теперь еще спорный вопросъ, — одни признаютъ ихъ неизбѣжными въ крайнихъ случаяхъ, другіе совершенно ихъ отвергаютъ; но кто не теоретически, а практически занимался воспитаніемъ дѣтей, тотъ знаетъ, что бываютъ натуры столь грубыя, что слова и увѣщанія на нихъ совсѣмъ не дѣйствуютъ. Такіе случаи имѣлъ въ виду и Сильвестръ, тѣмъ болѣе, что время было суровое и на наказанія тогда смотрѣли совсѣмъ иначе, нежели теперь.

Но рѣчи о наказаніяхъ составляютъ ничтожную часть «Домостроя», главное же въ немъ — это *религіозно-нравственное воспитаніе*, проникнутое духомъ церковности. Сильвестръ начертываетъ идеаль православнаго, истинно русскаго воспитанія, которое служить лучшею характеристикой той эпохи.

Прежде всего онъ говоритъ о храненіи св. вѣры, объ участіи въ таинствахъ, о любви къ Богу, страхѣ Божиѣмъ и памяти смертной. Далѣе онъ раскрываетъ необходимость почтенія священнаго чина, о повиновеніи царской власти и «службѣ правдою» всякому, даже «маломощному» человѣку, о честной трудовой жизни, о дѣлахъ благотворенія, о храненіи церковныхъ заповѣдей и обычаевъ. Нѣкоторыя рѣчи его напоминаютъ краснорѣчивое завѣщаніе Мономаха, въ цѣломъ же взгляды Сильвестра на религіозно-нравственное воспитаніе говорятъ о томъ, что преданія Русь Владиміровой живо сохранились у народа русскаго и въ эту эпоху.

Напримѣръ, Сильвестръ проситъ «себѣ внимати» и пишетъ: «Князю своему пріяйте всѣмъ сердцемъ, и властелемъ своимъ: ни мыслите на ня зла. Глаголетъ бо Павель Апостоль: вся владычества отъ Бога учинена суть: да, аще кто противится властелемъ, то Божию повелѣнію противится. А царю и князю и всякому вельможѣ не пешися служити лежоу и клеветою и лукавствомъ, погубить Господь вся глаголющая лжу, а шепотники и клеветники отъ народа прокляти суть. Старѣйшимъ себѣ честь воздавай, и поклоненіе твори; среднихъ яко братію почитай; маломощныхъ и

¹⁾ «Лучше бѣднякъ, здоровый и крѣпкій силами, нежели богачъ съ изможденнымъ тѣломъ. Здоровье и благосостояніе тѣла дороже всякаго золота и крѣпкое тѣло лучше несмытнаго богатства. Нѣтъ богатства лучше тѣлеснаго здоровья (Сир. XXX, 11—12, 13—14).

²⁾ Евр. XII, 7.

скорбныхъ любовію привѣчай; юнѣйшихъ яко чада люби; *всякому созданію Божию не лихъ буди*; славы земныя ни въ чемъ не желай; вѣчныхъ благъ проси у Бога; всякую скорбь и тѣсоту съ благодареніемъ терпи; обидимъ не мсти, хулимъ молни; зла на зло не воздавай; согрѣшающая не осуждай; вспомни своя грѣхи: о тѣхъ крѣлко пекися; злыхъ мужей совѣту отвращайся; буди ревнитель правожительствующимъ, и тѣхъ дѣланія напишуй въ сердцѣ своемъ, и самъ такоже твори» ¹⁾.

Говоря о томъ, «какъ посѣщать въ монастырѣхъ и въ больницахъ и въ темницахъ и всякаго скорбна», Сильвестръ пишетъ: «Въ монастыри и въ больницы и въ пустыни, и въ темницы заключенныхъ, посѣщай, и милостивно, по силѣ, всякихъ потребныхъ подавай, елико требуютъ; и види бѣду ихъ и скорбь и всякую нужу, елико возможно помогай имъ; и всякаго скорбна, и бѣдна и нужна, и нища, же презри; введи въ домъ свой: напои, накорми, согрѣй, одежи, всею любовію и чистою совѣстію: тѣмъ милостива Бога сотвориши и свободу получиши. А родителемъ своимъ преставльшимся память твори: къ церквамъ Божиимъ приношеніе и въ дому по нихъ кормлю твори: нищимъ милостивно; и самъ отъ Бога памятовень будещи» ²⁾.

Есть въ Домостроѣ черты религиозно-бытовой жизни, характеризующія ту эпоху. Такъ XVI вѣкъ отличался особеннымъ развитіемъ внѣшнихъ формъ богочтенія. Въ этомъ духѣ Сильвестръ наставляетъ, «какъ домъ свой украсити святыми образы». «Въ дому своемъ, всякому христіанину, во всякой храмнѣ, святые и честные образы, написаны на иконахъ, по существу, ставити на стѣнахъ, устройвъ благолѣпно мѣсто со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильниками, въ нихъ же свѣщи предъ святыми образы возжигаются, на всякомъ славословіи Божиі; и по отпѣти погашаются; завѣсою закрываются, всякія ради чистоты, и отъ пыли: благочинія ради и бреженія: а всегда чистымъ крылышкомъ ометати, и мягкой губою вытирати ихъ, и храмъ тотъ чистъ держати всегда; а къ святымъ образомъ касатися достойнымъ, въ чистой совѣсти; и на славословіи Божиі, и на святомъ пѣніи и молитвѣ, свѣчи вжигати, и кадити благовоннымъ ладономъ и епіамомъ, а образы святые поставляются иже въ началѣ, по чину, свято почитаемы суть, имены преехрещенными; въ молитвахъ и во бѣднїяхъ, и въ поклонѣхъ, и во всякомъ славословіи Божиі, всегда почитати ихъ; со слезами, и съ рыданіемъ, и сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдаяся просяще отпущенія грѣхомъ» ³⁾.

Такому отношенію къ св. иконамъ соотвѣтствовала домашняя молитва, которая занимала видное мѣсто въ жизни нашихъ предковъ. Наставляя, «какъ мужу съ женою и домочадцы въ дому своемъ молитися», Сильвестръ пишетъ: «По вся дни въ вечерѣ, мужъ съ женою, и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерня, павечерница, полунощница, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, и съ кротостояніемъ, и съ молитвою, и съ поклоны. Пѣти внятно и единогласно. Послѣ правила, отнюдь ни пити, ни ѣсти, ни молвы творити, всегда; всему тому наукъ. А ложася спати, всякому христіанину по три поклона въ землю предъ Богомъ положить. А въ полунощи, всегда, тайно вставъ, со слезами, прилежно, къ Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи; а утре, вставая, такоже, и комуждо

¹⁾ Домострой, гл. XII.

²⁾ Домострой, гл. XI.

³⁾ Домострой, гл. VIII.

по силѣ и по желанію; а непразнымъ женамъ кланяться до пояса. Всякому христіянипу молиться о своемъ согрѣшеніи, и пушеніи грѣхомъ, и о Царьскомъ и о Царицинѣ, и о чадѣхъ ихъ здравіи, и о братіи его, и о боярѣхъ его, и о христіянолюбивомъ воинствѣ, о помощи на враги, и о плѣнныхъ свободѣ, и о святительскомъ и священническомъ чину, и о болящихъ и въ темницахъ заключенныхъ, и за вся христіяне»¹⁾).

Такимъ образомъ молитвою поддерживалось единеніе духа и общеніе православныхъ. Заповѣдуя возможно частое посѣщеніе богослуженія, Домострой требуетъ «гдѣ церкви стояти на всякомъ пѣніи (богослуженіи) со страхомъ, и съ молчаніемъ молиться», то-есть, внимая тому, что читается и поется въ храмѣ,²⁾ «ни съ кѣмъ не бесѣдовати, съ молчаніемъ и послуша стояти, никуда не обзирается; ни на стѣну не приклонятися, ни къ столпу, ни съ посохомъ не стояти — твердо и непоколебимо молиться со страхомъ и трепетомъ», и «до отпѣнія изъ церкви не пеходити, а принти къ началу». Обращаясь къ сыну, Сильвестръ говоритъ: «Прибѣгай всегда съ вѣрою ко святымъ Божиимъ церквамъ, заутрени не просыпай, обѣдни не прогуливай; вечерни не погрѣши»³⁾).

Нравственный наставленія свои сыну Сильвестръ подтверждаетъ указаніемъ на свой примѣръ, значить то, о чемъ писалъ онъ, у добрыхъ людей того времени исполнялось на дѣлѣ.

«Не погрѣшихъ никогда же церковнаго пѣнія, отъ юности своея и до сего времени, кромѣ помощи.

«Ни нища, ни страшна, ни убога, ни скорбна, ни печална, никогда же презрѣхъ, кромѣ невидѣнія.

«И въ темницы болна и плѣнена, и изъ работы должна, и во всякихъ нуждахъ, по силѣ окупихъ, и гладныхъ, по силѣ кормихъ.

«Работныхъ своихъ всѣхъ свободныхъ и надѣльных; и пны окупихъ изъ работы, и на свободу попускахъ. И всѣ тѣ работные наши свободны, и добрыми домами живутъ, *яко же видиши*, и молятъ за ны Бога и доброхотаютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ, Богъ его проститъ во всемъ. А нынѣ домохадцы наши *всѣ свободны*, живутъ у насъ по своей волѣ.

«Видѣлъ еси, чадо мое: многихъ пустошныхъ *сиротъ и работныхъ и убогихъ*, мужеска полу и женска, и въ Новѣгородѣ, и здѣ на Москвѣ вскормихъ и вспоихъ, до совершенна возраста; изучихъ, кто чево достоинъ; *многихъ грамотъ, и писати и тѣти, иныхъ иконнаго писма, иныхъ книжнаго рукодѣлія*, обѣхъ серебряново *мастерства* и пныхъ всякихъ многихъ рукодѣлій, а пныхъ всякими многими торговли изучихъ торговати. А мати твоя многія дѣвцы и вдовы пустошныя и убогія, *сосчитала въ добръ наказаніи*, изучила рукодѣлію, и всякому домашнему обиходу, и, надѣливъ, за муж давала; а мужескій полъ поженили у добрыхъ людей. И всѣ тѣ, даде Богъ, свободны: своими добрыми домами живутъ; *многи со священническомъ и во дьяконскомъ чину, и во дьячыхъ и въ подьячихъ, и во всякихъ чинныхъ*; кто чево дородился, и въ чемъ кому благоволилъ Богъ быти»⁴⁾).

¹⁾ Домострой, гл. XII.

²⁾ Домострой, гл. XIII.

³⁾ «Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну», стр. 62.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 67.

Такой примѣръ служилъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ. Еще обращаясь къ сыну, Силвестръ заключаетъ: «Да держися, чадо, добрыхъ людей, во всякихъ чинѣхъ, и ревнуй добрымъ *дѣломъ* ихъ; внимая словеса добрыя и *твори* я. *Почитай часто Божественное писаніе*, и влагай въ сердце, себѣ на пользу.

Таковъ воспитательный идеалъ нравственной жизни по Домострою, завѣщанный предками.

XVII-й вѣкъ, собственно говоря, не отступалъ отъ этого идеала, но изображеніе его въ памятникахъ носитъ характеръ вліянія юго-западной школы. Педагогическія сочиненія этого времени написаны уже по риторическимъ правиламъ, съ пространными разсужденіями и доказательствами, съ вычурною витіеватостію, въ то же время воспитательныя мѣры являются болѣе жесткими, причемъ образуютъ какъ бы систему; но религіозно-церковный характеръ воспитанія остается тотъ же неизмѣнно.

Образцомъ такого рода произведеній и выдающимся литературно-педагогическимъ памятникомъ этой эпохи является сборникъ второй половины XVII вѣка, напечатанный и описанный проф. Лавровскимъ въ «Памятникахъ стариннаго русскаго воспитанія», къ сожалѣнію, сохранившійся не въ полномъ видѣ¹⁾. Педагогическую часть сборника представляетъ собственно предисловіе, гдѣ авторъ высказываетъ свои воззрѣнія на воспитаніе.

Изложеніе начинается похвалою духовной мудрости и различіемъ ея отъ мудрости плотской, мірской. Божественная мудрость, по выраженію ея во внутреннемъ чувствѣ, въ словѣ и въ дѣлѣ, представляетъ три вида: «мудрость сердечную, устную и дѣльную». Далѣе слѣдуетъ разсужденіе о необходимости внушать духовную мудрость измлада. Все это подтверждается примѣрами. Важность воспитанія дѣтей въ духовной мудрости указываетъ на необходимость строгаго выбора воспитателей. Окончивъ рѣчь о воспитателѣ, авторъ обращается къ самому воспитанію и его средствамъ: «первая вещь есть *жезлъ*; вторая вещь есть, еже дѣтемъ возбранити злаго общества, третья вещь есть, еже злаго по себе образа не являти чадомъ». Окончаніе предисловія утрачено.

Такимъ образомъ изложеніе предмета отличается логической стройностью, причемъ авторъ обнаруживаетъ обширную по тому времени эрудицію. Сочиненіе изобилуетъ ссылками на латинскихъ и греческихъ авторовъ, примѣрами и сравненіями изъ исторіи, изъ природы, даже изъ греческой міеологіи.

Для характеристики этого труда приведемъ нѣкоторые мѣста изъ него. Вотъ рѣчь о мудрости. «Не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящимъ изо устъ Божіихъ, яко же самъ рекъ предвѣчная правда, Христосъ Богъ нашъ, иже съ вышнихъ сошедый, о вышней пищѣ, вышней части пещися повѣлѣвая. Ибо нижняя часть человекъ хлѣбомъ питается, вышняя же часть словомъ Божіимъ наслаждается. Тако глаголетъ Григорій Божественный, ветхаго Рима первопрестольникъ: брашно ума глаголь Божій есть. Се же яко такова изводства дѣйствуютъ в

¹⁾ По катал. И. П. Библ. № 327. Описывая рукопись, Лавровский, на основаніи содержанія и языка ея, приходитъ къ заключенію о юго-западномъ происхожденіи составителя ея, а по соображенію историческихъ обстоятельствъ и нѣкоторыхъ библиографическихъ данныхъ, допускаетъ предположеніе, что составленіе рукописи принадлежитъ Елифанію Славинецкому и въ другихъ (утраченныхъ) спискахъ озаглавливается: «Гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ». *Лавровский, Памятники...* стр. 62.

душѣ, какова брашно тѣлесное во плоти. Брашно укрѣпляетъ плоть, Слово Божіе душу; брашно есть нужно въ путь житейскій, Слово Божіе въ путь духовный; хлѣбъ вои крѣпитъ во брани гражданствѣ, слово Божіе во брани духовнѣй»...

Обращаясь къ ученику, авторъ пишетъ о хлѣбѣ духовномъ (мудрости): «*яждь* взяма *рукама ума* твоего, прежуйвай *зубами разсужденія*, и поглощай в *стомахъ памяти* твоея, и будетъ ти въ пользу»¹⁾. Такихъ, почти восточнаго характера, цѣлѣвъ краснорѣчія древняя Русь не знала.

Говоря о мудрости плотской, которая осуждается словомъ Божіимъ, сочинитель замѣчаетъ: «Здѣ знаменати годствуеть и увѣститися всѣмъ лѣпо есть, яко не гаждаются (осуждаются, порицаются) здѣ *художества свободная: грамматика, риторика, философія* и прочая, яже зѣло есть полезна во гражданствѣ и къ духовной премудрости пособствена, но обхуждается здѣ разума естественнаго, художествомъ тѣхъ хитростію изощреннаго, Божію словеси непокорство, егда кто на естественныя вины (причины) взирая, Божію не повинуется слову. Та мудрость міра сего буйство есть у Бога: ибо величайшее есть заблужденія начало, еже хотѣти божественная и весьма умъ человѣческій превосходящая, мѣрою человѣческаго разума мѣрити».

Свободныя художества должны служить духовной мудрости: «ибо египетская сокровища на божественнаго созданіе обращаетъ храма». Приводятся примѣры классическаго образованія св. Григорія Богослова, Василия Великаго.

О видахъ мудрости духовной: «мудрость духовная есть трегуба: *сердечная, устная* и *дѣлная*. Первая, сердца мудрость, во тріехъ содержится: въ покаяніи о грѣсѣхъ прешедшихъ, во преобиженіи прибытковъ и въ желаніи вѣчныхъ благъ; вторая, усть премудрость, такожде во тріехъ содержится: во исповѣданіи грѣховъ, во благодарствіи и в назиданіи ближнихъ; дѣлная же мудрость подобнѣ въ тріехъ содержится: во отреченіи воли своея, во отсѣченіи сластей плоти, в терпѣніи противства міра сего»²⁾.

Сочинитель сборника придаетъ большое значеніе въ воспитаніи раннимъ навыкамъ и при этомъ, разбирая вліяніе товарищей и другихъ людей на дитя, дѣлаетъ ссылку, повидимому, на ученіе Локка, своего современника³⁾. «Инъ философъ умы отрокъ юныхъ уподобляетъ скрижали ненаписаннѣй (*tabula rasa*), на ней же учитель, что либо хочетъ написать можетъ: точнѣ во умѣхъ юношескихъ что либо хоцещи, вообразится или добро, или зло, и выну пребываетъ и прибываетъ» (умножается, растетъ).

Вотъ разсужденія автора о необходимости начинать воспитаніе въ раннемъ возрастѣ.

«Благо есть мужу, егда воздвигнетъ яремъ въ юности своей. Древеса, донележе млада, изъ дивныхъ лѣсовъ и пустынь ненаселенныхъ въ сады пресаждати есть садовникомъ обычай. Родителие и чада православніи! Яко та (древеса млада) влаги нивъ новыхъ удобъ могутъ внутрь пріяти, и тѣми оживившеса, плоды благіе приносить; не тако старая: ибо та неудобъ терпятъ преселеніе. Подобно дѣется и въ родѣ звѣрей: ибо млада конь безтруднѣе образовается и всадника пріемлетъ, нежели стародивый, и малотѣнѣе воль сый удобѣ яремъ на выи носити пріучается, неже въ празнованіи (безъ дѣла) состарѣвыйся. Точнѣ въ человѣцѣхъ: юноша, яко

¹⁾ Лавровскій, Памятники... стр. 34.

²⁾ Лавровскій, Памятники... стр. 37.

³⁾ Локкъ—1642—1704.

лѣторасль, а може хошеши, преклонитися можетъ, не тако лѣты довольный. Того ради хотящїи навикнути хитростемъ, или свободнымъ, или несвободнымъ, во юности дѣтстѣй приводятся ко учителемъ и вручаеми имъ бываютъ, да трудолюбїа налогъ примутъ во младости, егоже бы употребленїемъ препитати свою старость. И во нравахъ юныхъ злонравїе немногими искореняется трудами и блазиї насаждаются въ тѣхъ мѣсто обычаи... И велїа есть тымъ полза, иже благому игу Христову и бремени лехкому подлагаютъ выи си отъ младости своя: ибо ей же работѣ прїобыкнутъ въ веретѣ юности, та имъ сладка будутъ и не стужитъ и во предлѣхъ послѣднїа ветхости. Во юности не хотїи труждатися, во старости злѣ пострадать. Ибо яко кто не оретъ и не сѣетъ въ юности лѣта, иже есть весна, той въ старости, иже есть зима, и хладъ и гладъ страдати долженствуетъ: тако во юности жизни своя не показавый трудолюбїа въ дѣлѣхъ, не приметь во старости плодовъ упокоенїа: трудъ бо юности покой старости приноситъ; и противнымъ обычаемъ лѣность юности трудъ старости и безпокойство плодотворитъ. Чего ради родителїе чадолюбивїа должны суть юность рожденныхъ собою ко трудамъ душеполезнымъ приклоняти и отъ младыхъ нохтей къ добрымъ дѣломъ причати я: ему же бо прїобыкнетъ младость, то безтрудно носить старость»...

«Единъ отъ учителей искусныхъ подаетъ намъ образъ преподлезный дѣтскїи юности наставленїа сицевъ. Въ *первомъ*, глаголетъ, *седмилѣтїи* да учатъ родителїе чада си благая и чпстая словеса, а не худая и скверная глаголати, праведная, а не ложная вѣщати: ибо имже тукомъ новъ сосудъ исполнень будетъ, того вони изъ себе никогда избудеть. Во *второмъ седмилѣтїи* да учатъ я коему либо художеству, да возмогутъ тѣмъ нужная житїю стяжати. Изряднѣе же, да соблюдаютъ я отъ видѣнїа скверныхъ: ибо якоже иѣсть лѣпо юнымъ скверная глаголати, тако и видѣти. Даетъ вину Аристотель: яко вся первая наипаче суть любима; и того ради иже во первыхъ зритя, тѣмъ съ вящимъ удивленїемъ прїемостряются юнїи и твердо содержатъ я въ памяти. По *второмъ же седмилѣтїи*, егда примутъ разумъ благъ и доволенъ, да учима будутъ страху Божию и мудрости, еже како Богу жити, разумнїю же и искусству, како честно гражданствовати въ мїрѣ. Въ сїа триседмичныи лѣти чесому юноша приложится, того и во старости удержится по оному словеси: юноша по пути своему ходяй, аще и состарѣется, не отступитъ отъ него». Далѣе слѣдуютъ сравненїа изъ природы.

Восхваляется чадородїе, если дѣти разумно воспитаны, ибо отецъ, «аще и представится отъ вѣка сего, не умираетъ, живетъ бо въ чадѣхъ своихъ». Но «лучше есть безплодное древо, нежели злыя и вредныя приносящее плоды». Тѣмже убо тщанїе родителемъ должно есть присное имѣти, да плодъ ихъ благъ будетъ». Но сочинитель трактата предупреждаетъ, что любовь къ дѣтямъ должна быть разумною, не безъ мѣры, не поблажающею. Повидимому, родители и въ то суровое время страдали слабостью въ отношенїи къ дѣтямъ своимъ. «Подобаеть родителемъ имѣти *любовь къ чадомъ умѣренная*. Якоже вино, мѣрно употребляемое, веселитъ и здравитъ, безмѣрнѣ пакы пїемое разума лишаетъ и болѣзни бываетъ виновно: тако любви родителей ко чадомъ, аще есть по достойному, полезна есть и рождшема и рожденнымъ; аще же *выше мѣры*, и тѣма вредъ творитъ и овымъ: овы въ развращенїе попускаеть, тѣма же печаль и болѣзни о развращенїи овѣхъ содѣваетъ»¹⁾. Авторъ

¹⁾ Давуровскїи, Памятн. восп., стр. 48.

приводить въ примѣръ извѣстный мифъ о Фаэтонѣ («баснь се есть піптическая, но родителямъ въ наставленіе полезна: да не по всякому чаду прошенію соизволеніе творять»), судьбу Офни и Финесса и Илія съ дѣтьми. Затѣмъ авторъ обращается къ вопросу «откуда у честныхъ родителей чада злоправіе стяжутъ?» И отвѣчаетъ: «Повѣмъ вамъ истину, ради исправленія: отъ *матерня ласкательства*, отъ *отца наказанія*, отъ обою же пространно воспитанія. Блажить мати малаго сына малую злону, а злота въ сердцѣ аки терпіе кореніе си утверждаетъ и, сыну растушу, сростетъ злота паче. Егда же возрастетъ сынъ въ количество непреклонное, совозрастетъ злота во правъ нескоренимый». Зло дѣлается второю природою,—но «можетъ ли ефіопъ переменить кожу, или рысь пестроту свою?» Трудно измѣнить злой нравъ, если дѣти «отъ пеленъ родителями научаются злоправію и злословити», когда имъ «отъ дѣтства упиватися попускають», когда они съ дѣтства же «и видятъ, и слышать, и творять нечистоту невозбранно».

Эти то факты слабости и недосмотра родителей въ воспитаніи и вызываютъ у автора необходимость ограниченія воли дѣтей и примѣненіе суровыхъ мѣръ воспитанія: «первая вещь есть жезлъ»... Но мѣры эти примѣняются тамъ, гдѣ дѣти «здоровны». «Аще же *благодаривы* ти чада суть, благодарн Господа и *правительстуй* (руководи) *житіе ихъ любовію* на путь благій»¹⁾. Такимъ образомъ, суровость воспитанія, вызываемая неразумною любовію, распушенностію и поблажками родителей дѣтямъ, является не безусловною, не для всѣхъ, но гдѣ она нужна и полезна.

Относясь сурово къ дѣтямъ, авторъ также относится и къ родителямъ, не исполняющимъ своего долга. «Образъ твой есть сынъ: какова ты видить и слышать, тако самъ образуется. Тѣмъ же воправду родители гажденія (хулы, порицанія) и казни достойны суть, ихже чада кромѣ наказанія сверѣпѣють»...

Въ связи съ этимъ взглядомъ стоитъ педагогическое требованіе «злаго по себѣ образа не являти чадомъ». При этомъ отвѣтственность родителей усиливается. Дѣти подражательны, а примѣру родителей они даже должны слѣдовать. Что же будетъ, если примѣръ дурной!

«Ибо якоже півекъ (обезьяна), что видитъ человекъ творящія, абіе то тщится дѣяти: подобіи чада, дѣла родителей оныхъ видяще, подражателіе имъ бываютъ. Блаженні убо суть родители, ихже житіе добродѣтельное есть чадомъ образъ благоправія, зеркало исправленія и правило дѣяній благихъ. *Окалинні* же суть родшці, пже злымъ си житіемъ чадо си соблазняютъ. *Чадобійци* суть сіи человекъ, нежелн родители, пбо худшее раждаютъ, а лучшее убиваютъ: раждаютъ бо плоть тѣлнцю, убиваютъ же душу безсмертную, егда соблазняютъ чада си, и грѣха ихъ виновницы бывающе, лишаютъ я живота душъ, яже есть благодать Божія». Сказавъ объ угрозѣ евангелія соблазнителямъ малыхъ, авторъ продолжаетъ: «аще тако горе чюдимъ, много паче родителямъ». «Влудителя убо родители, да не будете душегубцы чадъ вашихъ соблазнію житія вашего».

Такія педагогическія воззрѣнія завѣщаль намъ XVII вѣкъ. Разсматриваемый сборникъ заключаетъ въ себѣ далѣе практическое руководство воспитанія. Оно начинается съ *молитвъ*: «прежде всякаго дѣланія», «исходи изъ дому», «въ школу вшедь» «отъ одра возставъ», «во одежды облачаяся»,—словомъ, молитвы на всякое

¹⁾ Лавровскій, Памяти., стр. 47.

дѣйствіе благое. Особныя молитвы положены, «егда дѣти начинаютъ *ученіе чтенія*¹⁾. Педагогическія правила имѣютъ церковный характеръ. Вотъ, напримѣръ, правило— «Кая имать отрокъ въ церкви блюсти и во умѣ обращаться: «Да вѣсть убо отрокъ, храмъ Божій не жилище быти разбойникомъ, но молитвы домъ: сего ради тамо дѣянія безмѣсная и глумы игранія дѣлая да не явится. Егда же *тѣмъ* время, да творить самое сіе со благоговѣніемъ, и отъ Бога да проситъ милость чрезъ молитвы и иная размышленія благоговѣнная, получить благовременнаго прошенія».

Затѣмъ для назиданія учащихся предлагается собраніе текстовъ св. писанія подъ разнообразными рубриками нравственныхъ обязанностей: «Пещися.» «Хранити тайны.» «Совѣтовати во всемъ.» «Благотворити врагомъ.» «Любити.» «Не ругатися.» «Мѣру равну имѣти.» «Сѣдаго чествовати.» «Нищія милувати.» «Баятися беззаконія.» «Грѣшныя исправляти любовно.» «Языкъ восдержати.» «Злаго слова хранитися.» «Немногословити.» «Лжи удалитися.» «Не слушати скверныхъ.» «Чрево восдержати.» «Сердце прилежно блюсти.» «Вящихъ себѣ не искати.» «Смерть помните» и т. д. Заключение: «Блаженъ человекъ, егоже аще накажеша, Господи, и отъ закона Твоего научили того».

Такой воспитательный матеріалъ предлагался для чтенія юношамъ дома и въ въ училищахъ.

Что касается воспитательныхъ мѣръ, излагаемыхъ въ букваряхъ и азбуковникахъ, то онѣ представляютъ или произведеніе западно-русскихъ дидаскаловъ или же прямо переводъ съ польскаго. На это указываютъ какъ самый языкъ наставлений, такъ и неуклюжая стихотворная ихъ форма, которая занесена къ намъ изъ западно-русскихъ школъ. Проф. Соболевскій замѣчаетъ, что «извѣстный дифирамбъ розгѣ (Розгою Духъ Святый дѣтище бити велить), вмѣстѣ съ другими стихами позднѣйшихъ азбуковниковъ, переводный. Его польскій оригиналъ печатался въ польскихъ азбукахъ даже въ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія²⁾. Религіозный характеръ воспитанія сохранился и въ этихъ наставленіяхъ; но читая ихъ, можно прийти къ мысли, что кромѣ розги въ нашихъ школахъ второй половины XVII в. совсѣмъ не было другихъ, чисто-нравственныхъ, воспитательныхъ средствъ; но такой выводъ былъ бы несогласенъ съ истиною. Скорѣе можно думать, что похвалы розгѣ, бичу и жезлу писались не столько для примѣненія ихъ на дѣлѣ, сколько для устрашенія учащихся, которымъ буквари выдавались на руки.

Приведемъ нѣкоторыя изъ виршъ о розгѣ.

¹⁾ Премудрости Наставниче, смысла Давче, немудрыхъ Наказателю и нищихъ Защитителю утверди, вразуми сердце мое, Владыко. Ты даждь ми слово. Сего устнама моима не возбраню, во еже знати тебѣ: милостиве, помилуй мя. Сіе глаголи трижды.

Благости наказанію и разуму научи мя, яко Ты еси, Боже отецъ нашихъ и Господи милости, сотворивши человека, да обладаетъ созданныи Тобою, и устройтъ миръ преподобіемъ и правдою. Даждь ми отъ Твоихъ престолѣхъ намѣстницу премудрость и не искуси мене отъ наказанія Твоихъ, яко азъ рабъ Твой и сынъ рабыни Твоея, посланъ ю съ небесъ отъ святаго жилища Твоего, и отъ престола славы Твоея, да, пришедши, научить мя, что угодно есть Тебѣ, и наставитъ мя въ разумъ истинный, и сохранитъ мя во славу своей всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

²⁾ А. Соболевскій, *Образованность Моск. Р. XV—XVII в.*, стр. 22, примѣч. Не отрицая, что побой были въ нашихъ школахъ, авторъ однако же заявляетъ, что «мы не имѣемъ права думать, чтобы они были у насъ въ большомъ ходу: ни въ одномъ изъ житій святыхъ XV—XVII вѣковъ о нихъ не говорится».

Вотъ *увѣщаніе* о пользѣ наказаній для отроковъ, напечатанное въ букварѣ 1679 г.

Хощеня, чадо, благъ разумъ стяжати,
 Тщися во трудѣхъ выну пребывати.
Времиемъ раны нужда естъ терпѣти,
 Ибо, *тѣхъ кромѣ,—безчинуютъ дѣти.*
Розги—малому, бича—большимъ требь,
А жезлъ—подрастшимъ при нескудномъ хлѣбѣ.
 Та орудіа—глуныхъ исправляютъ,
 Плоти цѣлости ничтоже вреждають.
 Розга—умъ остритъ, память возбуждаетъ
 И волю злую въ благу прелагаетъ:
 Учитъ Господу Богу ся молити
 И рано въ церковь на службу ходити.
Бичъ—возбраняетъ скверно глаголати
 И дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезлъ—лѣнивыя къ дѣлу понуждаетъ,
 Рождшихъ слушати во всемъ поучаетъ,
 А злобы творцы страхомъ си спасаетъ,
 Егда болѣзнями душу пронцаетъ,
 Не вредитъ костей, тѣлу болѣзнь родитъ,
 Но злыя нравы отъ юныхъ отводитъ,
 Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте,
 Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте,
 И рукъ, яже вамъ язвы налагаютъ,
 Ибо не зла вамъ, по добра желаютъ...
 Сіе же слово за даръ благъ возьмите,
 Не злословьте ми, но благословите:

Наиболѣе часто встрѣчается въ азбуковникахъ слѣдующая похвала розгѣ:

Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ,
 Розга убо ниже мало здравія вредитъ.
 Розга разумъ во главу дѣтемъ вгоняетъ,
 Учитъ молитвѣ и злыхъ вѣхъ встыгаетъ.
 Розга родителемъ послушны дѣти творитъ,
 Розга Божественнаго писанія учитъ.
 Розга аще и бьетъ, по не ломитъ кости,
 А дѣтище оставляетъ отъ всякіа злости.
 Розгою аще отецъ и мати часто бьютъ дѣтище свое,
 Избавляютъ душу его отъ всякаго грѣха.
 Розга учитъ дѣлати вся присно ради хлѣба,
 Розга дѣти *ведетъ правымъ путемъ до чеба.*
 Розга убо всякимъ добротамъ паучаетъ,
 Розга и злыхъ дѣтей въ преблагія претворяетъ.
 Розгою отецъ и мати еже дѣтище не бьютъ,
 Удаву на выю его скоро увіютъ.
Вразуми, Боже, матери и учителя,
Розгою малыхъ дѣтей бити ранити.
Благослови, Боже, оныя тѣса,
Иже розги добрыя родятъ на долги времена,
 Малымъ дѣтемъ розга *черемховая двоюмѣтняя,*
 Сверстнымъ же *березовая* къ воумленію,
 Черемховая же къ страхованію ученія,
 Старымъ же дубовый жезлъ къ подкрѣпленію.

*Младъ бо безъ розги не можеть ся воумити,
Старый же безъ жезла не можеть ходити.
Аще ли же безъ розги изъ млада возрастится,
Старости не достигъ, удобъ скончится».*

Здѣсь розга является какъ бы основнымъ орудіемъ воспитанія и обученія; но въ другихъ виршахъ она назначается не для всѣхъ, а только для лѣнивыхъ, непослушныхъ, несправныхъ учениковъ. Такъ въ рукописи «Школьное благочиніе—всеспасительное ученіе» пишется:

*«Кто учениемъ мыится,
Тотъ ранъ терпѣть не постыдится;
Кто урока не изучитъ,
Изъ школы отпуску не получитъ;
Когда кто другъ друга злѣ унизитъ,
Таковой съ терпѣніемъ на школьномъ козлѣ¹⁾ полежитъ...
Внимайте словамъ моимъ учительскимъ,
Да не будете повинны ранамъ мучительскимъ.
«Непокоряющимся полагаемъ клеймотъ—
Учителевъ ремешъ плетной».
Лѣнивыхъ писаніе велитъ бити лозами,
Отъ нихъ же то (лѣность) изодится слезами».*

Приведенныя изреченія, взятая изъ разныхъ азбучниковъ²⁾, въ сущности варьпрують одни и тѣ же мысли о наказаніяхъ. Очевидно, дидакалы того времени виртуозно изощрялись превзойти другъ друга въ описаніи значенія и примѣненіи розги. Не было ли это схоластическое, чисто словесное утрашеніе, которое далеко не примѣнялось на дѣлѣ? Хмыровъ и Мордовцевъ, одинаково не сочувствовавшіе образованію Руси до-Петровской, полагаютъ, что воспитаніе и ученіе въ эту эпоху на дѣлѣ вовсе не имѣли той жестокости, какую можно предполагать по приведеннымъ похваламъ розгѣ, бичу, жезлу—вообще физическимъ наказаніямъ; а изъ приведенныхъ выше памятниковъ видно, что и въ ту пору являлась также любовь и снисходительность къ дѣтямъ, доходившія и до крайности.

Да и самыя задачи воспитанія были таковы, что ихъ нельзя было достигнуть розгою. «Вино новое въ мѣхи новыя вливайте, пишетъ древне-русскій педагогъ о дѣтяхъ, еже есть *любовь Божію* въ сердца ихъ отъ юности вселяйте; *къ небесная сія дрѣвеса* обращайтесь и клоните, да не земная, но *небесная узрять и любить и мудрствуютъ*»³⁾. Странно было бы представлять древне-русскую семью, при ея патріархальномъ строѣ и тогдашнихъ нравахъ, живущею и воспитывающею только любовью; но также не вѣрно представлять ее дикою, жестокою, воспитывающею только побоями, чуждою любви.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще сказать о взглядѣ нашихъ предковъ этой эпохи на *воспитателя* и его значеніе. Въ семьѣ воспитателями являлись родители, въ школѣ учителя, но въ боярскихъ семьяхъ были и особыя воспитатели. Значеніе учителей ставилось высоко. Они должны служить для дѣтей, какъ «образъ житіемъ ко всякой добродѣтели.» Да не зреть око ихъ (дѣтей) ничтоже развратно отъ

¹⁾ «Школьный козель»,—вѣроятно, скамейка, на которую клали виновнаго при сѣченіи розгами.

²⁾ См. Описаніе ихъ у Хмырова, Мордовцева, Карпова и др.

³⁾ Лавровскій, Памятн. восп. стр. 44.

воспитывающихъ, да не слышатъ упеса (дѣтская) отъ нихъ «скверныхъ или неподобныхъ глаголь». Отцу говорится: «образъ твой есть сыпъ: какова ты видишь и слышишь, такъ самъ образуется»,—то же относится и къ учителямъ.

Выборъ воспитателя—дѣло важное, ибо отъ него зависитъ будущность дѣтей. «Веліе же древле благоразумныхъ о томъ попеченіе было, да добронискусныя своимъ чадомъ учителя обрящутъ. Иеронимъ блаженный единой честнѣй женѣ, импованной Лета, сице черезъ свое писаніе о воспитаніи дочери совѣщаше: учителя избери *в лѣтѣхъ благихъ, житія благочестнаго и ученія*. Александръ великій, вселенныя покоритель, зѣло радовася и привѣтствова себѣ, яко въ то время дадеся ему жити, внигда преславнѣйшій всѣхъ любомудрыхъ Аристотель живяше и учаше, и ему самому наставникъ дадеся. Θεодосій царь, попеченіе имѣя отеческое о сыну си, Аркадіи и Оноріи, написа ко Гратіану царю посланіе, моля его, да пошлетъ ему в царьградъ пзряднѣйшаго нѣкоего *во благочестіи и ученаго* мужа Арсенія. Недовольно быти пеншева царь Θεодосій, еже царство, множествомъ вселескихъ богатствъ кипящее, в послѣдіе сынама дати своимъ; тшася ктому благоправіемъ и благочестіемъ прежде обогатити я. Тѣмже, вручая чада си Арсенію богомудрому, рече ему: Отсель ты паче отецъ будеши сима отресома, нежели азъ»¹⁾.

Подобно тому преп. Ксенофонтъ и Марія, благочестиво воспитавшіе сыновей своихъ Аркадія и Іоанна, послали дѣтей своихъ «во Киритъ ко учителямъ преславнымъ премудрости и преблагимъ, *книно премудрости и добродѣтелямъ насталяющимъ*, и прежде добронравію, неже вѣтійству, яко сіе безъ онаго аки тѣло безъ души есть, оно же безъ сего яко душа тѣлесе кромѣ». Здѣсь ясно высказывается педагогическое требованіе, чтобы учитель былъ вмѣстѣ и воспитателемъ, а обученіе было воспитывающимъ. «Мудрости убо мирскія яко посланію или подожію быти, духовныя же кровомъ украситися».

Персыми учителями въ нашихъ школахъ были священники, иноки, дьяконы и дьяки. Высокія обязанности священства, излагаемыя въ посланіяхъ апостольскихъ и отеческихъ писаніяхъ, прилагались ими и въ учительствѣ. Пастыри призваны, по выраженію м. Алексія, «учити всѣхъ на вся душеполезная»²⁾, словомъ и дѣломъ, поученіемъ и житіемъ руководить пасомыхъ, «како жити». Ученіе въ школахъ не расходилось съ ученіемъ въ церкви. «Санъ святительскій отъ Господа учиненъ есть не ради успокоенія и прохлады, но ради спасенія пасомыхъ»³⁾. Эти воспитатели и учителя народа служили живымъ образцомъ для учителей книжныхъ и другихъ сословій. Отсюда и явился высокій идеалъ учителя въ нашей древнерусской школѣ. Учитель долженъ быть «богобоязливъ, христоролюбивъ». Стоглавъ приказывалъ избирать въ школы учителей «добрыхъ, благочестивыхъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, и вмѣнялъ имъ въ обязанность учить «со всякимъ духовнымъ наказаніемъ» страху Божію, грамотѣ, письму и пѣнію, сколько кто умѣетъ. Цѣнились въ учителяхъ особенно *добрый нравъ, кротость и скромность*, почему и выбирали «учительныхъ людей тихихъ и небражниковъ». При выборѣ учителя царевичу Петру Алексѣевичу мать просила царя сыскать учителя «кроткаго и сми-

¹⁾ *Лаурозскій*, Памяти. восп., стр. 44.

²⁾ Акг. Истор. I, № 3.

³⁾ Димитрій Ростовскій, соч. т. III, 511.

реннаго и вѣдущаго божественное писаніе» ¹⁾, каковымъ оказался Зотовъ. Самый вѣшній видъ учителя располагалъ къ почтенію. Учитель на древнихъ миниатюрахъ изображается человѣкомъ пожилыхъ лѣтъ (въ лѣтѣхъ благихъ), въ длинномъ платьѣ, съ опущенными волосами и бородой, съ важнымъ лицомъ, какъ изображаются лица духовнаго сана.

Въ Азбуковникахъ XVII вѣка учителю влагаются такія рѣчи о его дѣятельности:

Духовніи мои о Господѣ и любезная братіа,
Собравшіися здѣ духовнаго ради наказанія,
Ушеса ваша усердно ко мнѣ приклоните,
О мудрости слову прилѣжно внемлите,
Которая пначала двій съ Богомъ бѣ и есть и будетъ,
Сія въ чистыхъ душею и тѣломъ человѣцѣхъ пребудеть;
Сія хочеть въ ваша благочестивыя сердца вселитися,
Въ вѣчное селеніе со Отцемъ и Сыномъ и Духомъ Святымъ
водворитися.

Азъ ко онѣмъ вышеписаннымъ ты направляю,
Книжному разумѣнію прилѣжно ты наставляю.
Азъ въ книжномъ разумѣніи даю тебѣ смисль
Дабы ты во благомъ ученіи былъ быстръ.
Азъ ко ученію вразумляю прилѣжно,
Ты въ сихъ учисъ всегда неотложно.
Азъ тебѣ вся книжная любомудріе указую,
Тебе всѣмъ благимъ усердно и любезно наказую.
Аще въ наказаніяхъ моихъ пребудеть,
То вездѣ пріятель будеть.
«Учитель добродѣтельнымъ путемъ ведетца,
Къ такому ученику безъ опасенія приведетца,
Учителемъ благая дѣла творятца.
Таковаго ученицы крѣпче держатца.
Учителя житіемъ не искусець,
И ученикомъ таковой гнѣсець;
Учителю не въ пищахъ и питіяхъ пребывати,
Но по заповѣдямъ проживати».

Учители-священники и вообще члены клира учили въ школахъ безкорыстно, исполняя свой долгъ учительства; по крайней мѣрѣ въ памятникахъ нигдѣ нѣтъ упоминанія о платѣ за книжное ученіе у лицъ духовныхъ. Но когда, со времени Монгольскаго ига, появились на Руси школы грамоты, гдѣ преподавали «мастера», то появилась и рядная плата за ученіе. Геннадій говоритъ, что мастера брали плату особо за изученіе псалтири, часовъ, особо за вечерню. Плата эта заключалась частію въ деньгахъ, частію шла натурой, въ видѣ каши, магарычей, подарковъ. Въ азбуковникахъ XVII вѣка находятя такія обращенія къ ученикамъ:

«Ко учителю въ день педѣльный на поклонъ приходите,
И отъ снѣдныхъ брашенъ и питія ему приносите».
«Честь достойную учителю воздавайте,
И отъ домовъ своихъ брашна и питія ему приношайте».

Иногда просьба о приношеніяхъ излагается витіевато, во вкусѣ Кіевской элленци, которая долго и въ послѣдующее время, какъ извѣстно, питалась подав-

¹⁾ Сахаровъ, Записки русскихъ людей (Крекшина). 1841 г., стр. 19.

нѣмъ, испрашиваемымъ пѣнѣмъ разныхъ виршъ у домохозяевъ¹⁾. Что-то униженное и не русское слышится въ этихъ моленіяхъ, напоминающихъ вирши Симеона Полоцкаго къ царю, тоже о пособіяхъ. Древняя Русь была проще. Повидимому, въ концѣ XVII вѣка у насъ образовался типъ учителей бродячихъ, выходцевъ изъ Юго-Западной Руси. Извѣстно, что они во множествѣ явились на Руси Московской именно въ эту эпоху²⁾.

Но слѣдуетъ замѣтить, что эти искатели подарковъ, приношеній пищу и питіемъ вышли не изъ братскихъ школъ Юго-Западной Руси. Въ братскихъ школахъ обученіе, какъ и въ Московской Руси въ школахъ церковно-приходскихъ, было *бесплатнымъ*, даровымъ; учителя получали содержаніе отъ братствъ, которыя предъявляли къ нимъ высокія требованія не одного образованія, но и нравственныхъ качествъ.

Въ уставѣ Луцкой школы пишется: «Даскаль или учитель сей школы долженъ быть *благочестивъ, смиренномудръ, кротокъ, воздержливъ... способшикъ благочестія*, во всемъ представляя собою *образецъ благихъ дѣлъ*. Въ такихъ добродѣтеляхъ да пребываютъ и ученики, какъ ихъ учитель»³⁾.

О матеріальномъ вознагражденіи учителей въ уставѣ совсѣмъ не говорится. Въ школѣ собственно монастырской содержаніе главнаго пѣвца, школьнаго учителя и учащихся отроковъ возлагалось на средства монастыря; о ректорѣ школы говорится, что онъ, не требуя за науку никакой платы (жадное платы за науку не беручи), долженъ имѣть наблюденіе за отроками и за всею школою, и за учителемъ, «дабы молодые годы порученныхъ имъ дѣтокъ напрасно не тратились, за что учителя должны *дать отчетъ Богу*» (аже бы дѣтокъ имъ врученныхъ лѣта молодыя марнеся не теряли, за которыхъ учителеве личбу Богу чинити мусячь). Забота о дѣтяхъ называется *отцовскою*⁴⁾. На трудъ учителя и воспитателя смотрѣли, какъ на дѣло Божіе. Такой же взглядъ господствовалъ и въ Московской Руси до Петровской.

1) «Прикажи, Государь, намъ отъ класорасленныхъ *плодовъ* запасцу дати,
И отъ пресвѣтлыя твояе трапезы *говядъ* и тинолюбящія *свини* преподади,
Со всѣми же сими желаемъ и *птахъ* водоплавныхъ.
Иже обрѣтаются въ домѣхъ вашихъ преславныхъ,
Отъ *млекъ* згущеннаго и отъ *сыменъ* изгнетеннаго *масла*,
Да въ приходящій праздникъ *уладятъ* наша брашна.
Возьдари происходящимъ *сквозъ* огонь и воду,
Да *благопотребно* будетъ нашему дому.
Высокорасленнымъ *огорченнаго пива* добрѣйшаго,
Пчелодѣльнаго *меду* сладчайшаго.
Молимъ Бога, дабы о сихъ всѣхъ тебѣ, Государю, *извѣстилъ*,
Насъ же, богомольцовъ своихъ, всѣми сими *посѣтилъ*.

2) Уже Максимъ Грекъ говорилъ о бродячихъ учителяхъ: «мнози убо обходятъ грады и земли, ови убо куплю, ови же художествомъ всякимъ, ремесствомъ и *книжнымъ искусствомъ*, Греческимъ, или Латинскимъ, есть же и *Ерусалимскими*: одни совершенны суть, другіе отчасти, инне же *отнюдь не искусивше художнаго видѣнія книжнаго*, рече грамматическаго и риторскаго, и прочихъ людныхъ учительствъ Еллинскихъ, обаче *свалаятъ видѣти вся, користоватися желающе и кормитися*». Максимъ завѣщалъ испытывать такихъ гостей — *chevaliers d'industrie*. Значитъ, широка была потребность въ образованіи на Руси, если она создала даже небезвыгодное ремесло бродячаго учительства.

3) Памятники, изд. Врем. Комисс., стр. 97.

4) Памятники, изд. Врем. Комисс., т. I, стр. 67.

Дѣлатель достоинъ мзды своей, по Апостолу; труждающійся вкушаетъ отъ плода трудовъ своихъ. Служители алтаря отъ алтаря имѣли и пропитаніе. Стоглавый соборъ, избирая достойнѣйшихъ пастырей руководителями школъ, заповѣдуетъ, чтобы они учили отроковъ «о всѣхъ полезныхъ» «отъ Бога мзды ожидающе, а и здѣсь отъ ихъ родителей *дары и почести* приеムюще, по ихъ достоинству». Здѣсь вознагражденіе учителя является не въ видѣ торговыхъ, рядныхъ условій, а какъ естественный результатъ добраго и полезнаго труда его, причемъ нравственное достоинство его нисколько не умаляется, а на первомъ мѣстѣ стоитъ *награда отъ Бога*.

V. Внутренняя организація школы XVII вѣка. Правила поведения учащихся. Школьные порядки и взаимныя отношенія учениковъ и учителей.

До XVII вѣка мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія о внутреннемъ бытѣ и организаціи древне-русскихъ училищъ. Лѣтописи и житія хотя и говорятъ о школахъ и ученіи, но первыя только кратко упоминаютъ о нихъ, а вторыя, сосредоточиваясь на личности угодниковъ, ограничиваются лишь указаніями, что святой учился, «пзвыче божественныхъ писаній», «прилежа чтенію книгъ» и даже «писаше книги», но о самомъ ученіи умалчиваютъ. Даже азбуки древнѣйшихъ временъ не дошли до насъ, хотя онѣ несомнѣнно были, списывались и широко распространились вмѣстѣ со школами. Но отъ XVII вѣка сохранилось много букварей, азбукъ, азбукovníковъ, въ которыхъ, кромѣ учебнаго матеріала, помѣщались школьныя правила, наставленія для учителей и разныя свѣдѣнія о школьномъ бытѣ этой эпохи. Хотя эти памятники еще не напечатаны вполне, многіе извѣстны только въ отрывкахъ и въ извлеченіяхъ¹⁾; но и то, что извѣстно, составляетъ цѣнный матеріалъ для историка, изучающаго прошедшее нашей школы. Благодаря азбукovníкамъ, мы имѣемъ возможность возстановить внутренній бытъ школы XVII вѣка, ея жизнь, настроеніе, школьные порядки, взаимныя отношенія учителей и учениковъ, даже домашній бытъ школьника.

Прежде всего изъ азбукovníковъ очевидно, что въ эту эпоху на Руси уже были правильно организованныя школы, и притомъ школы двухъ видовъ—*для приходящихъ* учениковъ и для учениковъ, *живущихъ* при школѣ въ *общежитіяхъ*.

Напримѣръ, въ наставленіи ученикамъ въ одномъ азбукovníкѣ пишется:

«Въ дому своемъ, воставъ отъ сна, умыйся,
Прилучившагося плата краемъ утрися,
Въ поклоненіи святымъ образомъ продолжися,
Отцу и матери ниско поклонися.

¹⁾ Богатое собраніе азбукovníковъ Соловецкой бібліотеки описано *Карповымъ* (Казань. 1878 г.). Но авторъ, имѣя въ виду спеціальную цѣль, останавливался почти исключительно на лексикографическомъ матеріалѣ и разнородномъ научномъ содержаніи ихъ. Для нашей цѣли имѣеть особенную важность собраніе азбукovníковъ изъ бібліотеки арх. Афанасія, описанное *Мордозицкимъ* (Москва, 1862 г.). Къ сожалѣнію, это не научное описаніе памятниковъ старины, а публицистическая статья, съ выдержками изъ азбукovníковъ, судьба которыхъ доселѣ остается неизвѣстною. Нѣкоторыя извлеченія изъ азбукovníковъ по школьному дѣлу помѣщены въ ст. *Хмирова* (Нар. школа 1871 г.). Какъ ни отрывочны сообщаемыя свѣдѣнія изъ азбукovníковъ, но они представляютъ почти единственныя пока матеріалы для характеристики организаціи школъ XVII вѣка, и мы ими пользуемся въ своей изложеніи. Нѣкоторыя азбуки описаны у *Пекарскаго*, а нѣкоторыя есть и въ нашей бібліотекѣ.

*Въ школу тиателно иди,
И товарища своего веди
Въ школу съ молитвою входи,
Такожде и вонъ исходи».*

Здѣсь, очевидно, говорится о школѣ, въ которую дѣти ходятъ учиться съ товарищами. Это хожденіе въ школу описывается во всѣхъ азбуковникахъ.

Слѣдующее же требованіе, обращенное къ учителю:

*«Лягутъ гдѣ ученицы твоя когда спати,
Двиися, аще не на тѣхъ же мѣстѣхъ имуть востати»*

говоритъ ясно, что ученики не только учились, но и проводили ночь, то-есть жили, въ школѣ, ибо иначе какъ учитель могъ имѣть наблюденіе за ихъ сномъ.

То же усматривается при выборѣ «школьныхъ старостъ» изъ учениковъ. Собственно въ школѣ, по азбуковникамъ, назначалось *три* старосты, а для общежитія назначался *одинъ*, который долженъ наблюдать, «да *по отшествіи* или *снѣ* учителя, ученицы не уклонятся въ развращенія и *бесѣды пустошныя*, и не точію ученіе оставлять, но и на *ина нѣкая злая* діаволъ научить». Въ другомъ азбуковникѣ пишется:

*«Единого изъ васъ въ старосты избираю,
Емуже васъ всѣхъ въ повиновеніе привождаю:
Ему покоряйтесь и ученіи своими ему прислушайтесь;
Когда же и самъ я буду во дому,
Не лѣнивъ буду и самъ къ тому».*

Здѣсь, очевидно, дѣло идетъ о внѣклассныхъ занятіяхъ учениковъ, живущихъ въ школѣ, въ домѣ учителя. Когда онъ отлучался, или ложился спать, староста обязанъ былъ наблюдать за учениками, чтобы они занимались дѣломъ, не тратили время на пустые разговоры и шалости. Наконецъ, въ азбуковникахъ есть требованіе, чтобы учитель велъ съ учениками внѣклассное чтеніе «во время хлѣбояденія и полуденнаго отъ ученія престатія», значить, въ нѣкоторыхъ школахъ ученики обѣдали въ школѣ и оставались послѣ занятій, то-есть жили въ школьныхъ общежитіяхъ.

Поступленіе ученика въ школу всегда сопровождалось *молитвою*. Заранѣе условившись съ учителемъ, въ урочный день родители и вся семья отправлялись въ церковь, слушали обѣдню, потомъ служили молебень св. Космѣ и Даміану, пророку Науму и ангелу своему ¹⁾. Затѣмъ учитель шелъ въ домъ родителей, гдѣ встрѣчали его съ почетомъ, сажали въ передній уголъ. Тутъ, держа сына за руку, отецъ передавалъ его учителю, передавая ему и отцовскія права надъ сыномъ. Мать, стоя у дверей, плакала. Ученикъ дѣлалъ предъ учителемъ три земныхъ поклона, причемъ учитель ударялъ осторожно три раза плеткой своего ученика и сажалъ его за столъ, за азбуку. Мать вручала сыну узорчатую указку, учитель, развернувъ азбуку, показывалъ букву *Азъ* и начиналъ слагать: *азъ-земля-ерьъ-азъ*, чѣмъ и оканчивался первый опытъ. Учителя угощали, подносили ему дары—платье, полотенце, хлѣбъ. На другой день ученикъ, съ азбукой и указкой въ рукахъ, являлся въ школу и становился школьникомъ ²⁾

¹⁾ «Есть общай многимъ (учащимся) совершати любезныя моленія безсребренникомъ Косми и Даміану, и св. пророку Науму, и ангелу своему, его же святаго тезоименитство пмать».

²⁾ Сахаровъ, Сказ. Р. Нар., т. II, кн. 7.

Первую обязанность всякаго ученика составляли *домашняя молитва* и неопустительное *посѣщеніе богослуженія*. Въ «наставленіи малымъ дѣтемъ» пишется; «подобаетъ отрокомъ, обучающимся купно, еже услышати гласъ звона, отъ сна востати и помышляти архангельскую трубу, гласящую послѣднее тѣлесъ возстаніе къ суду и воздаянію. Воставъ отъ сна, знаменуетъ себя самаго отрокъ знаменіемъ честнаго и животворящаго креста, *тремя* первыми персты десныи руки, купно же глаголя словесно и мысленно: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Таже одѣвса ризами и умывъ лице, на благодареніе Богу, воздвигшему его, обратится, яко убо сподобися, здравствуя по обоему человѣку (по тѣлу и духу), востати отъ одра. Таже положивъ три великіе и простертые поклоны предъ иконою Владычицы, благоговѣно иди ко храму, дому молитвы, благочиннымъ и честнымъ ступаніемъ: ни скоро текій, ниже убо ступая по желву черепокожному (какъ черепаха), но имѣя шагъ средній и царственнѣйшій. Да вѣсть убо отрокъ, яко храмъ Божій—молитвы домъ: сего ради тамо дѣянія безмѣстная (неумѣстная), глумы и игранія дѣлаай, да не явится». ¹⁾

Такимъ образомъ всякій ученикъ обязанъ былъ ежедневно посѣщать храмъ Божій. Требованіе это не казалось отяготительнымъ, потому частное посѣщеніе богослуженія было обычнымъ у нашихъ предковъ. «Се бо ваше *дѣтское въ школь унашихся дѣло*, паче же совершенныхъ въ возрастѣ», говорится въ одномъ азбуковникѣ о посѣщеніи храма.

Въ другомъ наставленіи говорится только объ утренней молитвѣ: «прилѣпляющейся мнѣ, глаголетъ мудрость, и ищущій отъ мене благаго разума, въ домѣхъ рано встають, и умывся, образу Божію нижайшимъ поклоненіемъ съ продолженіемъ (молитву творя) да поклонится, и у родшихъ благословеніе испросивъ, утренюетъ ко мнѣ, си есть порану ко учителю приходитъ».

Поведеніе ученика въ долѣ, въ семьѣ, по «наставленію малымъ дѣтемъ» изображается такимъ образомъ.

«Что имать дѣтище творити, егда порану востанетъ отъ ложа? *Молитвою* день да начнетъ. Ничтоже прежде да не творить, дондеже первѣе главу учешетъ, лицо умыетъ и усто руками измыетъ и воспоетъ: Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ. Царю Небесный. Трисвятое. Пресвятая Троице. Отче нашъ. Отъ сна воставъ и прочее. Посемъ родителемъ или ближнимъ и пріятелемъ поздравствовати на благоденствіе, съ честнымъ и нижайшимъ поклоненіемъ. Тогда же иди *во училище* или *въ дому* сѣсти и упразднити подобающее время *въ прочтаніи* священныхъ писаній или за дѣла каково-либо пріятная; и время провождаютъ не праздно, ниже въ глумленіяхъ, дондеже достигнетъ часъ ястія. И тогда Богу помолитися молитвою: Отче нашъ и прочее, и тако ясти честно, благоговѣно и мирно, безъ пресыщенія или объяденія, благодаря Бога о даваемыхъ потребныхъ. Не прочитавше же кому молитвы Отче нашъ, никакоже дерзати ясти, аще и зѣло юнъ смѣи.

На трапезѣ ли велицей сѣлъ еси, не разверзи на ней гортани твоея. Яждь, яко человѣкъ, предложенное тебѣ не разгребай, да не возненавидишия, престани первый и не пресыщайся. И аще посреди многихъ сѣлъ еси, первѣйшій ихъ не простри руки твоея, яко довольно человѣку малое. Не пресыщайся и во всякой сладости и не разливайся на яди: во многихъ бо пищахъ будетъ болѣзнь... пре-

¹⁾ Рук. Соф. бібліотеки.

сыщеніемъ мнози умроша. Егда яси и насытитися, возблагослови Господа Бога твоего: Благодаримъ Тебе, Христе Боже нашъ, яко насытилъ насъ и прочее. Потомъ родителемъ или питающимъ и инымъ благодѣтелемъ за ястіе благодарити съ честнымъ и достоуднымъ поклоненіемъ и по семъ направляти себе на дѣло учинное. И сице препроводати дни свои въ страхъ Божиимъ»¹⁾).

Таковъ благовоспитанный отрокъ, учащійся въ училищѣ, въ домашнемъ быту. Дома онъ долженъ бозъ ропота, охотно все дѣлать, что ему поручать, и въ школу идти, заниматься ученіемъ, онъ долженъ безъ понужденія: «аще же что въ дому повелится имъ творити, должны то усердно и безъ роптанія творити и содѣяти. Ко ученію же паки *не черезъ понужденіе*, но усердно да возвратятся».

Заслышавъ звонъ церковнаго колокола, призывающій къ богослуженію, ученики должны оставить дѣло свое и спѣшитъ въ храмъ Божій, гдѣ должны стоять благоговѣно, ибо всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ.

Звонъ къ церковному пѣнію егда слышите,
Ученіе оставльше, усердно тамо поспѣшите;
Знаемъ всѣмъ тамо кроткимъ стояніемъ бываете,
Помеже вси знаютъ, яко въ школу пребываете».

Значить, самое ученіе въ школѣ и званіе ученика обязывало учащихъ вести себя особенно осмотрительно.

Благоговѣное отношеніе къ святынь церкви ставилось въ непремѣнную обязанность. «И егда минуеть святую церковь и узритъ кто образъ Христовъ, не мни, еже не помолитися со изреченіемъ симъ: Пречистому Твоему образу покланяюся, Благій и ту стоя, или идя, скончай. Аще ли не умѣши первое, довольно ти есть, дондеже изучиши. Такожде и Пресвятая Богородица образу помолитися со изреченіемъ; Подъ Твое благоутробіе прибѣгаемъ, Богородицо Дѣво и прочее. Вѣдый буди, яко скорая на помощь всѣхъ насъ умолишь Сына Своего, Христа Бога нашего, еже дати тебѣ *истинное познаніе во святыхъ писаніихъ*».

Къ молитвѣ заповѣдуется прибѣгать, если ученикъ слабо учится или плохо разумѣеть и усволяетъ преподаваемое, «болитъ грубоученіемъ и невниманіемъ учимаго». Тогда должно призвать священника, который помолится, прочтаетъ молитвы «о неудобоучащемся грамотѣ», и молитва вѣры, по примѣру св. Сергія Радонежскаго, подасть успѣхъ въ ученіи.

Замѣчательно одно мѣсто въ азбуковникѣ, гдѣ учащіяся отроки предохраняются отъ чтенія вредныхъ книгъ, которыми, какъ и въ наши дни, старались увлечь юношество. «Есть во всѣхъ книгахъ и въ писаніи, говорится здѣсь, кромѣ тишеніемъ изданныхъ (то-есть, одобренныхъ правительствомъ, ибо типографіи были въ вѣдѣніи царя и патріарха) посреди доброй духовной пшеницы насѣянъ непотребный плевель, какъ куколь въ пшеницѣ; не глаголю римскій, но другой, внесенный къ намъ еще мудреными, безумными людьми, иже во многихъ градѣхъ и всѣхъ паче же рещи въ великомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, елико за таковая плевела двояко, сіестъ, душевнѣ и тѣлеснѣ страждутъ». Повидному, здѣсь имѣются въ виду рационалистическіе сектанты, а быть можетъ и раскольники. Если, говорить мудрость, кто-либо изъ таковыхъ станеть наставлять въ чемъ юношу и предлагать для чтенія книгу, то онъ долженъ отвѣчать, что еще не смысленъ для того,

¹⁾ Куртіяновъ, Матеріалы для ист. р. педаг. Журн. Мин. Пр. 1856 г. январь.

чтобы самъ оцѣнить предлагаемое и сказать: «но аще хоцещи, да даси мнѣ сіе, и азъ шедъ, покажу моему учителю». Мудрое правило, предостерегающее учащихся отъ вредныхъ увлеченій и за предѣлами школы, въ домѣ, при случайныхъ встречахъ съ непрошеными просвѣтителями, которые, значить, бывали и въ то время.

Ученикамъ запрещалось бродить безъ дѣла по улицамъ, посѣщать зрѣлища: «На обрѣтающееся позорище отнюдь не ходите,

Но паче въ дома своя со смиреніемъ идите».

Когда окончивались въ школѣ занятія и ученики шли домой, то они должны были вести себя скромно, прилично. «Что долженствуютъ творити дѣти, егда изъ училища отпустятся? Скоро въ домъ да не спѣшать: не бѣгомъ потекутъ, яко усомшвенци (кожевники) на торжище; не долженствуютъ вопльствовать, яко онній стенторъ; иже мятежъ ибкій творити, яко неистовствующіе кони, егда взыгрались пмъ; ниже пакы бѣгати подобаеъ, яко скоту, сѣмо и овамо».

Въ другомъ азбуковникѣ пишется: «Егда же учитель отпуститъ васъ въ подобное время, со всякимъ смиреніемъ до дому своего идите: шутокъ и кощунствъ, иханія же другъ друга и бленія, и рѣзваго бѣганія, и камноверженія, и всякихъ неподобныхъ дѣтскихъ глумленій да не водворится въ васъ: творяи бо таковая ибсть отъ овецъ моихъ, но отъ непотребныхъ и смрадныхъ козлищъ, любящихъ стропотное хожденіе, отъ ихъ же бываетъ паденіе и сокрушеніе». День окончивался, наступалъ вечеръ и сонъ. «Вечеру пришедшу, въ ложницѣ, или въ спальной хранищѣ, что долженствуетъ творити отрокъ? На святія молитвы да вдастся и да глаголетъ молитву: Господи Боже нашъ, еже согрѣши во дни семъ и прочее. И прежде неже на очеса сладкій сонъ приметъ, да приведетъ на память вся дѣла и мысли, яже сотвори въ онній день».

«На ложѣ каково приличество долженствуетъ храпити дѣтище?—Прежде неже главу возложить на возглавіе, чело и перси знаменіемъ креста святаго знаменуетъ, праткою молитвою Господу Иисусу Христу себе предасть. Никого же да не огорчить своимъ многословіемъ; мирно да лежить».

Како долженствуетъ спать лечь отрокъ?—Ни на носъ, ниже навзничъ; но первѣе на правый бокъ да возляжетъ, рудѣ крестообразно сложивъ, да защищасть перси знаменіемъ креста святаго, положивъ правую руку на лѣвое рамо, лѣвое же на правое».

Таково домашнее поведеніе ученика по школьнымъ правиламъ училищъ XVII вѣка.

Отправляясь въ школу, ученикъ прежде всего долженъ помолиться. «Время же получивше идти во училище, подобаеъ помолитися сице: «Открой, Господи, очи моя и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего; вразуми мя, и испытаю законъ Твой и сохранию ѿ всѣмъ сердцемъ моимъ. Не отыми отъ мене благодати, прежде сже умрети ми. Суетно слово и лживо далече мене сотвори. Богатства и нищеты не даждь ми; снни же мнѣ потребная и самодовольная, да не, насытився, лживъ буду и реку: кто мя видитъ; или обнищавъ, украду и поклянусь именемъ Божиимъ. Господи Иисусе Христе! Разверзи уши и очи сердца моего, еже услышати словеса Твоя и разумѣти я и волю Твою творити. Пресельникъ азъ есмь на земли, не скрый отъ мене заповѣдей Твоихъ; открий очи моя и уразумѣю чудеса закона Твоего».

Класныя занятія начинались общею молитвою, которая, вѣроятно, сопровождалась пѣніемъ «со умѣреннымъ гласомъ».

«Молитвы ваши со умѣреннымъ гласомъ кунно да бввають,
Кричаніе же и вересканіе умиленія отнюдь не подавають».

«Въ храмъ учителей, сіестъ, въ школу, съ молитвою благоискусно да входши и по низжайшихъ образу Божію поклоненіихъ, учителю достодолжнымъ ипжайшимъ поклоненіемъ и дружныѣ твоей обычно да поклонншися, и за мя, любезную тобою мудрость пріимся и изученное глаголати неспѣшно потщися». Оканчивалось ученіе тоже молитвою:

«Въ школу съ молитвою входи

Такожде и вонъ исходи».

«Хощете ли при вечерѣ въ дома своя отходити,

Молитву: Нынѣ отпуцаешн глнвозгласно говорити»

И въ другомъ мѣстѣ: «егда отпуцаши будете, вси кунно вставше и книги своя книгохранителю вдавше, умѣреннымъ возгласеніемъ вси кунно и единогласно *воспѣвайте* всегда молитву приподобнаго Сумеона Богопримца: нынѣ отпуцаешн и прочее, и Пресвятой Богородицѣ о пріятіи ученія и молитвъ вашихъ глаголите: Преславная Приснодѣво и прочее».

Ученіе продолжалось въ школѣ до *вечерни*. Съ первымъ ударомъ колокола ученики оставляли школу и шли къ вечернему богослуженію. Въ азбуковникѣ говорится, что въ иноземныхъ школахъ порядокъ иной, но для Руси онъ является зазорнымъ: «аще дѣцпы и въ навечернн вечерняго пѣнія (богослуженія) говорити («говорить по книгамъ», учитьсѣ) повелѣвають, и тако расходитсѣ и о семъ писаніе повѣствуетъ, яко во иностранныхъ мѣстѣхъ тако творитсѣ, у насъ же въ Славено-Россіи сіе зазорно мнитсѣ».

Придя въ школу, каждый ученикъ занималъ свое мѣсто, указанное ему учителемъ:

«Данное тебѣ учителемъ кое мѣсто,

Ту житіе твое да будетъ вмѣстно;

Дружняго мѣста не восхищай,

И товарищевъ своихъ не утѣсжай».

Мѣста же назначались не по важности и богатству родителей учащихсѣ, но по достоинству каждаго; ученики всѣ должны быть равны, отличались только усердіе и успѣхъ въ ученіи.

«Маліи въ васъ и величии вси равни,

Ученій же ради выщихъ мѣстомъ да будутъ знатни».

На урокахъ ученики должны были держать себя скромно, внимательно, не допуская ничего, что могло бы мѣшать занятіямъ. Скромность должна быть и въ отвѣтахъ учениковъ. Въ статьѣ «о обычаяхъ во училищи пишѣтсѣ».

«Во училищи како долженствуютъ пребывати дѣти? Долженствуютъ любить *молчаніе* и *воздержаніе*, ипкинмъ шептаніемъ и бесѣдами невѣжливыми *преспкати чтенія* страшитсѣ должны, да не воспріимуть достойнаго наказанія. Егда будутъ наказуемн (наставляемы) въ должностяхъ своихъ, *гордо* да не отвѣцвають, извлекутсѣ всякаго *возвышенія* и злыхъ словесъ или досады, облекутсѣ же во остроуміе *охотное* и *податное ко ученію*, всегда прилежно ушесы готовыми *дл слушаютъ*, проповѣданному имъ усердно *да внемлютъ*, и еже имъ учитель повѣсть, *да не про-*

пустятъ мимо ушесъ, и еже услышатъ, яко нѣкое сокровище да хранятъ и въ память себѣ вложить».

Въ другомъ азбуковникѣ говорится, что на урокахъ «во дружинѣ твоей и братіи (среди учащихся) смирепъ буди и благоискусенъ во всемъ, *не празднослови, не смѣйся, очима не намизай, ниже озирайся сѣмо и овамо, яко пзумленный*».

Когдаходишь въ школу и выходишь, дѣлай это тихо, безъ шума:

Двери школы, входяи и псходди,

Тихо и благоискусно отвори и затвори».

Особенная бережливость рекомендуется въ отношеніи книгъ, которыя тогда были дороги, да и по религиозному своему характеру требовали обращенія внимательнаго. Кто обращается съ книгой небрежно, тотъ невѣжда. «Аще гдѣ пойдеши, книгу твою вышею страню внизъ не клади, ниже горнею, си есть, вышею страню, яко бы *стремоглавно* поставивши, но дольнею страню во обохъ и ставляй и полагай: оно бо есть не знающихъ и невѣжествующихъ дѣло. Древца указательнаго (указки) въ книгу *не клади*, но тако просто, или чимъ тончайшимъ преложивъ, замкни и на уготованномъ мѣстѣ честно полагай». При школахъ были особые «книгохранители» изъ учениковъ, которымъ и сдавались книги для хранения при выходѣ изъ школы, по окончаніи ученія ¹⁾. Въ другомъ азбуковникѣ прибавляется, чтобы при занятіяхъ книгъ не разгибали очень сильно и чтобы не забавлялись «паволоками»—заставками, рисунками и другими украшеніями, которыми писцы того времени наполняли учебныя книги ²⁾.

Для внѣшняго порядка въ школахъ и для надзора учитель избиралъ изъ лучшихъ учениковъ *старостъ*, по примѣру охраненія стада пастухами. Пастухъ, оберегая овецъ, «сзываетъ стадо голосомъ и отвращаетъ овецъ отъ пути, аможе нехѣло имъ ходити и для того не только самъ бдитъ на стадомъ, но имѣетъ и псовъ добрейшихъ, могущихъ олати стадо: да гласъ ихъ нѣцци отъ звѣрей слышавъ, не внидутъ во стадо, во еже восхитити что и стадо распудити», такъ какъ «множицею

¹⁾ Завѣдующему книгами «старостъ» дается такой наказъ:

«Часто тебѣ, староста, приказываю

И всѣмъ вамъ прилежно наказываю:

Честно книги всегда принимай,

На уготованное мѣсто благоискусно полагай,

Честно же и заутро взимай

И съ молитвою всѣмъ отдавай».

²⁾ «Книги ваши добре храните

И опасно на мѣсто свое кладите;

Книгу, замкнувъ, печатію къ высоти полагай;

Указательнаго же древца въ ню отнюдь не влагай;

Книги къ старостѣ въ соблюденіе съ молитвою приносите,

Тако же заутро принимая съ поклоненіемъ относите;

Книги своя *не вельми разибайте,*

И листовъ въ ихъ *туне не пребирайте;*

Книгъ на сѣдалищномъ мѣстѣ не оставляйте,

Но на уготованномъ столѣ добру поставляйте.

Книгъ аще кто не брежетъ,

Таковъ души не стрежетъ.

Книжными паволоками *не забавляйтеся,*

Но написанными въ нихъ вразумляйтеся.»

и пастырь отъ труда усыпаетъ или отходить», а «бодрый пестъ единъ стережетъ добръ». Тѣмъ болѣе оберегать надо стадо словесныхъ овецъ,—малыхъ дѣтей, которыхъ учитель обязанъ «хранити, яко зеницу ока: много бо несмыслства и всякаго неразумія привязано суть къ души отрочати». Для того учителю «подобаетъ имѣти у себе, въ остереганіе ихъ, добрѣйшихъ и искусныхъ учениковъ, могущихъ и безъ него оглашати ихъ пастырскимъ словомъ».

Старость избиралось трое и каждому давалось особое назначеніе. Обязанности старосты заключались въ надзорѣ за учениками, причѣмъ старосты могли налагать взысканія на виновныхъ; старосты же прослушивали уроки учениковъ, смотрѣли за книгами, за чистотою въ школѣ, за отопленіемъ ея, за свѣжестью воды для питья, за храненіемъ платья, — вообще за внѣшнимъ порядкомъ. Вотъ какъ изображаются обязанности старостъ по азбуконикамъ:

«*Триехъ старость вамъ устрою,
Коемуждо особенное приказаніе уставлю:
Тѣи вся бывающая въ васъ да смотряють,
Виноватыхъ, по винѣ смотря, безъ мене да смиряють;
Тѣи должны суть: единъ книги пріимати и отдавати,
Другій недостатки воды досмотрати и пить отпускати;
Третій нужди ради на дворъ отпущати
И зловоннаго духа долженъ есть ощущати.
Тѣи должны быть безпристрастни,
Да не, на нихъ зря, иніи будутъ страстни».*

Съ заботою о добромъ поведеніи учениковъ соединялась также и забота о гигиеническихъ условіяхъ школьной жизни.

«Школьнымъ ученикомъ всѣмъ пригазъ:
Ослушникомъ же и огурщикомъ будетъ указъ:
Шумъ и крикъ не полезный здѣ да не явится,
Любай сіе, съ нами таковъ не водворится,
Шутка и глумленіе въ васъ отнюдь да не услышится,
Да не ближними нѣкоими зло о насъ помыслится.
Шапки и одежды на грядку да полагаете,
И оттуду пакн бережено взимаете;
Школа всегда у васъ чиста да пребываетъ,
Подметена же и беспорошна и исчещена да бываетъ;
Школьный соръ вонъ износите,
Бытностей же и рѣчей отнюдь не износите.
Школьные недостатки *третій староста* да знаетъ
И вся потреби прилѣжно да сматрываетъ;
Школу нагрѣвайте и метите повсядневно,
Староста же сему нарежаетъ поочередно;
Школу кто нагрѣваетъ,
Той и все въ ней пристраиваетъ;
Школу кто хочетъ нагрѣвати,
Всякое дѣло съ молитвою начинати;
Школы двери и окна напрасно не отворите,
Но паче тепло въ ней зберегайте».
Сосудъ воды свѣжія въ школу приносите,
Лаханъ же съ настолюю водою вонъ износите,
Столъ и лавки часто сами да мыются,
Да приходящимъ въ школу не гнусно видятся:
Симъ бо познается ваша личная лѣпота,
Аще у васъ будетъ школьная чистота...

Кому хотѣлось пить, тотъ спрашивался у старосты:

«Жажда ради по трижды днем да испиваете,
И сихъ ради у старосты съ молитвою бываете».

Старосты же разрѣшали выходить ученикамъ изъ школы ради нужды, причемъ требовалось, чтобы ученики не засиживались долго: «аще камо ходиши, не долго медли, но скоро возвращайся и измывъ руцѣ, настоящему ученію касайся».

Правила эти, повидимому, мелочныя, очевидно, направлены къ тому, чтобы ученики не шалили, не бѣгали отъ дѣла. Передъ нами простой бытъ сельской школы, гдѣ ученики метутъ школу, носятъ дрова, топятъ печи, готовятъ воду для питья, заботятся о чистотѣ школы, проходятъ книжное ученье, порою шалить и дѣются, за что подвергаются взысканіямъ. Но школа эта проникнута живымъ духомъ церковности, все въ ней совершается съ молитвой. Съ ударомъ колокола къ вечернѣ всѣ идутъ въ церковь и молитвою заканчиваютъ учебный день, чтобы утромъ снова начать его молитвой.

Отношенія между учениками школы были дружескія. Школьными правилами ученики признавались всѣ равными; запрещалось уничижать товарищей, давать имъ клички и прозвища, а также переносить изъ школы «словесный соръ», то-есть, сплетничать, дразнить другъ друга, подавать соблазнъ.

«Во дружинѣ твоей смиренъ буди и благоискусенъ во всемъ.»

«Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не вноси.
Въ домъ же отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарища своего накажи.
«Дружняго мѣста не восхищай,
И товарищевъ своихъ не утѣшай».

«Ближняго не уничижи и не утѣши; полупременемъ, паче же прозваніемъ никого не называй.» «Словесъ смѣхотворныхъ и подраженія въ школу не вноси.»

«Слова законопреступна ни на кого не возлагай,
Товарищамъ своимъ соблазна тѣмъ не полагай».

Товарищество считалось дѣломъ благороднымъ и похвальнымъ; о фискалахъ или наушникахъ въ азбуковникахъ ничего нѣтъ, но они были и не въ духѣ русской школы,—это язва школы іезуитскихъ. Одно мѣсто азбуковника даетъ поводъ полагать, что если товарищамъ приходилось заявлять о проступкѣ какого-нибудь виновнаго шалуна, то дѣлалось это сообща и безъ указанія имени виновнаго, который самъ себя обнаруживалъ смущеніемъ и краскою въ лицѣ. Такъ ученики говорили учителю:

«Въ некоторыхъ изъ насъ есть вина,
Которая не передъ многими деньми была;
Виновни, слышавъ сіе, *лицемъ рдятся*,
Понезже они нами смиренными гордятся».

Наушничество, тайныя рѣчи и сплетни всегда были противны русскому чело-
вѣку, тѣмъ болѣе они неумѣстны были въ воспитаніи.

Хотя въ каждой почти азбукѣ находится похвала розгѣ, но отношенія учителя къ ученикамъ по азбуковникамъ являются вовсе не такъ суровыми, а главное—не формально-холодными, а участливыми, проникнутыми доброжелательствомъ. Это особенно видится въ отношеніи къ ученикамъ малоуспѣшнымъ по малоспособности. Въ наше время такимъ спокойно ставятъ единицы и затѣмъ увольняютъ изъ школы.

«Мудрость» совѣтуетъ учителю не гордиться «борзоучащимся» и не оскорбляться «грубоучащимся», но призывать на помощь Бога и «любезный много стихъ купно глаголати: Премудрости Наставниче и смысла Давче и прочее до конца.» Потомъ ученики должны чаще читать молитву: «Господи помози, Господи посѣлиши, Господи вразуми рабъ своихъ грамотѣ учитися и добрѣ писати. Даруй намъ, Господи Боже, разумъ истинный, очима прилежное зрѣніе, помысль немятежель и умъ достаточень.»

Чтобы поддержать въ малоспособномъ бодрость духа, вѣру въ успѣхъ при помощи Божіей, учителю рекомендуется, кромѣ молитвы, читать такому разнымъ полезнымъ наставленіямъ отъ писаній и рассказывать общедоступнымъ, простымъ языкомъ (просторѣчнымъ сказаніемъ) изъ житій святыхъ Радонежскаго Сергія, Александра Свирскаго о томъ, какъ они, будучи вначалѣ малоспособными, по молитвѣ получили отъ Бога разумнѣе книжной мудрости, а также рассказъ объ отроцѣ, которому не давалась грамота и который каждый день обращался съ молитвою ко Пресвятой Богородицѣ о дарованіи ему памяти, вниманія и способности къ ученію и которому она явилась и возвѣстила: «не точію грамотѣ отсюду будещи умѣти, но и главу твою скорбную улечу». Такіе рассказы, передаваемые простымъ, живымъ языкомъ, проникнутые вѣрою въ Божію помощь, могли поднять духъ малоспособнаго и составляютъ мѣру, полную глубокаго педагогическаго такта. Мѣра эта стоитъ въ связи со взглядомъ нашихъ предковъ на книжное ученіе, какъ на даръ Божій. Въ имѣющейсѣ у насъ рукописной азбукѣ XVII вѣка говорится: «сотворивый человекъ по образу своему и по подобію, Богъ далъ ему дыханія и тѣлеси возвращеніе, не остави его во тьмѣ невѣдѣнія, но просвѣти его свѣтомъ богоразумія, давъ ему сей *ослїй даръ*, глаголю же *грамотное ученіе и разумнїе, на просвѣщеніе ума* его и смысла и *на прославленіе святаго своего Троичнаго имени*». Поэтому съ грамотою и была такъ тѣсно соединена молитва. Поэтому и занесенныя къ намъ изъ Польши и юго-западныхъ школъ дифирамбы розгѣ, бичу и жезлу не могли имѣть широкаго примѣненія на практикѣ; въ азбучовникахъ они стоятъ одиноко, внѣ связи съ общимъ характеромъ у насъ школьнаго ученія и воспитанія, о чемъ было сказано въ своемъ мѣстѣ.

По отношенію къ учителю ученикамъ внушалась почтительность. При входѣ въ школу ему дѣлался поклонъ, при выходѣ ученики «прощались» съ учителемъ. Ученики пріучались впрочемъ къ тому, чтобы и при входѣ посторонняго лица въ школу встать и привѣтствовать гостя; въ азбучовникахъ есть даже готовыя «предустрѣдительныя слова или привѣтства», которыя произносились лучшими, избранными учениками посѣтителемъ, причемъ гостямъ предоставлялось «глаголати удобопристойная нѣкая реченія, въ вящее ума къ настоящему ученію наставленіе». Значитъ, школы того времени служили предметомъ особеннаго вниманія со стороны общества.

VI. Учебный курсъ и обученіе въ древне-русской школѣ XV—XVII в. Учебная литература и матеріаль для самообразованія русскихъ людей въ до-Петровское время.

Установившійся съ древности курсъ ученія въ церковно-приходскихъ школахъ, состоявшій въ обученіи чтенію, письму и пѣнію, въ изученіи псалтири, часослова и другихъ божественныхъ книгъ, сохранялъ свою силу и въ разсматриваемую

эпоху. Этотъ курсъ утверждёнъ былъ соборомъ 1551 г., какъ вошедшій въ практику еще со временъ св. Владиміра.

Въ житіи св. Аеанасія Высоцкаго (XIV в.) говорится, что угодника «обучиша *святаго писанія чтенію, псалмовъ пѣнію и благодетія христіанскаго*».

Въ предисловіи въ грамматикѣ Смотрицкаго пишется: «*Издравле российскимъ дѣтководцемъ и учителемъ обычай бѣ и есть учити дѣти малыя въ началѣ азбукъ, потомъ часовнику и псалтири, таже писати; по сихъ же нѣщы преподають и чтеніе апостола*».

Въ одномъ азбуконикѣ XVII вѣка пишется: «Подобаеть убо вамъ, учителяе, вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей учити божественнымъ письменемъ. Первое убо въ началѣ буквамъ, сирѣчь, *азбукъ*, по томъ же *часовника* и *псалтиря* и *прочія божественныя книги*, и паче же убо всего, еже бы вамъ наказати и изучати ученикамъ азбука» ¹⁾.

Въ одной рукописной азбукѣ XVII в., хранящейся въ библиотекѣ Уфимской семинаріи, способъ ученія излагается такъ: «русти сынове, младыя дѣти первѣе починають учитися по сей составнѣй словенстѣй *азбукъ* поряду словамъ и потомъ узнавъ письмена и слоги и изучивъ сію малую книжицу азбуку, начинаютъ учити *часовникъ* и *псалтирю* и *прочая книги*. Начинающе учитися грамотѣ первѣе простымъ словесамъ и слогамъ учатся. Потомъ же якоже по лѣствицѣ къ преждереченнымъ тѣмъ книгамъ и прочимъ *божественнымъ догматомъ* касаются и на ученіе и на чтеніе простираются, и по дару святаго Духа комуждо ихъ бывають смыслены и разумны божественному писанію». Основа и цѣль обученія—изученіе «священныя грамоты», то-есть, чтеніе и разумнѣе слова Божія.

Но съ XV вѣка нужда въ хорошо подготовленныхъ пастыряхъ церкви, которые обучались въ той-же всеобщей церковно-приходской школѣ, выдвигаетъ вопросъ о *спеціальной* подготовкѣ ставленниковъ. Объ этомъ заботился Геннадій Новгородскій; для удовлетворенія этой потребности Стоглавъ дѣлалъ распоряженія объ учрежденіи школъ по городамъ. Но свѣдѣній объ этихъ училищахъ и составѣ обученія въ нихъ не сохранилось. Надо полагать, что курсъ ихъ остался общій, принятый и въ другихъ школахъ, но съ добавленіемъ изученія слѣдованной псалтири и «церковнаго постатія», порядка отправленія службъ.

Въ XVII вѣкѣ, въ связи съ вопросомъ объ исправленіи церковныхъ книгъ, ставится вопросъ о необходимости изученія въ школахъ *грамматики*. Въ одной рукописи XVII вѣка пишется: «Нѣсть никому-же возможно *право писать*, аще кто не вѣсть *грамматичнаго устроенія*, ниже родовъ, ниже чисель, ниже падежей, ниже временъ, ниже окончательныхъ буквъ по родамъ во всѣхъ падежѣхъ, боле-же въ притяжительныхъ именѣхъ, якоже глаголетъ старецъ Седиванъ, ученикъ Максима грека» ²⁾.

Значеніе грамматики и важность ея для правильного разумнѣя священныхъ книгъ сдѣлались въ эту эпоху общепризнанными, и со второй половины XVII в. *грамматика вошла въ курсъ школьнаго обученія*. Въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, перепечатанной въ Москвѣ въ 1648 г., прямо говорится, что она издана «въ наученіе православнымъ, паче же *дѣтемъ сушимъ*», конечно, обучающимся въ школахъ.

¹⁾ Рук. Синод. библ. № 527.

²⁾ Рук. Синод. библ. № 850.

Въ заглавіи одной грамматики XVII вѣка прямо говорится, что она изучалась въ школахъ послѣ азбуки: «Книга глаголема *Аданатосъ* (Донатъ) въ ней-же бесѣдуетъ о осми частѣхъ и вѣщанія, сирѣчь о имени, о проименѣ, о словѣ, о предлозѣ слова, о причастіи слова и имени, о союзѣ, о представленіи и различіи, ея же учать ученицы *первоначальни по азбуцѣ*, зане основаніе есть первое и подошва хитрости грамматичной, а грамматика—основаніе и подошва всеѣмъ свободнымъ хитростямъ»¹⁾.

Слѣдуетъ сказать, что Славянская грамматика въ это время, благодаря трудамъ Зизанія и Смотрицкаго, является уже въ полномъ составѣ, то-есть въ ней обстоятельно и въ принятомъ до нынѣ порядкѣ излагались этимологія, синтаксисъ и правописаніе.

Затѣмъ, судя по азбуквникамъ, въ курсѣ школы входила еще, со второй половины XVII в., *ариометика*.

Такимъ образомъ къ концу XVII вѣка расширенный курсъ церковно-приходской школы обнималъ собою—*чтеніе, письмо, тѣніе, грамматику и счисленіе*, то-есть представлялъ собою курсъ той-же школы въ наше время.

Что касается до греко-латино-славянской школы, какъ высшей формы школы церковной XVII вѣка, то въ курсѣ ея, кромѣ языковъ, входили уже «*свободныя художества*» (*artes liberales*).

Задачи академіи ставились широко; «въ оныхъ свободныхъ ученій мудрости, то-есть, науки гражданскія и духовныя, наченше отъ *грамматики, пѣитики, риторики, философіи* разумительной, естественной и нравственной, даже до *богословія* учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія», а также: *ученіе правосудія* духовнаго и гражданского и прочія *свободныя науки*, имже цѣлость академіи, сирѣчь училищъ, составляется быти» (привил. акад.).

Такимъ образомъ церковная школа, свободно и постепенно развиваясь, отъ простой элементарной достигла высшей формы—академіи. Это доказываетъ, что церковная школа была не мертвымъ, формальнымъ учрежденіемъ, но *живымъ* и жизненнымъ явленіемъ.

Разсматриваемая эпоха имѣетъ огромное значеніе въ исторіи нашего образованія; но такъ какъ настоящее изслѣдованіе имѣетъ цѣлю преимущественно элементарное обученіе, то мы остановимся на предметахъ начальнаго общеобразовательнаго курса, въ составъ котораго, какъ сказано, входитъ *чтеніе, письмо, тѣніе, грамматика и ариометика*.

а) *Грамота*. Азбуки древнѣйшихъ временъ не дошли до насъ; но онѣ были, списывались и распространялись вмѣстѣ съ школами. Въ житіи св. Гурія повѣствуется, что онъ, находясь въ услуженіи у богатаго удѣльнаго князя Ивана Пенькова, оклеветанный и невинно заключенный въ подвалъ, изъ любви къ просвѣщенію, *писалъ для учащихся дѣтей азбуки*, вымѣнивая приносимый ему «нѣкимъ сердобольцемъ хлѣбъ на чернила и бумагу»²⁾. Надо полагать, что писцы того времени списывали и азбуки, въ которыхъ была потребность. XVII вѣкъ оставилъ намъ много азбукъ письменныхъ и печатныхъ. Азбуки рукописныя находятся въ

¹⁾ Толстого, опис. рук., IV, 27.

²⁾ Елисеєва, Жизнеописанія св. Гурія, Германа и Варсанофія. Казань, 1847 г. Одна изъ азбукъ, писанныхъ св. Гуріемъ въ Казани, хранилась въ ризницѣ тамошняго собора.

азбуконикахъ и въ отдѣльныхъ книжкахъ, а также въ прописяхъ. Такъ какъ до изобрѣтенія книгопечатанія обученіе чтенію соединилось съ письмомъ, то прописи служили вмѣстѣ и обученію грамотѣ, то-есть, были букварями. Такія прописи-азбуки описаны Ровинскимъ ¹⁾,—они заключали въ себѣ толковую азбуку. «Скорописныя азбуки», по описанію Забѣлина, заключали въ себѣ прописныя и строчныя буквы, написанныя особенно тщательно и искусно, съ заставками, въ рисунокъ которыхъ переплетались травы, узоры, животныя, птицы. Затѣмъ шла толковая азбука (азбука-граница), въ которой различныя изреченія религіозно-нравственнаго содержанія располагались въ алфавитѣ, по начальнымъ буквамъ ²⁾.

Послѣ буквъ слѣдовали *склады*, затѣмъ шли статьи религіознаго содержанія, а также пословицы и загадки.

Въ нѣкоторыхъ букваряхъ писались наставленія, какъ обучать грамотѣ, какъ произносить буквы. Въ одной изъ такихъ азбукъ, описанной Извъковымъ, излагается звуковой способъ обученія грамотѣ ³⁾.

Въ пѣлющейся у насъ рукописной азбукѣ XVII вѣка въ предисловіи повѣствуется о происхожденіи славянской грамоты, говорится, что «премудрый и святой мужъ Кирилль Философъ, вже исполненъ быше разума и премудрости, яко звѣзда явился», и «по данній ему благодати отъ Божественнаго Париклита, изобрази письмена съ греческаго языка на нашъ русскій преложи, и имена имъ нарекъ, и *грамоту русскую составил*, и предаде нашему славянскому языку, такоже на просвѣщеніе уму нашему и смыслу, яко да славимъ Творца своего и Бога и познаваемъ Троицу во единомъ божествѣ».

Въ «обращеніи къ отрокамъ» говорится, что это «малая книжица—алфавитница» написана «младымъ дѣтемъ къ наученію», что учиться ей «благоумное отроча» должно нелишностно, слушаясь во всемъ учителя, чтобы быть «истиннымъ сыномъ свѣта». Учиться надо въ раннемъ возрастѣ.

Азбука начинается алфавитомъ, который написанъ тройко—въ общепринятомъ порядкѣ,—отъ *аза* до *ижницы*, обратно,—отъ *ижницы* до *аза*, и въ безпорядкѣ (а, ж, к, п, ф, ц, ю, ү, в, с, л, р, х, з, н, м, б, з, м, е, ѿ, ы, о, ѣ, г, з, н, т, ц, ь, ү, д, н, о, ү, ѣ, ѿ, е, і, о, ѣ, ш, е, ѣ).

Затѣмъ на всѣ звуки азбуки идутъ слоги двусложные (ба, ва... бе, ве... би, ви...), трехсложные (бла, вла...). Затѣмъ дается азбука съ названіями (азъ, буки, вѣди); далѣе идутъ «числа», знаки подстрочные. Для перваго чтенія служатъ глаголы, въ различныхъ временахъ спрягаемые, на каждый звукъ алфавита: *а: алчу, алчешь, алчетъ, алчева, алчета; алчешь, алчете, алчуть.* *в: буду, будешь... в: Вразумляю...* *г: глаголю...* *д: даю...* *е: емлю* и т. д. Затѣмъ идетъ азбука-граница толковая историко-догматическаго содержанія. Напримѣръ здѣсь такъ говорится о спасительныхъ страданіяхъ Сына Божія:

а. Людіе мои законопреступниі

м. Мыслиши на мя злат за благаи.

¹⁾ Русскія народныя картинки, № 680—682.

²⁾ *Забѣлинъ*, Домашній бытъ Русскихъ царей. *Отеч. Зап.* 1854 г. Декабрь.

³⁾ *Извъковъ*, «Букварь система обученія». Семья и Школа. 1872 г. № 4.

- н. На крестѣ пропаша мя.
- о. Оцта и жєлчи напоиша мя.
- п. Праведнаго Сына Божіа.
- р. Раздѣлиша ризы Моя себѣ.
- с. Студно грѣхъ содѣвающе.
- т. Терповъ вѣнецъ возложиша на Мя.
- ѳ. Умы Пилатъ рудѣ. Рече чистъ есмь отъ крове праведнаго сего.
- ф. Фарисее же возопиша, возми, возми распри Его.
- х. Хотя же спасенія вашего, вся претерпѣхъ.
- ѿ. Отъ неправедныхъ незаконныхъ.
- ч. Церкви подишеуа освобожденіе.
- ч. Чисты васъ приводи ко Отцу.
- ш. Шатанія Бѣсовскаго освобождая васъ.
- щ. Щедротами своего чєловѣколюбія¹⁾.

Въ описаніи сборниковъ И. Публичной Библиотеки академика Бычкова приводятся *десять* редакцій рукописныхъ азбукъ толковыхъ, по содержанию своему догматико-подемическихъ, направленныхъ къ обличенію жидовской ереси,—о нихъ уже было сказано выше; рукописныя азбуки находятся въ азбуковникахъ, иногда встрѣчаются въ сборникахъ смѣшаннаго содержанія; къ сожалѣнію, онѣ еще не напечатаны и только упоминаются при описаніи рукописей. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе букваріи до Петровской эпохи хранятся еще въ нашихъ малозслѣдованныхъ книгохранилищахъ. Слѣдуетъ упомянуть еще о букварѣ Каріона Истомина, который въ мартѣ 1862 г. поднесъ царицѣ Натальѣ Куріловнѣ писанный красками и золотомъ «*Букварь славяно-россійскихъ письменъ со образованіемъ вещей и со нравоучительными стихами*»²⁾. Букварь назначался для Алексѣя Петровича и украшенъ кунштампъ, гравированными на мѣди Бушнымъ и раскрашенными отъ руки. Букварь этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ находится объясненіе дидактическаго значенія наглядности въ обученіи грамотѣ.

Упоминаемая въ лѣтописяхъ «Азбука большая печать», которою патриархъ Филаретъ благословилъ царевича Алексѣя Михайловича въ 1633 г., по всей вѣроятности, была толковою азбукою.

Что касается *печатныхъ* букварей и азбукъ, то съ второй половины XVII в. они обильно являлись въ Юго-западной и Московской Руси, причемъ нерѣдко перепечатывались и въ значительныхъ количествахъ расходились по школамъ.

Полнаго изслѣдованія объ этихъ памятникахъ еще не появлялось, но нѣкоторыя изъ нихъ описаны. Приводимъ описаніе наиболѣе извѣстныхъ изданій.

«*Наука ку читаню и разумѣню писма словенскаго, тутыжъ и о святой Троици и о вѣчєловѣченіи Господни*». Вильно. 1596 года. Букварь этотъ представляетъ азбуку, склады, молитвы, Символь вѣры и «лексикъ», то-есть, толкованіе непонятныхъ славянскихъ словъ и реченій. Затѣмъ идетъ изложеніе православной вѣры, въ вопросахъ и отвѣтахъ, Стефана Зизанія, ученіе о вѣчєловѣченіи Господнемъ и о престномъ знаменіи³⁾.

¹⁾ Подобный же букварь хранится въ библиотекѣ Уфимской Дух. Сем. № 67. Въ Воронежск. библ. сборникъ (1886 г. стр. 264) напечатано предисловіе къ «Письменной азбукѣ» XVII вѣка.

²⁾ Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ Вел. т. I, стр. 173.

³⁾ Сахаровъ, Обзор. сл.-русск. библиогр. I, кн. 2, № 101.

Въ 1634 г. въ Москвѣ вышелъ букварь, трудами и тщаніемъ Василія Федорова Бурцева и прочихъ соработниковъ». Букварь этотъ составленъ по букварямъ Виленскихъ изданій, съ присоединеніемъ послѣсловія, въ которомъ изъясняется происхожденіе православія ¹⁾.

Букварь Бурцева издавался нѣсколько разъ; второе изданіе его явилось въ 1637 г., третье—въ 1698 г.

«*Букварь языка словенска*, писаній чтенія учиться хотящимъ въ полезное руководство. Трудлюбіемъ иноковъ въ киновіи *Виленской* православія восточнаго, при храмѣ сошествія Св. Духа. 1652 г. Здѣсь помѣщены—азбука, молитвы, заповѣди и псалмы.

«*Букварь языка словянска*, писаній челоуѣкомъ учиться хотящимъ въ полезное руководство». *Кіево-Печерская* лавра. 1664 г.

Здѣсь, кромѣ обычной азбуки, молитвъ и символа, есть еще увѣщаніе православнымъ—книгъ еретическихъ не читать и ихъ богохульныхъ рѣчей не слушать, а не будучи просвѣщеннымъ, въ пренія съ ними не вдаваться, равно проповѣдей ихъ не слушать и въ собраніяхъ ихъ не бывать ²⁾.

«*Букварь языка словенска*, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учиться чтенію писаній. Повеленіемъ благочестивѣйшаго Государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, благословеніемъ же преосвященныхъ митрополитовъ и архіепископовъ и всего освященнаго собора». *Москва*. 1664 г. ³⁾.

Первое изданіе этого букваря было, вѣроятно, при Никонѣ, потому что въ немъ находится изъясненіе о правильномъ перстосложеніи и Символь вѣры печатанъ безъ прибавленія «истиннаго».

«*Букварь языка словянска* писаній чтенія учиться хотящимъ въ полезное руководство». Въ *Львовѣ*, въ друкарни братства Пресвятыя Богородицы. 1671 г.

Здѣсь помѣщены—азбука, склады, молитвы, 50 псаломъ, гимны въ недѣлю на утрени, Символь Аванасія Александрійскаго, исповѣданіе вѣры Амвросія Медіоланскаго и бл. Августина ⁴⁾.

Букварь этотъ былъ перепечатанъ въ 1692 г.

«*Букварь языка словенска*», сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учиться чтенію писаній». Букварь изданъ по повелѣнію Алексія Михайловича и благословенію патріарха Іоакима. Въ верхней Московской типографіи. 1679 г.

Къ обычному составу тогдашнихъ азбукъ здѣсь прибавлено «Благословеніе отроковъ, во училище учиться священнымъ писаніямъ идущимъ»; бесѣда о православной вѣрѣ краткими вопросами» Стефана Зизанія, «Привѣтства» къ родителямъ и благодѣтелямъ на великіе праздники.

Букварь языка словенска хотящимъ дѣтемъ учиться чтенія писаній. Начало всѣхъ письменъ достолѣнное начертаніе; къ сему и иныя главизны потребныя во обученіе должности христіанскія съ душеспасительною пользою». М. 1696 г. Составленъ іеромонахомъ *Каріономъ Истоминымъ*. Здѣсь, послѣ стихотворнаго поученія учащимся, изложены—азбука, склады, молитвы, заповѣди, привѣтствія въ прозѣ

¹⁾ Тамъ же, № 310.

²⁾ *Пекарскій*, Ч. I, стр. 170.

³⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 169.

⁴⁾ *Пекарскій*, ч. I, стр. 170.

и въ стихахъ. Пекарскій полагаетъ, что букварь этотъ предназначался для обученія царевича Алексѣя Петровича, такъ какъ въ букварѣ ему находятя похвалы ¹⁾.

Кромѣ этихъ букварей, описанныхъ у Пекарскаго и Сахарова, извѣстны еще печатные буквари XVII в.: «Букварь» Московскаго изд. 1657 г., перепечатанный въ 1665 г.; Букварь Кіевскій, 1670 г.; Букварь Московскій 1677 г.; Букварь Черниговскій, 1680 г., Букварь Львовскій, въ типографіи Войцеха, 1690 г.; Львовскій же букварь, въ братской типографіи, 1692 г.; Букварь Московскій 1698 г.; Букварь, печатанный въ Уневскомъ монастырѣ, 1698 г.; «Букварь славено-россійскій: съ рисовальными фигурами, іером. Иларіона. Москва ²⁾.

Затѣмъ буквари были при нѣкоторыхъ грамматикахъ, — напр., въ Виленской грамматикѣ 1621 г. помѣщенъ букварь, съ которымъ сходенъ букварь Бурцева.

Вообще можно положительно сказать, что недостатка въ букваряхъ въ эту эпоху не было, несмотря на широкое развитіе школъ по всей Руси.

Разсматривая наши азбуки, отъ первоначальной *литлицы* (азбука-граница) Кирилла ³⁾ до букварей конца XVII вѣка, мы можемъ не только опредѣлить *типическое*, вѣками выработанное *содержаніе* древне-русскаго букваря, но и прослѣдить постепенное усовершеніе самаго метода обученія грамотѣ.

Древне-русскій букварь имѣлъ вполнѣ религіозный характеръ. Буквари обыкновенно начинались молитвою: «За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ; въ заглавіяхъ также обозначалось, что букварь есть «начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учиться чтенію писаній» (священныхъ).

Букварь начинался азбукой, складами, чтеніемъ словъ; затѣмъ шла «азбука-граница», учительнаго, догматическаго, иногда историческаго и полемическаго содержанія. Азбука эта требовала *истолкованія*; далѣе шли молитвы, символъ вѣры, заповѣди, избранные псалмы; помѣщались «главизны, потребныя во обученіе должности христіанскія, съ душеспасительною пользою», «бесѣды о православной вѣрѣ», наконецъ «лексія», толкованіе непонятныхъ славянскихъ словъ и реченій, а также извлеченія изъ отеческихъ писаній. Нѣкоторыя азбуки снабжались рисунками (кунштами). Иногда встрѣчались, вмѣстѣ съ нравственными *изреченіями*, *загадки*. Напр.: «Не ищи, человекѣ, мудрости, ищи прежде кротости (смиренія): аще обрящеши кротость, познаешъ и мудрость». «Стоитъ древо, имѣетъ на себѣ красныя цвѣты; а подъ дровомъ корыто; а на древѣ сидитъ птица и щиплетъ со древа красныя цвѣты и мечетъ въ корыто; цвѣты со древа не умяются, а корыто цвѣтовъ не наполнится». Древо глаголется свѣтъ міра сего, а вѣтвіе—родовѣ; а цвѣты—человѣцы, а корыто—земля, а птица—смерть».

Таковъ типическій составъ древне-русской азбуки, по которой учились наши предки грамотѣ.

Учители старались облегчить и упростить обученіе грамотѣ. *Первою* попыткою въ этомъ направленіи служила азбука-граница. Буквы азбуки имѣли *названія*, смыслъ которыхъ постепенно утрачивался и изученіе алфавита обращалось

¹⁾ Пекарскій, ч. I, стр. 172.

²⁾ Браиловскій, «Θ. Поликарповъ», Ж. Мин. Пр. 1894 г. Ноябрь.

³⁾ Псковскіе хронографы написаніе ея относятъ къ временамъ Рюрика: «въ лѣто 6373. Константинъ епископъ, наричаемый Кириллъ, сѣтворилъ грамоту словенскимъ языкомъ, глаголету *литлицу*, во день Михаила царя Гречкаго и во дни князя Люрика Новгородскаго, его же сыномъ руская земля преиде». Петровъ, «Къ исторіи букваря», стр. 10.

въ механическое заучиваніе ряда буквъ: *азъ, буки, вѣди...* Для того, чтобы оживить и осмыслить это изученіе алфавита, названія буквъ стали дополняться цѣлыми изреченіями, начинавшимися съ изучаемыхъ буквъ. «Написанныя въ одинаковомъ стихотворномъ размѣрѣ и расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ, такія изреченія составляли азбучный акростихъ» ¹⁾, который облегчалъ запоминаніе буквъ алфавита и самое изученіе ихъ дѣлалъ занимательнымъ для ученика, такъ какъ изученіе «азбуки-границы» сопровождалось толкованіемъ.

Вторымъ улучшеніемъ метода обученія грамотѣ служило изученіе алфавита не въ одномъ, разъ навсегда установленномъ, *порядкѣ*, но въ *разнообразномъ* расположеніи буквъ. Изученіе ихъ въ порядкѣ алфавита вело къ механизму, причѣмъ ученикъ, выучивъ наизусть весь алфавитъ, могъ и спутаться въ различеніи буквъ, взятыхъ отдѣльно; при изученіи же буквъ не въ порядкѣ, ученикъ долженъ былъ на каждой буквѣ остановиться и подумать, чтобы назвать букву вѣрно. Приѣмъ этотъ примѣняется и нынѣ въ азбукахъ.

Третьимъ улучшеніемъ обученія грамотѣ служило внесеніе въ азбуку элемента *наглядности*, для чего служили картинки. Вотъ какъ описываетъ ихъ Каріонъ Истоминъ: «подъ всякимъ же письмомъ, ради любезнаго созерцанія, отрочамъ учащимся предложены *виды* во удобное званіе въ складѣ: да *что видитъ, сіе и назоветъ* слогомъ письменъ достоиннаго начертанія тѣхъ, яко *А — Адамъ, алекторъ, аспидъ* и т. д. И на тѣхъ *видообразныя вещи*, приличны юнымъ людямъ, метафоричнѣ, сп есть преноснѣ, еже *отъ вещей слово къ дѣлу потребну* вземется, стпхи правоучительны суть». Авторъ проситъ извинить недостатки его «перводѣланія» и «въ приличество исправить» ²⁾.

Принципъ автора ясенъ: что ученикъ *видитъ*, то и назоветъ, а что назоветъ, то легче прочтетъ. Зрѣніе идетъ на помощь памяти, ибо видѣнное легче и тверже запоминается. И картинки примѣняются въ современныхъ намъ азбукахъ.

Четвертое и самое важное методическое улучшеніе обученія грамотѣ состояло въ введеніи *звуковаго способа*, который нынѣ такъ распространенъ и изобрѣтеніе коего почему-то усвоится у насъ нѣмцамъ.

Въ рукописномъ букварѣ XVII в. Софійской бібліотеки, хранящемся въ бібліотекѣ С.-Петербургской академіи ³⁾, составитель его говоритъ, что при изученіи азбуки не слѣдуетъ называть буквы по именамъ ихъ—*азъ, буки, вѣди* и т. д., но слѣдуетъ произносить ихъ такъ, какъ они звучатъ въ живоѣ рѣчи и въ чтеніи, то-есть, *а, б', в', г'* и т. д., что и составляетъ звуковой способъ. Вотъ, напр., замѣчаніе автора «преднаказанія дѣтемъ» о произношеніи гласныхъ: «У письма есть греческое, имя же ея *ипсилонъ*, а не *ижица*, еже неприлично гласу глаголется, Паки *ѣ* и *ѵ* — обоя сія начертанія едно письмо и имя имуть *ѣ*, а не яко не искусніи навывкоша письма сіе гласити *икъ*. *Подобаетъ* збо *кожедо* письма *глаголати* яко оно *гласъ* свой *творитъ*, гласъ же письмене сего не *и* — *икъ*, но *у*, и *якоже* гласъ его *есть*, *сице* и *звати* тое по гласу его — *у*... Еще ъ гласное же мягко глаголати достоятъ *іе*, тоцію *дебело ъ*, а не *ятъ* и *учити* глаголати тое, *яко гласъ*

¹⁾ Петровъ, «Къ исторіи букваря», стр. 15.

²⁾ Пекарскій, ч. I, стр. 173.

³⁾ Букварь этотъ описанъ Извѣковымъ въ статьѣ «букварная система». *Семья и Школа* 1872 г. № 4. Есть предположеніе, что букварь этотъ составленъ Лихудами.

свой творитъ, не прилагати письмень согласнаго т и припряжно гласнаго ъ, ниже гласъ его измѣняя во инъ гласъ».

Стремленіе улучшить обученіе грамотѣ является и въ попыткѣ соединить его съ грамматикой, давая для перваго чтенія вмѣсто отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ словъ, глаголы въ ихъ главныхъ формахъ, напр. *алчу, алчеши, алчетъ, алчеза, алчета* и т. д. При такомъ чтеніи ученики незамѣтно освоятся съ спряженіемъ глагола въ его главныхъ формахъ и подготовятся къ изученію грамматики. Мысль дидактически вѣрная и практичная.

Если присоединить сюда соединеніе обученія чтенію съ письмомъ, то окажется, что наша старая школа владѣла всеми главными усовершенствованіями въ методѣ обученія грамотѣ, которыми пользуется школа и въ наше время.

Предметомъ особенной заботливости древнихъ нашихъ дидакаловъ служила *правильность* славянскаго чтенія. Въ «Наказаніи къ учителемъ, како имъ дѣти учити грамотѣ и како дѣтемъ учиться божественному писанію и разумѣнію»¹⁾, говорится, что «младымъ отрочатамъ» «подобаетъ искусство имѣти въ словесѣхъ и въ рѣчехъ и въ пословицахъ». Для этого и даются наставленія. «Первое убо въ началѣ учити буквамъ, сирѣчь азбуцѣ, потомъ же часовнику, и псалтири, и прочимъ божественнымъ книгамъ. и паче же убо всего, еже бы вамъ наказати и изучити ученикомъ азбука *чисто и прямо по существу*, како которое слово рѣчию зовется, и не спѣшно. А самимъ бы вамъ (учителямъ) знати же естество словесъ, и силу ихъ разумѣти. и гдѣ говорити дѣбело и топостно, и гдѣ съ пригибеніемъ усть, и гдѣ съ раздвиженіемъ, и гдѣ просто».

«Такоже бо и *верхняя сила* знати, и ученикомъ своимъ сказывати имена, и силу ихъ, яко убо каждая ихъ свою силу имать». Славянское чтеніе у нашихъ предковъ было искусствомъ, которое они очень тонко понимали, и «верхняя сила» служила не для однихъ удареній въ словахъ, но и для отбѣнокъ въ произношеніи словъ, для усиленія значенія ихъ въ рѣчи. Вотъ наставленія по этому предмету. «Оксія, или острая, сія убо ударяется и рѣчию обостряется, яко *камо, тамо, всяко, нашъ, вашъ* и прочая. Тяжкая, или *варія*, сія отягчивается, сирѣчь, съ протяженіемъ рѣчь объявляетъ, яко *тебѣ, мнѣ, спаси* и прочая. А облегченная, сирѣчь *камора*, просреднее имать гласити, ниже обостряется, якоже оксія, ниже отягчается, якоже *варія*, якоже се. *Сыне, дѣло, свѣте свѣте, мѣто, тѣло*, или въ рѣдномъ надѣжѣ множественнаго числа, *тѣхъ дѣвъ*, или *тѣхъ человекъ* и прочая. А о сей убо обличеннѣй пишеть въ грамматичѣ ученіе. Такоже и кроткую, сирѣчь *тихую* знати, како становитъ въ началѣ надъ звательными письмены, сирѣчь *и тебе, и мене, аминь, Андрей* и прочая. Сія кроткая заемлетъ тихимъ и кроткимъ гласомъ. Такоже знати и *ѳсо*: сіе якоже и оксія силу имать, точію надъ звательными письмены полагается въ началѣ. яко *аще, алчетъ, идетъ, онъ, убо, яже, ѳдетъ*. Такоже и *дасію*, сирѣчь краткую, како ея выговаривати... такоже бы знати и апострофъ, идеже полагается, и како говорити. а ставитъ надъ гласными письмены надъ единою буквою, въ единственномъ числѣ какъ *и*. Яко *изму ѿ и прославлю ѿ, долготу днѣй исполню ѿ*. А по просторѣчию молвится въ мѣсто *ѿ, его*. А въ пословицѣ молвити о себѣ (особо) та *и* апострофная, а не сливати съ другою рѣчию, зане сама она

¹⁾ Наставленіе это издано отдѣльною брошюрою извѣстнымъ знатокомъ нашей древности прот. К. Т. Никольскимъ въ 1895 г., съ предисловіемъ. Спб.

своимъ слогомъ владѣеть». Въ множественномъ числѣ апострофъ ставится надъ *я*, въ сред. родѣ надъ *е*. Авторъ особенно остерегается, чтобы не смѣшивали словъ *душе* и *душе*, ибо «Душе истинный» относится къ Богу и сказать здѣсь *душе* «страшно есть не точію рещи, но и помыслити». Требуется также «*ятъ* съ *естемъ* разнити: сіе бо вельми зазорно и укорно, еже *ятъ* вмѣсто *ести* глаголати, и *естъ* вмѣсто *ати*. Отъ сего бываетъ веліе несмыслство ученію». Наконецъ, слѣдуетъ внимательно соблюдать при чтеніи и знаки препинанія—«строчный разумъ знати». «А въ строчномъ разумѣ знати гдѣ же стоить запятая, и ту наказати ученика, въ пословицѣ гласомъ пресѣщи мало, а не отдохнути, точію на точкахъ отдыхати и становитися, и потомъ второй слогъ починати. А точечнаго разума зѣло подобаеъ брещи прежде самому учителю, потомъ же ученикомъ сказовати и учити, чтобы говоря рѣчи съ рѣчію не смѣшати. Тако будетъ и ученику разумно и внятно, и слышати отъ него пріятно, занеже въ словахъ разумъ много держать точки и запятая. А не вѣдая сего, яко во тмѣ шатается. А о семъ намъ подобаеъ зѣло прилежати, чтобы ученикомъ *спѣшно не говорити*, но говорити бы противу силы верхняго разума. *Отъ стѣха разума ученію не будетъ*, и языку ученикомъ великая спона, паче же и Богу досада и душамъ нашимъ великій грѣхъ». Для дальнѣйшаго изученія строчнаго разума авторъ отсылаетъ учителей къ грамматикѣ, «и въ ней подробно все узрите, не сіе точію, но и навикнете вѣдѣнію разума». Отсюда ясно, что за азбукою должна была изучаться въ школѣ грамматика.

Замѣчательный взглядъ высказываетъ авторъ «наказанія» на учебное дѣло, которое надо совершенствовать и цѣнить, какъ дѣло Божіе: «*А избирати бы намъ лучшее*, понеже рече писаніе, проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. *А грамотное ученіе вѣмы, яко дѣло Божіе есть...* И аще сице будещи учити учениковъ, и за сіе отъ Бога милость и благословеніе получите, а отъ чловѣкъ похвалу пріобрѣщете, и ученикомъ будетъ *крѣпость въ языкъ, и въ смыслъ разумъ, и въ реченіи словесъ языка чистость.*»

Такъ наши предки-учители смотрѣли на дѣло книжнаго ученія и грамоту.

Послѣ изученія грамоты, *материаломъ* для чтенія служили псалтирь, часовники и «прочія божественныя книги».

Псалтирь и часословъ учебный списывались и печатались во множествѣ. Они были необходимою принадлежностію не только каждой школы, но и cadaго ученика, ибо «безъ нихъ ученія не бываетъ». Затѣмъ для чтенія же служили разные сборники религиозно-нравственнаго содержанія и азбуковники». Грамота есть «начальное ученіе чловѣкомъ, хотящимъ *разумѣти божественнаго писанія*»; поэтому послѣднее составляло главную задачу книжнаго ученія, какъ общеобразовательной школы, такъ и домашняго чтенія. Въ этомъ курсѣ было высшее единство цѣли и средствъ; это было истинное «воспитывающее обученіе».

Письмо. Обученіе письму до печатанія книгъ велось вмѣстѣ съ чтеніемъ; съ появленіемъ же печатныхъ азбукъ въ XVII в. для обученія письму стали изготавляться особыя прописи. Печатаніе ослабило значеніе письма и даже повліяло на ухудшеніе шрифта. Въ древнее время о немъ прилагалось больше заботы.

Какое значеніе наши предки придавали вѣрности и добросовѣстности переписки св. книгъ, можно видѣть изъ того факта, что погрѣшности въ этомъ дѣлѣ считались грѣхами, въ которыхъ требовалось разрѣшеніе священника на исповѣди. Такъ въ нѣкоторыхъ требникахъ XV в. мы находимъ въ чинѣ исповѣди «молитву

разрѣшенію писаремъ, съгрѣшихъ преписываа святаа божественнаа писаніа святыхъ апостоль и святыхъ отецъ, по своей воли и по своему недоразумію, а не яко писано» ¹⁾). Въ чинѣ исповѣданія священникомъ читаемъ: «и писахъ книги божественныя и не исправляхъ, а мзду отъ нихъ взимахъ» ²⁾), то-есть, продавалъ книги божественныя, не исправивъ погрѣшностей, сдѣланныхъ при списываніи. И то грѣхъ. Требуя правильной, точной переписки божественныхъ книгъ и исправленія погрѣшностей, сдѣланныхъ при перепискѣ, по строгомъ сличеніи съ оригиналомъ, духовная власть вовсе не уполномочивала переписчиковъ на исправленіе книгъ по существу. И это понятно. Переписчики были люди разнаго образованія. Рядомъ съ людьми учеными, были переписчики невѣжественные, способные лишь воспроизводить оригиналь буква въ букву; а такъ какъ невѣжество вообще страдаетъ самоиѣніемъ, то и надо было оградить книги отъ таковыхъ исправителей. Въ одной припискѣ къ служебнику м. Кипріана читаемъ: «аще ли кто восхочетъ сия книги преписывати, сматрай и не приложити или отложити едино нѣкое слово, или тычку едину, или крючки, пже суть подъ строками» ³⁾).

Нарушеніе этого запрещенія переписчиками и даже справщиками при п. Иоаннѣ имѣло печальныя послѣдствія, такъ какъ къ невѣжеству писцовъ присоединились злоумышленія. Но въ эту эпоху, къ концу XVII в., значительно выработалось *правописаніе*, въ связи съ разработкою грамматики славянскаго языка. Въ школахъ уже изучалась орфографія ⁴⁾), которая входила и въ грамматику, какъ ея составная часть.

Въ древности слова не отдѣлялись одно отъ другого, а писались слитно, причемъ изрѣдка реченія отдѣлялись точками; переносъ части слова съ одной строки на другую дѣлался случайно,—если оставалось въ строкѣ мѣсто, то писалась и одна начальная буква слова, остальное переносилось (напр. у-мный); нѣкоторыя, чаще повторяющіяся, слова писали сокращенно, или безъ середины, или безъ конца; никакія существительныя прописными буквами не отличались; въ концѣ ставились четыре точки и черта. Съ XV вѣка появились запятая и ударенія; позднѣе—точка съ запятой; слова стали писаться раздѣльно; практически выработались правила объ употребленіи буквъ въ письмѣ. Но все дѣло основывалось на привычѣ.

Съ XVI-го вѣка начинается теоретическая выработка правописанія. Въ 1564 г. въ Москвѣ явился первопечатный «Апостоль». Въ послѣсловіи къ нему говорится, что печатаніе книгъ явилось вслѣдствіе «растлѣнія» книгъ рукописныхъ «отъ преписующихъ ненаученыхъ сущихъ и неiskusныхъ вразумѣ, овоже и не исправленіемъ пишущихъ. и сіе доиде и царю въ слухъ, онъ же начатъ помышляти каковы изложити печатныя книги, якоже въ грекахъ, и ввенецыи, и вофригій, и впрочихъ языцехъ. дабы впредь святаыя книги изложилися праведне».

Печатная книга дѣлалась образцомъ и для письменныхъ. Въ Апостолѣ принято раздѣльное писаніе словъ, хотя и не полное, какъ видно изъ приведенной выписки; изъ знаковъ препинанія приняты точка и запятая; переносъ словъ при-

¹⁾ Въ требникѣ Синод. Библ. XV в. № 310.

²⁾ Въ сбор. Рум. музея XVI в. № 359.

³⁾ Горскій, Опис. рук. Синод. Библ. III, 1, стр. 11.

⁴⁾ Орфографія изучалась по сочиненію «препростаго Евдокима, во ипоцѣхъ Евфимія», и его передѣлкамъ, извѣстному съ XVI в. *Соболевскій*, стр. 19.

пято дѣлать на гласной; для пропуска буквъ употреблены особые значки; положено ставить «силу» (придыханіе) надъ гласными въ началѣ словъ и приняты ударенія.

Въ 1596 г. явилась грамматика Лаврентія Зизанія, гдѣ для употребленія знаковъ препинанія (точковъ) составлены были особыя правила, на основаніи грамматикъ латинскихъ и греческихъ. Знаки здѣсь ставятся по смыслу рѣчи. Въ статьѣ «о точкахъ» читаемъ: «Колко есть точокъ; шесть, — запятая (,) , срока (') ; двосрочіе (:), подстоля (;), соединительная (—) и точка.

На колко раздѣляются точки; На три. На въ еже раздѣляти. Въ еже соединяти. И въ еже съвершати.

Кія суть ими же раздѣляемъ; Запятая, срока, двосрочіе и подстоля». Далѣе слѣдуютъ правила употребленія знаковъ препинанія.

«Како запятою раздѣляемъ; Егда слово творящей и несъвершену рѣчь изрекшей, пишемъ ю.

Како срокою и двосрочіемъ раздѣляемъ; Егда глаголющей, и съвершену рѣчь изречемъ, обаче же съвершеннѣйшу отъ лже за запятою.

Како же подстолюю раздѣляемъ; Егда въпрошеніе дѣющей пишемъ ю. Ниже тако раздѣляемъ, яко запятою, или срокою, ниже съвершаемъ нею чонже въпроса ждетъ.

Кака же ею же соединяемъ; Соединительная. Како соединяемъ; Всегда пишемъ въ строцѣ, и къ концу пишущей идеже не вмѣщается реченіе, тогда на концѣ единой строки реченію послую, въ началѣ же другія другому полъ. Тогда соединительная соединяетъ оно реченіе раздѣленное (ангельскій).

Точкою съвершаемъ».

Здѣсь уже является стремленіе осмыслить употребленіе знаковъ препинанія, которые дотолѣ ставились случайно.

Еще болѣе обстоятельно трактуется этотъ предметъ въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго (1618 г.), гдѣ принимается десять знаковъ: «черта (') , запятая (,) , двоточіе (:), точка (.) , разъятная (') , единичная (") , вопросная (;), удивная (!), вмѣстная ([ ]), отложная ( ) .

Разъятная — тоже, что *ерикъ*, единичная — знакъ переноса словъ, вмѣстная — скобки для словъ подразумѣваемыхъ, отложная — обыкновенныя скобки. Правила Смотрицкаго систематичнѣе Зизаніевыхъ.

Смотрицкій впервые вводитъ правила прописныхъ буквъ, которыя онъ называлъ «вѣщными письмены». Прописныя пишутся въ началѣ стиха (вершова), въ собственныхъ именахъ, въ названіяхъ: «достоинствъ» (Царь, Епископъ и пр.), «художествъ» (Грамматика, Логика и пр.), «частей художествъ» (Имя, Мѣстоименіе и пр.). Смотрицкій составилъ орфографію склоненій, которая и до нынѣ имѣетъ силу.

Отдѣленіе словъ стало необходимою, употребленіе знаковъ обобщилось, явилось употребленіе прописныхъ по правиламъ, употребленіе титлъ упорядочилось, — словомъ, правописаніе стало приводиться въ порядокъ и стало предметомъ особаго изученія.

Грамматика. Рукописныхъ грамматикъ у насъ было мало. Кромѣ сокращенныхъ изложеній грамматики въ азбуковникахъ, намъ извѣстна только «Малая грамматика», составленная Каріономъ *Истоминимъ* и поднесенная имъ Натальѣ Кирилловнѣ. Грамматика эта, «научающая естеству письменъ, ударенію гласа и препи-

панію словесъ», не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго, сравнительно съ грамматиками печатными. Авторъ, между прочимъ, такъ раскрываетъ значеніе грамматики для изученія св. писанія: «Господь нашъ Иисусъ Христосъ», пишетъ Каріонъ, «во св. евангеліи зѣло похваляетъ учащихся книгамъ сице: всякъ книжникъ, научився царствію небесному, подобенъ есть человѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая. Сокровищи есть сердце новая: св. евангеліе, апостолъ; ветхая — вся пророческія книги, яже воспріяла церковь святая, и инде глаголетъ: испытайте писанія, въ нихъ же есть животь вѣчный. Сицевыя ради вѣны надежно дерзнухъ и азъ малую сію *грамматику* истолковать, та бо есть *наказательница свѣдѣній мудростей*».

Въ «Описаніи седми художествъ» о грамматикѣ пишется, что она «первое свободное художество»,—имя свое получила отъ греческаго *грамми*, сирѣчь, письмо; отъ *грамма* же грамматика наречеся, сирѣчь *письменница*. Есть грамматика словенски изрядное художество, глаголати и писати учащее».

Максимъ Грекъ пишетъ, что грамматика «даеть уму разумѣніе, служитъ руководствомъ къ богословію,—копье и мечъ на еретическія заблужденія,—велика убо и преславна вещь, дивна бываетъ слышаніемъ, колыми паче разумѣніемъ.» Такъ какъ грамматика въ XVII вѣкѣ вошла въ курсъ школьнаго обученія, то она издавалась въ большихъ количествахъ и мы имѣемъ не мало печатныхъ грамматикъ этой эпохи. Вотъ главнѣйшія. *Ἀδελφότης*. Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка. Львовъ. 1591 г. Грамматика словенска. Лаврентія *Зизанія*. Вильна. 1596 г. Грамматика. Евю. 1614 г. Грамматика словенскаго правилное синтаγμα, потщаніемъ многогрѣшнаго Мнѣха Мелетія Смотрискаго... списанное и прижитое». Виленской брат. типогр. 1618 г. Эта грамматика имѣла нѣсколько изданій—1619 (въ Евю), 1629, а въ 1648 г. она была издана въ Москвѣ. Этой грамматикѣ выпала на долю честь быть руководительницею скавшихъ грамматическихъ знаній. По тщательной обработкѣ матеріала она дѣйствительно заслуживаетъ первенствующее положеніе среди другихъ грамматикъ той эпохи. Авторъ пишетъ о своемъ трудѣ: «Здѣ въ предисловіи вписаномъ къ люботрудне тшатися хотящимъ къ разуму ученія грамматическаго и прочихъ, яже христіанства законъ обдержити, не сами собою, но вину вземъ отъ многихъ св. отецъ житій, яко и сии духоноснии св. отцы мнози грамматики и прочіихъ книгъ философскаго ученія люботруднѣ во ученіе обращахуся и отъ страны въ страну, и отъ града во градъ пути шествія, ученія ради, творяху. Сицевъ образъ любомудрїи и намъ оставиша некати.»

«*Грамматика* албо сложеніе письменна хотящимъ ся учити словенскаго языка младолѣтнимъ отрочатемъ.» Вильно. 1621 г. Здѣсь послѣ алфавита идутъ такіа упражненія на буквы: *буди онъ, будеши ты, буди той, будива мы два, будимо со мною* и т. д. Очевидно, сюда вводится понятіе о глаголь. Правила просодїи сопровождаются примѣрами: *буди—будѣ, варите—варѣте* и т. д. Также изложены въ примѣрахъ и титла. За азбукой слѣдуютъ молитвы, символъ вѣры и наставленія—начала къ дѣтямъ, а потомъ къ родителямъ, съ совѣтомъ воспитывать дѣтей въ строгости, «жезломъ наказанія».

Грамматика или письменница языка словенскаго. Кременецъ, 1638 г. Грамматика словенская большая. Москва. 1651 г. *Генриха Лудолфа*. Грамматика руссїйская на русско-латинскомъ языкѣ. Оксфордъ. 1696 г.

Сокращенныя изложения грамматики встрѣчаются въ азбуковникахъ XVII в.¹⁾ Что въ печатныхъ книгахъ «любомудро положено и многими книжными реченіями разведено,» то здѣсь изложено «краткимъ сведеніемъ,» чтобъ учителя удобно могли передавать грамматическое ученіе ученикамъ.

Здѣсь сообщаются краткія свѣдѣнія изъ фонетики, правописаніе (о верхней просодіи и строчномъ препинаніи), необходимое всѣмъ «хотящимъ переписать свѣтлыя книги,» склоненія (паденія: именительное, родственное, дательное, винное, звательное и отрицательное), роды именъ и спряженія (супружества). Къ этому присоединилось еще знакомство съ «риемомъ,» по руководству «доскональнаго казодѣя Симеона Полоцкаго,» причѣмъ сообщалось понятіе о родахъ стиховъ «проевскомъ, ямвйскомъ, софійскомъ, гликонскомъ» и т. д. Виршеслаганіе, занесенное на Москву изъ Юго-Западной Руси, во второй половинѣ XVII вѣка, стало эпидемическимъ. Виршами переполнены азбуковники, печатныя руководства. Тутъ не было и помину о поэзіи слагателей нашихъ пѣсенъ и былинъ; это было чисто-механическое ремесло, для котораго матеріаломъ служилъ даже мѣсяцесловъ; оно было модой, словеснымъ щегольствомъ. Въ азбуковникахъ предлагались образцы «ремесла» для желающихъ изучить это искусство, при чемъ приводился знаменитый гекзаметръ Смотрицкаго.

Уродливое, несвойственное русскому языку силлабическое стихотворство не мало повредило выработкѣ тогдашней рѣчи и стилю русскаго языка, уклоняя его отъ простоты и естественности, и въ то же время наполнило его чуждыми реченіями. Стихи эти затемняли ясную мысль и были иногда столь кудреваты, что нелегко въ нихъ добраться до смысла, чего прежде на Руси не бывало. Руси вообще не въ пользу все наносное.

Во главѣ всѣхъ грамматикъ стоялъ трудъ Смотрицкаго. Этотъ трудъ составленъ весьма обстоятельно и умѣло и для своей эпохи представлялъ явленіе выдающееся. Не только современные, но и послѣдующіе грамматисты слѣдовали Смотрицкому, только измѣняя его въ частности. Грамматика имъ опредѣлялась какъ практическое искусство — «извѣстное художество, благо глаголати и писати учащее». Опредѣленіе это въ сущности сохранилось до Греча.

Грамматика раздѣлялась на четыре части. Часть первая, орфографія, «учитъ прямо писати и въ реченіихъ прямо ударити» (ставить правильно ударенія); этимология учитъ реченія въ свои имѣ части точнѣ возносить; синтаксисъ учитъ слова сложнѣ сочиняти; просодія учитъ метромъ или мѣрою количества стихи слагати. Всѣ измѣняемыя части рѣчи рассмотрѣны весьма обстоятельно, причѣмъ даются «парадигмы» и «увѣщанія», — то-есть разъясненія даваемыхъ правилъ. Синтаксисъ слабѣ другихъ частей, именно по недостатку строгой системы, но онъ представляетъ много интересныхъ наблюденій надъ жизнью языка того времени.

Слѣдуетъ замѣтить, что съ появленіемъ печатныхъ церковныхъ книгъ славянскій языкъ заканчиваетъ свое развитіе и остается почти неизмѣннымъ до нашего времени²⁾. Грамматической выработкѣ формъ славянскаго языка *новаго періода* много содѣйствовалъ трудъ Смотрицкаго.

¹⁾ См. *Мордовцева*, «О русск. школьн. книгахъ», стр. 47—54. У *Карпова*, стр. 184 и д.

²⁾ Постепенное развитіе формъ русскаго литературнаго языка въ до-Петровскую эпоху, по обширности и спеціальности этого предмета, не входитъ въ нашу задачу. Прекрасное пособіе по

Въ области языка въ эту эпоху было еще одно замѣчательное явленіе, это дѣлая литература толковыхъ словарей.

Постепенное внесеніе въ славянскій языкъ словъ и реченій изъ другихъ языковъ само собою вызывало потребность въ такихъ словаряхъ. Первый опытъ подобнаго словаря явился еще въ XIII в., именно—въ Новгородскомъ спискѣ Кормчей книги 1282 г. находится отдѣлъ: «*Рѣчи* жидовскаго языка преложена на роускою, неразумно на разоумъ и въ евангелихъ и въ апостолахъ и въ псалтири и в пармиѣ и въ прочихъ книгахъ» ¹⁾. Къ 1431 г. относится Новгородскій словарь: *Тълкованіе* неудобъ познаваемыхъ въ писанныхъ речемъ, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальныхъ преводникъ ово словенскы, и ино Сръбски, и другая Български, и грческы, ихже неудоволишася преложити на русскій» ²⁾.

Въ 1596 г. Лаврентій Зизаній Тустановскій составилъ и напечаталъ «*Лексисъ* си рѣчь реченія въ кратъцѣ събраны и изъ словенскаго языка на простой русскій диалектъ истолкованы». Лексиконъ этотъ приложенъ къ славянской грамматикѣ того же автора. Количество объясненныхъ въ этомъ словарѣ словъ восходитъ свыше тысячи (1061). Лексиконъ этотъ ³⁾ послужилъ матеріаломъ для словаря *Памвы Беринды*, изданнаго дважды (въ Кіевѣ въ 1627 г. и въ Кутенскомъ монастырѣ въ 1653 г.) Здѣсь уже находятся объясненія энциклопедическаго характера изъ области религіи, мнѳологіи, естествознанія и проч. Эти словари послужили матеріаломъ и основой для послѣдующихъ толковыхъ словарей и такъ-называемыхъ *азбуковниковъ*, число которыхъ весьма значительно и составляетъ обширную литературу ⁴⁾. Собранія и изслѣдованія ихъ доселѣ еще неполны; но и то, что открыто, показываетъ, что умственныя потребности той эпохи не ограничивались грамотностію, ибо азбуковники постепенно переходили въ энциклопедіи и отвѣчали на разнообразныя вопросы любознательнаго ума о вѣрѣ, о Богѣ, о мірѣ, о человѣкѣ и человѣческихъ обществахъ, о природѣ и ея явленіяхъ.

Такіе азбуковники содѣйствовали расширенію познаній нашихъ предковъ, ихъ умственному развитію и побуждали всматриваться въ родную рѣчь, сравнивать ее съ другими языками и точнѣе опредѣлять значеніе словъ. Трудолюбивые составители словарей собирали слова и толкованія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ ⁵⁾. Памва Беринда пишетъ, что онъ составлялъ свой лексиконъ 30 лѣтъ ⁶⁾.

этому предмету представляетъ ученое изслѣдованіе проф. *А. П. Соболевскаго*, «Лекціи по исторіи русскаго языка». Изд. 2. Спб. 1891 г.

¹⁾ *Сахаровъ*, Сказанія Русс. народ. т. II, стр. 125.

²⁾ Тамъ же, стр. 126.

³⁾ Напечатанъ въ Сказ. Русс. нар. *Сахарова*, т. II.

⁴⁾ См. *Карпова*, Азбуковники по спискамъ Соловецкой бібліотеки. К., 1877 г., а также *Мордовцева*, О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка.

⁵⁾ Вотъ заглавіе одного изъ толковыхъ словарей, которыя назывались также азбуковниками: «Сказаніе о неудобъ познаваемыхъ рѣчахъ, иже обрѣтаются во св. книгахъ русскаго языка, ихъ же древніе переводники не удоволишася на русскій языкъ преложити, понеже ова обрѣтаются *еврейски*, ова же *сирски*, ина же *римски*, и ина *латынски*, ина *еллински*, ина *египетски*, ина *сербски*, ина *грчески*, и инѣхъ многихъ языкъ, иже здѣсь положени по буквамъ скорога ради обрѣтенія, паче же рещи, яко истинно на русскій языкъ преложены». См. *Пекарскій*, ч. I, стр. 187. Наиболье обстоятельное ученое описаніе азбуковниковъ составлено *Карповымъ* и представляетъ богатый матеріалъ для характеристики умственнаго движенія на Руси XVII вѣка.

⁶⁾ Авторъ пишетъ, что онъ помѣстилъ въ лексиконѣ имена власныя людей, горъ, нагорьевъ, дѣсь, рѣкъ и розныхъ урочищъ розматныхъ діалектовъ: сирскаго, халдейскаго, еврейскаго, гре-

Ученый лингвистъ Еппфашій Славинскій пишетъ, что оупъ «лексиконъ реченій языка словенска и греческа и со инѣми языки *въ наученіе и уразумѣніе учащимся потребный*», «многимъ трудомъ и тѣчаніемъ счини». Такъ какъ оупъ составлялъ свой трудъ для учащихся, то можно полагать, что таковыя словари служили *учебными пособіями* и въ школахъ. За это говоритъ и самое обиліе этихъ словарей.

Ариѳметика. Пособій по ариѳметикѣ сохранилось отъ XVII вѣка не много, тѣмъ не менѣе есть основанія полагать, что этотъ предметъ входилъ въ курсъ школьнаго ученія. Мы знаемъ, что въ школахъ Юго-Западной Россіи ученики обучались «*насхали, лунному теченію, личбѣ* (счету) и *рахованію* (счисленію). Уже по одному вліянію юго-западныхъ школъ на школы Руси Московской можно полагать, что эти предметы входили въ обученіе въ послѣднихъ. Но мы имѣемъ учебники и пособія по этимъ предметамъ. Такъ въ библиотекѣ Казанской Академіи значится «Ариѳметика XVII вѣка, съ приложеніемъ пословиць». Въ азбуковникахъ есть ссылки на «Цифирь»—«книга численница счетная» ¹⁾. Въ библиотекѣ Чудова монастыря хранится переводъ ариѳметики, сдѣланный переводчикомъ посольскаго приказа Спафаріемъ въ 1662 году.

Изъ печатныхъ книгъ Московскаго печатнаго двора сохранилось изданіе, подъ названіемъ «*Считаніе удобное*, которымъ всякій человекъ купующій или продающій зѣло удобно изыскати можетъ число всякія вещи»; печатано въ Москвѣ, въ 1682 г.

Въ предисловіи говорится: «Сія книжка, читателю любезный, надобна человеку для скорого всякія вещи цѣны обрѣтенія, который кто купити, или продати хощеть: а мѣра и цѣна за сколько чего, сколько денегъ дати или взяти, объявляется въ сей книгѣ на всякой страницѣ въ верхнихъ, да въ постороннихъ верхнихъ строкахъ въ клѣточкахъ. И мощно считати всякія вещи, хотя мѣру положить, сколько чего продаетъ или покупаетъ, въ верхней строкѣ, а цѣну въ посторонней строкѣ, и ты отъ того числа поиди рядомъ клѣточками, и дойди до той клѣточки, которая стоитъ противъ верхняго числа, сколько будетъ за тотъ товаръ и цѣны конейками, или алтынами, или рублями» ²⁾.

Расчетъ сдѣланъ до ста, съ замѣчаніемъ, что умножая числа, можно рѣшать и задачи высшихъ разрядовъ.

Наконецъ въ рукописяхъ XVII вѣка встрѣчается ариѳметика подъ такимъ заглавіемъ: «Книга сія, глаголемая по эллински ариѳметика, а по нѣмецки алгоризма, а по русски цифирная счетная мудрость; та мудрость едина изъ большихъ изъ семи мудростей». Судя по тому, что въ рукописи насхалия начинается съ 1685 г., ее относятъ къ этому времени.

Значеніе ариѳметики здѣсь выражается такимъ образомъ: «безъ сея мудрости ни одинъ философъ не можетъ быти, ни дохтуръ; а кто сію мудрость вѣдаетъ, можетъ быть у государя въ великой чести и жалованьи; по сей мудрости гости (купцы) по государствамъ торгуютъ и во всякихъ вѣсахъ и въ мѣрахъ, и въ земномъ верстаніи и въ морскомъ теченіи».

ческаго, латинскаго и власнаго нашего словенскаго вкуну, хоть то не такою, якъ бы надежала, широкостью, стромадивши и тую працу мою, смѣло рѣку тридцатомѣтною хотю лексиконъ, по славенски *ученикъ*, а по латыни *дикціонаръ*, назвавши, працю усердною и коштомъ моимъ, отто типомъ на свѣтъ выпускаю».

¹⁾ *Картозь*, стр. 196.

²⁾ *Пекарскій*, I, 264 стр.

Въ приведенныхъ арифметикахъ мы находимъ изложеніе четырехъ арифметическихкихъ дѣйствій, съ задачами, и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ геометріи и алгебры.

Въ описаніи рукописей Румянцевскаго музея значатся арифметика и астрономія (подъ № 12).

Слѣдуетъ сказать, что арифметика въ эту эпоху понималась, какъ чисто-практическое знаніе. Въ церковномъ отношеніи она служила для вычисленій пасхалии, для опредѣленія «луннаго теченія»; въ бытовомъ отношеніи она была пособіемъ для торговыхъ оборотовъ и хозяйственныхъ нуждъ; наконецъ счисленіе являлось важнымъ въ приказахъ и вообще въ управленіи государственномъ. До понятія объ арифметикѣ, какъ наукѣ, наши предки, да и западные ихъ современники, еще не дошли. Но въ то же время практическое значеніе арифметики и служило побужденіемъ ввести ее въ курсъ школьнаго ученія. О приемахъ преподаванія арифметики свѣдѣній не сохранилось.

Церковное пѣніе. О значеніи разсматриваемой эпохи для церковнаго пѣнія было уже сказано. Въ этотъ періодъ *мелодическое* пѣніе русской православной церкви закончило свое развитіе, подобно тому, какъ славянскій языкъ богослужебныхъ книгъ выработалъ себѣ установившіяся формы. На Руси является пѣніе полифоническое (партезное) и достигаетъ значительнаго развитія. Здѣсь уместно сказать о методической сторонѣ пѣнія.

До XVII вѣка пѣвческія книги писались безлинейными знаками, или крюками, которые иначе назывались *знаменами* или *столпами* (σῆμα στήλη), почему и самое пѣніе по крюкамъ называлось *столповымъ* или *знаменнымъ*, въ отличіе отъ пѣнія по слуху, безъ книгъ нотныхъ. По свидѣтельству пѣвческаго справщика Александра Мезенца, знаки эти изобрѣтены и именами прозваны въ глубокой древности (считая отъ 1668 года, за четыреста лѣтъ и вѣще). Изученіе крюковъ представляло значительныя трудности и не только требовало много времени, но могло быть причиною и неправильнаго исполненія пѣснопѣній. Поэтому уже съ второй половины XV вѣка появляются дидактическія руководства, съ цѣлію облегчить изученіе крюковой семіографіи. Они прилагались къ нотнымъ книгамъ и заключали въ себѣ «сказаніе, како поется знаменіе кождо различно; како поются погѣвки въ которомъ гласѣ, роспѣвы на восемь гласовъ» и т. д. Значеніе многостепенныхъ знаменъ, «лицъ» и «оитъ», по сложности своей, также требовало для изученія большаго труда и знанія. Умноженіе частныхъ роспѣвовъ и «переводовъ» знаменнаго пѣнія, вмѣстѣ съ появленіемъ мастеровъ и творцовъ пѣнія, создавшихъ свои школы, дѣлало изученіе принятой системы нотации затруднительнымъ, такъ какъ самое знамя въ разныхъ роспѣвахъ стало толковаться различно. Такъ, напримѣръ, Мезенецъ въ своей азбукѣ говоритъ о выполненіи «сложитія»: «сложитія съ запятою и чашкою въ восьмомъ гласѣ, въ нѣкоемъ лицѣ, поется въ четыре степени, и то Усольскимъ мастеропѣніемъ; Московскимъ же пѣніемъ, иже Христіанновъ переводъ именуется, въ томъ же лицѣ и гласѣ поется сія сложитія *своимъ* разводомъ, понеже старшій Христіанновъ переводъ во многихъ лицахъ и разводахъ и погѣвкахъ со Усольскимъ мастеропѣніемъ имѣетъ *различіе*».

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ слабѣе было знаніе крюковъ, а слѣдовательно, тѣмъ труднѣе было правильное ихъ чтеніе и преподаваніе.

Обстоятельство это вызвало необходимость *помнить*, то есть, однообразныхъ и общихъ указаній точнаго чтенія каждаго знамени отдѣльно и соединенія ихъ въ

музыкальныя фразы. Помѣты эти выражались буквами при знаменахъ. Но такъ какъ и помѣты эти у разныхъ мастеровъ разнились, то требовалось общее руководство для чтенія знаменъ, которое и было составлено въ концѣ XVI вѣка новгородцемъ *Иваномъ Шайдуровымъ*. Помѣты его писались киноварью, почему и назывались «киноварными». Помѣты эти и указывали или на *высоту* звука въ знамени, или на *видоизмѣненія* его при исполненіи, или на *гласовую* мелодію знаменнаго распѣва. Первые назывались помѣтами *степенными*, вторыя — *указательными*, третья — *осмогласными*. Руководствомъ къ изученію помѣтъ служили: а) *грамматика* Шайдурова; б) *имена* столповаго знамени, како которое знамя имени звати; в) сказаніе о *подметкахъ*, еже пишутся въ пѣніи надъ знаменемъ и г) толкъ знамени столповому». Эти были драгоценныя дидактическія пособія для изученія крюковаго знамени. Когда явилось особое знамя *Казанское*, при Иванѣ Грозномъ, образованное пѣвчими дяками въ память покоренія Казани, то потребовалось толкованіе и этого знамени, которое изложено было въ книгѣ: «Кокизы, сирѣчь ключъ столповому и казанскому знамени». Здѣсь собраны были мелодическія строки «ирмологійныя, октайныя и праздничныя». Строки эти назывались «лицами» и «энтами». Всего въ сборникѣ было собрано 214 лицъ и 67 энтъ. При нихъ находились «разводныя строки», то-есть, указанія, какъ исполнять энтныя и лицевыя знамена.

Комиссія 1669 г., имѣя во главѣ «старца» Александра Мезенца, не могла не видѣть, что во всѣхъ этихъ пособіяхъ было не мало несогласія и разнорѣчія. Чтобы объединить чтеніе крюковой ноты, положила удалить киноварныя помѣты и предположила дать помѣты тушевыя *призначныя*, которыя указывали бы установившіяся въ практикѣ пѣнія области — *простую, мрачную* и *свѣтлую* каждаго знамени въ пѣвческихъ книггахъ. Задачу эту выполнилъ *Мезенецъ* въ своей «*Азбукѣ*», которая въ наше время издана подъ редакціей С. Смоленскаго и составляетъ одинъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ въ области пѣнія XVII вѣка. Азбука эта не только облегчала чтеніе безлинейныхъ пѣвческихъ книгъ, но давала возможность приступить и къ печатанію ихъ, что и было предположено.

Но въ это время съ юго-запада, изъ Кіевской Руси, явилась другая ноты, болѣе простая, наглядная, легко доступная для изученія, — ноты линейная. Она очень скоро была усвоя, оцѣнена, быстро распространилась и вытѣснила крюки. Послѣдніе имѣли защитниковъ, которые ихъ отстаивали, указывая на значеніе безлинейныхъ знаковъ. Мезенецъ писалъ о новомъ знамени: «намъ великороссіянамъ, иже непосредственнѣ вѣдущимъ тайно-водительнаго сего (крюковаго) знамени гласы, и въ немъ многоразличныхъ лицъ и ихъ разводъ мѣру, и силу, и всякую дробь и тонкость, никакая же належитъ о семъ (кіевскомъ-линейномъ) нотномъ знамени нужда» ¹⁾. Но и новое знамя скоро нашло себѣ покровителей, во главѣ которыхъ сталъ патр. Никонъ, сразу оцѣнившій практическое превосходство линейнаго знамени. Онъ ввелъ его у себя въ Новгородѣ, а сдѣлавшись патриархомъ, содѣйствовалъ его распространенію повсюду. Желая наглядно показать, что новое знамя нисколько не измѣняетъ мелодіи пѣснопѣній, а только упрощаетъ ихъ чтеніе и письмо, онъ указалъ писать, на первое время, при линейной нотации и безлинейную, дабы можно было сравнить ту и другую и увѣриться, что обѣ излагаютъ одно, безъ поврежденія мелодіи. Патриархъ Адрианъ не сочувствовалъ новой

¹⁾ Азб. Мезенца, изд. Смоленскаго стр. 7.

нотации и старался поддержать крюковую; но превосходство нотописания линейнаго было очевидно. Съ конца XVII вѣка всѣ пѣвцы Русской церкви совершали богослужебное пѣніе по нотнo-линейнымъ рукописямъ. Монахъ Тихонъ Макаріевскій написалъ грамматику или *ключъ* къ изученію нотнo-линейнаго знамени. Въ концѣ XVII в. въ Львовѣ уже появился *печатный* ирмологъ квадратной ноты. Мысль о печатаніи крюковыхъ книгъ была оставлена и возникло предположеніе печатать нотныя книги въ нотнo-линейной транскрипціи. Мысль эта получила осуществленіе позднѣе, въ 1772 г., когда были напечатаны *Ирмологъ, Октоихъ, Праздники, Обиходъ* квадратною нотою, которая съ тѣхъ поръ и доннынѣ употребляется въ Синодальныхъ изданіяхъ; но замѣна крюковой нотации линейной служила важнымъ шагомъ къ облегченію и упрощенію церковнаго пѣнія въ школахъ. Теперь нотная грамота стала легкой и общедоступной.

Облегчилось изученіе пѣнія и со стороны мелодіи. Знаменный распѣвъ, отличаясь протяженностію, своеобразнымъ несимметрическимъ ритмомъ, столько же былъ труденъ для церковнаго употребленія, сколько и для изученія. Въ XVI вѣкѣ «мастера» распространяютъ мѣстные распѣвы и переводы—Московскій, Христіаніновъ, Новгородскій, Казанскій, Васкаковъ, Усольскій, Лукошковъ. Головщикъ Логгинъ училъ пѣть на шесть, на десять и на семнадцать переводовъ. Понятно, что такое обученіе затрудняло, осложняло обученіе пѣнію, вносило въ него несвойственное духу церкви произвольное разнообразіе. Когда появилось болѣе простое кievское и греческое пѣніе, то оно было принято въ церковную практику. Никонъ, «преведіе имѣя прилежаніе до пѣнія», повелѣлъ въ Софійскомъ храмѣ, въ Новгородѣ, *пѣть греческое и кievское пѣніе*. Кievскій распѣвъ есть знаменный сокращенный, упрощенный, съ болѣе яснымъ ритмомъ. Изученіе его было гораздо легче.

Съ юга же явилось у насъ и «партесное» пѣніе, то-есть, хоровое, неунисопомъ, но съ раздѣленіемъ на высокіе и низкіе голоса. Южноруссы особенно всегда отличались пѣвучестью. Когда возникла борьба съ уніатствомъ и латинствомъ, гдѣ пѣніе не только было хоровымъ, но и сопровождалось игрою на органѣ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ, православные южно-руссы естественно должны были озаботиться постановкою своего пѣнія на высоту. Явилась потребность въ гармоніи. Гербиній свидѣтельствуетъ, что въ Кіевѣ въ его время, уже было совокупное пѣніе мiрянъ и клира и притомъ столь трогательное и величественное, что оно напомнило ему первыя времена христіанства ¹⁾. Такое пѣніе смѣло могло состязаться съ католическими органами и хорами. Здѣсь повторилось то же, что было при Златоустѣ на Востокѣ, гдѣ еретики старались распространять свое ученіе посредствомъ стройнаго пѣнія, а православные пастыри, видя, что слабые имъ увлекаются, стали усовершенствовать пѣніе православной Церкви, составлять умилительныя возвышенныя пѣснопѣнія, дабы удержать паству отъ «обольщенія». Такъ какъ гармоническое партесное пѣніе на Западѣ достигло значительнаго развитія, то Юго-Запад-

¹⁾ „Грекороссіяне, писалъ Гербиній, гораздо святѣе и величественнѣе прославляютъ Бога, чѣмъ въ Римѣ. *Всѣ мiряне поютъ въ соединеніи съ клиромъ*, и притомъ такъ гармонично и благоговѣйно, что мнѣ, въ восторгѣ отъ слышаннаго, думалось, будто я въ Иерусалимѣ и вижу тамъ образъ и духъ первоначальной христіанской церкви. Тронутый простотою русскаго богослуженія, я, по примѣру св. Амвросія и Августина, прослезился и восхвалилъ Сына Божія словомъ: полны суть небеса и земля величествомъ славы Твоя“. Приводимые Гербиніемъ Кіевскія ноты представляютъ квадратную, линейную нотопись.

ная Русь воспользовалась имъ для цѣлей православія. Сохраняя строго церковную мелодію, знатоки стали полагать ее на голоса, то-есть, стали образовывать хоры. Пѣніе это скоро привилось и перешло въ Русь Московскую. Но изученіе гармонизаціи такого пѣнія въ школахъ требовало руководствъ и пособій, въ которыхъ бы излагались правила музыкальнаго искусства. Такія пособія явились прежде всего на Югѣ, въ братскихъ школахъ. Раньше другихъ явилась «наука всяя мусикии, аще хощеша разумѣти Кіевское знамя и пѣніе согласно и чинно сочиненное». Затѣмъ въ 1677 г. явился издашійся въ Смоленскѣ замѣчательный трудъ кіевлянина Николая Дилецкаго, изучавшаго теорію и гармонію музыки въ Вильнѣ, подъ заглавіемъ «Грамматика пѣнія Мусикійскаго», которая, при содѣйствіи «именитаго человѣка» Григорія Строганова, черезъ два года была издана въ Москвѣ. Діаконъ Кореньевъ составилъ книгу «Мусикию», которую пересмотрѣлъ и дополнилъ Дилецкій же.

Дилецкій, «писавый прежде въ Вильнѣ, наукъ свободныхъ учащеса, призрахъ мусикию отъ многихъ искусныхъ художниковъ, тако церкви православныя творцовъ пѣнія, яко же и римскія, и отъ многихъ книгъ латинскихъ, яже о мусикии.»

Музыка опредѣляется авторомъ такъ: «Мусикия есть имя соборное отъ лицъ своихъ, иже путь гласы человѣческія или органныя, умомъ препѣваемая *музика*—гречески, латински же паки *контусъ*, славенски же *тъніе*, яже сердца человѣческа своимъ си гласомъ ово къ *веселію*, ово къ *печали*, ово *смѣшенію возбуждаетъ*.» То-есть, музыка есть языкъ чувства ¹⁾.

Послѣ общаго введенія о музыкѣ, въ *первой* части Грамматики говорится о музыкѣ вокальной (поющей) и инструментальной (бряцающей), объ одиночномъ и хоровомъ пѣніи: «*первое* мусикия—единогласно веѣмъ поющимъ едино знаменіе и пѣснь: *второе*—многимъ гласомъ совокупляемымъ, единогласящимъ же степенями, благія гласованія проходящимъ, и умилительный и плачевный гласъ вкушъ издающимъ».

Далѣе слѣдуетъ ученіе о діапазонѣ голосовъ, о ключахъ (клявишахъ), «о бемолѣхъ и діезисахъ, о гаммѣ, абацадлѣ (букварѣ), о дѣленіи нотъ, о тактѣ, о пропорціи великой и малой, о пикандѣ; о ладѣ веселомъ, жалостномъ и смѣшенномъ, о четверочастномъ дѣленіи мусикии (дуральная, бемолярная, діезисовая и смѣшанная)».

Во *второй* части говорится «о писемахъ или словахъ основательныхъ» (a, b, c, d, e, f, g), о пѣніи «фафакъ, кржижковъ» и о транспонировкѣ мелодій въ разные лады.

Третья часть представляетъ изложеніе музыкальной гармоніи. Здѣсь идетъ рѣчь «о конкорданціяхъ, сірѣчь согласующихся нотахъ», причѣмъ представляется «коло мусикійское, восходящее горѣ и паки сходящее внизъ» (квинтовый кругъ); предлагается «абецадло ключамъ», употребленіе интервалловъ; говорится о запрещенныхъ ходахъ («противно грамматикѣ есть, егда бываетъ квинта по квинтѣ, ли секста по секстѣ много идетъ. Но обаче се вѣждь, въ то время квинта по

¹⁾ «Первую же *веселую* изобразилъ въ торжествѣ Моусей: поемъ Господеви, славно бо прославился. Якоже и Давидъ поетъ сице: примите псаломъ и дадите тимпанъ... Печальную пѣснь воспѣ пророка Іона: возопихъ въ печали моеи къ Господу Богу... Воспѣ Адамъ *на два гласа* со Евою пѣснь, смѣшанную со слезами, якоже свидѣтельствуєтъ писаніе: сѣдѣ Адамъ прямо раю и свою наготу рыдая плакаше: увя мнѣ. Оце перваго пѣвца печальной мусикии!» Здѣсь же приводится и мелодія этой мусикии.

квинтъ во благо бываетъ, когда на падежь (заключеніе) приближается»). Въ главахъ «о твореніи пѣнія» (музыкальная композиція) излагаются обстоятельно, въ примѣрахъ, правила голосоведенія въ полифоническихъ сочиненіяхъ, объ имитационѣ, о каденцахъ, о контрапунктѣ («иже кондрапунктъ именуется латински, славенски же противоточіе, иже есть когда гласы борются точками, а се въ квартахъ, секстахъ, въ септимахъ, но не безъ квинтъ и терцій»). «Концертъ» опредѣляется какъ форма музыкальнаго сочиненія такимъ образомъ: «концертъ се есть, когда гласы борются съ собою не противоточій токмо въ нотахъ, но и въ рѣчахъ.»

Вообще грамматика Дилецкаго представляетъ довольно полное и обстоятельное изложеніе теоріи и гармоніи музыки. Руководствомъ этимъ пользовались всѣ тогдашніе духовные композиторы, оставившіе намъ, какъ выше сказано, громадную литературу хоровыхъ духовно-музыкальныхъ произведеній.

Въ книгѣ Дилецкаго, написанной квадратною нотой, кромѣ изложенія теоріи партеснаго пѣнія и контрапункта, находится и наставленіе для начальнаго обученія дѣтей пѣнію: «Образъ поученія майстромъ ко пѣнію дѣтницъ». Здѣсь замѣчательнъ наглядный приѣмъ, которымъ пользуется авторъ, чтобы ознакомить ихъ съ пятилинейной нотной системой. Въ текетѣ учебника нарисована рука «по ключу азтевому». На пальцахъ и между пальцами руки написаны названія нотъ (латинскими буквами): ниже мизинца — *e*, на мизинцѣ — *f*, далѣе *g*, *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f*; на большомъ пальцѣ *g*, а сверху *a*. Въ объясненіи пишется: «хотѣи предложити образъ ученія ученику. прежде наказуй. да покажетъ ему руку. понеже рука имать пять пальцевъ. якоже и мусикія пять линій сирѣчь струнъ, и паки показуеть много ли сѣть мусикійскихъ словъ (названій нотъ), и тако да научаетъ, гдѣ стоитъ на рудѣ *a*, гдѣ *b*, гдѣ *c*, гдѣ *d*, гдѣ *e*, гдѣ *f*, гдѣ *g* и сиче семь литеръ латинскихъ, требѣ сѣть ученику во умѣ твердо держати. посемъ подобаетъ показати ученику букварь съ нотами *A* *ля* *ре* и тако будетъ двѣ ноты, *ля* и *ре*, первыя всегда внизъ, послѣднія вверхъ—*ля* внизъ, *ре* вверхъ, такожде и в прочихъ литерахъ. посемъ покажи ему, како изобрѣтается, како полтакта и прочая. посемъ уже покажи сѣя на лѣтвицѣ, иже сѣть пять линій. а линіи тожде, якоже и пять пальцевъ». Приѣмъ этотъ теперь забытъ, но онъ долго практиковался; были даже нотныя азбуки подъ названіемъ «ручка».

Дальнѣйшее обученіе состояло въ изученіи гаммы, потомъ изучались интервалы. Гамма изучалась въ разнообразныхъ дѣленіяхъ: «Прежде въ тактахъ (цѣлыхъ нотахъ), по семь же полтакты; паки полтакты съ пунктами и четверками, по семь цѣлыхъ четверки, паки четверки съ пунктами и ломаными четверками; по семь четверки единовязаны, двоевязаны, по семь пропорции и прочая мусикійская художества, и тако истинно и майстерски ихъ (дѣтей) поучающе, отъ Бога мзду, отъ людей же похвалу и отъ челоуковъ благодаренія воспримеши». Обучающіе по дефавтному ключу, по словамъ автора, обучаютъ «безъ основанія», «или не истинно, или отъ своего разума недоумѣннаго, ты же сичевымъ не поревнуй». Между прочимъ, при усвоеніи гаммы авторъ требуетъ отъ учениковъ: «шестыя ноты и седмыя да будутъ имъ въ глубоцей памяти, октава буди же во образъ». Приѣмъ методически вѣрный; ибо секста и септима труднѣе усвоются. «Хотяще во пѣніи гласомъ воспріяти шестую, пишетъ авторъ, да имѣетъ во умѣ октаву и тако со оной удобнѣе возметъ шестую». «Также и поюще септиму, содержи въ умѣ октаву, и удобнѣе и совершенно оную гласомъ изобразиши».

Въ дальнѣйшемъ обученіи учитель долженъ показать и разъяснить, «что есть мусикія веселая, печальная и смѣшанная; поучити же паки: что есть басъ, что есть теноръ, и что есть альтъ и что есть дышканти, и что есть пропорція и не пропорція, что есть *палза*, что есть *эсъ*, что поль-эскъ, и како его содержать» и другіе знаки, а также «ноты во преградѣхъ» (дѣленіе на такты). «Когда неудобно поучаются ноты вкупѣ со тактомъ, научи ихъ прежде ноты совершенно безъ такту; когда же ноты будутъ разумѣти удобнѣе, тогда ихъ, косныхъ въ разумѣ, научи уже и со тактомъ».

«Поюще разсуждай, како и гдѣ имашь гласъ показати, и тако не псходяще пзъ мѣры гласа твоего да не чрезъ силы твоя пѣти, и да вѣси, како печальное, како веселое пѣти ти пѣніе. въ печальномъ пѣніи и гласомъ требѣ пѣти умиленнымъ, во образъ да будетъ ти сей стихъ: *возони во печали моей*. въ веселомъ же пѣніи гласомъ пѣти радостнѣйшимъ, вообразъ: *со вселиемъ воспойте людие*. иже ли есть смѣшенѣ стихъ: *Свѣте тихій*, здѣ и самымъ гласомъ тихимъ имаше пѣти, изобразующе естество стиха. яко же се *вслегласнозвучше*, здѣ имаше и гласомъ самымъ возвышеннымъ и велимъ пѣти. гдѣ же концертъ (состязаніе голосовъ), тамо тихимъ гласомъ и не всѣмъ... Сущность этихъ правилъ объ исполненіи пѣнія заключается въ томъ, чтобы пѣвцы обращали вниманіе на содержаніе пѣснопѣній и пѣли согласно ихъ смыслу.

Всѣ правила у Дилецкаго поясняются нотными примѣрами; вообще грамматика его имѣетъ практическій характеръ, котораго часто недостаетъ учебникамъ нашего времени.

Такимъ образомъ школа XVII вѣка имѣла по пѣнію прекрасныя руководства, какъ по безлинейному, такъ и по линейному нотописанію. Важное значеніе въ богослуженіи и широкое распространеніе пѣнія даже въ домашнемъ быту нашихъ предковъ привлекали къ нему лучшія силы той эпохи.

Намъ остается еще сказать о средствахъ самообразованія въ данную эпоху. Въ одномъ азбуковникѣ XVII вѣка, отъ имени «мудрости» говорится о книжномъ ученіи по изученіи азбуки: «ктому не глаголю ти о часословѣ и псалтири, безъ нихъ же ученіе не бываетъ. Но се тебѣ едино реку. *Вниди умомъ внутрь себе* и всею сердечною мыслію обноси *вся книги тисненныя и письменныя*, великія и малыя, славныя и не славныя, и еже пристойно царской власти, во всѣхъ судебныхъ полатахъ, тако же и во всѣмъ духовенствѣ чинахъ, и во всенародномъ множествѣ, и до поселянъ, всякія дѣла и крѣпости отгуду вразумляются и вчиняются и чимъ устрояются». Такимъ образомъ предки наши понимали, что грамотность не цѣль, а средство обученія, что образованіе должно вести къ самообразованію.

Первымъ средствомъ самообразованія являлось чтеніе «божественныхъ книгъ», то-есть, священнаго писанія, отеческихъ писаній, богослужебныхъ книгъ, толкованій на слово Божіе и вообще книгъ религіознаго содержанія. Богатство этой литературы XV—XVII в. неисчерпаемо. Достаточно пересмотрѣть описанія нашихъ древнихъ рукописей и книгъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Списки книгъ св. писанія появляются во множествѣ; въ рукописяхъ находятся: толкованія на св. писаніе Златоуста, Іоанна Болгарскаго, Теофилакта, Северіана; творенія Св. Отцевъ и учителей церкви: Діонисія Ареопагита, Аванасія Великаго, Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Богослова, Василія Великаго, Ефрема Сирина, Іоанна Синайскаго (Лѣствнца), Аввы Варсонофія, Аввы Дородея, Исаака Сирина, Григорія Двоеслова, Іоанна

Дамаскина, Федора Студита, Симеона Солунскаго, Никона Черногорца, Федора Едесскаго, Симеона Новаго, Григорія Синаита и многих другихъ. Сочиненія Нила Сорскаго, Иосифа Волоцкаго, Максима Грека, Зиновія Отенскаго, современные сочиненія противъ раскола и вообще творенія духовныхъ отечественныхъ писателей списывались и распространялись во множествѣ. Не мало было книгъ по церковному праву, каковы: кормчая, Номоканонъ Зонара, Синтагма Маттея Властари, правила св. Апостоля, сборники по церковному праву. Затѣмъ шли самыя разнообразныя сборники, Измарагды, Златоструи, Лавсанки, Маргариты, и множество житій святыхъ и патериковъ—Печерскій, Египетскій (скитскій), Синайскій, Алфавитный, Смѣшанный, наконецъ, прологи и синаксари. Одно перечисленіе заглавій этой литературы составило бы книгу.

Четыри-Миней Макарія представляютъ цѣлую бібліотечку. Здѣсь и прологи, и патерики, и слова учительныя, цѣлыя сочиненія отцовъ церкви, есть даже переводъ діалектики и «объ осми частяхъ рѣчи» (грамматика) Дамаскина, съ русскими примѣрами, маргариты и множество толкованій на свящ. книги.

«Многи труды и подвиги подъяхъ», пишетъ составитель, работавшій надъ своимъ трудомъ 20 лѣтъ. Онъ же составилъ «Великую книгу правила келейнаго и путнаго»; «Книгу, глаголемую Кормчая, рекше правило закону, греческимъ языкомъ *номосъ*». Много трудолюбивыхъ писателей было въ эту эпоху. Вообще грамотный человекъ того времени, окончивъ книжное ученіе въ школѣ, воспитавшись въ духѣ церковности и развивъ въ себѣ потребность самообразованія, могъ вполне удовлетворить своему стремленію къ просвѣщенію.

Но пробудившаяся потребность знанія увлекала нашихъ предковъ и къ предметамъ свѣтской науки, въ чемъ особенно сказалось влияние Запада въ XVII вѣкѣ на русскую мысль, потому что почти все сочиненія этой эпохи по *исторіи, географіи, естествознанію, философіи* и *праву* были переводными, при чемъ нерѣдко вмѣстѣ съ ишеницею попадалась и макина. Тѣмъ не менѣе литература по этимъ предметамъ была довольно значительна.

Что *artes liberales*, составлявшія предметъ изученія въ высшихъ школахъ Запада, были извѣстны нашимъ предкамъ XVII в., объ этомъ свидѣлствуютъ не только проектъ академіи, но и отдѣльныя сочиненія. Такъ, довольно извѣстна была книга «Мудрость или описаніе седми свободныхъ художествъ, кака что въ себѣ содержитъ. Изъ еллинскаго діалекта изслѣдованы на славянскій языкъ чрезъ Николая *Спафарія*. 1673 г.—Книга избранная вкратцѣ о девяти мусахъ и о седми свободныхъ художествахъ»¹⁾. Рукопись эта встрѣчается въ нѣсколькихъ спискахъ и помѣщалась даже въ азбуковникахъ²⁾.

Цѣль этого произведенія не только познакомить читателей съ «семью художествами», показать ихъ значеніе, но и расположить къ изученію ихъ.

Первая свободная мудрость *грамматика*. Мудрость говоритъ, что она необходима каждому человеку ученому: «кто книжныя писмена устрояетъ, или стихи соплетаетъ, или повѣсти изъясняетъ, или посланія посылаетъ, или что таковыхъ составляетъ, то все грамматикою снискаетъ». «Понеже (говоритъ грамматика) на времена разводу, и на числа разочту, и на *лицо* разскажу, и на *паденія* (склоненія)

¹⁾ Строевъ, Опис. рук. библ. Толстова, II, № 118, 223.

²⁾ Мордовцевъ, О школьныхъ книгахъ XVII в., стр. 56 и д.

уклоню, и на супружества (спряженія) сведу, стисни разуму и роды разберу»...

Вторая мудрость *риторика*, «художество, яке учитъ слово украшати и увѣщевати», «красно глаголати». Она есть «хитрорѣчія петочникъ», «мудрость сладкогласнаго реченія». «Мною, говоритъ риторика, и Димосеенъ, древній онъ честный Философъ, славенъ ся учини, той бо мя сперва поиска и обрѣте, и по немъ прочіи риторіи, которіи чудни разумомъ въ челоуѣцѣхъ явишася и хитрорѣчію начальницы быша, и риторіку мя нарекоша».

Третье—*діалектика*, яке и *логика* нарицается, именуется отъ греческаго реченія *діалогоме*, сирѣчь, состязаяся или любопрюся, или скоро обрѣтаю и изобрѣтеніе чинюне сочиняю». «Діалектики конецъ есть, еже благое отъ зла и ложь отъ истины раздѣляти». Она имѣетъ тѣсную связь съ грамматикой и риторикой: «селе ніе же имамъ (говоритъ логика) и союзъ со премудрою грамматикою и красовитою риторикою; одесную мене первая, ошуюю—другая». «Мудрый отъ еллинъ Омръ и Платонъ и похвальный во вратѣхъ (στοα) Аристотель и прочіи вси о мнѣ діалектицѣ познашася въ мръ».

Она имѣетъ практическое значеніе въ общественной жизни, «на соборѣхъ людскихъ», на судѣ, гдѣ, благодаря ей, «ни правый, ни обвинитя, ни виноватый не потягнется, ниже судай погрѣшнати въ чesомъ, можетъ».

Четвертое художество—*ариметика*—числительница. Она исчисляеть широту земли и высоту небесъ, измѣряетъ пучины моря, назначаетъ вѣрный и безопасный путь кораблямъ, уставляеть всему правильную мѣру, и всѣ чинювныя числа, мѣры и вѣсы, соединяетъ и разлагаеть, вычитаетъ, на доли раздѣляеть, долю къ долямъ прилагаеть, и все раздробляеть въ дробь; пространства она считаеть локтями, ишеницу—мѣрами, вино—чашами, полки—тысячами и сотнями.

Пятое художество—*музыка*, сирѣчь пѣснествованіе; имя свое отъ *мусы*, богини пѣнія, получи». Такъ какъ музыка на Руси имѣла церковный характеръ, то подъ нею разумѣлось только пѣніе. «Щедраго и Преплагаго Бога, давшаго намъ разумъ, познаніе Своея истины, восхвалимъ вси *не въ варяны* и тимпаны и мусикин, въ нихъ же онъ беззаконный папа Петръ Гугнивый повелѣ въ церкви играти, и есть начальникъ богомерзскому сему гуденію и игранію; мусику же азъ предлагаю, но не руками челоуѣческими, ниже теслы и ножами устрою, но гласомъ изъ гортани перукотворенныя происходящимъ восхвалимъ Господа и поемъ Ему вси разумно во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ».

Шестое—*геометрія*, сирѣчь земномѣріе». Она имѣетъ связь съ космографіей, географіей и иными художествами. Геометрія понималась въ буквальномъ смыслѣ имени ея, по переводу съ греческаго. «Той бо, измѣривый пядію небо и дланію землю, намъ же, созданію Своему челоуѣкамъ тлѣннымъ, даде сея широту и долготу и толстоту доброумѣренною вервію любомудрыя геометріи измѣрати и тѣмъ комуждо данныя предѣлы познавати». Здѣсь излагается отчасти математическая и физическая географія и дается понятіе о частяхъ свѣта.

Седьмая мудрость—*астрономія*—по еллинѣхъ, звѣздозаконіе же по словенѣхъ». Здѣсь сообщается понятіе о солнцѣ, лунѣ, планетахъ, звѣздахъ, о солнечномъ и лунномъ обращеніи и т. д.

Разсматриваемая рукопись заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что она помѣщена въ азбуковникѣхъ и назначалась для *выткласснаго* чтенія учащихся,—

«во время отъ ученія престатія», значить, какъ-бы дополняла курсъ школы, отвѣчала на запросы юношеской любознательности и побуждала ихъ къ самообразованію за предѣлами школы.

Въ послѣдующемъ указаніи литературы для самообразованія въ XVII вѣкѣ мы ограничимся только перечнемъ книгъ, такъ какъ описаніе ихъ, съ извлеченіями, было-бы слишкомъ пространно.

Такъ, по исторіи сохранилось много хронографовъ (описаніе ихъ сдѣлано Поповымъ); въ рукописяхъ имѣются: Русская исторія дьяка *Грибондова* ¹⁾, Хроника Литовская *Стрыйковского* ²⁾, Историческія записки Павла *Пясецкаго* ³⁾, Палед во многихъ спискахъ ⁴⁾, Временникъ *Георія Амартола* ⁵⁾, Исторія о войнѣ Иудейской *Иосифа Флавія* ⁶⁾; сюда же слѣдуетъ отнести лавсанки, патерики, прологи, синаксари, заключающіе въ себѣ матеріалъ по церковной исторіи. Синопелъ, приписываемый *Иннокентію Гизелю* (печ. въ Кіевѣ, 1674 г.), хроника Сафоновича; «Объ исторіяхъ и славныхъ царствахъ и статахъ, которыя обрѣтаются въ Европѣ», *Пуфендорфа*. «Житіе Антонина, именованнаго Пеюса, злѣтописцевъ латинскихъ собранное», — *Кеокенія*. — «Исторія политична, опредѣленна на 6 книгъ». — «Исторія о державѣ французской», *И. Дебусьери* ⁷⁾. — «Книги Юлія Фронтина, сенатора Римскаго, о случаяхъ военныхъ» перев. Каріона Истомина. М., 1692 г. ⁸⁾.

Много отдѣльныхъ историческихъ статей находилось въ азбуковникахъ, каковы: «О Уліи (Юліѣ) Кесаря», «о взятіи царграда отъ латинъ», «о Магометѣ», «о сожженіи Гуса», «О Булгарѣхъ», «О славенскомъ языкѣ и о русскомъ»; статьи по мѣтологіи греческой и славянской. Знакомы были наши предки съ Бароніемъ ⁹⁾. Извѣстенъ еще «Хрисмологіонъ», родъ всеобщей исторіи, съ предсказаніями ¹⁰⁾. «Исторія Сарматіи Европейской» Александра *Гванини*.

Что русскіе люди любили читать историческія сочиненія, объ этомъ говорятъ даже иностранцы, посѣщавшіе Россію въ то время. Павелъ Іовій (1526 г.) говоритъ, что въ его время у каждаго почти Московскаго боярина можно найти въ рукописныхъ спискахъ, кромѣ *литописей*, исторію объ Александрѣ Македонскомъ, о Римскихъ кесаряхъ, Антоніи и Клеопатрѣ и т. под. ¹¹⁾.

Географія была предметомъ особеннаго интереса нашихъ предковъ, хотя свѣдѣнія ихъ о разныхъ земляхъ и народахъ иногда не отличались достовѣрностію, а иногда были плодомъ выдумки досужихъ иностранныхъ разказчиковъ, особенно въ этнографіи. слѣдуетъ замѣтить, что наши географическія книги XVII вѣка были преимущественно переводныя.

Изъ географическихъ сочиненій наиболѣе извѣстны:

¹⁾ Рум. муз. № 12.

²⁾ Опис. Толстова, I, 186.

³⁾ Тамъ же, I, 17.

⁴⁾ Библ. Солов. II, 431—435.

⁵⁾ Тамъ же, № 436.

⁶⁾ Тамъ же, № 444—447.

⁷⁾ *Пекарскій*, Наука и литер. при Петрѣ Вел., I, стр. 256.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 220.

⁹⁾ *Картовъ*, Азбуковники, стр. 118—217. Здѣсь описаны самыя статьи и сдѣланы обстоятельныя изъ нихъ извлеченія.

¹⁰⁾ Опис. рукоп. Толстова, I, 56. Рум. муз. № 365.

¹¹⁾ Библ. иностр. писат., стр. 47.

Географическіе очерки *Меркатора*, явившіеся на Западѣ въ концѣ XVI в.; въ переводахъ, отрывкахъ и сокращеніяхъ они встрѣчаются у насъ въ рукописяхъ XVII вѣка, во многихъ экземплярахъ ¹⁾.

«*Козмы Индикоплова*, книга о Христвѣ, обнимающа весь міръ». Это переводъ географической книги писателя VI вѣка Козмы Индикоплова (*Indicopleusta*). Авторъ строго держится указаній св. писанія, которыя онъ понимаетъ по своему, и утверждаетъ, что земля четырехугольна, окружена океаномъ, а небо прикрѣплено къ землѣ полукругомъ. Перев. 1495 года.

«Книга, именуемая *космографія*, размѣреніе и росписаніе всеа земли противъ столпцевъ и знаменъ въ кругахъ небесныхъ» (1580 г.). Здѣсь, кромѣ описанія странъ, есть и историческія свѣдѣнія; русская исторія оканчивается 1507 годомъ ²⁾.

«*Космографія*», сірѣчь всемирное описаніе земель во едино пребываніе и знаменованіе во кругахъ небесныхъ».

Послѣ понятія о географіи пишется: сіе описаніе земли и моря и елицы въ коихъ странахъ нравы, и колико въ коихъ странахъ озеръ и рѣкъ, и что всякихъ въ коемъ государствѣ угодій, изъ древнихъ памятныхъ книгъ выписано еще древними мудрыми писателями ³⁾.

Виніусу принадлежитъ составленіе «*Поверстника*», подъ заглавіемъ «О столицахъ нарочитыхъ городовъ, и славныхъ государствъ, и земель, и острововъ, и проливовъ и знатныхъ мѣсть сухими и водными путями, колико имуть разстояніе російскаго государства отъ первопрестольнаго его царскаго величества града Москвы по размѣру книги, именуемая вожныхъ мѣръ и иныхъ». М. 1667 года.

Виніусъ былъ человекъ просвѣщенный, имѣлъ обширныя знанія и обращалъ вниманіе на исправленіе нравственности народа и на воспитаніе дѣтей; онъ былъ искусный дипломатъ и знатокъ горнаго дѣла.

«*Филиппа Кловерія* введеніе во всю географію». Въ патриаршей библіотекѣ хранятся переводы космографій Еп. *Славинецкаго*, его сотрудника *Исаи* и Арс. *Сатановскаго* (1661—65) ⁴⁾.

«*Космографія Мартина Бѣльскаго*» ⁵⁾, появившаяся въ 1550 г., переведена въ 1575 г.; въ иныхъ спискахъ называется «*Всемирною хроникой*».

«*Описаніе Китайскаго государства*» ⁶⁾. *Описаніе* о Персидскомъ государствѣ и тѣхъ жителей ⁷⁾. *Описаніе* Голландіи и города Амстердама ⁸⁾.

Описаніе Сибири въ 1658—83 г. ⁹⁾. *Писцовыя книги* служили для описанія Россіи, хотя въ цѣляхъ не научныхъ, но государственныхъ. Краткое описаніе космографіи *Силвестра Медведова*. Но особеннымъ вниманіемъ пользовались у нашихъ предковъ описанія св. земли. Со времени игумена Данила, на Руси много было паломниковъ, и нѣкоторые изъ нихъ оставили описанія своихъ путешествій,

¹⁾ Пекарскій, т. I, стр. 334. Рум. муз. № 273, перев. относ. къ 1630 г.

²⁾ Толстова, т. I, 210.

³⁾ Пекарскій, Наука т. I, стр. 337.

⁴⁾ Пекарскій, стр. 337.

⁵⁾ Опис. рук. Толстова, I, 205, 206.

⁶⁾ Толстова, I, 162.

⁷⁾ Тамъ же, I, 246.

⁸⁾ Рум. муз., 292.

⁹⁾ Тамъ же, 294.

таковы: іеромонахъ *Зосима* (XV в.), *Трифонъ Коробейникъ*, *Юрій Грековъ* (XVI в.), іеродіаконъ *Іона* (XVII в.). Извѣстны путешествія въ Цареградъ Смоленскаго діакона *Инатія*, дьяка *Александра* (XIV в.). Изъ описаній путешествій русскихъ людей въ другія страны дошли до насъ—путешествіе іеромонаха *Симеона Суздальскаго* въ Италію (XV в.), тверскаго купца *Аванасія Никитина* въ Индію (XV в.), путешествія въ Китай *Ивана Петрова* и *Бурнаша Ельчова* (XVI в.).

Богаты географическими свѣдѣніями палеи, хроники и хронографы, куда вносились географическія описанія изъ хроникъ Манассіи, Амартола, Зонары, Малалы и западно-европейскихъ космографій и географій, и весьма обильны географическимъ матеріаломъ наши азбуковники—алфавитари ¹⁾. Вообще пожаловаться на недостатокъ географическихъ свѣдѣній въ до-Петровскую эпоху нельзя. Изъ литературы этого предмета видно, что наши предки живо слѣдили за тѣмъ, что являлось по географіи на Западѣ.

При описаніи странъ описывались и народы, причемъ, на ряду съ истинными свѣдѣніями, помѣщались и баснословныя сказанія, источникомъ которыхъ считаютъ Александрію. По предположенію Попова ²⁾, баснословныя сказанія изъ хроники Малалы, а также лавсанковъ и Египетскихъ патериковъ перешли въ наши хронографы и азбуковники; позднѣе такія-же сказанія попадали къ намъ изъ хроники (космографіи) Бѣльскаго и другихъ западныхъ источниковъ ³⁾. Отсюда и пошли удивительные рассказы о людяхъ съ песьими головами, одноглазыхъ, андрогинахъ, исатыряхъ, птапесахъ, иподесахъ, троглодитахъ и другихъ, съ невѣроятными свойствами и привычками. Наши предки довѣрчиво выслушивали рассказы, въ наивной увѣренности, что заморскіе рассказчики сами видѣли то, о чемъ пишутъ.

Естествовѣдѣніе въ древности называлось «физиологіей», по буквальному смыслу, ученіемъ о природѣ, куда относились свѣдѣнія о царствахъ минеральномъ, растительномъ и животномъ, а также о лечебныхъ средствахъ. За недостаткомъ научныхъ данныхъ не только у насъ, а и въ Западной Европѣ, свѣдѣнія эти нерѣдко имѣли характеръ баснословный. Таковы сказанія о свойствахъ самоцвѣтныхъ камней, изъ животныхъ—объ аспидѣ, саламандрѣ, китоврасѣ, фениксѣ, струфокамнѣ и под. Но не мало встрѣчается при этомъ и свѣдѣній достовѣрныхъ ⁴⁾. Азбуковники наполнены этими сказаніями, что свидѣтельствуетъ о любознательности нашихъ предковъ.

По этому отдѣлу сохранились: «Книга, глаголемая *прохладный вертоградъ*—о различныхъ врачевскихъ вещахъ, ко здравію человѣческому пристоящихъ ⁵⁾. Въ 340 главахъ здѣсь говорится «о птицахъ, къ лекарству угодныхъ, о мясѣхъ всякихъ, о водахъ, о рыбахъ рѣчныхъ и морскихъ, о пчелѣ, и о меду, и о воскѣ, о заморскихъ и русскихъ зеліяхъ, о древесѣхъ, о травахъ и о водахъ изъ травъ перепущенныхъ» и проч. Это цѣлая энциклопедія.

Лечебниковъ рукописныхъ было много. Были книги и по технологіи, преимущественно военной, напр. («О предуготовленіи вещей къ войнѣ надобныхъ—о

¹⁾ См. Изслѣдованіе *Карпова* объ Азбуковникахъ, стр. 229—260.

²⁾ *Поповъ А.*, Обзоръ хронографовъ русск. ред., I, стр. 29.

³⁾ См. у *Карпова* обстоятельное изложеніе баснословныхъ сказаній о дивныхъ народахъ стр. 251 и д.

⁴⁾ См. у *Карпова*, стр. 259 и до конца.

⁵⁾ Рум. муз., № 263.

стрѣльбѣ—и огненныхъ хитростяхъ»¹⁾; были и хозяйственные книги, напр., «Наука о конскомъ заводѣ»²⁾ и т. под.

По философіи, политикѣ и праву отъ XVII вѣка сохранились слѣдующіе рукописные переводы:

«Самуила Пуфендорфія о законахъ естества и народовъ, книги 2, 3, 6, 7; Гуго Гроція «О законахъ брани и мира три книги»; Томаса Бурнета, «Священная теорія земли, обдерживающая начатокъ и общественныя премѣнности нашего міра, которыя возымѣлъ уже, или впредь возымѣтъ; наставленіе царя о твореніи совѣтовъ и избраніи совѣтниковъ». Съ италіанскаго —Фридерика Коріоляни.—На Аргеніи Іоанна Баркляя дискурсъ».

«Эрнеста Гоккслия философа, о европейскихъ царѣхъ и о ихъ величествѣ преизящныхъ нравахъ, и даже до послѣднихъ нравовъ нашихъ подобозное описаніе, тщаніемъ Гобелія сочинися». — «Советы на сокровищное хранилище гражданское, церковное, воинское и собственное... выданные чрезъ Максимилиана Фауста Ашауенбургскаго». «Новоумноженный политическаго счастья ковачъ», Христіана Ф.—Бесселя. «Іоанна Павла Фельсингера—Дискурсы политичныя о всѣхъ образѣхъ владѣтелей добрыхъ и поврежденныхъ, и о иныхъ нѣкоторыхъ матеріалахъ, подлежащихъ къ ученію политичному»³⁾.

«Книга Сѣверина з Монзамбана (Пуфендорфа) о статѣ государства нѣмецкаго». — «І. К. Бекмана о частяхъ владѣтельскихъ 20 бесѣдъ». — Павла Марпургера, вновь объявленный купеческій судъ». Сочиненія греческихъ философовъ были знакомы нашимъ предкамъ,—ссылки на Платона и Аристотеля въ сочиненіяхъ той эпохи встрѣчаются нерѣдко.

Что касается седьмой мудрости—*астрономіи*, то, конечно, ее еще не было у насъ въ XVII вѣкѣ въ смыслѣ науки; свѣдѣнія о звѣздномъ небѣ, о вращеніи земли, о затменіяхъ и т. п. встрѣчаются въ космографіяхъ и календаряхъ. Изъ послѣднихъ извѣстны слѣдующіе:

«Математическихъ хитростныхъ тонкостей календарь на 1697 г., въ немъ же описуется купно съ провѣщаніемъ и о солнечномъ бѣгѣ и о высотѣ въ великости онаго, такожь и объ основательномъ счисленіи солнечныхъ и мѣсячныхъ знаменій». П. Ганкена, перев. Шафпрова.

«Царю напяснѣйшему и великому Государю Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя и бѣлыя Руси Самодержцу и прочая—годовой *разпись* или *мѣсечило*. 1670 г. Здѣсь даны объясненія фазъ луны; потомъ идетъ мѣсяцесловъ, съ указаніями именъ греческихъ и латинскихъ. Числа мѣсяцевъ отмѣчены по старому и новому стилю. Есть и предсказанія не только погоды, но и политическихъ событій. Петръ В., просматривавшій эти предсказанія, сдѣлалъ на нихъ любопытныя помѣты.

Извѣстенъ еще переводъ календаря Фохта (съ нѣмецкаго) на 1684 г. и на 1691 г. Послѣдній озаглавленъ такъ: «І. Г. Фохта, королевства швейскаго математика, различныхъ исторій календарь». Здѣсь тоже есть предсказанія и статьи: «предобъявленіе звѣздосмотрительно, вѣстоимательно къ историческому календарю,

¹⁾ Толстова, I, 68.

²⁾ Рум. муз., № 282.

³⁾ Пекарскій, I, 255 и д. рукоп. въ публ. библ.

о затмѣніяхъ, о пожарахъ, о плодахъ и неплодіи земномъ, о здравіи и болѣзняхъ, о войнѣ и мірскихъ дѣлахъ, гисторія или вѣстоописанія, о рудометаніи и какъ овощи садить».

Его же календарь на 1695 г. и 96. Календарь *Словаковича* на 1698 г. и др. ¹⁾.

Собственно литературнымъ (беллетристическимъ) чтеніемъ предки наши интересовались мало, да и матеріала для этого чтенія было немного. Кое-что однако переводилось, преимущественно нравственнаго характера. Таковы переводы Виніуса.

«*Избраніе* отъ святыхъ божественныхъ и царственныхъ книгъ». Москва 1667 г., сост. Андреемъ Виніусомъ. Здѣсь, кромѣ нравственныхъ наставленій, заключаются историческіе рассказы.

«*Зрѣлище* житія человѣческаго, въ немъ же пзяснены суть дивныя бесѣды животныхъ (въ басняхъ) со истинными къ тому приличными повѣстями, въ поученіе всякаго чина и сана человѣкомъ», «новопреведено» А. Виніусомъ. М. 1674 г. Переводъ съ швецкаго.

Здѣсь переводчикъ пишетъ: «зѣло дивно размышляти, како всемогущій Господь Богъ не точію кійждому животну свойство и природу дарова, но въ нѣкоторыхъ отъ нихъ изрядные обычаи и нравы насадилъ есть, которые безсловесные не точію человѣкомъ въ пищу, но и во многія потребности годствуютъ; еще же отъ сихъ научиться можетъ, яко зря на безсловесныя достойтъ намъ житіе свое и нравы злбные исправляти,—пже не многіе ли видимъ сврѣпѣйше львовъ и гнѣвливѣ медвѣдей, инше же нечестивѣйше свиней, овыхъ же неблагодарнѣйше псовъ, иныхъ-же гордѣйше павлиновъ ²⁾».

Особою извѣстностію пользовалось сочиненіе «*Диоптра* или зеркало живота въ мірѣ семъ человѣческаго». Переводъ съ греческаго, прозой и стихами. Печаталось сперва въ Эвю (1612 г.), потомъ въ Вильнѣ и Эвю (1614 г.), дважды въ Кутенскомъ монастырѣ (1651—54 г.) и въ Могилевѣ (1698 г.). Основная мысль Диоптры—аскетическое отверженіе міра:

«Ниже кто Христу любезный бываетъ.

Развѣ сей, иже міръ презираетъ.

Никтоже можетъ Бога любить,

Или Аще себе міръ не хочетъ презрѣти».

Читался еще «*Виноградъ Христовъ*». Кіевъ. 1695 г.; большею же частію читался сборники.

Но въ XVII вѣкѣ Западъ награждалъ Русь сочиненіями и другого направленія. Появились переводы «Римскихъ дѣяній», новеллъ Боккачіо и Декамерона; появились повѣсти не всегда скромнаго содержанія, рыцарскія исторіи, «Шутки (Facetiae), или «Жарты польскіе», «Повѣсть о женѣ, обольстившей мужа, яко ввержена въ кладезь», «Повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился съ другимъ о добродѣтели жены своея», «Персидской крѣпкой доль», «повѣсти смѣхотворныя» и т. под.

Въ переводчикахъ у насъ не было недостатка. При дворѣ Алексѣя Михайловича было 50 переводчиковъ, 70 толмачей, хорошо владѣвшихъ иноземными язы-

¹⁾ Пекарскій, Наука и литер., I, стр. 287.

²⁾ Пекарскій, I, 200 стр.

ками ¹⁾; но многіе изъ нихъ были обрусѣвшіе поляки и иноземцы, чуждые духу нашего образованія. «Легкая литература» XVII вѣка была плодомъ польскаго вліянія. Многіе переводы дѣлались прямо съ польскаго, о чемъ переводчики и заявляли.

Эта-то литература, вмѣстѣ съ сочиненіями протестантскаго и католическаго характера, и внушала опасенія ревнителямъ православія, заставляла ихъ сплотиться и вступать въ борьбу съ латинскимъ образованіемъ. Православіе никогда не отрицало науки, но оно не мирилось съ гнилыми плодами вѣшной образованности, чуждой русскому народу, его преданіямъ, его исторіи. При томъ же взглядъ нашихъ предковъ на «книжное ученіе» всегда былъ идеальнымъ. Стоило-ли учиться грамотѣ, чтобы читать «Польскіе жарты»!

Время было тревожное. Наплывъ западныхъ идей грозилъ чистотѣ православія, и представители его бодрствовали ²⁾. Они содѣйствовали развитію образованія, приобрѣтенію знаній, но тщательно отдѣляли зерно отъ мякины, истину отъ лжи. Въ этомъ ихъ великая заслуга.

Краткій и, конечно, неполный очеркъ литературы разсматриваемой эпохи наглядно наказываетъ, какъ русская школа, руководимая церковію, развивалась и крѣпла, дѣлала успѣхи и достигала высшихъ формъ.

Принято XVIII-й вѣкъ считать началомъ нашей европейской жизни, нашей научной образованности, началомъ сближенія съ культурою Запада; но внимательное изслѣдованіе XVII вѣка показываетъ, что русскіе и тогда уже не были дикарями, отсталыми, что они знали Европу и ея культуру, многимъ пользовались, но шли свободно, самобытно, безъ принужденія, къ образованію, не порывая связи съ своимъ прошлымъ и съ исторіей,—шли осторожно, обдуманно, хотя и не торопливо...

Школа церковная была руководительницей этого медленнаго спокойнаго, по твердаго и величаваго движенія. Она шла рука объ руку съ жизнью, отвѣчала на ея запросы, удовлетворяла ея требованіямъ, никогда не измѣняя своему коренному духу—православной церковности, въ чемъ и была ея сила. Школа эта до Петра никогда не была *спеціальною*; даже и академія была общеобразовательною, хотя руководилась духовными лицами; школа эта, чуждая утилитарности, всегда служила удовлетворенію высшихъ религіозно-нравственныхъ потребностей народа, она была вполнѣ *просвѣтительнымъ* учрежденіемъ; но образуя умъ и сердце человѣка, сообщая ему прочныя религіозныя и нравственныя убѣжденія, воспитывая его волю въ добрыхъ навыкахъ, проникнутая духомъ православной церкви и народности, она приготавливала дѣятелей для всѣхъ поприщъ служенія общественнаго и государственнаго. Достигала она этого самыми *простыми* средствами. Въ ней не было *многочуція*. Курсъ ея не великъ по объему, но глубокъ по содержанію. Еслибы въ исторіи

¹⁾ Изъ переводчиковъ XVII вѣка пользовались извѣстностію: Дмитрій Герасимовъ толмачъ и схоластикъ, Федоръ Гозвинскій, Иванъ Эльмстонъ (Helms), знавшій превосходно всѣ европейскіе языки, Келлерманъ (врачъ), Ник. Спафарій (1673 г.), Авраамъ Фирсовъ (1683 г.), Стахій Гадзловскій (1685 г.), братья Виніусы, Касперъ Ивановъ, Юшка Вицентовъ, Лукашъ Магнусовъ и др.

²⁾ Въ XVII в. даже книги, присылаемыя изъ Греціи, принимались съ такою же осторожностію, какъ и получаемыя изъ Малороссіи, а отъ прибывавшихъ грековъ требовалось, чтобы они были «крѣпцѣ въ вѣрѣ свидѣтельствовани»: Извѣстно, что по «привилегіи на академію» учителя греки допускались не иначе, какъ по свидѣтельству въ православіи, подписанному вселенскими патріархами и «по крѣпкому въ Россіи освидѣтельствованію, дабы кто изъ нихъ такожде не содѣлалъ, якоже прежде еретникъ Исидоръ митрополитъ».

этой школы не было внезапнаго, насильственнаго перерыва, то, быть можетъ, Русь имѣла бы нынѣ свою самобытную систему обученія, не похожую на западно-европейскую, не уступающую ей въ научномъ отношеніи, но болѣе сильную, живую, объединяющую весь народъ, основанную на вѣчно живыхъ началахъ вселенской истины... Равенство образованія, соединившее всѣ сословія до-Петровской Руси въ одно цѣлое, было нарушено реформами XVIII вѣка,—народъ остался при старой школѣ, которая, безъ всякой поддержки и даже тѣсняемая правительствомъ, стала упадать количественно и качественно; высшія сословія пошли *другимъ* путемъ, усвоивъ себѣ если не духъ, то формы европейской образованности... Естественный ходъ русскаго образованія былъ прерванъ. Новое образованіе отдѣлило народъ отъ высшихъ сословій. Связующая тѣхъ и другихъ нить порвалась.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Источники и пособія для исторіи нашей школы и образованія на Руси до-Петровской.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Изд. Археогр. комиссіи. 1841—65.

Лѣтопись Русская по Никонову списку. Спб. 1767.

Лѣтопись Нестора по Лаврентьевскому списку. 1846.

Лѣтописецъ Новгородскій. М. 1781 г.

Лѣтописецъ русскій. Спб. 1792 г.

Лѣтописецъ царственный. Спб. 1772 г.

Лѣтописецъ царя Ивана Васильевича. Спб., 1769 г.

Лѣтопись по Ипатскому списку. 1871 г.

Псковская лѣтопись. Изд. Погодина. М. 1837 г.

Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ Русскую исторію съ 862 до 1598 г.

Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. М. 1813—28 г.

Акты, собр. въ бібліотекахъ и архив. Росс. Имп. 4 т. Спб. 1836 г.

Акты историческіе, изд. Археографическою комиссіей. 5 т. Спб. 1841—42.

Дополненіе къ историческимъ актамъ. Спб. 1846—69 г.

Указатель къ Актамъ Археогр. экспедиціи. Спб. 1838 г.

Акты отдѣленія русской и славянской археологій. Изд. Археол. Общ. Спб. 1851 г.

Шафарикъ, Славянскія древности. Пер. Бодяцкаго. М. 1848 г.

Достопамятности русскія. 11 выпусковъ. 1844 г.

Акты, относящіеся къ исторіи Юго-Западной Россіи. 5 т. Изд. 1846—53 г.

Архивъ Юго-Западной Россіи. Кіевъ. 1859—61 г. (I—IV т. до соединенія Кіевской митрополіи съ Московскою).

Лѣтописный разсказъ событій Юго-Западной Руси отъ ея начала до половины XIV вѣка. М. 1871 г.

Несторъ, Русскія лѣтописи, переведенныя и объясненныя Шлецеромъ. Спб. 1816 г.

Памятники старинной русской литературы, изд. гр. К.-Безбородко. 1860—62 г.

Памятники XVII в. Собралъ и издалъ Мушановъ. М. 1834 г.

Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи С.-Западной Руси. Вильна. 1869—70 г.

Домострой Сильвестровскаго извода. Подъ ред. Чудинова. Спб. 1891 г.

Книга Степенная царскаго родословія, содержащая исторію Россійскую, съ начала оныя до временъ государя царя и в. к. Иоанна Васильевича. Соч. м. Кипріяна и Макарія. Изд. 1775 г. М.

Патерикъ Печерскій. Печат. въ Кіевѣ. 1661 г.

Срезневскій, Памятники и образцы народнаго языка и словесности русскихъ и западныхъ славянъ. Спб. 1856 г.

Сочиненія пр. Максима Грека. Каз. 1859—94 г. 3 тома.

Стоглавъ. Съ предисловіемъ. Казань. 1887 г.

- Древніе памятники русскаго письма и языка.** *Изв. 2 отд. Ак. Наук, X.*
- Пономаревъ**, проф., Памятники древне-русской ц.-учительной литературы. Спб. 1894 г.
- Авты**, относящіеся до исторіи Южной и Западной Россіи. Изд. Археогр. комиссіи. Спб. 1861—65 г.
- Калайдовичъ**, Памятники російской словесности XII в. М. 1821 г.
- Снегиревъ**, Памятники Московскихъ древностей. М. 1842 г.
- Макарія м. Великія Четы-миней** (вышло 6 кн.).
- Памятники стариннаго русскаго воспитанія.** *Н. Лаеровскаго.* 1861 г.
- Курбскій**, Сказанія. Изд. Устрялова. Спб. 1842 г.
- Зубрицкій**, Повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной и Галицкой Руси. Пер. Бодянского. М. 1845 г.
- Хожденіе пугмена Данила** (1106—1107 г.). Изд. Пр. Палест. Общества.
- Кошкхинъ** о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Современная записка. Спб. 1840 г.
- Крижаничъ Ю.**, Русское Государство въ половинѣ XVII в. 1859 г. Рукопись времени Алексѣя Михайловича.
- Арцыбашевъ**, О первобытнот Россіи. Спб. 1809 г.
- Арцыбашевъ**, Сводъ лѣтописей. М. 1834—40 г.
- Григоровичъ**, Переписка папъ съ Россійскими государями въ XVI в. Спб. 1834 г.
- Памятники**, изд. Врем. комис. для разбора др. актовъ. Кіевъ, 1844 г. Изд. 2. Т. I—II.
- Величко** (Самуилъ), Лѣтопись событій въ Юго-Западной Россіи въ XVII в. Кіевъ. 1857 г.
- Горскій**, Жизнь Курбскаго. Каз. 1858 г.
- Закревскій**, Лѣтописное описаніе Кіева.
- Везононовъ**, Русское государство въ пол. XVII в. М. 1859 г.
- Библиотека иностранныхъ писателей о Россіи.** Спб. 1836 г.
- Библиотека Россійская историческая**, содержащая древнія лѣтописи и всякія записки. Спб. 1767 г.
- Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи**, изданныя Археографической комиссіей. *Regum rossicarum scriptores exteri.* Спб. 1854 г.
- Ключевскій**, Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ. Спб. 1866 г.
- Середонинъ С.**, сочиненія Джильза Флетчера „Of the russe common wealt“, какъ историческій источникъ. Спб. 1891 г.
- Наумовъ**, Заслуги Владиміра и Ярослава въ отношеніи къ умственному образованію русскихъ. „Архивъ“ Калачева. 1850 г.
- Руцинскій**, Религіозный бытъ Русскихъ у иностранцевъ XVI—XVII в. *Ут. Общ. Ист. и дресн. Росс.* 1871 г. кн. III.
- Маржеретъ**, Состолніе Россійской державы В. княжества Московскаго. Спб. 1830 г.
- Древняя Россійская Вивліоенка**, содержащая въ себѣ собраніе древностей російскихъ. М. 1788—91 г.
- Продолженіе древней Р. Вивліоенки**, съ примѣч. Татищева. Спб. 1786—1801 г.
- Древняя Р. Вивліоенка**, изд. Новиковымъ. Спб. 1773—75 г.
- Забѣлинъ**, Домашній бытъ русскихъ царей XVI—XVII в. М. 1862 г.
- Костомаровъ**, Очеркъ домашней жизни великорусскаго народа въ XVI—XVII в. 1860 г.
- Востоковъ**, Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музея. Спб. 1842 г.
- Горскій и Невоструевъ**, Описаніе рукописей Московской Синодальной бібліотеки. М. 1855 г.
- Калайдовичъ и Строевъ**, Описаніе рукописей бібліотеки гр. Толстого. 1825 г.
- Викторовъ А.**, Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи. Спб. 1890 г.
- Карповъ А.**, Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по синскамъ Соловецкой бібліотеки. Каз. 1878 г.
- Бычковъ Ае.**, Описаніе рукописей И. Публичной бібліотеки.
- Сахаровъ**, Обзорніе славяно-русской бібліографіи. Спб. 1849 г.
- Сопиковъ В.**, Опытъ Россійской бібліографіи. 6 ч. Спб. 1813—21 г.
- Ундольскій**, Каталогъ славяно-русскихъ книгъ. Кастерини. Въ *Ут. М. Общ. Ист. и др.* 1848 г.
- Филаретъ арх.**, Обзоръ русской духовной литературы. 1863 г.
- Описаніе рукописей** библ. Хлудова, сдѣланное проф. *Поповымъ.*
- Строевъ П.**, Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ купца Царскаго. М. 1836 г.
- Роспись** книгамъ и рукописямъ Россійской Академіи. Спб. 1840 г.
- Чечулинъ Д.**, Нѣсколько данныхъ о книгахъ Московскаго государства XVII вѣка. Спб. 1889 г.
- Описаніе** рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библ. Казанской Дух. Академіи. 2 т. Казань. 1881 г.

Допаревъ, Описание рукописей Им. Общ. люб. др. письменности. Спб. 1892 г.

Строевъ П., Обстоятельное описание старопечатныхъ книгъ, библиогр. Толстого. М. 1829 г.

Срезневскій, Древне-русскія книги. 1861 г.

Буприановъ И., Обзоръ пергаментныхъ рукописей Новгородской Софійской библиотеки. Спб. 1857 г.

Указатель къ изд. Твор. Св. Отцовъ и прибавленій за 20 л. 1863 г.

Антоній архіепископъ Финл. Изъ исторіи христіанской проповѣди. Очерки и послѣдованія. Спб. 1895 г. Изд. 2.

Владимировъ П., Начало славянскаго и русскаго книгопечатанія въ XV и XVI в. Кіевъ. 1894 г.

Хрущовъ, Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Иосифа Санипа, иг. Волоцкаго. Спб. 1868 г.

Архангельскій А., Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ; ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Спб. 1882 г.

Архангельскій А., Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Казань. 1889 г.

Архангельскій А., Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII в. 1888 г.

Ждановъ, Бесѣда трехъ святителей и юса монаховъ. Ж. Мин. Нар. Пр. 1892 г., янв.

О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII в. Приб. къ Твор. Св. Отцовъ. 1845 г., ч. III.

Влючевскій, Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871 г.

Калугинъ Ѡ., Зиповій, ннокъ Отенскій и его богословско-полюмическія и церковно-поучительныя произведенія. Спб. 1894 г.

Никольскій М., Григорій Сѣвѣрскій, Очеркъ изъ исторіи духовнаго просвѣщенія въ концѣ XVII в. Правосл. Обзор. 1862 г. XI.

Нилскій Н., Преподобный Максимъ Грекъ, исповѣдникъ просвѣщенія въ XV в. Христ. Чит. 1862 г. III.

Николаевскій П., свящ., Русская проповѣдь въ XV—XVI в. Ж. Мин. Нар. Пр. 1868 г.

О почитаніи вниземъ въ древнія времена Руси. Пр. Собес. 1858 г., № 6—7.

Некрасовъ И., Пахомій Сербъ, писатель XV в. Записки Новор. Унив. т. VI.

Никольскій Н., О литературныхъ трудахъ м. Климентя Смолячича. (XII в.). Спб., 1892 г.

Цвѣтаевъ Д., Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ. М. 1887 г.

Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ Великомъ.

— Въ 1-й части этого труда есть свѣдѣнія о литературѣ XVII в.

Образцовъ І., Братья Лихуды. М. нар. пр. ч. СХХХV.

Татарскій І., Симеонъ Полоцкій. М. 1886 г.

Преображенскій И., Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI в. М. 1881 г.

Пекарскій П., Представители Кіевской учености въ половинѣ XVII в. Отч. Зап. 1862 г. II—III.

Шляпкинъ И., Св. Димитрій Ростовскій и его время. Спб. 1891 г.

Пыпинъ А., Очерки изъ старинной русской литературы. От. Зап. 1855 г. № 2, 9, 12.

— Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскіхъ. Учен. Зап. II отд. И. Академіи Наукъ. 1858 г. кн. IV.

Вадковскій А., Константинъ, Еп. Болгарскій. Прав. Собес. 1882 г. I.

Калайдовичъ, Іоаннъ, Экзархъ. 1821 г.

Жмакинъ В., Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. М. 1881 г.

Прозоровскій А., Сильвестра Медвѣдева созерчаніе краткое лѣтъ 7190—2, въ нижже что содѣяся въ гражданствѣ. М. 1894 г.

Пѣтуховъ Е., Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII в. Спб. 1888 г.

Сахаровъ, Сказанія русскаго народа. 2 т. 1841—48 г.

Лешковъ, Русскій народъ и государство. Исторія русск. общественнаго права до XVIII в. М. 1858 г.

Сухомлиновъ, О языкознаніи въ др. Россіи. Зап. И. Ак. Наукъ. 1854 г. I.

Смирновъ К., Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. М. 1855 г.

Лавровскій Н., О древне-русскихъ училищахъ. Харьковъ. 1854 г.

Хмыровъ М., Училища и образованность на Руси до-Петровской. Народная школа 1869 г. № IV—X.

Соболевскій проф., образованность Московской Руси XV—XVII в. 1892 г.

Мордовцевъ Д., О русскіхъ школьныхъ книгахъ. XVII в. М. 1862 г.

Погодинъ М., Образованіе и грамотность въ древнемъ періодѣ русской исторіи. Ж. М. Пр. 1871 г. 153 т.

Вессель Н., Начальное образованіе и народныя училища въ З. Европѣ и въ Россіи. Рус. школа, 1889—90 г.

Владимірскій-Будаковъ, Государство и нар. образованіе въ Россіи съ XVII в., до учрежденія министерствъ, 1874 г.

Бѣляевъ И., Общественное значеніе христіанской церкви на Руси до Монголовъ. Ж. М. Пр. 1856 г. № 7.

Арсеньевъ А., Исторія послыки первыхъ русскихъ студентовъ за границу при Борнелъ Годуновѣ. Спб. 1887 г.

— О вліяніи Греціи на развитіе гражданскаго образованія древней Руси. *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1841 г. Январь.

Поповъ А., Вліяніе церковнаго ученія въ древне-русской духовной письменности на міросозерцаніе русскаго народа и въ частности на нар. словес. до-Петровскаго періода. 1884 г.

Прилежаевъ Е., Чтеніе книгъ въ древней Руси и вліяніе его на умственную жизнь народа. *Дух. Бесѣда*, 1873 г. т. 1, 8, 9.

Мирковичъ Гр., О школахъ и просвѣщеніи въ патриаршіи періодъ. *Ж. М. Нар. Пр.* 1878 г. т. СХСVIII.

Прилежаевъ Е., Школьное дѣло въ Россіи до Петра Великаго. *Странички*, 1881 г., янв.—мартъ.

Лукашовичъ П., Къ вопросу объ Острожской школѣ XVI в. *Воц. Еп. Вѣд.*, 1881 г., 23—26.

Лебедевъ Н., Историческій взглядъ на учрежденіе училищъ, школъ (?) учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ, послужившихъ къ образованію русскаго народа съ 1025 по 1885 г. Изд. 2. 1875 г.

— Изданіе это представляетъ неполный, поверхностный перечень возникновенія разныхъ просвѣтительныхъ учреждений по годамъ. Сочиненіе не соотвѣтствуетъ заглавію, ибо никакого *взгляда* не представляетъ. Много грубыхъ невѣрностей.

Лебедевъ С., Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и устройство училищъ въ Россіи. 1848 г.

Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи. *Прав. Собес.* 1862 г. I.

Учебныя заведенія Литвы до присоединенія ея къ Россіи. *Ж. М. Н. Пр.*, отд. оттискъ.

— Ст. написана по поводу двухъ польскихъ сочиненій Балинскаго „Вил. акад.“ и Лукашевича „Ист. училищъ въ Польшѣ и Литвѣ съ древнихъ до 1794 г.“, и заключаетъ много интересныхъ фактовъ.

Бодянский І., О времени происхожденія славянскихъ письменъ. М. 1855 г.

Филаретъ Черниг., О старинныхъ школахъ, богадѣльняхъ и братствахъ. *Черниг. Еп. извѣст.* 1862 г. сент.

Содѣйствіе духовенства просвѣщенію русскаго народа въ древнія времена. Руководство для сельскихъ пастырей. 1161; 13.

Соловьевъ С., Нравы и обычаи Руси до Монголовъ *Чт. Общ. ист. и др.* 1846 г.

Рудневъ, О воспитаніи въ Россіи въ XVI и XVII в. *Библ. для чтенія*. 1855 г. № 8.

Попеченіе отечественной церкви о внутреннемъ благоустройствѣ русскаго гражд. общества въ XIII—XV в. *Прав. Собес.* 1861 г. I.

Объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена Россіи. Православный Собесѣдникъ. 1860. 2; стр. 182—236.

— Эти источники были: сочиненія Иоанна Дамаскина: 1) богословіе, 2) грамматика и 3) диалектика. Шестодневъ экзарха болгарскаго, сборникъ Святослава, хроника греческія летописцевъ Иоанна Малалы и Георгія Амартола, хронографы, хроники, пчелы. Сочиненія Македма Грека. Алфавиты рѣчей и пр.

„О способахъ духовнаго просвѣщенія Россіи въ училищѣ“. *Прав. Собес.* 1858 г. № 1—2.

Рѣчь о состояніи въ Россіи древняго и нынѣшняго народнаго просвѣщенія. Изд. Акад. Наукъ. 1810 г.

Н. Вовъ, Идеаль древне-русскаго воспитанія. *Ж. для воспитанія*. 1858 г. № 2, 3, 6.

О просвѣщеніи Россіи при патриархѣ Іоаннѣ, какъ мѣрѣ противъ раскола. *Дух. бесѣда*. 1861 г. 40—41.

О значеніи религіознаго просвѣщенія. Воскресное Чтеніе. 1859 г. 34.

Наказаніе ко учителямъ, какъ имъ дѣтей учить грамотѣ... Изд. прот. *К. Никольскаго*. Спб. 1895 г.

Борисовъ В., Грамотность Шуявъ въ XVII ст. *Влад. Губ. Вѣд.* 1854 г. 40.

Боцяновскій Вл., Къ исторіи просвѣщенія въ древней Руси XVII в. Книги въ Устюгѣ Великомъ. Спб. 1892 г.

Историческій очеркъ общественнаго образованія въ Россіи, отъ основанія Руси до учрежденія университета. Велич...ій. Русскій Педагогическій Вѣстникъ. 1861 г. 4 (стр. 52—81).

Вовъ Н., Участіе правительства въ дѣлѣ народнаго образованія до Петра Великаго. *Сынъ От.* 1858 г. № 32—33.

Гастевъ М., О причинахъ, замедлявшихъ гражданскую образованность въ Россійскомъ государствѣ до Петра Великаго. 1832 г.

Древнерусскій взглядъ на личность начальнаго учителя. *Церк. Вѣдом.* 1894 г. № 33.

Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царей. М. 1862 г.

— „Характеръ древне-русскаго образованія“ *Отцы. Записки*. 1856 г. № 3.

— Разногласія по вопросу о народномъ образованіи М. 1859 г.

— О начальномъ образованіи до Петра Великаго. *Моск. Вѣд.* 1855 г. № 32—36.

- Извъковъ, Букварная система обученія въ XVII—XVIII в. *Семья и Школа*. 1872 г. № 5.
- Значеніе и достоинство христіанскаго просвѣщенія, по изображенію Нестора лѣтописца. *Воскресное чтеніе*. 1859. 24.
- Купріяновъ „Замѣтки для исторіи просвѣщенія въ Россіи“. *Спб. Вид.* 1862 г. № 163.
- Купріяновъ, Матеріалы для исторіи училищъ въ Россіи. *Журн. для воспит.* 1857. II.
- Кояловичъ, лекціи о Юго-Западной Россіи. 1864 г.
- Кояловичъ, М., Исторія русскаго самосознанія. Спб. 1893 г.
- Малышевскій, Св. Владиміръ, какъ первый учредитель школъ въ Россіи. *Ц.-приход. школа*. 1887 г. № 1.
- Марковъ, Вл., свящ. О народномъ образованіи въ древней Русіи. *Страникъ*, 1885 г., 5.
- Нѣсколько словъ о вѣрѣ въ народное просвѣщеніе Россіи. *Православный Собесѣдникъ*. 1859. 1.
- Татищевъ, Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, неуспынными трудами черезъ 30 л. собранная и описанная М. 1768—84.
- Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго.
- Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
- Погодинъ, Древне-русская исторія до Монгольскаго ига.
- Голубинскій, Е., Исторія русскої Церкви. 1-я пол. 1-го т. М., 1880 г.
- Знаменскій П., Руководство къ русской церковной исторіи. К. 1894.
- Макарій митр., Исторія русскої Церкви.
- Вестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. 1871 г.
- Филаретъ архіеп. Исторія Русскої церкви.
- Шевыревъ, Исторія русской словесности, преимущественно древней. 4 (части). 1858—60. (до нач. XVI в.).
- Порфирьевъ, Исторія русской словесности. 1870 г., т. I (отъ XI до XVIII в.).
- Миллеръ, Ор., Опытъ историческаго обзоренія р. словесности. 1866 г.
- Галаховъ, А. Исторія русской словесности (три тома) 1880 г.
- Буслаевъ, Ф. Историческая Христоматія. М., 1861.
- Амвросій, Исторія російской іерархіи. Изд. 2. Кіевъ. 1827 г.
- Вантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. М. 1836—1847. 8 т.
- Евгеній, М., Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. Спб. 1827 г.
- Архивъ. Изд. *Калачова*. Съ 1850 г.
- Русская Старина, изд. *Семевского*,
Архивъ Русскій, изд. при Чертковской библиотекѣ за 1863, 1864 и 1865 г.
- Тихонравовъ, Лѣтописи русской литературы и древн. съ 1859 г. 5 частей.
- Записки Имп. Академіи Наукъ II-го отд.
„Записки“ Археологическаго общества. 1853—59.
- Погодинъ, Рус. Историческій Сборникъ. 1837—44.
- Труды и лѣтописи общества ист. и древностей Россійскихъ. М. 1815—1837.
- Чтенія въ Импер. обществѣ исторіи и древн. Россійскихъ. М. 1846—48 г. и продолженіе чтеній подъ названіемъ „*Временникъ*“, изд. тѣмъ же обществомъ.
- Забѣлинъ, Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Моск. Унив. за 1815—1888 г.
- Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, „*Церковно-приходская школа*“ и почти всѣ духовныя журналы, особенно *Православный Собесѣдникъ*, *Творенія Св. Отцовъ*, *Христіанское Чтеніе*, *Труды Кіевской Академіи*, *Православное Обзореніе*, *Страникъ*, *Церковныя Видомости*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А. Русь Юго-Западная и Литовская.

	Стран.
I. Условія исторической жизни Юго-Западной Руси. Братства. Школы и образованіе въ XV—XVII вѣкахъ	3
II. Воспитаніе и обученіе въ братскихъ школахъ Юго-Западной и Литовской Руси	13

Б. Русь Восточная.

I. Школы и просвѣтительныя мѣры на Руси Московской, въ XV—XVI в.	24
II. Школы и образованіе на Руси XVII вѣка. (Въ патриаршій періодъ) .	48
III. Распространеніе на Руси грамотности въ XV—XVII в. Библиотеки. Всеобщность образованія по взгляду нашихъ предковъ	71
IV. Идеаль древне-русскаго воспитанія и воспитательныя мѣры въ XV—XVII в. на Руси до-Петровской.	79
V. Внутренняя организація школы XVII в. Правила поведенія учащихся. Школьные порядки и взаимныя отношенія учениковъ и учителей . . .	100
VI. Учебный курсъ, и обученіе въ древне-русской школѣ XV—XVII в. Учебная литература и матеріалъ для самообразованія русскихъ людей въ до-Петровское время	109
VII. Приложеніе. Источники и пособия для исторіи нашей школы и образованія на Руси до-Петровской.	139

Въ Конторѣ Редакціи „ЦЕРКОВНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

продаются слѣдующія изданія Редакціи:

1) Изъ моего дневника. I. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія во время путешествія по Аляскѣ и Алеутскимъ островамъ Преосвященнаго Николая, епископа Алеутскаго и Аляскаго. Спб., 1893 г. Цѣна 25 коп. безъ пересылки и 30 коп. съ пересылкою. II. Впечатлѣнія и замѣтки во время пребывания на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго и путешествія по Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Спб. 1894 г. Ц. 30 к. безъ пересылки и 40 к. съ пересылкою.

2) Главнѣйшія пѣснопѣнія божеств. литургіи, молебнаго пѣнія, паннихиды и всеношнаго бдѣнія, переложенныя для хора мужскихъ голосовъ С. В. Смоленскимъ. Вып. I. Пѣснопѣнія Божественной литургіи. Ц. 25 к., съ пер. 30 к. Вып. II. Постѣдованіе молебнаго пѣнія и паннихиды. Спб. 1893 г. Ц. 20 к., съ пер. 25 к. Вып. III. Пѣснопѣнія всеношнаго бдѣнія. Спб. 1893 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к. Книгопродавцы пользуются уступкою 10%.

3) Проектъ молитвеннаго дома-школы съ объяснительнымъ текстомъ, на веленовой бумагѣ, цѣна 5 коп., съ пересылкою 7 коп.

4) Примѣрные планы церковно-приходскихъ школъ, архитектора Н. Н. Никонова, на велен. бум., цѣна 5 коп., съ перес. 7 коп.

5) Чудо милости Божіей 17 октября 1888 года (стихотвореніе) А. С., цѣна въ бум. обложкѣ 10 коп., на пересылку 2 коп.

6) Новое знаменіе милости Божіей, на веленовой бумагѣ, ц. 10 к., съ пересылкою 12 коп.

7) Памяти протоіерея Іоанна Наумовича, въ бумажной обл., ц. 5 к., съ пересылкою 7 коп.

8) Православный пародный календарь, прот. Іоанна Наумовича, на 1890 г. Ц. 20 к., съ перес. 26 к., на 1891 г., ц. 30 к., съ перес. 38 коп.

9) Объ обществахъ трезвости (открытое письмо) С. А. Рачинскаго, цѣна 1 коп., съ пересылкою 3 коп.

10) Путешествіе англійской сестры милосердія въ Якутскую область для помощи прокаженнымъ. Цѣна 15 коп. съ перес.

11) Официальная часть „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1891, 1892, 1893 и 1894 гг., сброшюрованная въ отдѣльныя книги, ц. съ перес. 75 коп.

12) Полные экземпляры „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1888, 1889, 1890 и 1891 гг. продаются по цѣнѣ 1 р. 50 коп. за каждый годъ; за 1892, 1893 и 1894 гг. полныхъ экземпляровъ въ продажѣ не имѣется. На пересылку за каждый годъ высылается за 9 ф. по разстоянію.

13) Отдѣльные № № „Церковныхъ Вѣдомостей“ продаются по 10 к. безъ пересылки и 14 к. съ перес.

14) Подписная цѣна „Церковныхъ Вѣдомостей“ съ пересылкою 3 р., за границу 4 р. Подписныя деньги высылаются въ Хозяйственное, при Святѣйшемъ Синодѣ, Управленіе. Въ Москвѣ подписка принимается въ Синодальной книжной лавкѣ, на Никольской улицѣ.

Адресъ Редакціи и Конторы „Церковныхъ Вѣдомостей“: С.-Петербургъ, Конногвардейскій бульваръ, д. № 5, кв 7.